

Обречены по рождению...

По документам фондов:
Политического Красного Креста
1918-1922
Помощь политзаключенным
1922-1937

Издательство журнала
«ЗВЕЗДА»
Санкт-Петербург
2004

ББК 84. Р 2
Сб. 23

Государственный Архив Российской Федерации

Составители

Л. Должанская и И. Осипова

Подготовка текстов, комментарии и вступление

И. Осипова

Редакторы: *А. Арьев, А. Меленберг*

Обречены по рождению... По документов фондов: Политического Красного Креста. 1918-1922. Помощь политзаключенным. 1922-1937. – СПб: Издательство журнала «ЗВЕЗДА», 2004. — 576 с.: ил.

Материалы сборника относятся к репрессированному дворянству, которое после победы Октябрьской революции было официально объявлено вне закона как класс «бывших». Описанные в анкетах и письмах реалии жизни при большевиках, обстоятельства ареста, хода следствия, осуждения, последующих преследований и унижений в местах заключения и ссылок дают картину жизни «бывших», являясь бесценным свидетельством той страшной эпохи. Представлены анкеты заключенных Бутырской тюрьмы (с 1918 по 1922 год), письма из тюрем, концлагерей и ссылок, отправленные заключенными или их родственниками в Помполит или лично Е.П. Пешковой, а также их заявления во ВЦИК, Прокуратуру, ОГПУ-НКВД или лично И.В. Сталину (с 1922 по 1937 год).

Краткие биографические сведения «Книги памяти» дают примерное представление о материалах фондов ПЧК И Помполита, касающихся именно дворянства.

Каждый документ в сборнике, — как последняя надежда арестованного. Может быть, единственная весточка от сгинувшего в страшном водовороте террора человека, вся вина которого сводилась к простому факту рождения в дворянской семье. И обреченного стать «бывшим» в большевистской стране.

Но остались для нас... и зазвучали их слабые голоса...

© Л. Должанская, И. Осипова, 2004

ISBN 5-94214-066-9

© Издательство журнала «ЗВЕЗДА», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление. <i>И. Осипова</i>	5
Обречены по рождению	13
1918 год	15
1919 год	39
1920 год	119
1921 год	165
1922-1934 годы	201
1935-1936 годы	297
Книга памяти	369
Именной указатель	522
Принятые сокращения	541

Вступление

Политический Красный Крест, то есть организации и группы, занимавшиеся в разных формах и под различными названиями помощью российским политическим заключенным и ссыльным (преимущественно революционерам)¹, существовал с начала 1880-х годов, царским правительством не признавался и носил нелегальный и полуполигальный характер. Средства для своей деятельности получал путем сборов в России, в основном среди интеллигенции, а также среди русских эмигрантов-революционеров.

Сразу же после Февральской революции, в марте 1917 года, в Москве начало работать «Общество помощи освобожденным политическим», которое возглавила легендарная народоволка В.Н. Фигнер. Общество возвращало амнистированных революционеров из Сибири, направляло их на лечение в больницы и отдых в санатории, устраивало на работу и т.д.

После захвата власти большевиками, сначала в Петрограде, а через месяц и в Москве возродились комитеты Политического Красного Креста, о чем в декабре 1917 года появились сообщения в оппозиционных газетах. В начале 1918 года впервые за все время существования деятельность Политического Красного Креста (ПКК) была легализована². Председателем Московского комитета ПКК в апреле 1918 года был избран известный по дореволюционным политическим процессам юрист Н.К. Муравьев, товарищами председателя — Е.П. Пешкова, первая жена М.Горького, и М.Л. Винавер. Почетным председателем был избран В.Г. Короленко.

В извещении о возобновлении работы Московского Политического Красного Креста за подписью руководителей³, напечатанном в газетах в мае 1918 года, говорилось: *«В момент наивысшего государственного и общественного развала, в эпоху обострившейся классовой вражды и ненависти Московский Политический Красный Крест с верой в успех своих усилий вновь поднимает свой прежний стяг, — уважения к человеку, заботы о человеческой личности, стремления облегчить страдания людей, — памятуя, что эта общественная*

¹ Например: «Революционный Красный Крест», «Общество помощи политическим заключенным и ссыльным», «Краковский союз помощи заключенным», «Парижский комитет помощи политическим каторжанам», «Парижский фонд помощи политическим ссыльным и заключенным в России», «Лондонский комитет помощи ссыльнопоселенцам» и т.д.

² Общество юридически было утверждено при содействии первого Наркома Юстиции И.З. Штейнберга.

³ Извещение о возобновлении работы Московского Политического Красного Креста за подписью Н.К. Муравьева и Е.П. Пешковой было напечатано в газетах в мае 1918 года.

функция во всяком культурном обществе должна быть выполнена, пока с достижением лучшего общественного строя не осуществится давняя мечта многих о счастье всего человечества»¹.

Московский комитет вскоре начал играть роль Всероссийского, а позже и Всесоюзного ПКК, в который входили комитеты ПКК в Петрограде, Харькове, Полтаве, Астрахани и др. Организационно московский ПКК включал в себя общее собрание, комитет во главе с президиумом, исполнительные и ревизионную комиссии. Руководящие органы выбирались общим собранием, которое также рассматривало вопросы, определяющие работу Общества. Комитет руководил текущей деятельностью ПКК: помощью заключенным, контактами с правительственными учреждениями и общественными организациями, подготовкой сметной и нормативной документации и др. Свои функции комитет осуществлял через исполнительные комиссии². Средства ПКК складывались из членских взносов, добровольных пожертвований, сборов от лекций, концертов, спектаклей и доходов от реализации печатной продукции.

Формы помощи заключенным — юридическая, материальная, медицинская, — включали в себя: подачу заявлений об изменении условий содержания заключенных, смягчении участи осужденных, приглашение адвокатов в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства, снабжение арестованных продуктами, медикаментами, одеждой, периодическими изданиями и книгами. Едва ли не важнейшей «привилегией» организации была возможность получать из ОГПУ сведения о местопребывании арестованных и состоянии следствия по их делам. Е.П. Пешковой разрешено было также посещение тюрем и концлагерей и прием заявлений от заключенных.

И хотя формально «политическими» в СССР в 1920-е — начале 1930-х годов власть признавала (и то с трудом) лишь арестованных представителей «левых» партий и групп (социалистов, анархистов и т.д.), деятельность ПКК распространялась не только на них, но и на другие категории осужденных за «контрреволюционную деятельность»: дворянство, офицеров, служивших в белых армиях, бывших членов партии кадетов, духовенство и т.д.

Сотрудники ПКК в основном принадлежали к лучшей части общественно настроенной интеллигенции, выступавшей в соответствии с русской гуманистической традицией в защиту преследуемых властью по политическим мотивам. В первые годы существования «народной» власти они активно сотрудничали с ней, полагая, что после победы революции «красный террор» будет отменен и начнет строительство правового государства. Но по мере того, как советская власть укреплялась, расхождение между защитниками прав человека и властью становилось все более глубоким, а отношение власти к ним все более негативным.

Вследствие чрезвычайной активности сотрудников ПКК, над ними постоянно висела угроза закрытия. В августе 1922 года все общественные организа-

¹ Газета «Наше Слово» от 26 мая 1918 года.

² Юридическую, медицинскую, хозяйственную, библиотечную, финансовую и коллегию по посещению тюрем.

ции обязаны были в двухнедельный срок зарегистрироваться в органах внутренних дел и Советах рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов¹. Поводом к отказу в регистрации ПКК послужило создание в стране и официальное признание за границей РОККа², но это был только повод, причина, несомненно, лежала в другом: большевистская власть не могла мириться с любым инакомыслием. И в августе ПКК официально закрылся.

Осенью 1922 года с большим трудом Е.П. Пешковой³ удалось зарегистрировать в Москве организацию под названием «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (Помполит) и получить официальное разрешение на оказание материальной помощи политзаключенным и их семьям и возбуждение различных ходатайств перед властями. Юридически Помполит являлся наследником ПКК, и в обиходе его по-прежнему называли Политическим Красным Крестом, но в полном смысле «общественной» — с общим собранием, уставом, выборными комитетом и председателем, — эта организация уже не была. Руководителем Помполита была назначена Е.П. Пешкова, ее заместителем — М.Л. Винавер⁴.

С ужесточением режима в стране и ростом числа репрессированных Помполиту становилось работать все труднее. К концу 1920-х годов постепенно прекратилась работа местных организаций ПКК, стала угасать и деятельность его в Москве. С одной стороны, число заключенных стремительно росло, средств поступало все меньше и меньше, а значит, невозможно стало оказывать практическую помощь многим заключенным, с другой — власти почти перестали обращать внимание на ходатайства ПКК. К тому времени работала только его справочная служба, отвечая, по мере возможности, на запросы, но даже в таком виде он был важен для заключенных и их родных. 15 июля 1938 года ПКК был официально ликвидирован.

* * *

Архивы ПКК и Помполита долгие годы находились на секретном хранении. В начале 1990-х годов они были переданы в Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ) и стали доступны исследователям. Исследование архива ПКК⁵ и Помполита⁶ (около 2000 дел, в среднем, по 200-300 листов в каждом) на протяжении многих лет вели сотрудники Научно-Информацион-

¹ Согласно декрету Совнаркома «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними».

² 20 ноября 1918 года было организовано Российское Общество Красного Креста и 15 октября 1921 года юридически признано Международным Комитетом Красного Креста.

³ С одной стороны, Е.П. Пешкова была в дружеских отношениях с Ф.Э.Дзержинским, В.Р. Менжинским, И.С.Уншлихтом, занимавшими руководящие посты в ОГПУ, с другой стороны, у нее был официальный статус жены пролетарского писателя М. Горького, с мнением которого считалась мировое сообщество.

⁴ Н.К. Муравьев летом 1922 года был арестован и выслан из Москвы.

⁵ ГА РФ. Фонд 8419. Опись 1.

⁶ ГА РФ. Фонд 8409. Опись 1.

ного и Просветительского Центра «Мемориал», и это позволило составить алфавитный указатель фонда, выявив сведения о более чем 50 тысячах репрессированных различных категорий¹.

Основную часть архива ПЧК составляют:

- «Карточки арестованных» или «Опросные листы» с 1918 по 1922 год;
- письма арестованных, а также обращения их близких и знакомых с 1918 по 1938 год;
- списки арестованных или осужденных в тюрьмах, политизоляторах, лагерях и ссылках с 1918 по 1938 год;
- переписка Юридической комиссии ПЧК с органами ВЧК-ОГПУ-НКВД и другими организациями по делам заключенных.

В архиве Политического Красного Креста обнаружено свыше 10 тысяч опросных листов и карточек арестованных или уже осужденных, заполненных в период с 1919 по 1922 год, и, судя по ответам на вопросы о социальном происхождении и профессии, арестами были охвачены почти все слои населения: представители различных партий, дворяне, офицеры, священнослужители и миряне всех конфессий, рабочие и крестьяне, техническая и творческая интеллигенция, иностранцы.

Особый интерес вызывают обращения политических и общественных деятелей, а также известных деятелей культуры, представителей творческой интеллигенции в защиту арестованных и осужденных. Среди ходатайств в ПЧК найдены письма: Анны Ахматовой, Андрея Белого, Викентия Вересаева, Владимира Короленко, Лидии Чуковской, Аполлинария Васнецова, Натальи Поленовой, Константина Станиславского, академиков А.П. Карпинского, С.Ф. Ольденбурга, профессора А.В. Чаянова и др.

В архиве ПЧК были выявлены анкеты и письма свыше трех тысяч лиц, принадлежность которых к потомственному и личному дворянству не вызывает сомнений, в их числе кадровые генералы и офицерство императорской и белой армий. Причем, число обращений их в ПЧК вполне согласуется как с официальными декретами и постановлениями большевистского правительства и распоряжениями карательных органов ВЧК-ГПУ-НКВД, так и с периодами массовых репрессий дворянства и офицерства, описанными в ряде монографий последнего периода². Это дало основание разбить сборник по главам:

- массовые аресты дворян в качестве «заложников» при ухудшении положения на фронтах гражданской войны или после покушений на членов правительства³;

¹ Работа не закончена, не исследованы письма заключенных за вторую половину 1936 года и 1937-1938 год (170 папок). Кроме того, в алфавитный указатель не внесены данные по спискам заключенных в тюрьмах, политизоляторах и концлагерях за 1918-1937 год.

² Например: Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930-1931 годы. М., 2000.

³ Например, в связи с покушением на В.И. Ленина (30 августа 1918 года) и убийством М.С. Урицкого (в ночь с 31 августа на 1 сентября).

— массовые аресты активных участников антибольшевистских организаций¹, основной костяк которых составляли офицеры: «Союза защиты Родины и свободы»²; «Всероссийского монархического союза»; «Национального Центра»³; «Союза Возрождения», переправлявшего офицеров-добровольцев с новыми документами и деньгами в белые армии. В Москве — «Сокольническая боевая организация», «Орден романовцев», «Объединенная офицерская организация» и другие⁴. В Петрограде — «Союз реальной помощи», «Все для Родины», «Черная точка», «Белый Крест»⁵, «Единая Великая Россия»⁶, занимавшиеся переправкой офицеров на Дон;

— массовые аресты офицеров, преподавателей и курсантов Высшей Стрелковой школы, Окружной Артиллерийской Школы командного состава и Высшей школы военной маскировки в Москве с 20 сентября по 4 октября 1919 года⁷;

— массовые аресты военспецов в Красной Армии во время гражданской войны, постоянный контроль за ними, введение с августа 1918 года системы заложничества семей военспецов с расстрелом в случае измены;

— массовые аресты бывших офицеров, служивших в белых армиях, после объявления «амнистии» и обязательной регистрации с последующими расстрелами генералитета и офицерского корпуса императорской армии с 1920 по 1922 год⁸;

¹ В начале 1918 года в составе этих организаций было около 16 тысяч человек.

² В нем состояло до 6,5 тысяч офицеров как в Москве, так и в 34 провинциальных городах. В начале июня 1918 года около 600 офицеров в Москве и Казани было расстреляно. В начале июля началось восстание в Рыбинске, Муроме и, главным образом, в Ярославле. Большинство участников восстания погибло, а около 500 офицеров, сдавшихся представителю германской миссии, в тот же день были расстреляны.

³ В его состав входило до 800 кадровых офицеров. С «Национальным Центром» были связаны офицеры, служившие в Красной армии, выступившие в июне при наступлении на Петроград Северо-Западной армии. С лета 1919 года к нему примыкал «Штаб Добровольческой армии Московского района», подготовивший восстания в некоторых частях Красной армии. Главной задачей была борьба за свержение большевистского режима, восстановление государственной целостности России и учреждение военной диктатуры, как переходной формы власти до созыва Учредительного Собрания. Московское отделение ее возглавлял Н.Н. Щепкин, руководивший также «Штабом Добровольческой армии Московского района». 19 сентября 1919 года большинство участников «Штаба», среди них и генералы, служившие в Главном штабе Красной армии, были арестованы и расстреляны.

⁴ С декабря 1918 по 1920 год в Москве были разгромлены 22 офицерские организации.

⁵ Разгромлена в июне 1920 года.

⁶ Разгромлена весной 1920 года.

⁷ Арестованы как «активные участники контрреволюционного заговора против советской власти». Большая часть их была отправлена в концлагерь.

⁸ Всех явившихся арестовывали, заключали в ближайший концлагерь или направляли в Москву, а позднее отправляли в Архангельск, где часть расстреливалась по прибытии, остальные постепенно уничтожались в Холмогорском концлагере. В самом Архангельске 1200 офицеров были утоплены на барже. В 1921 году по пути в

— массовые аресты бывших гвардейских офицеров, командного состава национальных кавказских частей, офицеров-казаков, морских специалистов, а также помещиков и домовладельцев в 1927-1928 годах;

— массовые аресты бывших генералов и офицеров, работавших в советских учреждениях, особенно в оборонной промышленности¹ в 1929-1930 годах²;

— массовые аресты командиров Красной Армии из военспецов с декабря 1930 по июнь 1931 года в ходе операции ОГПУ под кодовым названием «Весна»³: в Москве⁴, Ленинграде⁵, на Украине⁶ и в центральной части России;

— с началом кампании паспортизации населения в январе 1933 года массовые аресты дворянства с привлечением их к следствию по групповым делам *«контрреволюционных монархических организаций»*. Отправка их в лагеря позволили провести чистку столиц от «бывших», не получивших паспортов⁷;

— массовая высылка из столиц семей бывших дворян весной 1935 года, особенно это коснулось Ленинграда, как столицы бывшей империи⁸;

— окончательное уничтожение дворянства в период массовых репрессий 1937-1938 годов⁹.

Кронштадт были утоплены на барже 600 офицеров. В Екатеринодаре было расстреляно около 3 тысяч, в Одессе — до 2 тысяч, в Екатеринбурге — 2800 человек. Самые страшные расстрелы офицеров прошли в Крыму, где были уничтожены поголовно все офицеры и чиновники (до 50 тысяч). Офицеры-репатрианты, вернувшиеся из-за границы после объявленной амнистии, были также расстреляны.

¹ В Главном управлении военной промышленности, Центральном артиллерийском мастерских, Артиллерийском Управлении и Военно-топографическом управлении.

² Обычно поводом для ареста были регулярные встречи ветеранов в домашней обстановке, представленные следствием, как *«сборища участников контрреволюционных организаций, готовивших заговор»*.

³ Общее количество осужденных до сих пор точно не известно, но возможно достигает 10 тысяч человек. Согласно новой Инструкции более 90% арестованных были осуждены по 1-й категории (расстрел) и лишь малая часть отправлена в лагеря.

⁴ Разгром военспецов прошел в Управлении военных сообщений, Военно-техническом управлении РККА, Научно-техническом комитете, в вузах, связанных с Военной академией РККА: МВТУ, Менделеевский, Плехановский, Промышленно-экономический, Текстильный институты, Горная и Сельскохозяйственная академии.

⁵ В Ленинграде было арестовано и расстреляно 4393 человека (93,6 %) и лишь 299 человек отправлены в лагеря.

⁶ Всего на Украине по делу «Весна» было арестовано и осуждено 1521 человек.

⁷ Эта операция дала возможность решить частично острую жилищную проблему, так как разоренное крестьянство устремилось в города на фабрики и заводы.

⁸ Иницирована убийством Кирова и массовыми арестами участников оппозиции, которых органы НКВД связывали с белобандитами и эмиграцией, для чего удачно подходили представители «бывших сословий». Списки «бывших» органами НКВД были подготовлены на основании старых учетных материалов по «бывшим», городских справочных телефонных книг прошлых лет и архивных именных списков кадровых аппаратов учреждений до 1917 года.

⁹ Были уничтожены те, кто ранее избежал ареста, кто отбыл уже лагерный срок и вышел на свободу, кто находился в то время в заключении. Тогда же были уничтожены и офицеры, занимавшие видные посты в армии, вплоть до командующих фронтами.

* * *

Предлагаемый сборник состоит из шести глав, охватывающих документы периода 1918-1936 годов и «Книги памяти». Завершают сборник приложения: принятые сокращения и именной указатель.

В главах: «1918 год», «1919 год», «1920 год», «1921 год», — представлены в основном анкеты, заполненные самим заключенным либо его родственником. Политическим Красным Крестом через тюремную администрацию передавался отпечатанный типографским способом «Опросный лист» или «Карточка арестованного», где ему предлагалось заполнить анкетные данные, а в графах «Особые замечания» или «Чем кончилось дело» описать по возможности подробнее, как происходил арест, а также суть предъявляемых обвинений и приговор, если он уже есть. Стандартный «Опросный лист» содержал 31 пункт, дата заполнения его обычно проставлялась самим арестованным, если же даты не было, то она определялась по штампу входящей в ПКК документации, в этом случае ошибка датировки возможна в один-два дня. Сокращения слов, сделанные при заполнении заключенным, приводятся в угловых скобках. «Карточка арестованного» представляет более ранний аналог «Опросного листа», в ней 12 вопросов, часто как вопросы, так и ответы заполнялись от руки.

В главах: «1922-1934 годы» и «1935-1936 годы», — представлены письма заключенных или их родственников и знакомых, а также ходатайства за арестованных, переписка Юридической Комиссии ПКК с автором письма и различными учреждениями: органами ВЧК-ОГПУ-НКВД, Наркоматом Юстиции, ВЦИКом.

Начало каждой главы предваряют документы, дающие представление о событиях в стране в это время. Письма в главах расположены по алфавиту авторов, датировка писем аналогична датировке анкет, указанной выше. В большинстве случаев обращение в ПКК либо к Пешковой Е.П. и Винаверу М.Л. в начале письма, а также завершающие его просьбы достаточно стандартны, поэтому они не приводятся в тексте, как и описания болезней арестованного, обычно подробно описываемые им самим либо родственниками. Авторство анкеты или письма, написанного родственником или знакомым, отмечено сносками.

В «Книге памяти» даны краткие биографические справки, а также даты арестов, приговоров и расстрелов дворян, чьи анкеты или письма были обнаружены в архиве ПКК.

Хотелось бы отметить, что каждый документ фонда ПКК, представленный в сборнике, — как последняя надежда арестованного. Может быть, единственная весточка сгинувшего в страшном водовороте террора человека, вся вина которого сводилась к простому факту рождения в дворянской семье. И обреченного стать «бывшим» в большевистской стране. Но остались для нас... и зазвучали их слабые голоса....

* * *

Работа над сборником осуществлялась в рамках программы НИПЦ «Мемориал» — «История карательной и исправительно-трудовой политики в СССР 1917-53 годов». Особая благодарность сотрудникам НИПЦ: И.С. Заикиной, М.Л. Кофман, Я.В. Леонтьеву, С.С. Печуро, Л.А. Щербаковой, а также руководителю научных программ А.Б. Рогинскому.

Пользуюсь случаем поблагодарить за неоценимую помощь в предоставлении архивных документов руководство и сотрудников Государственного архива Российской Федерации: С.В. Мироненко, О.В. Маринина, Б.М. Садовникова, Л.И. Курганову, В.В. Саунина и Д.Ч. Нодия.

Огромная благодарность представителям Дворянского Собрания М.Д. Афанасьеву, А.Н. Бобринскому, Н.А. Воронцовой-Вельяминовой, И.В. Голицыну, Н.К. Голицыну, Е.М. Голицыной, А.А. Лопухину, В.О. Лопухину, А.Д. Ознобишину, Е.Н. Олсуфьевой, К.С. Раевскому, С.А. Сапожникову, М.Д. Татищевой, С.Н. Татищевой, П.А. Трубецкому, Ю.М. Унковскому, Е.М. Шаховской, И.Д. Шаховскому, а также А.П. Гагарину, И.В. Доливо-Добровольскому, Л.Н. Петрухиной, В.В. Саблиной, Ю.А. Траубе, Л.П. Шевченко, Л.П. Шталь (Санкт-Петербург) и Д.М. Шаховскому (Париж) за помощь в уточнении данных и за предоставленные фотографии.

Самая искренняя признательность О.В. Рыковой, заведующему отдела генеалогии Государственного Музея Пушкина, кандидату исторических наук, и научному сотруднику Д.И. Иванникову за неоценимую помощь в уточнении данных и предоставленные фотографии из фонда Ю.Б. Шмарова.

Особая признательность Френсису ГРИНУ, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.

**ОБРЕЧЕНЫ
ПО
РОЖДЕНИЮ...**

«Дружинник князя и земский боярин — вот начало русского дворянства»¹

«Дворянин... служить может без жалования, а токмо из чести»²

«Все служилые люди с земель службу служат, а даром землями никто не владеет...»³

«Обращая саму службу в заслугу, приобретали потомству своему нарицание благородное»⁴

«Линия дворянского сословия необозримое имеет у нас протяжение, что одним концом касается подножия Престола, а другим — почти в крестьянстве теряется»⁵

«Созданный еще Петром Великим русский офицерский корпус был уникальным по своему многонациональному составу. В этом корпусе, спаянном дружкой, обостренным чувством долга и кастовой частью, никто не интересовался, откуда родом офицер, интересовались его мужеством и отвагой, доблестью и благородством. И солдаты шли за ним в любой огонь, потому что огонь врага уравнивал солдата и офицера, создавая тот необычный сплав, который никогда не могли понять иноземные специалисты...»⁶.

«Дворянин — это жертвенная служба, это естественная связь с народом и властью, это Честь, которая превыше всего...»⁷.

¹ Л.М. Савелов.

² Л.М. Савелов.

³ Из Указа 1701 года.

⁴ Екатерина II.

⁵ Князь К.А. Ливен.

⁶ Б. Васильев. «Были — небыли».

⁷ Вице-предводитель Российского Дворянства С.А. Сапожников.

1918 год

«Мыслима ли пролетарская революция, вырастающая из такой войны, без заговоров и контрреволюционных покушений со стороны десятков и сотен тысяч офицеров, принадлежащих к классу помещиков и капиталистов...»¹.

«Войскам обеих армий приказываю беспощадно уничтожить в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и врагов революции»².

«Революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и проч. не связаны никакими ограничениями»³.

«Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример которого решает»⁴.

«Всех товарищей коммунистов, занимающих какую-нибудь должность в Красной Армии, губернская конференция обязывает наблюдать самым строгим образом за действиями служащего из-за личных интересов командного состава, имея в виду то, что это бывшие офицеры, в большинстве своем готовые продать в любой момент интересы революции и изменить пролетарскому правительству»⁵.

«Всякий сотрудник правительственного учреждения, замеченный в саботаже, итальянской забастовке, спекуляции и умышленном дискредитировании Советской власти подлежит СМЕРТИ»⁶.

«Белогвардейское восстание в Ярославле должно быть подавлено беспощадными мерами. Пленных расстреливать⁷: ничто не

¹ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 39. С. 184.

² Из приказа командующего армиями М.А. Муравьева от 4 февраля 1918 года. Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. М., 2000. С.31-32.

³ Из постановления Комиссии юстиции от 16 июня 1918 года.

Голишков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1 – 3 изд. доп. М., 1980. С. 137.

⁴ Из письма Ленина Зиновьеву от 26 июня 1918 года. Волков С.В. С. 71.

⁵ Из резолюции Новгородской губернской конференции РКП(б) от 19 июня 1918 года. Тинченко Я.Ю. С.54-55.

⁶ Выписка из приказа Наркома по военным делам Троцкого. «Известия ЦИК» № 171 (436) от 11 августа 1918 года. ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 782 а. Л. 103-104.

⁷ По оценке Мельгунова С.П., практически без суда было расстреляно 428 человек, в

должно остановить или замедлить суровой кары... Террор применительно к местной буржуазии и ее прихвостней... должен быть железным и не знать пощады»¹.

«Немедленно дать просимое:

— сегодня же отправить из Москвы;

— дать мне тотчас имена 6 генералов (бывших) (и адреса) и 12 офицеров генштаба (бывших), отвечающих за точное и аккуратное выполнение этого приказа, предупредив, что будут расстреляны за саботаж, если не исполнят»².

«Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников. При малейших попытках сопротивления или движения в белогвардейской среде должен применяться безоговорочно массовый расстрел. Местные губисполкомы должны проявить в этом направлении особую инициативу. Все означенные меры должны быть проведены незамедлительно»³.

«Не ищите в деле обвинительных улик; восстал ли он против Совета с оружием или на словах. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого»⁴.

большинстве своем местные офицеры, студенты, кадеты, лиценсты. Если учесть проравшихся из окружения (около 100 человек) и погибших на позициях во время обороны (около 600), то получится, что почти все участники восстания были убиты (сколько было убито во время беспощадных самосудов в первые часы после сдачи неизвестно). Число погибших во время варварских бомбардировок мирных жителей вообще не подается учету.

¹ Ярославское восстание. Июль 1918. М., 1998. С. 21.

² Ленин В.И. — Бонч-Бруевичу М.Д. 8 августа 1918 года. Тинченко Я.Ю. С. 56.

³ Из телеграммы ВЧК на места. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 70.

⁴ Указания Лациса М.Я. в Казани местным ЧК от 1 ноября 1918 года. Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1 – 3 изд. доп. М., 1980. С. 137.

БОБРИНСКИЙ П.А. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Бобринский Павел Алексеевич.
2. Возраст и семейное полож.	52 года, женат, имею дочь.
3. Общественное положение	Вследствие неимением средств, уже несколько мес<яцев> занимался тяжелым физическим трудом.
4. Когда, где и при каких обстоятельствах и с кем арестован	15 сентября 1918 г<ода>, при Троицком Снаряжательном заводе, Владимирской губ<ернии> Александровского уезда, когда приехал к знакомому хлопотать о месте.
5. Где содержится	В Москве при Бутырской тюрьме ² .
6. За кем числится	За ВЧК и, хотя дела нет, удивляюсь, почему-то контрреволюционером.
7. Поводы для ареста	Графский титул.
8. Были ли допросы и когда	Был допрос в начале сентября 1918 г<ода>, когда был первоначально заключен в уездной тюрьме города Александрова Влад<имирской> губ<ернии>, но в Москве, где нахожусь с октября, не был допрошен.
9. Предъявлено ли обвинение	Не предъявлено.
10. Ходатайствует ли кто	Никто.
11. Что предпринято арестованным для ускорения дела	Писал заявление в Контрольную Ревиз<ионную> Коллегию ВЧК в декабре.
12. В чем просьба	Ускорить допрос, дабы скорее выяснить полную мою невиновность, т<ак> к<ак> нет состава преступления ни политического, ни уголов<ного> характера.
Сущность дела	Никакого» ³ .

На «Опросном листе» есть три записи секретаря ПКК: «Лагерь» <зачеркнуто>; «В феврале подано заявление в ВЧК»; «Освобожден в июне 19 г<ода>».

¹ «Опросный лист» заполнен 18 февраля 1919 года.

² Переведен в Москву в октябре 1918 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 173. С. 15-16. Автограф.

ВОЛКОНСКИЙ В.Н.¹ — в МПКК

«<...> Не имея больших средств к существованию, я и жена моя попали после демобилизации нашей дивизии, где я служил в качестве офицера, в очень тяжелое материальное положение. Жить приходилось в Москве, где у нас имелась квартира, места найти никак не удавалось и, чтоб существовать, приходилось продавать кое-что из домашнего скарба и как-нибудь тянуть. Наконец, я пришел к убеждению, что единственный способ прожить — это отправить жену к отцу в Курск. После многих хлопот удалось достать для жены заграничный паспорт и поехать ее провожать в Курск. В Курске мы узнали: 1) что кроме заграничного паспорта нужен еще пропуск из Губ<ернского> совдепа; 2) что совдеп будет закрыт 2 дня по случаю праздника годовщины; 3) что найти помещение в городе невозможно. Мы решили ехать поездом вперед до тех пор, пока въезд не воспрещен, и там остановиться и обождать, пока пройдут праздники, и после них возобновить хлопоты о пропуске. Но на вокзале Ржева наш багаж обратил на себя внимание местных властей. Мы были подвергнуты обыску и задержанию: я, как бывший князь Волконский, а жена, уже не знаю, за что. Потом переведены в Курск, где я и содержался в губернской тюрьме около 3 месяцев и затем переведен в Москву². Жена же моя после месяца тюремного заключения освобождена. Из Курска я переведен в МЧК в Москву, где подвергся предварительному допросу. <...> Из допроса узнал, что мне приписывается еще какой-то дом в Замоскворецком районе, и в чем дело — не имею понятия, т<ак> к<ак> никакого дома за мной там нет и не может быть. А в чем заключается то дело, которое мне приписывают, это мне совершенно неизвестно. Владимир Николаевич Волконский»³.

В феврале 1919 года сообщалось, что Волконский В.Н. находится в тюремной больнице. Юридическая Комиссия ПКК обратилась в МЧК с ходатайством об освобождении Волконского В.Н. Позднее на «Анкете арестованного» была сделана запись, очевидно, секретарем ПКК: «Г<оспо>жа Попова сообщила 8/III, что Волк<онский> умер от сыпного тифа в тюрем<ной> больнице», — что дало основание секретарю ПКК написать карандашом через всю 2-ю страницу «Опросного листа»: «Умер в тюрьме».

¹ Волконский Владимир Николаевич, родился в 1886. Князь. Окончил университет. 6 ноября 1918 – арестован, заключен в БТ.

² 3 февраля 1919 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 177. С.51-52. Автограф.

ГОРЧАКОВ С.Д. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Горчаков Сергей Дмитриевич.
2. Где содержится (тюрьма, кор. кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.)	В Ивановском лагере особого назначения.
3. Возраст, национальность, подданство	58 лет. Русский. Русское.
4. Семейное положение...	Вдовец <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Грамотен. Кончил Московский Юридический факультет.
9. Место постоянного жительства	Москва, Арбат 31.
10. Чем занимался до февр. революции	Своими делами и имениями.
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г.	Хозяйством. Литературными произведениями, музыкой <...>.
15. Партийность до октября 1917 г.	Ни к каким партиям не примыкал.
16. Привлекался ли когда-нибудь раньше...	Никогда.
17. Когда арестован по настоящему делу	13 ноября 1918 г<ода>.
18. Где арестован	У Шереметевых. Воздвиженка 6 <...>
20. По ордеру какого учреждения	Не знаю. Попал в засаду ² .
21. Повод к аресту	Никаких.
22. Кто еще арестован по этому делу	Шереметевы 3 брата, Гудович ³ , Сабуров ⁴ . Шереметевы освобождены <...>.
25. В чем обвинение	Как занимавший высокий пост (Губернатора) при Царском Правительстве.
26. Есть ли приговор по делу	До конца гражданской войны <...>.

¹ «Опросный лист» заполнен 28 декабря 1919 года. Уже 18 февраля 1919 года была заполнена «Карточка арестованного» Бутырской тюрьмы. Последний «Опросный лист» был заполнен 3 ноября 1920 года.

² На квартире жены Сергея Дмитриевича Шереметева.

³ Гудович Александр Васильевич.

⁴ Сабуров Александр Петрович.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Попал в засаду во время обыска у Шереметева С.Д. Вместе с членами семьи арестован, приведен в ВЧК, а оттуда переведен в Бутырскую тюрьму, где сидел до июня месяца, затем переведен в Андроньевский лагерь, а 3 июля в Ивановский лагерь. Никакого обвинения мне не предъявлено, единственная, предполагаю, причина, что у меня княжеская фамилия и что я раньше служил Губернатором в Вятке и Калуге. Ушел я со службы за год до первой революции, поссорившись сначала с Министром Макаровым из-за разногласия по вопросу о проведении электричества в Калуге, а затем с Маклаковым из-за постройки еврейской синагоги в Калуге. Не желая оставаться на службе в министерстве, с которым не сходилась во взглядах, я подал в чистую отставку, не оставшись даже прикомандированным к министерству. Никакой интересной величины я для советской власти не представляю, т<ак> к<ак> никогда во время всей жизни и службы политикой не занимался, не интересовался ею, а был лишь исполнительным чиновником. От разных распоряжений Советских Властей не уклонялся и даже не пытался уехать, когда имел полную возможность это сделать. Сергей Дмитриевич Горчаков»¹.

Юридический Отдел ПКК не раз обращался в МЧК с ходатайством об освобождении Горчакова С.Д., но все было напрасно. 7 марта 1921 — ПКК ходатайствовал перед Московским Губернским Отделом Юстиции.

«<...> Препровождая при сем заявление заключенного Ивановского лагеря гр<ажданина> Сергея Дмитриевича ГОРЧАКОВА на Ваше распоряжение, Политический Красный Крест поддерживает со своей стороны ходатайство ГОРЧАКОВА об освобождении из заключения на основании постановления Президиума ВЦИК от 9/1 с<его> г<ода>, согласно которому мужчины с 55 лет, в случае отсутствия по их делу индивидуального приговора, признаны подлежащими освобождению <...>»².

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 187. С. 62. Автограф.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 187. С. 19. Машинопись.

ГУДОВИЧ А.В. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	<u>Гудович</u> Александр Васильевич.
2. Возраст и семейное положение	49 л> ² , жена ³ , четверо детей 17-ти, 14-ти, 12-ти, 10 лет ⁴ .
3. Общественное положение	Бывший Кутаисский губернатор ⁵ .
4. Когда, где и при каких обстоятельствах и с кем арестован	23 ноября ⁶ на квартире жены С.Д. Шереметева при обыске, с Шереметевыми, Сабуровым ⁷ и Горчаковым ⁸ (братья Шереметевы освобождены).
5. Где содержится	В Бутырской тюрьме.
6. За кем числится	За МЧК.
7. Поводы для ареста	Не известны.
8. Были ли допросы и когда	Допрошен 8-го января.
9. Предъявлено ли обвинение	Обвинение не предъявлено <...>.
11. Что предпринято арестованным...	Ничего.
12. В чем просьба	Ускорить освобождение» ⁹ .

28 февраля 1919 — Юридической Комиссией ПКК было подано в МЧК ходатайство об ускорении рассмотрения дела Александра Васильевича Гудовича и по возможности освобождения его, о чем в конце «Карточки арестованного» есть запись секретаря ПКК.

Ходатайство ПКК не помогло, и Александр Васильевич Гудович был приговорен — «к концлагерю до конца гражданской войны», о чем есть вторая запись секретаря ПКК карандашом на «Карточке арестованного» — «Лагерь до конца войны». В сентябре 1919 — арестован в лагере, вывезен в Москву и вскоре расстрелян вместе с другими

¹ «Карточка арестованного» заполнена 15 февраля 1919 года.

² Гудович Александр Васильевич, родился 29 сентября 1869 в Ярославле. Граф. Отец Василий Васильевич Гудович — полковник царской армии. Мать княжна Щербатова Варвара Николаевна. Окончил гимназию в Москве, с 1891 — прапорщик, с 1892 — уездный предводитель дворянства, в 1895 — камер-юнкер, с 1902 — ярославский вице-губернатор, с 1910 — в чине статского советника, с 1916 — губернатор Кутаиси.

³ Жена Шереметева Мария Сергеевна, родилась 19 мая 1880 в Кусково Московской губернии.

⁴ Гудович Варвара (1900), Дмитрий (1903), Мария (1905) и Андрей (1907).

⁵ В чине генерала.

⁶ 1918 года.

⁷ Сабуров Александр Петрович.

⁸ Горчаков Сергей Дмитриевич.

⁹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 185. С. 119. Автограф.

заложниками в ответ на взрыв бомбы, брошенной анархистами в здание МК РКП(б).

В 1920 — арестован старший сын Дмитрий Александрович по обвинению «в контрреволюционной деятельности». Приговорен к ВМН, но позднее приговор был отменен по амнистии. После освобождения из концлагеря проживал в Москве.

В марте 1924 — арестован по групповому делу «контрреволюционной монархической организации». Приговорен к 3 годам концлагеря. По ходатайству ПКК оставлен отбывать наказание в Бутырской тюрьме. В 1927 — освобожден с ограничением проживания (-6). Поселился в Калуге. В апреле 1928 — срок высылки сокращен на ¼, вскоре был освобожден с ограничением проживания (-6). Поселился в Царицыне. В 1929 — арестован по групповому делу «контрреволюционной монархической организации». Приговорен к 5 годам концлагеря. Отправлен в Белбалтлаг (в Кемь), работал на погрузке леса, позднее переведен на строительство Белбалтканала. В 1932 — освобожден из лагеря досрочно, направлен работать на строительство канала Москва-Волга как вольнонаемный. В мае 1937 — арестован в Дмитрове по групповому делу «контрреволюционной фашистской организации, руководимой белоэмигрантскими организациями». Виновным себя не признал. 1 июля 1937 — приговорен к ВМН. 2 июля расстрелян.

В конце 1920-х — арестован младший сын, Андрей Александрович Гудович, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Сибирь. В 1933 — после освобождения из ссылки проживал в Дмитрове на квартире брата, который помог ему устроиться на строительстве канала Москва-Волга, работал конструктором, позднее работал на строительстве Рыбинского гидроузла.

Старшая дочь, Варвара Александровна, вышла замуж за Оболенского Владимира Васильевича¹. В 1937 — арестована в Москве, 3 марта 1938 — приговорена к ВМН и расстреляна на Бутовском полигоне.

Младшая дочь, Мария Александровна, вышла замуж за Львова Сергея Сергеевича². 2 марта 1940 — трагически погибла (утонула).

¹ Оболенский Владимир Васильевич в 1937 — арестован, 27 октября 1937 — приговорен к ВМН и расстрелян на Бутовском полигоне.

² Львов Сергей Сергеевич в 1937 — арестован, приговорен к ВМН и расстрелян.

ДЖУНКОВСКИЙ В.Ф. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя , отчество	Джунковский Владимир Федорович
2. Где содержится (тюрьма, кор. кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.)	Таганская тюрьма, одиноч<ный> корпус, кам<ера> № 160.
3. Возраст, национальность ...	56 ² , малоросс, российское.
4. Семейное положение ...	Холост. Сестра 63 лет <...>.
7. Грамотен или нет ...	В Пажеском корпусе.
8. Профессия	Военный и администратор ³ .
9. Место постоянного жительства ...	Петроград, Каменноостровс<кий> просп<ект>, д<ом> 54.
10. Чем занимался до февральской революции	На войне. Начальн<ик> 15 Сиб<ирской> Стр<елковой> див<изии>.
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г.	На войне. Начальн<ик> 15 Сиб<ирской> Стр<елковой> див<изии> и командиром 3 Сибир<ского> Армейс<кого> корп<уса>.
12. Чем занимался до ареста	Был в отставке по болезни с пенсией <...>.
13. Занимал ли какую должность...	Нет <...>.
15. Партийность до октября 1917 г.	Никакой партии не принадлежал <...>.
17. Когда арестован	14 сент<ября> 1918 г<ода>.
18. Где арестован	В Орше.
19. Когда доставлен в Москву	3 ноября 1918 г<ода> <...>.
20. По ордеру какого учреждения арестован	Оршанской ЧК.
21. Повод к аресту	Был Товарищем Мин<истра> Внутр<енних> Дел <...>.
25. В чем обвинение	В опасности для Советской власти как занимавший ответств<енные> посты на службе у Царской власти.
26. Есть ли приговор по делу	Есть от 6 мая 1919 г<ода> ⁴ <...>.

¹ «Опросный лист» заполнен 4 января 1920 года.

² Родился в 1865 в Петербурге. Отец – генерал царской армии.

³ Служил в гвардии, генерал-майор свиты его величества. Московский губернатор при Великом князе Сергее Александровиче. Шеф жандармов.

⁴ Обвинялся в том, что «в период времени с ноября 1905 по 1913 год принимал участие в ликвидации революционного движения».

Был Московским Губернатором¹ и Товарищем Министра Внутренних Дел² и своими действиями и распоряжениями по своему служебному положению противодействовал развитию революционного движения в рабочей среде, как сказано в приговоре.

Подпись

В. Джунковский.

Чем кончилось дело Присуждением в лагерь до окончания гражданской войны без применения амнистии»³.

После вынесения приговора для отбытия наказания Джунковский В.Ф. был заключен в Бутырскую тюрьму. 7 июня 1919 — после освидетельствования врачебной комиссией вынесено заключение о необходимости его освобождения на поруки ввиду того, что тюремный режим губелен для его болезни сердца. Под поручительство сестры Евдокии Федоровны Джунковской В.Ф. был переведен для лечения в больницу при Александровской общине, а в августе 1920 — в хирургическую больницу Горздрава, где провел шесть месяцев. Имел там отдельный кабинет, где принимал знакомых и давал уроки детям князя Чегодаева. Пользовался абсолютной свободой, ежедневно выходил на прогулку в город без сопровождающего, посещал квартиру сестры, где обедал, посещал богослужения, общался с духовенством. Вел обширную переписку, причем при рассылке писем использовалась живая почта.

В начале 1921 — произведены обыски у Джунковского В.Ф. и посещавших его знакомых, но ничего компрометирующего найдено не было. 16 февраля 1921 — арестован по обвинению в том, что «имеет сношения с контрреволюционными элементами, которые всеми силами стараются подрывать авторитет власти»⁴. Заключен в Таганскую тюрьму. Привлечен к следствию по групповому делу Совета объединенных приходов, но был оправдан по суду. После освобождения приглашен консультантом в органы ВЧК-ОГПУ-НКВД. В 1932 — участвовал в разработке законодательства о паспортизации. 3 декабря 1937 — арестован по обвинению «в контрреволюционной деятельности». 21 февраля 1938 — приговорен к ВМН. 26 февраля 1938 — расстрелян на Бутовском полигоне.

¹ С ноября 1905 по 1913 год. Благодаря его содействию, как московского губернатора, вопреки Столыпинскому закону об отрубках, 48 безземельных семейств крестьян из 15 деревень были наделены казенной землей.

² С 1913 по 1915 год, когда был уволен от должности по причине открытой борьбы с Григорием Распутиным. Был также шефом отдельного корпуса жандармов, при нем всячески искоренялась провокация, особенно в войсках.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 193. С. 67. Автограф.

⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 53985. С. 82. Машинопись.

ДЕЛО ОФИЦЕРОВ¹ — в ПКК²

«<...> Как Вам известно, что все мы арестованы в ноябре месяце 1918 года, по делу Владимирской антисоветской организации. Дело разбиралось в Коллегии бывшего Военного отдела ВЧК 3 января 1919 года и было ликвидировано. До сих пор никаких постановлений и приговоров нами получено не было. Все данные о каждом из нас написаны в анкетах, которые находятся у Вас. По-видимому дело наше затеряно, что служит фактом того, что все мы сидим без всякого движения в течение такого срока, как целый год, считая уже после разбора дела <...> А потому убедительно просим Вас, не отказать нам разыскать наше дело и хлопотать о применении к нам амнистии от 5 ноября 1919 года <...>»³.

О ТРЕНИНЕ Г.В. — в ПКК⁴

«<...> 5-го ноября 1918 года, т<е> е<сть> с лишком год назад, в гор<оде> Владимире, в связи с раскрытием белогвардейской организации, был арестован брат мой Григорий Павлович Тренин постановлением Влад<имирской> Губ<ернской> ЧК. Вместе с ним было арестовано еще несколько человек, часть их была расстреляна после ареста и первоначального допроса, остальные 12 человек были отправлены в распоряжение ВЧК, из которых 6 человек постановлением ВЧК были расстреляны в декабре 1918 г<ода>. Брату же моему никакого приговора не объявлено, однако он продолжает находиться в Бутырской тюрьме. По непроверенным мною слухам: 1) дело их считается оконченным и сдано в архив и 2) что оно утеряно <...>»⁵.

31 января 1920 — на запрос ПКК о приговоре по делу офицеров был получен ответ, и о нем есть помета секретаря: «Лагерь».

¹ Виноградов Александр Вячеславович, родился в 1892. Окончил гимназию. С 1914 — помощник командира 9-го гренадерского Сибирского полка.

Лебедев Александр Александрович, родился в 1894. Офицер царской армии.

Тренин Григорий Павлович, родился в 1895. Студент университета. С июля 1916 — после окончания школы прапорщиков на фронте в 215-м пехотном запасном полку офицером, после 1918 — делопроизводитель областного комиссариата во Владимирской области.

Туров Сергей Дмитриевич, родился в 1900. Получил среднее образование. Служащий лесозаготовительного отдела Губсовнархоза.

Шилов Геннадий Владимирович, родился в 1894. Офицер царской армии.

² Заявление офицеров от 20 января 1920 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 180. С. 37. Автограф.

⁴ «Опросный лист» заполнен Сафроновой Марией Павловна 16 марта 1920 года.

⁵ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 257. С. 1. Автограф.

ДОЛГОРУКОВ А.А.¹ — в МПКК²

1. Фамилия, имя, отчество	Долгоруков (Князь) Александр Александрович.
2. Возраст и семейное положение	52 года ³ , холост.
3. Общественное положение	Отст<авной> ген<ерал>-майор флота.
4. Когда, где и при каких обстоятельствах арестован и с кем	В Петрограде 29 июля 1918 Петроградской Чрезв<ычайной> Комиссией после обыска по ордеру об общем обыске в доме 31 по Морской ул<лице>, где арестованный имел квартиру.
5. Где содержится	Содержался до 21 февраля в Петрограде в Доме предв<арительного> заключения, а после привезен в Москву в Бутырскую тюрьму.
6. За кем числится	Состоит ныне в распоряжении ВЧК.
7. Поводы для ареста	Поводом для ареста несдача офицерского оружия <...>.
9. Предъявлено ли обвинение и какое	Никакого обвинения не предъявлено и к следователю за все время ареста не вызывался.
11. Что предпринято арестованным для ускорения дела	Подавал заявление об ускорении дела, остававшееся без результата.
12. В чем просьба	Просьба об освобождении на основ<а>нии> амнистии от 6 ноября 1918 <...> ⁴ .

25 апреля 1919 — Юридическая Комиссия ПКК доводила до сведения Президиума ВЧК о восьмимесячном пребывании арестованного в тюрьме без предъявления обвинения и ходатайствовала «о скорейшем и всестороннем выяснении этого дела»⁵. В мае 1919 — Долгоруков Александр Александрович был приговорен к «заключению в концлагерь до конца гражданской войны».

¹ Арестованный находился в БТ, 19 коридоре, 79 камере.

² «Карточка арестованного» заполнена в январе 1919 года.

³ Родился в 1866 году.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 192. С. 58. Автограф.

⁵ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 192. С. 57. Машинопись.

КИСТЯКОВСКИЙ П.Ф.¹ — в МПКК²

«<...> Легально возвращаясь на родину, после 7 летней непрерывной службы в степном крае, больной, исключительно для свидания со старухой матерью, получивши пропуска на фронте от Красной Армии и в Самаре от комиссариата внутренних дел (пропуска имеются в деле), арестован при получении пропуска в Киеве за то, что на заданный мне вопрос ответил, что бывший министр Украины И.А. Кистяковский приходится мне двоюродным братом. Первые три раза опрос следователей базировался на том, в каких отношениях я был с И.А. Кистяковским, не был ли я в переписке и не хотел ли я благодаря ему занять пост на Украине. С И.А. Кистяковским в переписке не состоял, служил почти без перерыва с Японской войны на Востоке и виделся с ним один раз проездом через Москву в 1911 г<оду>. При допросе в августе следователь допрашивал, в каких отношениях с самарскими профессорами, от которых я на Украину вез три письма (рукописного характера). С самарскими профессорами познакомился случайно при проезде через Самару у родственника-профессора, имена и фамилии их не помню. На мой вопрос следователю, в чем моя вина, следователь сказал, что, судя по имеющемуся наградному списку, я был незаурядный офицер и могу быть опасным для советской власти, что у меня круг знакомых: профессора, кадеты и монархисты, — и что можно предположить, что я с ними могу быть в сношениях, и что мои родственники играли роль при Скоропадском. Принимая во внимание, что я больной неизлечимой болезнью, нахожусь в тюрьме без нескольких дней четырнадцать месяцев, что конкретного обвинения против меня нет, я прошу Красный Крест ходатайствовать о моем освобождении <...>³.

В «Опросном листе» Кистяковского П.Ф. отмечено, что следователь сообщил ему на последнем допросе — он приговорен к концлагерю до конца гражданской войны. 7 февраля 1920 — на основании Акта медицинского освидетельствования Кистяковского П.Ф., ПКК ходатайствовал «о переводе его в специальную лечебницу или об отдаче его на попечение его родным».

¹ Кистяковский Павел Федорович, родился в 1873. Окончил КУ в Елизаветграде. Кадровый офицер царской армии, участник Русско-японской войны. С 1911 — работал по переселенческому делу в Семипалатинской области, с ноября 1917 — помощник комиссара в Зайсанском уезде той же области. 8 ноября 1918 — арестован в Курске, в декабре отправлен в Москву и заключен в БТ.

² «Опросный лист» заполнен 30 декабря 1919 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д.197. С. 152. Автограф.

КОВАНЬКО Б.В.¹ — в ПКК²

«<...> Ужасное моральное состояние, вызванное годичным заключением, заставляет меня писать эти строки. Вам известна сущность моего дела, т<ак> к<ак> Вы наводили справки обо мне в МЧК, но определенного я ничего не знаю. Эта-то именно неопределенность и доводит меня до отчаяния. Я нахожусь год в Бутырской тюрьме без допроса и без предъявления обвинения. Объясняю свое заключение каким-то роковым стечением обстоятельств. Повторяю, пишу эти строки доведенный до крайности и близкий к сумасшествию.

Я бывший артиллерийский офицер, прокомандовавший 3½ года батареей в действующей армии. После демобилизации старой армии я приехал в Москву со специальным целью поступить в ряды Красной Армии. Был зачислен кандидатом на должность командира батареи в одной из формирующихся в то время (апрель 1918 года) бригады и неожиданно для меня был арестован. На все, весьма многочисленные заявления, которые я писал органам власти, я ответа не получил. Не имея в Москве ни родных, ни знакомых, которые могли бы за меня хлопотать, — прошу Вас убедительно помочь моему горю и соответственно моему освобождению.

Я желаю работать в Красной Армии и защищать завоевания революции. Если бы члены Чрезвычайной Комиссии знали мою революционную работу на фронте, они бы тогда убедились, что я не могу быть белогвардейцем.

Я прошу только допроса, чтобы я мог разъяснить ту нить роковых обстоятельств, которая сплелась вокруг меня. Если же мое освобождение невозможно, прошу содействовать передаче моего дела в Трибунал, чтобы я мог публично реабилитировать себя <...>³.

19 июня 1919 — Кованько Б.В. по ходатайству ПКК был освобожден и выехал на фронт. В середине 1920-х — после демобилизации работал начальником сектора экономического труда на заводе. 27 апреля 1932 — вновь арестован, но 8 июля был освобожден.

¹ Кованько Борис Владимирович, родился в 1891. Отец, генерал-лейтенант, возглавлял офицерскую воздухоплавательную школу в Петербурге. Кадровый офицер-артиллерист царской армии. С 1914 — на фронте командиром батареи. 31 мая 1918 — арестован вместе с офицерами Завадским Сергеем Юрьевичем, Мусселиусом Борисом Александровичем и Одоевцевым Алексеем Михайловичем. 5-10 сентября были освобождены Завадский С.Ю. и Одоевцев А.М..

² Заявление от 1919 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 204. С. 116-117. Автограф.

ЛАУНИЦ В.В. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество Фон дер Лауниц Владимир Владимирович.
2. Где содержится (тюрьма, кор. кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.) В настоящее время содержусь в Бутырской тюрьме, 16 кор<пус> 35 кам<ера>, где нахожусь с 14-го декабря 19 г<ода>, перед этим содержался в Ивановском концентрационном лагере.
3. Возраст, национальность ... 35 лет, русский и Российский подданный.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении арестован., их возраст Вдов — имею сына 3-х лет, мать — 56 лет, сестру 34 лет, сестру — 26 лет и сестру 21 года. Если был бы на свободе, то на моем иждивении находились бы сын, мать и две сестры <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс Получил высшее юридическое образование. Кончил курс Училища Правоведения.
8. Профессия До февраля 1917 г<ода> состоял на государств<енной> службе.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес До февраля 1917 г<ода> жил у себя в имении в Тамбовской губ<ернии>, а затем в Москве <...>.
10. Чем занимался до февральской революции Состоял на государств<енной> службе, а также занимался земледелием.
11. Чем занимался в 1917 г. Был призван в войска по мобилизации.
12. Чем занимался перед арестом От военной службы был освобожден по болезни. Занятий никаких не было <...>.
17. Когда арестован ... 14-го августа 1918 года.
18. Где арестован В Москве у себя на квартире <...>.
21. Повод к аресту Мне он неизвестен. По словам арестовавших, поводом было знакомство с Горским, которого искали и подозревали в контррев<олюционной> деятельности.
22. Кто еще арестован по этому делу Были арестованы со мной муж моей старшей сестры Лермонтов, который освобожден в феврале прошлого года <...>.
25. В чем обвинение Конкретного обвинения не предъявлено.
26. Есть ли приговор <...> Административным постанов<лением> ВЧК приговорен к центр<ационному> лагерю до конца гражд<анской> войны <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

14 августа 18 г<ода> ко мне на квартиру явились представители Бутырского Районного Совдепа, произвели обыск, расспрашивали про некоего Горскина Александра Павловича — бывшего ранее предводителем дворянства в Нижегородской губ<ернии>, и арестовали меня и бывшего у меня проездом мужа моей сестры Лермонтова², сказав нам, что нас допросят и отпустят. Знакомство же мое с Горскиным было таково: его брат Николай Павлович женат на подруге моей сестры по институту. Случайно встретившись с нею, моя сестра пригласила ее зайти к нам, а затем за нею заходил брат ее мужа — Александр Горскин. Так было два раза, и на этом наше знакомство и окончилось. Занимался ли Горскин какой-либо политической деятельностью, я не знал и не знаю. Думаю, что нет, так как этот человек крайне недалекий, обычно в нетрезвом состоянии. Допросы следователей вертелись вокруг этого вопроса, спрашивали мое отношение к Горскину, мое отношение вообще к политическим партиям, что я делал до и после революции. По данным допросам я мог понять, что меня подозревают в контрреволюции, в участии в организации и т.д. Мне удалось установить мою полную непричастность, но тем не менее следователь Тубак сказал, что, хотя за мной вины нет, и моя непричастность установлена, но «ведь меня имели в виду». Конкретного же обвинения мне предъявлено вообще не было. 12 февраля 1919 г<ода> ВЧК своим постановлением приговорила меня к заключению в лагерь до конца гражданской войны. Из Бутырской тюрьмы, где я содержался, я был отправлен в июне 19 г<ода> в лагерь, сначала Андроньевский, а затем Ивановский, там я пробыл до 25 октября 19 г<ода>, когда был вызван через отдел принуд<ительных> работ (Б<ольшая> Никитская, 45) в Особ<ый> Отд<ел> ВЧК (Лубянка 2). В Особом Отделе при приемке меня от конвоира мне было частно сказано кажется помощником коменданта или кем-то из комендатуры, что я вызван туда по телефонграмме для опроса и что, вероятно, я буду освобожден. Затем был заключен в тюрьму при Особ<ам> Отделе и оттуда переведен в Бутырскую тюрьму 14-го декабря 19 г<ода>, причем за это время не был ни вызван для объяснений, ни допрошен. В настоящее время нахожусь в карантинной камере № 35 кор<пус> 16 Бутырской тюрьмы, совершенно не понимая и не зная, в чем дело. Знаю только, что сестра моя³ хлопочет об отпущении меня на поруки. Владимир фон Лауниц»⁴.

¹ «Опросный лист» заполнен 29 декабря 1919 года.

² Лермонтов Владимир Михайлович.

³ Эмилия Владимировна Лауниц.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 208. С. 5. Автограф.

МИХАЙЛОВ П.И. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Михайлов Петр Иванович.
2. Возраст и семейн. положение	46 лет, вдовец, 2 сына 9-ти и 10-ти лет.
3. Общественное положение	Б<ывший> Народный Судья Шлиссель-б<ургского> у<езда> Петроградск<ой> губ<ернии>.
4. Когда, где и при каких обстоятельствах и с кем арестован	19-го ноября 1918 г<ода> у себя на квартире в гор<оде> Красноборске Северодвинской губернии при проверке документов, как не имевший разрешение на въезд в эту губернию, но имевший лишь в соседнюю Вятскую губернию.
5. Где содержится	В Бутырской тюрьме <...>.
7. Поводы для ареста	Неимение разрешения на въезд в Сев<е-ро>-Двинскую губ<ернию> <...>.

Будучи арестован 1 ноября 1918 года в гор<оде> Красноборске Уездной Чрезвычайной Комиссией за неимение документов на право въезда в Сев<е-ро>-Двинскую губ<ернию>, через две недели по окончании следствия я был препровожден вместе с детьми в гор<од> Великий Устюг в Губернскую Чрезвычайную Комиссию, которая продержала меня ровно 2 месяца в гор<одской> тюрьме без допросов, после чего отправила в Вологду, в Военно-Революционный Трибунал, который в свою очередь направил меня в Москву, в Особый Отдел Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, который направил дело в Верховный Революционный Трибунал. При недавнем допросе следователем Отдела я узнал, что меня так долго держат под арестом за некоторые мысли, записанные мною в дневник моего старшего сына. Но за мысли во все времена у всех народов никогда не преследовали, пока они не претворятся в слово, в дело, в агитацию, в пропаганду. А за эти неосторожные мысли, в которых я искренне и глубоко раскаиваюсь, я перенес при своем слабом здоровье <...> столь тяжелые нравственные и физические мучения за время своего более чем трехмесячного ареста, что одной ногой уже стою в могиле <...> я умоляю проявить к умирающему великодушие и освободить меня <...>².

¹ «Карточка арестованного» заполнена 25 февраля 1919 года.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 221. С. 67. Автограф.

О НОВИКОВЕ М.М.¹ — в МПКК²

«<...> Ординарный профессор Московского Университета и Коммерческого института Михаил Михайлович Новиков арестован в ночь с 19-го на 20-е сентября н<ового> ст<иля> местной Сущевско-Мариинской Чрезвычайной Комиссией. В ответ на запрос, посланный туда Комиссариатом Народного Просвещения ЧК ответила, что гр<ажданин> Новиков арестован по подозрению в возможности участия в контрреволюционной организации, что отчасти и подтверждается изъятой у него перепиской.

21-го и 22-го был допрос и 22-го вечером вынесен местной ЧК приговор — за якобы данную М.М. Новикову взятку в 10 р<ублей> (М.М. Новиков утверждает, что взятки не давал, а дал 3 р<убля> на чай, когда принесли пищу) — на 6 месяцев в тюрьму, а после этого в концентрационный лагерь без срока, за участие в просветительской комиссии Государственной Думы, деятельность каковой комиссии фактически закончилась до октябрьской революции, а ликвидационный отчет был составлен на 1-е января 1918 г<ода>. Никаких других обвинений М.М. Новикову не предъявлено. При обыске, кроме бумаг просветительской комиссии при комитете Государственной Думы, ничего не найдено.

М.М. Новиков, по окончании занятий в Государственной Думе, совершенно отошел от политической деятельности и всецело предался науке и делу народного образования. Он был членом съезда по реформе высшей школы в сентябре 1918 г<ода> при Комиссариате Народного Просвещения. <...> Кроме того, профессор Новиков писал брошюры по заказу высшего Совета Народного Хозяйства <...>³.

После освобождения Новиков М.М. был ректором МУ, в конце 1920 — подал в отставку в знак протеста против вмешательства властей в работу профессуры. Был председателем научной комиссии ВСНХ. В 1922 — выслан из страны. Проживал в Праге, до 1938 — декан Русского народного университета. После 1945 — в Германии. Профессор Мюнхенского университета. С 1949 — проживал в США, был председателем группы русских академиков. В 1960 — скончался.

¹ Новиков Михаил Михайлович, родился в 1876 в Москве. В 1904 — окончил Гейдельбергский университет. Преподаватель МУ. С 1908 — специалист по вопросам образования в Московской городской Думе. В 1912 — член Государственной Думы 4-го созыва. С 1916 — профессор МУ, доктор зоологии, доктор естественных и философских наук Гейдельбергского университета. Автор многих научных трудов.

² «Карточка арестованного» заполнена женой М.М.Новикова 23 сентября 1918.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 226. С. 37. Автограф.

РАЕВСКАЯ О.Н.¹ — в МПКК²

«<...> Я прибыла в Москву в начале октября из Курской губ<ернии> за вещами семьи, оставленными здесь отцом в конце 1917 года. 5 октября зашла к Дмитрию Николаевичу Шипову³, в квартире которого оказалась засада. Меня арестовали. До начала декабря обвинения мне предъявлено не было, а в первых числах декабря в камеру пришла Комиссия, и следователь Скрипник мне сказал, что я обвиняюсь в участии во Всероссийском монархическом союзе, причем прибавил: «Я говорю вам это для того, чтобы вы не имели права говорить, что обвинения вам не предъявлено». На втором допросе в конце октября следователь Шмидт сказал, что мое показание о времени приезда в Москву не сходится с показанием Бакланова, у которого я остановилась. На первом и втором допросе я показала, что арестована в день приезда, хотя в действительности пробывала в Москве несколько дней, но я не была уверена, прописана ли я, и опасалась, если не прописана, подвести квартирохозяев.

На третьем допросе 24 января я дала объяснение этому противоречию. Т<ак> к<ак> и на этом допросе мне конкретного обвинения предъявлено не было, то единственным моим преступлением может быть только пребывание не прописанной несколько дней, и я думаю, что я понесла уже достаточную кару за это, просидев в тюрьме более 4-х месяцев. Ни в каких союзах и организациях не состояла и не состою <...>»⁴.

РАЕВСКАЯ О.Н. — в ПКК⁵

«<...> Я была арестована 5 октября 1918 года в кв<артире> Дмитрия Николаевича Шипова. Дочь его была арестована в засаде в кв<артире> Белявской, после ареста дочери Дмитрия Николаевича были арестованы его сыновья и в квартире Дмитрия Николаевича была оставлена засада. Я пришла по личному делу к Дмитрию Николаевичу, а не к его детям. Белявская освобождена в начале декабря, Шипова тоже уже на свободе, а меня все еще держат в заключении. <...> 12 февраля я приговорена к заключению в концентрационный лагерь без указания срока и с 12 апреля нахожусь в Покровском лагере принудительных работ <...>»¹.

¹ Раевская Ольга Николаевна, родилась в 1888. Дочь земского деятеля. Проживала в Курской губернии. 5 октября 1918 – арестована в засаде и заключена в БТ. Обвинялась по групповому делу «Всероссийского монархического союза».

² «Карточка арестованного» заполнена 15 февраля 1919 года.

³ Шипов Дмитрий Николаевич был арестован как «активный участник “Национального Центра” и казначей организации». Скончался в тюрьме во время следствия.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 240. С. 136. Автограф.

⁵ Заявление от 26 мая 1919 года.

ПКК — в ПРЕЗИДИУМ ВЧК²

«<...> Препровождая при сем поручительство за Ольгу Николаевну РАЕВСКУЮ, арестованную более 8 мес<яцев> тому назад, Политический Красный Крест просит дать делу РАЕВСКОЙ надлежащий ход <...>»³.

«<...> 1919 г<ода> июня 15 дня граждане 1-го Богословского общества Богословск<ой> волости Старооскольск<ого> уезда Курской губ<ернии>, собравшись под председательством председателя нашего Совдепа Ивана Стефановича ИЛЬИНОВА в числе 27 из 35 домохозяев, постановили этот протокол в нижеследующем: Дочь нашего гражданина Николая Владимировича РАЕВСКОГО, в прошлом 1918 г<оду>, в начале октября месяца, была арестована в Москве и до настоящего времени находится в заключении. Означенная Ольга РАЕВСКАЯ проживала в нашем обществе с апреля месяца 1917 г<ода> до отъезда в Москву за вещами родителей в половине сентября 1918 г<ода>; за это время ездила один раз в ноябре месяце 1917 г<ода> на неделю в город Курск для свидания с родителями; за все время пребывания в нашем обществе никогда в контрреволюционных действиях или разговорах против Советской Республики замечена не была, также как и все семейство РАЕВСКОГО, причем один сын РАЕВСКОГО пошел добровольцем в Красную Армию. Принимая во внимание, что в семье РАЕВСКОГО дочь Ольга является единственной способной к труду женщиной, мы постановили просить соответствующее учреждение освободить Ольгу РАЕВСКУЮ из заключения совсем или же, в крайнем случае, освободить на поруки всего нашего общества. В чем и подписуемся <...>»⁴.

4 июля 1919 — в МПКК пришел ответ: «С возвращением поручительства за РАЕВСКУЮ Ольгу Николаевну, сообщая, что в Вашей просьбе ВЧК отказывает»⁵. В ноябре 1931 — Николай Владимирович Раевский находился в лагере, а его дочь Ольга была в ссылке в Яренске Северо-Двинского округа и просила ходатайства ПКК о пересмотре дела отца и его досрочном освобождении, как неизлечимо больного.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 240. С. 141. Автограф.

² Заявление от 15 июня 1919 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 240. С. 138. Машинопись.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 240. С. 137. Автограф.

⁵ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 240. С. 139. Машинопись.

ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ А.А. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Аникита Андреевич Ширинский-Шихматов.
2. Возраст ...	23 года ² , холост.
3. Общественное положение	Конторщик в Общественно-Потребительском кооперативе для заготовки топлива, именуемом «Кооператор».
4. Когда, где и при каких обстоятельствах и с кем арестован	На регистрации бывших офицеров 7-го августа 1918 г <ода> в Алексеевском военном училище были отобраны паспорта, учетные карточки и удостоверения о месте службы.
5. Где содержится	В одиночной кам<ере> № 72 Бутырской тюрьмы <...>.
7. Поводы для ареста	Поводы к аресту мне неизвестны, и я не могу даже приблизительно это выяснить, ввиду того, что даже следователи не только не знали, в чем я обвиняюсь, но не знали, по чьему распоряжению я арестован.
8. Были ли допросы и когда	Были 2. <...> Арестован я был с бывшими офицерами Бобровыми, причем меня спросили, как я с ними познакомился, на что ответил, что это произошло случайно, и встречался 2-3 раза <...>.
12. В чем просьба	Оказать юридическую помощь, по возможности узнать, в чем меня обвиняют (при посещении меня зав<едующим> след<ственным> отд<елом> МЧК тов<арищем> Манцевым сказано мне, что я обвиняюсь в шпионаже). Может они путают меня с моими двоюродными братьями, которые в прошлом году состояли при английской миссии, но я не чувствую себя ни в чем виноватым, потому что политической никогда не занимался <...> ³ .

¹ «Карточка арестованного» заполнена 16 февраля 1919 года.

² Родился в 1896 в Тульской губ. (по другим данным, в Москве). Князь. Отец был саратовским губернатором.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 275. С. 146. Автограф.

На «Опросном листе» секретарем ПКК записано — «Лагерь Ивановск<ий> до конца гражд<анской> войны». В начале 1920-х — Аникита Андреевич был освобожден. В середине 1920-х — принял монашество, позднее возведен в сан иеромонаха.

В сентябре 1930 — арестован. 13 января 1931 — приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в Вишерлаг на ст. Усольская Пермской области, позднее был переведен в Сиблаг.

12 октября 1930, 25 мая 1931 и 18 декабря 1932 — его мать, Ширинская-Шихматова Людмила Георгиевна, находящаяся в то время в ссылке во Владимире, обращалась в ПКК с просьбами о ходатайстве:

- разрешить ей свидание с сыном (отказано);
- снять сына с тяжелых физических работ в лагере (отказано);
- заменить ему лагерь ссылкой на тот же срок (отказано).

9 марта 1935 — Людмила Георгиевна вновь обратилась за помощью к Пешковой Е.П.

«<...> Я усердно прошу о след<ующем>: мой сын, Аникита Андр<еевич> Ширинский-Шихматов, уже 2 года отбывает свой срок. Я имела от него за это время письма, которые доходили на 8-9 день. Теперь я уже около ½ года не получаю известий, несмотря на то, что за это время я ему послала 1 посылку, 2 перевода и неск<олько> писем. Очень прошу вас, если можно, навести справку — жив ли он. Адрес его: станция Яя по Томской ж<елезной> д<ороге>. Мебельная фабрика ОГПУ “Стандарт”, резчик <...>»¹.

В марте 1936 — освобожден из лагеря досрочно как ударник. Поселился в Томске, служил в Троицкой церкви. 23 июня 1937 — арестован как «участник “Союза спасения России”». 3 сентября 1937 — приговорен к ВМН. 17 сентября расстрелян.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 275. С. 147. Автограф.

Анксту приняла

Москва, Август 7 дня 1920 г.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ МОСКОВСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА. 62

1. Фамилия Александрович имя, отчество Игорь Иванович
2. Где содержится (тюрьма, кор. нам.; лагерь; Ч. К. и т. д.)
3. Возраст, национальность, подданство
4. Семейное положение и кто находится на издании арестован, их возраст
5. Не болен ли и чем?
6. Заболел в тюрьме или до ареста
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс
8. Профессия
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес
10. Чем занимался до февральской революции
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г.
12. Чем занимался перед арестом
13. Занимал ли какую-либо должность по выборам, каковую и где
14. Средний месячный заработок перед арестом
15. Партийность до октября 1917 г. (ответ по желанию)
16. Привлекался ли когда-нибудь раньше по политическим делам, когда, в чем обвинялся, чем окончились те дела
17. Когда арестован по настоящему делу
18. Где арестован
19. Когда доставлен в Москву
20. По ордеру какого учреждения арестован
21. Повод к аресту
22. Кто еще арестован по этому делу
23. За кем числится
24. Когда, где и кем допрошен

Полтавская губерния.
Орлов. купцы, кама. № 60
56, Новоросск, Россійские
Лесост. Центр, 63 г. н. т.

и Myocarditis, острый артрит аорты, аортит, расширение аорты, ядро надкостничной дольки.

В. Павсеев из Корнуя

Воскресенский и администратор
Петроград. Кинематограф
просп. 1: 54,

На военн. Казарен. 16 Рев. Сиб. д.
На военн. Казарен. 16 Рев. Сиб. д.
в
Коллежского Секрет. Сибир. Кр.
Сиб. К. Высочайш. по Высочайш. К.
с пенсией.

Менію Зубовий.
Никакой парсий не признаю
Ахте

14 Сент. 1918 г.

L. Owen

3 Nov 1918.

Оршанской Е. К.

Ген. Товарищу Мюн. Кнот.
Ген. Фрэн.

Родился в Мелитопольском уезде
в селении Кизимово, в семье
дворянина Мелитопольского уезда
Павла Ивановича Кизимовича и
Анастасии Ивановны Кизимовны.

1919 год

«Что такое заложник?

Это пленный член того общества или той организации, которая с нами борется, причем такой член, который имеет какую-нибудь ценность, которым этот противник дорожит, который может служить залогом того, что противник ради него не погубит, не расстреляет нашего пленного товарища. Из этого вы поймете, что заложниками следует брать только тех людей, которые имеют вес в глазах контрреволюционеров.

За какого-нибудь сельского учителя, лесника, мельника или мелкого лавочника, да еще еврея, противник не заступится и ничего не даст.

Они чем дорожат?.. Высокопоставленными сановными лицами, крупными помещиками, фабрикантами, выдающимися работниками, учеными, знатными родственниками, находящимися при власти у них лиц и тому подобными.

Из этой среды и следует брать заложников. Но так как ценность заложника и целесообразность на месте не всегда легко установить, то следует всегда запросить центр. Без разрешения Президиума ВЧК впредь заложников не брать. Ваша задача взять на учет всех лиц, имеющих ценность как заложников, и направить эти списки нам.

Второй вопрос — это специалисты. Наши специалисты в своем большинстве люди буржуазного круга и уклада мыслей. Весьма часто родовитого происхождения.

Лиц подобных категорий мы по обыкновению подвергаем аресту как заложников или же помещаем в концентрационные лагеря на общественные работы. Прodelывать это без разбора и со специалистами было бы очень неблагоприятно.

У нас еще мало своих специалистов. Приходится нанимать буржуазную голову и заставлять их работать на советскую власть <...>.

**Председатель ВЧК Дзержинский
Зав. Секретным отделом Лацис»¹**

«Во всех губернских городах в указанные особой инструкцией сроки должны быть открыты лагеря, рассчитанные не менее чем на 300 человек каждый»².

¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 511. С. 160-161. Типографский экземпляр.

Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917-1991: Справочник. М., Материк, 2003, с.347-348.

² Из постановления ВЦИК «Организация лагерей принудительных работ». «Правда» от 17 мая 1919 года.

«Жена, мать, дочь офицера бросаются в тюрьму, расстреливаются. Иногда это происходит потому, что офицер исчез, есть подозрение, что он ушел к белым. Иногда офицер уже давно убит, а родных все-таки берут в плен, потому что весь офицерский класс держится под подозрением»¹.

«<...> В момент самой напряженной борьбы рабочих и крестьян против восстановления свергнутой власти помещиков и капиталистов многие бывшие эксплуататоры, оставшиеся в пределах Советской России, продолжают свои всевозможные происки с целью помощи Деникину, Юденичу и др<угим> царским генералам. Заводчики и фабриканты на своем тайном съезде подготавливают захват фабрик и заводов, принадлежащих трудовому народу; бывшие помещики, под видом советских сотрудников, устраиваются в советских хозяйствах и восстанавливают местных крестьян против советской власти; кадетские домовладельцы, бароны и бывшие князья устраивают заговор в самом центре Советской России.

Поэтому Рабоче-крестьянское Правительство, в интересах самозащиты трудящихся масс, находит необходимым по примеру того, что им было сделано по отношению к военным специалистам, работающим в Красной Армии, открыто установить определенный и тоже регулируемый законом контроль над бывшими помещиками и капиталистами, выяснить их наличность, место пребывания и их нынешнее занятие <...>.

Исходя из этих соображений, СНК постановляет:

Поручить НКВД немедленно произвести на основании особой инструкции регистрацию указанных выше элементов, за исключением тех из них, которые занимают командные должности в Красной Армии, как уже зарегистрированных.

Подвергнуть конфискации имущество и каре, полагающейся уличенным в государственной измене, тех из них, которые уклоняются от регистрации <...>»².

«По приказанию Председателя Революционного Военного Совета товарища Троцкого требуется установление семейного положения командного состава бывших офицеров и чиновников и со-

¹ Из доклада ЦК Российского Красного Креста. Волков С.В. С. 75.

² Из «Декрета об обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности в царском и буржуазном строе». Опубликовано в «Известиях ВЦИК», 1919, № 214 (23 сентября 1919). ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 296. С. 16.

хранение на ответственных постах только тех из них, семьи которых находятся в пределах Советской России, и сообщение каждому под личную расписку — его измена и предательство повлечет арест семьи его и что, следовательно, он берет на себя, таким образом, ответственность за судьбу своей семьи»¹.

«В исполнение Постановления СНК от 23 сентября 1919 г<о-да> НКВД предписывает всем Исполкомам произвести регистрацию указанных в декрете СНК лиц в нижеследующем порядке:

1. Обязательной регистрации подлежат:

а) Чиновники прежних правительств в чине не менее действительного статского советника, бывшие офицерские чины особого корпуса жандармов, бывшие прокуроры, товарищи прокуроров, председатели и члены судебных палат, министры и товарищи министров, директора и вице-директора департаментов, сенаторы, члены государственного совета, губернаторы и генерал-губернаторы, полицмейстеры, исправники, градоначальники, председатели Губернских и Уездных Земских Управ, члены Губернских Земских Управ, городские головы губернских и уездных городов, члены городских Управ губернских городов <...>»².

«<...> У нас на штатных должностях не хватает больше 70-ти процентов генерального штаба, а процент некомплекта на фронте достигает 82. Таким образом, вся тяжесть работы, требующей военно-научной подготовки и знания специальности, в штабах ложится на 15-35 процентов наличных работников, особенно на фронте, доводящей их до крайнего переутомления и значительного процента заболеваемости среди этих первоклассных работников. Вообще должен свидетельствовать, что лица генерального штаба, являясь руководителями операций, исполняют свою работу в высшей степени добросовестно, честно и с гораздо большей затратой энергии, чем это делалось и требовалось условиями службы старой императорской армии. Эти лица генерального штаба исполняют свою тяжелую работу, не ропща, не жалуясь, отказываясь даже от всякой личной жизни, почему чрезвычайное переутомление сделало этих людей нервными и до крайней степени впечатлитель-

¹ Из приказа Троцкого. Лето 1919 года. Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. М., 2000. С.55.

² Выдержка из «Инструкции Народного Комиссариата внутренних дел о порядке регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности в царском и буржуазном строе». Ф. 130. Оп. 3. Д. 123. С. 36.

ными ко всяким бестактным выходкам и несправедливостям по их адресу. Бестактность по отношению к лицам генштаба замечается со стороны тех комиссаров, которые к ним приставлены <...>. Не менее сильное впечатление на штабных работников производит несправедливое отношение к группе лиц генерального штаба вообще. До сих пор еще, к крайнему сожалению, удерживаются и в печати и в речах митинговых ораторов перед огромным стечением народа фразы, оскорбительные по отношению лиц генерального штаба. Упреки в продажности, упреки в контрреволюционности, упреки в саботаже сыплются со всех сторон.

Последнее время особо волнует всех внезапный и совершенно ни для кого не понятный арест офицера генерального штаба Теодори, который всем известен, как верный и добросовестный работник для Советской власти на весьма ответственном посту. Со своей стороны, могу сказать, что Теодори, несомненно, оказал большие услуги нам, в особенности летом 1918 года, когда внутри страны кипели мятежи, которые надо было подавлять распоряжениями из Оперода, где военруком состоял Теодори, а равно, когда нам необходимо было бороться против чехословацкого корпуса, Теодори считался одним из способнейших лиц генерального штаба и известен всем, как преданный Советской власти человек, почему его внезапный арест произвел ошеломляющее впечатление на весь генштаб. Это впечатление усиливается за последние дни тем обстоятельством, что Теодори не предъявляется никаких обвинений, и что их даже нет <...>.

В штабе Приуральского округа без всякого основания был арестован весь состав генерального штаба.

1-го апреля в штабе 1-й армии, по единоличному решению члена РВС 1-й армии тов<аршица> Калнина, без суда и следствия был расстрелян помощник начальника радиотелеграфа Венденбаум <...>.

Во время моего посещения Восточного фронта я вынес впечатление полного подавления духа лиц генерального штаба, работающих на Восточном фронте»¹.

¹ Из доклада главнокомандующего вооруженными силами Республики, Вацетиса И.И. – Ленину В.И., отправленного из Серпухова 18 апреля 1919 года. Большевицское руководство. Переписка. 1912 – 1927. Сборник документов. М., РОССПЕН, 1996. С. 85-89.

АЛАТЫРЦЕВ В.Ф. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Алатырцев Владимир Федорович.
2. Где содержится (тюрьма, кор. кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.)	Бутырская тюрьма, 12 кор<пус>, Особая камера.
3. Возраст, национальность	26 лет ² , русский.
4. Семейное положение	Холост, мать 55 лет <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Кончил кадетский корпус ³ , военное училище в 1913 г<оду>.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Москва, Самотечный проезд, дом 16, кв<артира> 12.
10. Чем занимался до февр. рев.	Офицер.
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г.	Был в плену в Германии до 10 декабря 1918 г<ода> (всего 3 года 8 месяцев).
12. Чем занимался перед арестом	Начальник хоз<зяйственного> ком<итета> 9-го стр<елкового> бат<альона> жел<езной> дор<оги> ⁴ .
13. Занимал ли должность по выборам...	Нет <...>.
17. Когда арестован	11-го октября 1919 г<ода>.
18. Где арестован	На службе, Новая Басманная 5 <...>
20. По ордеру какого учрежд.	Особый отдел ВЧК.
21. Повод к аресту	Участие брата в белогв<ардейской> организации.
22. Кто еще арестован по этому делу	Брат Николай Федорович ⁵ и некоторые сослуживцы.
23. За кем числится	За Особым отделом ВЧК.
24. Когда, где и кем допрошен	5-го ноября 1919 г<ода> допрошен в тюрьме Особого отдела ВЧК на Лубянке 2, следователем Аграновым.
25. В чем обвинение	Обвинения не предъявлено.
26. Есть ли приговор по делу	Нет <...>.

¹ «Опросный лист» заполнен 31 декабря 1919 года.

² Родился 6 июля 1893 в Оренбурге. Отец был полковником.

³ В 1911 – окончил Полоцкий КК и Павловское ВУ.

⁴ С марта 1918 – служил в Красной Армии.

⁵ Алатырцев Николай Федорович, родился в 1897 в Оренбурге. Окончил ВУ. С 1914 – на фронте в чине поручика. Арестован вместе с братом, в марте освобожден. Позднее вновь был арестован и расстрелян ВЧК.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

5-го ноября 1919 года, спустя три недели со дня ареста, я в два часа ночи был вызван для допроса из камеры следователем Аграновым.

Он мне заявил, что в полку железнодорожной охраны 35-м Тверском, где служил мой брат и я, нашлись участники военного заговора, среди которых (заговорщиков) находится, как он мне сказал, мой брат Николай. Мне был показан протокол допроса брата, который сознался, что знал о заговоре. Все это я впервые узнал лишь в эту ночь, так как с братом живу на разных квартирах и на политические темы не беседовал. Следователь Агранов заявил, что он знает, что я не участвовал в заговоре и что он меня завтра, т^о е^{сть} 6-го ноября, отпустит. Но после этого я сижу до сего дня.

В начале декабря, при обходе камер тюрьмы Особого Отдела ВЧК начальником Особого Отдела и следователем Аграновым, я заявил о себе, на что мне следователь ответил, чтобы я не беспокоился, так как мне ничего дурного не будет; затем сейчас же Агранов обратился к н^{ачальни}ку отдела Повлунову и спросил его, что делать с Алатырцевым Владимиром, его брат состоит в белогвардейск^{ой} организ^ации; на что н^{ачальни}к отдела ответил: «Мы о нем поговорим после». Спустя дня четыре я был переведен в Бутырскую тюрьму.

Подпись

Владимир Алатырцев»¹.

В марте 1920 — Владимир Федорович Алатырцев был освобожден, до апреля 1922 — служил в Красной армии. После демобилизации работал табельщиком на заводе в Москве.

4 ноября 1930 — арестован как «участник контрреволюционной белогвардейско-офицерской группировки, связанной с белоэмигрантскими кругами за границей». 12 января 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ. Отправлен в лагерь.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. оп. 1. Д. 171. С. 94. Автограф.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ А.И.¹ — в МПКК²

«<...> Один из двух моих родных племянников, сыновей моего брата, умершего в 1900 г<оду>, во время Германской войны вышел в математического факультета Москов<ского> университет<ета> в 4 курса и поступил вольноопределяющимся сапером в армию, к 1917 году он был уже не то поручиком, не то подпоручиком. В 1918 году братом моим Михаилом Ивановичем было получено от него письмо, где он писал, что находится на Кавказе и ничего о себе писать более не будет, но что он надеется прибыть в Москву <...> Письмо это арестовано агентом МЧК при обыске у брата Мих<аила> Иванов<ича>³ и находится при деле в МЧК. По сообщению следователя, он со времени Октябрьской революции находится в армии белых и лишь за последние 3 месяца МЧК о нем сведений не имеет. Я же, мои родственники и мать его никаких о нем сведений не имели и даже предполагали его погибшим. Зовут этого племянника Леонид Николаевич Александровский. Другой племянник, брат Леонида, Борис Николаевич⁴, поступил в армию красных врачом и занимал должность помощника дивизионного врача, по сведениям МЧК перешел на сторону белых летом 1919 г<ода>. Племянники молодые люди до 30 лет <...>».

Очень прошу Красный Крест выяснить, почему я арестован, какой есть декрет об ответственности и каких родных <неразб.>, не подлежу ли я амнистии, и вообще насколько и какие основания имеет мой арест <...>»⁵.

На «Опросном листе» М.И. Александровского секретарем ПКК записано: «Алексей и Михаил Ивановичи приг<оворены> 21/II в лагерь до конца гражд<анской> войны».

¹ Александровский Алексей Иванович, родился в 1872. Окончил юридический факультет МУ. Служил в судебном ведомстве в чине статского советника, с 1913 – в отставке. С ноября 1919 – служил старшим курьером. 22 декабря 1919 – арестован и заключен в БТ.

² «Опросный лист» заполнен 21 января 1920 года.

³ Александровский Михаил Иванович, родился в 1865. Окончил МУ. Преподавал в гимназии. Служил в Обществе охраны памятников, с 1915 – в отставке. С 1918 – преподавал на военных курсах. 20 декабря 1919 – арестован как заложник и заключен в БТ.

⁴ Александровский Борис Николаевич, родился в 1893. Окончил медицинский факультет МУ. С 1914 – военврач на фронте, с 1918 – в Красной Армии.

⁵ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 332. С. 27. Автограф.

ОБ АЛЕКСЕЕВЕ Н.И.¹ — в ПКС²

«<...> Прошу Вашего ходатайства об ускорении расследования дела и освобождении мужа моего Николая Ивановича Алексеева, 53 л<ет>, (бывшего генерала)³, арестованного 6-го июля сего года на Остоженке, по Савеловскому пер<еулку>, д<ом> 10, кв<артира> 2, совместно с моим отцом Ипполитом Ильичем Чайковским⁴ по ордеру МЧК за № 4925 и отправленных на Лубянку, д<ом> 14⁵. Муж и отец через 3-4 дня были препровождены в Бутырскую тюрьму, где муж находится и по сие время <...> После предварительного следствия, 13-го июля отец мой был освобожден за преклонным возрастом, 76 л<ет>, а муж и Август Александрович Дмитриев снова отправлены в Бутырскую тюрьму, 4 кор<идор>, камера 33-я, хотя никакого обвинения им предъявлено не было <...> Вот уже больше месяца, как они заключены, а допроса еще не было и обвинения не предъявлено; между тем Штабом Продармии, где служил мой муж, была отправлена бумага в ВЧК с запросом о причине ареста мужа и ходатайством о скорейшем его освобождении, на которую никакого ответа от ВЧК не получено, затем была отправлена тем же Штабом вторично бумага о том же и также ответа от ВЧК не последовало. После этого начальством мужа моего А.И. Морозовым, членом ЦИК, и В.В. Хмелевским, состоящим для поручений при помощнике н<ачальни>ка войск внутренней охраны (оба коммуниста), отправлена бумага в ВЧК о своем согласии взять на поруки мужа моего и Дмитриева, и все же ВЧК продолжает упорно молчать и не отвечать ни на одну бумагу. <...> Не могу не прибавить, что муж мой, будучи ранен и дважды контужен в последнюю войну, страдает хронической болью спины и, конечно, тюремный режим чрезвычайно тягостен для его здоровья. Силы его слабеют, о чем он мне заявил на последнем свидании 30-го июля <...>»⁶.

13 сентября 1919 — Алексеев Николай Иванович был расстрелян. Похоронен на Калитниковском кладбище.

¹ Алексеев Николай Иванович. Письмо его жены, Натальи Ипполитовны Алексеевой.

² Письмо от 19 августа 1919 года.

³ Алексеев Николай Иванович, родился в 1868. Офицер гвардии. Участник Первой мировой войны, с 1916 – генерал-майор, в 1918 – демобилизован из армии.

⁴ Чайковский Ипполит Ильич, брат композитора Петра Ильича Чайковского. Бывший генерал царской армии. Вышел в отставку в 1880-х годах. Служил на Казанской железной дороге, с 1917 – на пенсии.

⁵ Арестованы как «участники контрреволюционного заговора».

⁶ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 271. С. 107. Машинопись, подпись – автограф.

ОБ АРСЕНЬЕВЕ В.С.¹ — в ПКК²

«<...> Прошу Вашего содействия в переводе брата моего, Василия Сергеевича Арсеньева, арестованного в Орле 23-го июля н<ового> ст<и-ля>, из Орла в Москву. Брат мой арестован был по личному ордеру в качестве заложника, за служебное прошлое — до революции 1917 года он состоял вице-губернатором Псковской губ<ернии>. В данное время он находится в заключении в концентрационном лагере в Орле <...>»³.

На письме — помета секретаря ПКК: «19/VIII-19. Указано: при разгрузке концентрационных лагерей наблюдается стремление переводить из Москвы. Хлопотать посему о переводе в Москву оснований не имеется. С помощью авторитетного поручительства (коммунистов, видных общ<ественных> деятелей) можно хлопотать об освобождении».

12 сентября 1919 — благодаря ходатайству двух коммунистов был освобожден.

ОБ АРСЕНЬЕВЕ В.С. — в ПКК⁴

«<...> Прошу не отказать мне содействовать освобождению брата моего, Василий Сергеевича Арсеньева, арестованного 20-го сентября с<его> г<ода> в Москве, на Остоженке, во 2-м Ушаковском пер<еул-ке>, № 3, в канцелярии Высшей Школы Военной Маскировки, и содержащегося в данное время в Бутырской тюрьме. Брат мой поступил 15-го июля с<его> г<ода> в канцелярию означенной школы в качестве переводчика, 20-го числа того же месяца он поехал в Орел с целью привезти жену, где и был арестован 23/VII и содержался в Орловском концентрационном лагере в качестве заложника. 12/IX он был освобожден и приехал в Москву 17/IX. Здесь ему предложили более выгодную службу в Главном Управлении Архивными Делами, кот<орую> он и хотел принять. По предложению Д.Б. Рязанова (комиссара архивов) он отправил-

¹ Арсеньев Василий Сергеевич, родился 14 марта 1883 в Софии. Отец видный дипломат. Окончил АЛ. С 1904 — служил в Московском Главном архиве МИДа, с ноября стал чиновником особых поручений при Владимирском губернаторе. С 1906 — в МИДе, с марта 1908 — советник Витебского губернского правления, с августа 1910 — член Тульского губернского присутствия. С марта 1915 — помощник уполномоченного ПКК в Туле.

² Письмо Анны Сергеевны Арсеньевой, сестры В.С. от 15 августа 1919 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 172. С. 187. Автограф.

⁴ Письмо Анны Сергеевны Арсеньевой, сестры В.С. от 4 октября 1919 года.

ся 20/IX в канцелярию школы, чтобы ликвидировать свою тамошнюю службу. Там всех приходящих арестовывала засада от Особого Отд<е-ла> ВЧК. С тех пор он находится в заключении. Таким образом он на службе в школе находился 7 дней <...>»¹.

В начале декабря 1919 — по ходатайству ПКК Василий Сергеевич Арсеньев был освобожден. Работал в Главном Архиве МИДа. 27 декабря 1919 — вновь арестован на своей квартире вместе с сестрой Анной², а 2 января 1920 — по его делу были арестованы отец³, мать⁴ и сестра Вера⁵. Все они вскоре были освобождены.

16 ноября 1922 — Анна Сергеевна и Вера Сергеевна были отправлены на 3 года в ссылку в Архангельскую область. В 1931 — вместе с матерью Екатериной Васильевной находились в Архангельске. В сентябре мать обратилась к Пешиковой Е.П. с просьбой ходатайствовать об освобождении ее больной дочери Анны, у которой была обнаружена болезнь крови. В октябре 1931 — Анне Сергеевне было разрешено приехать в Москву на консультацию к врачам, но на один месяц.

Арсеньев Василий Сергеевич после освобождения преподавал в Архивном институте, с августа 1923 — работал в Румянцевской библиотеке, с 1925 — преподавал географию в 1-м Институте социального перевоспитания, после увольнения перебивался случайными заработками. В конце 1920-х — вновь арестован, приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен в СЛОН. После освобождения сотрудничал с издательством «Звенья», с Комиссией по устройству Центрального Литературного Музея. В январе 1933 — арестован по обвинению в «антисоветской агитации». 14 марта был освобожден, и дело было прекращено. В январе 1934 — при содействии супруги посла Великобритании и помощи немецких родственников⁶ выехал с женой⁷, невесткой и племянником⁸ в Германию. В 1944 — переехал в Брюссель, где 22 декабря 1947 — скончался.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 169. С. 23. Автограф.

² Арсеньева Анна Сергеевна, родилась в 1897 году. После окончания гимназии служила в учреждении.

³ Арсеньев Сергей Васильевич, родился в 1854 году.

⁴ Арсеньева Екатерина Васильевна, родилась в 1858 году.

⁵ Арсеньева Вера Сергеевна, родилась в 1894 году. Служила научным сотрудником в Главном архиве МИДа.

⁶ Был выкуплен.

⁷ Арсеньева Ольга Александровна.

⁸ Нарышкина С.П. и Нарышкин А.Б., сын расстрелянного Б.А. Нарышкина.

БЕННИГСЕН К.П.¹ — в МПКК²

«<...> 22-го мая 1919 г<ода> я была арестована на квартире вместе с моей подругой Урусовой, как заложница-дворянка в связи с наступлением на Петроград. После допроса Урусова, не имеющая родственных-мужчин, была освобождена, я же б<ыла> оставлена для дальнейшего содержания. На допросе я сообщила, что имею 3-х братьев, из которых старший, Эммануил, бывший член Госуд<арственной> Думы и Главного Упр<авления> Кр<асного> Кр<еста>, уехал при Временном Правительстве вместе с женой и двумя дочерьми в Копенгаген. Второй, Георгий, офицер Невского полка, попал в плен с армией Самсонова и в 1917 г<оду> б<ыл> интернирован в Данию, куда с разрешения нынешнего правительства к нему выехали жена и малолетний сын. Младший, Адам, бывший офицер Конно-Гвард<ейского> полка, уехал летом 1914 г<ода>, по совершенно расстроенному здоровью, с женой и двумя маленькими детьми в Сухум, где службой на колбасной фабрике содержит себя и семью.

На допросе не могла сообщить точных сведений о местонахождении этого брата, не находясь с ним в переписке, и узнала это только впоследствии из писем матери, которые на всякий случай сохранила. Думаю, что это и есть причина, почему меня держат. Убедительно прошу Политический Красный Крест обратить особое внимание на мое дело и способствовать моему освобождению и возвращению в Петроград, где в это трудное время мать и больная сестра особенно нуждаются в моем уходе и помощи. К.П. Беннигсен»³.

В январе 1921 года Беннигсен К.П. заполнила еще один «Опросный лист», в котором сообщила о приговоре — «заклучение в концлагерь до конца гражданской войны» — а в «Особых замечаниях» отметила: «Предполагаю, что я являюсь заложницей за братьев, уехавших еще до революции с семьями за границу. Но, в виду того, что с 1909 г<ода> из-за расхождения во взглядах я совершенно откололась от семьи и проживалась в жизни самостоятельно, то считаю, что за поступки братьев, с которыми никогда ничего общего не имела, ответственной быть не могу <...>»⁴.

¹ Беннигсен Ксения Павловна, родилась в 1884. Окончила гимназию, служила конторщицей, с 1914 — на фронте сестра милосердия, потом лечилась в деревне, с 1918 — служила в Комгортхозе.

² «Опросный лист» зарегистрирован в ПКК 30 марта 1920 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 179. С. 22. Автограф.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 177. С. 215. Автограф.

7 ноября 1920 — Беннигсен К.П. по ноябрьской амнистии срок приговора был сокращен. 14 февраля 1921 — в Президиум ВЧК направлено ходатайство МПКК: «Принимая во внимание, что Беннигсен 1 год и 8 месяцев лишена свободы, так что назначенное по амнистии наказание она давно уже отбыла полностью, просим сообщить Коменданту Брестской Концентрационной Больницы об отбытии Беннигсен наказания и немедленном ее освобождении».

БЕННИГСЕН К.П. — в ПКК¹

«<...> Несмотря на отношение коменданту Брестской б<ольни>-цы от 14/II с<его> г<ода> за № 987 о моем освобождении, пересланному 19/II за № 215 <...> я все еще до сих пор не освобождена, и из ответа Ивановского л<агеря> [следует], что это отношение не дает права на освобождение, что оно пришито к делу, видно, что дальнейшего хода делу не дается.

Убедительно Вас поэтому прошу выяснить достоверность моего освобождения и помочь мне скорей получить ордер»².

Несмотря на обращение МПКК к коменданту Ивановского концлагеря, а также в ВЧК, Беннигсен К.П. так и не была освобождена.

БЕННИГСЕН К.П. — в ПРЕЗИДИУМ ВЧК³

«22-го мая я была арестована в квартире вместе с моей подругой Урусовой, как бывшие титулованные дворянки, и отведены в Мытнинский арестный дом. 29 мая были переведены на Шпалерную, откуда моя подруга спустя несколько дней была освобождена <...>.

Не чувствую за собой никакой вины и, не понимая причины моего ареста, прошу ускорить разбор моего дела и содействовать моему освобождению. Гражданка Ксения Беннигсен»⁴.

Лишь к концу года Беннигсен К.П. была освобождена и вернулась в Петроград к семье. В декабре 1934 — сестры Ксения и Ольга Беннигсен были высланы из Ленинграда в Атбасар Актюбинской области. В 1936 — они просили ходатайства ПКК о досрочном выезде их в Актюбинск.

¹ Заявление от 19 марта 1921 года.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 177. С. 217. Автограф.

³ Заявление от 28 июля 1921 года.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 178. С. 66. Автограф.

БОБРИНСКИЙ П.А. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Бобринский Петр Алексеевич.
2. Где содержится	Тюремная больница.
3. Возраст, национальность, подданство	51 г<од> ² . Великоросс. Российская Со- в<етская> респ<ублика> <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Николаевский кадет<ский> корпус и заграничный <неразб.>.
8. Профессия	Сельское хозяйство <...>.
10. Чем занимался до февр. рев.	Служил ³ <...>.
16. Привлекался ли когда-нибудь раньше	10 августа 1918 г<ода> в Туле.
17. Когда арестован	9 июня 1919 г<ода> в Москву.
18. Где арестован	Тула ⁴ с отправкой в Москву <...>.
21. Повод к аресту	Буржуй <...> ⁵ .

На первом же допросе Бобринский Петр Алексеевич показал, что в кофейне на Большой Никитской улице откровенно говорил с незнакомым человеком, подтвердив, что «в разговоре о продовольственной разрухе я высказывал ему, правда, в резкой и горячей форме, что народ устал от гражданской войны, и выражал мнение, что насилием ничего нельзя достигнуть. Выражал свое мнение совершенно откровенно и открыто так же, как и мой оппонент мне возражал также открыто и откровенно».

10 июля 1919 — Бобринскому П.А. предъявлено «Постановление», в котором говорилось: «Как заклятый враг рабочего класса, избличается в противосоветской агитации среди публики в кафе и возбуждении в народных массах недоверия к Советской власти и отвращения к Красной Армии»⁶. 18 августа приговорен к заключению в концентрационный лагерь до конца гражданской войны.

¹ «Опросный лист» зарегистрирован в ПКК 3 января 1920 года.

² Родился в 1869 в имении в Богородицком уезде Тульской губернии. Граф, землевладелец.

³ С 1909 — служил в Министерстве Земледелия в Казанской губернии в Спасске. С 1916 — служил в Пароходном и Транспортном Обществе «Российский Ллойд».

⁴ 7 июня 1919 года арестован в кафе после откровенного разговора с незнакомцем.

⁵ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 173. С. 41. Автограф.

⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 59113. С. 8, 23.

«РОССИЙСКИЙ ЛЛОЙД» — в МЧК¹

«<...> Транспортное О<бщест>во «Российский Ллойд» узнало из письма Петра Алексеевича БОБРИНСКОГО (помощн<ика> Заведующего Отделом Хранения этого о<бщест>ва), что он арестован и находится в Бутырской тюрьме. «Российский Ллойд» состоит в ведении Главпродукта и исполняет теперь важное государственное дело, т<ак> к<ак> обслуживает целый ряд учреждений, список которых при сем прилагается. В настоящее время, при затрудненности транспорта, хранение грузов составляет одну из существенных функций О<бщест>ва, и продолжительное отсутствие Бобринского очень неблагоприятно отражается на продуктивности работы Ллойда.

Поэтому Комитет Служащих покорнейше просит МЧК, если это возможно, освободить из-под ареста Бобринского, дабы Ллойд имел возможность по-прежнему пользоваться услугами своего сотрудника. При этом Комитет Служащих считает нужным прибавить, что знает Бобринского уже в течение нескольких месяцев и вполне уверен в его полной непричастности к каким бы то ни было политическим делам. Если МЧК найдет это необходимым, Комитет Служащих готов взять Бобринского на поруки <...>»².

«РОССИЙСКИЙ ЛЛОЙД» — в ПКК³

«<...> Служащие Пароходного и Транспортного О<бщест>ва «Российский Ллойд» приносят искреннюю благодарность Красному Кресту, взявшему на себя хлопоты [за] их арестованного сослуживца — Петра Алексеевича Бобринского.

Прилагая при сем 300 р<ублей> (триста рублей), Комитет Служащих покорнейше просит Красный Крест принять эти деньги на покрытие расходов по снабжению П.А. Бобринского продовольствием. С совершенным почтением»⁴.

Благодаря ходатайству Юридической Комиссии ПКК в феврале 1920 года Бобринский П.А. был освобожден, о чем есть помета секретаря на «Опросном листе» — «Услов<но>. 3/II-20».

¹ Заявление от 5 июня 1919 года.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 178. С. 57. Машинопись.

³ Заявление от 3 июля 1919 года.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 333. С. 102. Машинопись.

ВЕРНЕР И.А. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Вернер Ипполит Антонович.
2. Возраст ...	68 лет.
3. Профессия	Статистик.
4. Общественное положение	Финансово-экономический Совет при КГ Сооружений ² .
5. Когда, где и при каких обстоятельствах и с кем арестован	30 августа с<его> г<ода> на квартире у себя. МЧК.
6. Где содержится	Бутырская тюрьма, кор<идор> 4, кам<ера> 33.
7. За кем числится	За МЧК.
8. Поводы для ареста	Неизвестно ³ .
9. Были ли допросы и когда	Допрошен в МЧК <...>.

ЧАЯНОВ А.В.⁴ — МУРАВЬЕВУ Н.К.⁵

«Уважаемый Николай Константинович!

Разрешаю себе беспокоить Вас некоторой просьбой. Дело в следующем.

Среди арестованных две недели назад находится некто Ипполит Антонович Вернер, старик 70 лет, это тот самый Вернер, который в свое время, будучи курским статистиком, написал книгу о курских крестьянах, сожженную за революционное содержание Земским Собранием. Многие годы был он редактором «Известий Могил<евской> Город<ской> Думы» и пр<очее>.

Когда его арестовали, я думал, что его сейчас же и выпустят, и не очень беспокоился. Однако он до сего времени пребывает в 4 коридоре и 33 камере Бутыр<ской> тюрьмы.

Полагаю, что арест его недоразумение, ибо он хотя и не пылает нежными чувствами к советской власти, но по своему возрасту (70) и здоровью в заговорщики не годится, а заложником тоже не может быть, ибо мало кому известен.хлопочет о нем Главное Статистическое Управление и весьма формально, и, как кажется, плохо.

¹ «Карточка арестованного» заполнена в октябре 1919 года.

² Комитет Государственных Сооружений.

³ Во второй «Карточке арестованного» он предположил, что поводом к аресту стала его принадлежность к партии кадетов.

⁴ Чаянов Александр Васильевич (1888-1937). Экономист, политический деятель.

⁵ Заявление от 10 сентября 1919 года.

А его ограниченные силы уже заметно тают, и он, видимо, угасает. Был бы Вам безгранично признателен, если Вы найдете возможность включить его в список лиц, о которых хлопочете.

Примите уверение в моем уважении и преданности

А.Чаянов.

10 сент<ября> 1919. Москва»¹.

ПКК — ПРЕЗИДИУМ МЧК²

«<...> 30-го августа <его> г<ода> был арестован Ипполит Антонович ВЕРНЕР, член Финансово-Экономического Совета при Комитете Государственных Сооружений.

По своей специальности И.А. Вернер — статистик и, по удостоверению проф<ессора> А. ЧАЯНОВА, книга его в свое время была сожжена Курским земством за революционное содержание.

Проф<ессор> А. ЧАЯНОВ, поручительство которого считает достаточным член Коллегии Выс<шего> Сов<ета> Нар<одного> Хоз<яйства> В. МИЛЮТИН, выражает согласие принять на поруки арестованного ВЕРНЕРА.

К поручительству же А.В. ЧАЯНОВА присоединяются члены партии коммунистов М. СМИТ-ФАЛЬКНЕР, АРСКИЙ, Г. СУХАНОВА и В. ВЕЛЬМАН.

И.А. ВЕРНЕРУ 68 лет и, по-видимому, и по состоянию здоровья пребывание под стражей представляется крайне тяжелым <...>.

Ввиду всего изложенного и принимая во внимание, с одной стороны, многочисленность поручительств, имеющих в отношении И.А. ВЕРНЕРА, а, с другой стороны, ответственную и серьезную работу, им исполняемую, а также преклонный его возраст, Политический Красный Крест настоящим возбуждает ходатайство об освобождении И.А. ВЕРНЕРА из-под стражи <...>»³.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 183. С. 59. Автограф.

² Заявление от 22 сентября 1919 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 183. С. 58. Машинопись.

МЧК — О ВИТТЕ А.С.¹

«Телефонограмма № 19 от Особого отд<ела> МЧК — Сообщите гр<ажданину> Алекс<андру> Серг<еевичу> Витте, что по делу его следствие закончено и в ближайшие дни будет рассмотрено Коллегией МЧК. Зам<еститель> зав<едующего> отд<ела> МЧК Леонов».

ВИТТЕ А.С. — в МПКК²

«Прочитав ее [телефонограмму № 19], я написал заявление на имя коменданта тюрьмы, что буду продолжать голодовку до суда, о чем просил сообщить в МЧК. Исполнено ли это — мне неизвестно. Настойчивость подчеркивалась тем, что следов<атель> Лепин, допрашивая меня 10-го сент<ября>, сказал, что дело будет закончено в течении недели. При последующих допросах он мне говорил то же самое.

На 11-й день голодовки, когда я уже был сильно истощен, ко мне явился вместе с пом<ощником> коменданта неизвестный гражданин, и, назвав себя следователем МЧК, сообщил, что Коллегия рассмотрела мое дело и постановила меня освободить. Считая, что этому заявлению можно верить, я прекратил голодовку и стал ожидать освобождения, но на другой день ко мне явился в камеру следов<атель> Лепин (не был с 10 окт<ября>) и стал уговаривать бросить голодовку, добавляя, что скоро, очень скоро мое дело будет закончено. После его посещения я положительно отказываюсь понимать, где мое дело и как понимать издевательства следователей над заключенными, т<ак> к<ак> считаю, что поступок со мной иначе назвать нельзя. Не имея в Москве никого, кроме своего начальства, я писал им (2 рапорта), но ответа ни от кого не получил, почему и не знаю, дошли ли до них мои письма или нет. След<ователь> Лепин сказал, будто мое дело находится у него. Как понимать в таком случае телефонограмму из Ос<обого> Отд<ела> МЧК, я не знаю. Александр Витте»³.

ВИТТЕ А.С. — в ПКК⁴

«<...> Обращаюсь с просьбой оказать возможное содействие по моему делу. Я последнее время, т<о> е<сть> с мая с<его> г<ода> командовал на Зап<адном> Фр<онте> 3 Авиационным парком. В конце авгу-

¹ Витте Александр Сергеевич, родился в 1886. Окончил КК, КУ и авиационную школу. Кадровый офицер царской армии, с 1914 – на фронте, с 1918 – командовал авиапарком в Гжатске. 6 сентября 1919 – арестован в Москве в Особом отделе ВЧК, куда был вызван для свидетельских показаний. Объявил голодовку протеста.

² «Карточка арестованного» заполнена 30 декабря 1919 года.

³ ГАРФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 177. С.72. Автограф.

⁴ Заявление от 18 ноября 1919 года.

ста был вызван воен<ным> лет<чиком> Сергеевым — начальником авиации при РСВ (Садово-Самотечная 6) в Москву на допрос в Ос<обый> отд<ел> ВЧК, Лубянка 2 — к след<ователю> Фельдману — для свидетельских показаний об арестованном в Киеве в <оенном> лет<чике> Горшкове, которого я, живя в 18 г<оду> в Киеве, мог встречать и дать, по словам Сергеева, кое-какие показания в Следствен<ном> Отделении.

Следов<атель> Фельдман, опросив меня 2-го или 3-го сент<ября> (точно сейчас не помню), попросил меня еще раз приехать через дня два. Когда я прибыл 6-го, то был им направлен к следователю Лепину, который, опросив меня о встречах в Киеве с Горшковым, сказал мне, что последний на меня показывает, как на работавшего белым, почему мне предъявил это обвинение и арестовал меня, направив на другой день из ВЧК в Бутырскую тюрьму. 10-го сент<ября> я был вызван в контору тюрьмы к след<ователю> Лепину на допрос, причем следов<атель> мне сказал, что дело мое, вероятно, в течение недели будет окончено. Допросы были еще 3-го и 10-го октября, причем следователь Лепин мне говорил, что на будущей неделе дело будет закончено, но мне до сих пор результаты его неизвестны. Хотя обвинение мне и предъявлено при аресте, но мне не указан ни один уличающий меня факт моего преступления. Лично я знаю, что таковых и быть не может, т<ак> к<ак> я белым совершенно не работал, а служил Советской власти, по мере сил соблюдая ее интересы, и отдавал все свое время службе, что могло быть засвидетельствовано сотрудниками парка. Доказать, что я не служил белым, как мне рекомендовал след<ователь> Лепин, я к сожалению никак не могу. Кроме того, минусом для меня служит мое бывшее служебное положение — т<о> е<сть> кадровый офицер; хотя, если не ошибаюсь, Пред<седатель> Рев<олюционнного> Воен<ного> Сов<ета> Троцкий указывал в одной из своих речей, что это обстоятельство не должно иметь основания, если человек добросовестно работал в Кр<асной> Армии. Последнее может быть проверено запросом моих сотрудников в 3 Авиапарке <...>. Только что меня вызвали расписаться, что я — в числе 68 человек переведен из ВЧК в Особ<ый> Отд<ел> МЧК — бумага послана коменданту Бут<ырской> тюрьмы от н<ачальни>ка следств<енного> отд<ела> Ос<обого> отд<ела> ВЧК Фельдмана от 6-го ноября за № 67213/5615.

Прошу извинить за беспокойство и принести заранее свою искреннюю признательность за все, Вами для меня предпринятое <...>»¹.

Благодаря обращению Юридической Комиссии ПКК в Президиум МЧК с ходатайством, Витте А.С. был освобожден из-под стражи.

¹ ГАРФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 334. С.15-16. Автограф.

ВОИНОВ И.В. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Воинов Игорь Владимирович.
2. Возраст ...	34 года, женат, имеет сына.
3. Общественное положение	Помощник Заведующего Мариинским Дворцом в Отделе имущества Республики при Народном Комиссариате Просвещения.
4. Когда, где при каких обстоятельствах арестован и с кем	В ночь на 24 мая 19 г<ода> на своей квартире в Петрограде, в здании Мариинского Дворца.
5. Где содержится	В концентрационном лагере в Москве, Ново-Песковский пер<еулок> близ Смоленского рынка <...>.
7. Поводы для ареста	Служил до революции секретарем Вел<икого> Князя Дмитрия Павловича <...>.

СУЩНОСТЬ ДЕЛА

Арестовавшие прибыли с ордером Петроградской Чрезвычайной Комиссии, согласно которому приказано было произвести обыск в квартире И.В. Воинова в доме № 33 по наб<ережной> р<еки> Мойки. Не найдя Воинова по указанному адресу, т<ак> к<ак> он 7 месяцев тому назад переехал в отведенную ему квартиру в здании Мариинского дворца, представители ЧК отправились на новую квартиру Воинова и там произвели обыск и арестовали Воинова. Приказания арестовать в ордере не было.

При обыске были взяты:

I. Принадлежащие И.В. Воинову вещи:

1. Его паспорт, выданный Управлением делами бывшего Великого Князя Дмитрия Павловича, как секретарю этого управления, которым он состоял до революции;

2. Визитные карточки с пометкой его должности секретаря;

3. Некоторые письма;

4. Шпага от его мундира по прежней службе.

II. Вещи брата его жены Владимира Павловича Арсеньева, состоящего военным врачом при Кимрском Уездном Военном Комиссариате, проживавшего раньше в Петрограде в квартире Воинова: 1. Шашка; 2. Полевой бинокль.

III. Принадлежащий бывшему князю Демидову-Лопухину сереб-

¹ «Карточка арестованного» заполнена 23 июня 1919 года.

ряный чайный прибор (дорожный) на две персоны с вензелем «Д» и княжеской короной <...>.

После ареста И.В. Воинов был доставлен на Гороховую 2 в ПЧК, где был допрошен (кем, не известно). Допрос состоял в выяснении его служебного положения до революции, после революции (служил в частном предприятии Русско-Германского общества для внешней торговли) и в настоящее время (с осени 1918 года состоит в должности помощника заведующего Мариинском Дворцом <...>). Был опрошен, с кем знаком, у кого бывает, допрашивались адреса знакомых. 27 мая Воинов был переведен в бывшее здание предварительного заключения (Шпалерная 25).

29 мая был допрошен вторично о его службе, и были предложены вопросы, не принадлежит ли взятое у него серебро бывшему Великому Князю Дмитрию Павловичу, ведь на серебре имеется буква «Д» с великою княжеской короной, и почему это серебро находилось в квартире Воинова. Воинов ответил, что серебро принадлежит бывш<ему> князю Демидову-Лопухину, что корона над вензелем не великокняжеская, а просто княжеская, указал разницу в рисунках корон и объяснил, что серебро сдано ему на хранение.

30 мая Воинов был переведен в бывшую Военно-Исправительную тюрьму по Нижегородск<ой> ул<ица>, д<ом> 39, где содержался до 16 июля, затем с другими арестованными был переведен в Москву и содержится в настоящее время в бывших Волковских казармах на Новопесковск<ом> пер<еулке>, д<ом> 5 (близ Смоленского рынка) в концлагере. 15 июня Воинов был допрошен Кедровым вновь.

По наведенной справке сначала следствие о Воинове производилось следователем Ивановым. На его имя было подано коллективное ходатайство всех служащих Дворца об освобождении Воинова на поруки и ходатайство комитета служащих об освобождении, т<ак> к<ак> в работе Воинова крайне нуждалось Правление Дворца. К этому ходатайству было приложено заявление члена партии коммунистов, знакомого Воинова, о том, что он за него ручается, и лично подано в ЧК заявление матроса-коммуниста такого же содержания, фамилии их им также известны»¹.

Благодаря ходатайству ПЧК Воинов И.В. был освобожден, о чем есть помета секретаря — «Освобожден 23 июля 19 г<ода>».

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 177. С. 27–29. Автограф.

ВОЛКОНСКАЯ Н.С. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Волконская Наталия Степановна.
2. Возраст и семейное полож.	39. Вдова. Имею двух детей.
3. Общественное положение	Заведующая приютом <...>.
4. Когда, где и при каких обстоятельствах арестован	Ночью на 18-е марта в приюте по ордеру ВЧК <...>.
9. Предъявлено ли обвинение и какое	В укрывательстве лица, скрывающегося от властей <...>.
12. В чем просьба	Передать учреждению просьбу взять на поруки до разбора дела.

Сущность дела:

В марте 1918 г<ода> я была заведующей приютом <неразб.>. Нам пробивал погреб молодой человек, который о себе сказал, что он из интеллигентной семьи, освободился от военной службы и застрял в Москве ввиду прекращения сообщения с Сибирью, что он очень нуждается и просил оставить его хоть дворником, которого в то время не было. Я его оставила, и при прописке он прошел за рядового. Через 2 м<есяца> я ушла из приюта, т<ак> к<ак> его закрыли, а он там остался. Должна сказать, что я и моя мать отнеслись к нему с участием, помогали, чем могли. Мы к нему привыкли, и после ухода из приюта он приходил к нам. Из приюта этот человек поступил на службу в Жилищный отдел, затем поступил в Красн<ую> Арм<ию> в автомоб<ильную> роту и здесь был арестован в ночь на 10-е марта. Об аресте я узнала почти через неделю по телефону. Зная из его слов, что у него никого нет, хотела переслать ему передачу, но вскоре узнала, что после ареста выяснилось, что у него другая фамилия, и он гвардейский офицер. В чем он обвинялся и почему скрывался, не узнала, и следовательно об этом не хотел сказать. Почему меня припутали к этому делу, не знаю <...>. Я, больной человек, должна находится в губящем меня учреждении — ничего не понимаю. Еще менее понятно, зачем арестована пришедшая ко мне в гости сестра и сидит неделю без допроса, а дома осталась совсем одна старая больная мать. Н. Волконская»².

На «Опросном листе» рукой секретаря сделана помета — «Освобождена 17-го июня 1919 г<ода>».

¹ «Карточка арестованного» заполнена 24 марта 1919 года.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 177. С. 4. Автограф.

ВОЛЬФ М.О.¹ — в ПКК²

«<...> Арестована 21 июля 1919 г<ода> на ст<аниции> Струги-Белая Сев<еро>-Зап<адной> ж<елезной> д<ороги> следователем Гдово-Лужск<ой> ЧК. Жила близи этой станции в бывшем имении отца (202 дес<ятины>), где 19 лет хозяйничала раньше, работая не покладая рук, сама. Хорошо знаю с<ельское> х<озяйство>, в особенности пчеловодство, огородничество и молочное хоз<яйство>. Т<ак> к<ак> работала сама, то крестьяне не тронули нас, а пашни у нас совсем мало (озимые), а покосом и ранее пользовалась соседняя деревня. Затем все хоз<яйство> перешло в советское, и я осталась служить в нем. При весеннем 1919 наступлении белых они были от нас в 14 в<ерстах>, до нас не дошли, у нас стояли свои. Наконец в июле белые ушли; наши двинулись вперед, а члены Гдово-Лужск<ой> ЧК стали объезжать окрестности и заехали к нам. Сделали обыск, ничего не нашли и велели нам приехать на другой день на ст<аницию> Струги к следов<ателю> для допроса, где меня и сестру арестовали. Следов<атель> сказал (его точные слова): «Вины в Вас никакой нет, но как нежелательный элемент Вы убираетесь из прифронтовой полосы, уйдет фронт и вас, вероятно, отправят!» Остались у меня на месте сын 13 лет, мать больная 60 лет и свекровь 68 лет. Муж мой больной человек, офицер бывший, уволенный в 17 году по болезни по 4-й категории в отставку, в августе 1918 г<ода> уехал сначала через Крым, а затем должен был ехать в Тифлис к брату, он раненый, имеет слабые легкие и холоду не переносит. Летом 17 года тоже был в Крыму в госпитале на излечении <...> 24-го отправлена в Москву в ВЧК, откуда через 2½ нед<ели> назначена в Ново-Песковский лагерь, но, заболев сыпным тифом перед отправкой, была свезена 12 дек<абря> в Бутырскую тюремную больницу, где лежу до сих пор. Умоляю, посодействуйте освобождению, здесь, в лагере, мне сил не восстановить ни за что. Ведь 17-ю неделю лежать не шутка. <...> М.О. Вольф»³.

Мария Осиповна Вольф была освобождена из лагеря, о чем есть помета секретаря ПКК на ходатайстве — «освобождена».

¹ Мария Осиповна Вольф.

² Заявление зарегистрировано в ПКК 17 апреля 1920 года за № 224.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 177. С. 6. Автограф.

ВОЛЬФ К.М.¹ — в МПКК²

1. Фамилия, имя, отчество	Вольф Константин Маврикиевич.
2. Возраст и семейное полож.	64 г<ода>, женат (жене 52 г<ода>).
3. Общественное положение	Бывший военный (ген<ерал> в отставке), служил исключительно в строю, никаких административных должностей не занимал. Последнее время до дня ареста (15 мая) был советск<им> служащим, ибо служил в Детскосельском отделении Петроградского Агрономического Института (креации Луначарского).
4. Когда, где и при каких обстоятельствах и с кем арестован	15-го мая с<его> г<ода> в Детском Селе на квартире при повальных арестах — до этого времени никто меня ни в чем не беспокоил.
5. Где содержится	В Ивановском концентр<ационном> лагере — раньше в других лагерях Москвы и тюрьмах Петрограда <...>.
8. Были ли допросы и когда	Краткие допросы (скорее опросы) были в Петроградск<ой> ЧК, в тюрьмах и в Покровском лагере. Анкеты были: в Детск<ом> Селе, в здешних лагерях — всего 5-6.
9. Предъявлено ли обвинение	Нет <...>.

Сущность дела:

Арестован я (по всей вероятности) потому, что поляк — и как мне показал Протокол от 6 окт<ября>, считаюсь польским заложником — или арестован как бывший русский генерал в отставке и, может быть, заподозрен в контрреволюционных взглядах. Между тем, я, как поляк, был далек от русской политики, к прежнему правительству, как поляк, симпатии не мог питать — служил, как десятки тысяч других поляков — ни к какой политической партии не принадлежал никогда; системе обрусения, практикуемой и проповедуемой монархистами-кадетами, не мог сочувствовать. С белогвардейцами никаких сношений не имел и не

¹ Заключение находился в 6-й камере 1-го коридора Ивановского концлагеря.

² «Карточка арестованного» заполнена 1 ноября 1919 года.

имею. В последней войне уже не участвовал — был на полупокое: в резерве чинов Петрогр<адского> Военн<ого> округа, откуда при общей демобилизации уволен в отставку.

Для советской власти не представляю никакой опасности — против нее ни разу ни словом, ни делом не согрешил. Был ее служащим как районный уполномоченный и как пом<ощник> зав<едующего> хоз<яйством> Детскос<ельского> отд<еления> Петр<оградского> Агрономического института <...>.

Убедительно прошу посодействовать в освобождении. Я не домо-владелец, не помещик, не купец, не капиталист, ничего общего с финляндскими баронами, носящими ту же фамилию, не имею. Жил трудом, писал много по военным вопросам, а в последнее время (до ареста) работал покладно и, выучив сапожное дело, зарабатывал починкою обуви <...>»¹.

ПАИ² — в Петроградскую ЧК³

«<...> К.М. Вольф, старик 65-ти лет, проявлял самую энергичную деятельность в своей области за время пребывания его в Агрономическом Институте. После ареста Вольфа Институт для выяснения его возможной виновности установил следующее: К.М. Вольф — бывший генерал, не принимавший участие в империалистической войне и по предельному возрасту не игравший никакой активной роли. После 2-й революции немедленно начал работать в Советских учреждениях и, в частности, в Детскосельском Совнархозе. Референции и отличные отзывы о Вольфе, как о честном и энергичном работнике, со стороны Совнархоза легли в основу мотивов приема К.М. Вольфа на службу в Агрономический Институт.

Посему, имея в виду, что К.М. Вольф до сих пор не освобожден, Президиум Петроградского Агрономического Института, нисколько не сомневаясь в политической его благонадежности, убедительно просит Чрезвычайную Комиссию об освобождении К.М. Вольфа <...>»⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 182. С. 117. Автограф.

² Петроградский Агрономический Институт.

³ Заявление от 26 мая 1919 года.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 183. С. 104.

ВОРОНЦОВА М.П.¹ — в ВРТ²

«<...> Заключенной в Ивановском лагере
Марии Павловны Воронцовой

«<...> 6-го мая 1919 г<ода> я была арестована в г<ороде> Воронеже Губ<ернской> ЧК. 7-го июня 1919 г<ода> Рев<олюционный> Трибунал, предъявив мне в обвинение «укрывательство дочери б<ывшего> белогвардейского министра Поска и связь с Губкомпартом с-р'ов», осудил меня на тюремное заключение на всю гражданскую войну. При разгрузке Воронежской тюрьмы меня выслали в Москву в концентрационный лагерь. Я прошу теперь пересмотреть мое дело, т<ак> к<ак> осуждена я слишком сурово и неправильно.

1. «Укрывательство дочери б<ывшего> министра Поска» — Веру Поска я не укрывала, т<ак> к<ак> указала о ней то, что знала, т<о> е<сть>, что она выехала в Петроград. Факт укрывательства основали на том, что не дала карточку ее агенту ЧК, порвав ее. В уничтожении карточки не было намерения укрывать Поска, т<ак> к<ак> я не знала о намерении ЧК по отношению к Поска.

2. «Связь с Губкомпартом с-р'ов» основывалась на том, что у меня нашли подписной лист на газету с-р'ов. Если бы меня хотя бы на одном вопросе спросили — откуда у меня подписной лист — то не было бы II-го пункта обвинения. Подписной лист мне предложила взять сослуживица, чтобы собрать на предполагавшуюся легальную газету с-р'ов. Эту газету думали выпустить явочным порядком, т<ак> к<ак> в Москве была разрешена с-р'овская газета. Т<ак> к<ак> московскую газету прикрыли, то подписку прекратили, и я должна была сдать лист, но все забывала это сделать. Истинность моих слов доказывается тем, что лист мне выдан в марте и на месте подписалась всего одна фамилия.

Итак, мое преступление в том, что я не дала карточки Поска агенту ЧК. Почти 9 месяцев пребывания в тюрьме и лагере и исполнения всех принудительных работ искупили, я думаю, мою вину <...> Я студентка Воронежского университета. Мне бы хотелось начать снова прерванные работы в университете. Классовый старостат университета поручается за мое лояльное отношение к советской власти (поручительство есть при деле) <...>³.

¹ Воронцова Мария Павловна, родилась в 1897. Студентка медицинского факультета университета в Воронеже.

² Заявление в Верховный Революционный Трибунал от 6 февраля 1920 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 183. С. 130. Автограф.

ГАВРИЛОВА Н.С.¹ — в МПКК²

«<...> Арестована 16 сент<ября> 1919 г<ода> по ордеру Ос<обо-го> отд<ела> ВЧК у себя дома³. При аресте обвинения не предъявили. На допросе след<ователь> Холщевников спрашивал меня о Решетове, к<оторый>, по его словам, подозревался в шпионаже. Мне лично опять-таки не было предъявлено обвинение. Решетова я знаю с 1913 г<ода>. Этой осенью он приехал из Ставрополя, где жил с женой, уроженкой этого города, и привез нам сведения о моей младшей сестре, о к<ото-рой> мы больше года ничего не знали. Приехал он в половине августа и в начале сентября должен был ехать обратно. Был он у нас за это время раза два-три и говорил о своей любви к Софье Николаевне Гринчар, о тяжелых переживаниях, к<оторые> ему причиняет это чувство и т<о-му> под<обное>. В начале сентября он уехал, и несколько дней спустя мне кто-то принес письмо от него, в к<отором> говорилось все о том же чувстве к Соф<ье> Ник<олаевне> и о том, что ради нее он нарушил свой долг по отношению к Доброармии. Все, что касалось Соф<ьи> Ник<олаевны> и фраза о Доброармии было подчеркнуто карандашом. Кто мне принес это письмо, я не знаю, но его нашли у меня при обыске. На допросе меня спросили, знаю ли я, что Решетов был на службе у белых, и назвали несколько незнакомых фамилий. При последнем допросе Екатерины Альбертовны Хомзе⁴ след<ователь> Холщевников сказал, что меня присудили к 6 (шести) месяцам лагерей, но что он подведет меня под амнистию, и меня освободят. С того времени прошло больше трех недель, а я все продолжаю сидеть. При зачете предварительного заключения я уже отсидела шесть месяцев и могла бы быть освобождена. Очень прошу Красный Крест выяснить все это и ходатайствовать о моем освобождении.

Подпись

Наталья Сергеевна Гаврилова»⁵.

¹ Гаврилова Наталья Сергеевна, родилась в 1899 в Москве. Окончила гимназию, до 1917 – училась на ВЖК, после 1918 – на медицинском факультете МУ.

² «Опросный лист» заполнен 30 декабря 1919 года.

³ Вместе с ней были арестованы Адлин В.О., Гринчар С.Н., Подковыров М.И., Стахеева С.Г., Стругач А.А., Хомзе Е.А.

⁴ Арестована за «содержание конспиративной квартиры для агентов Южного фронта и связь с агентами Деникина».

⁵ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 311. С. 25. Автограф.

ГАГАРИНА А.Н. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Александра Николаевна Гагарина.
2. Номер камеры ...	Больница. Палата 2-я.
3. Подследственный или осужд.	<u>Подследственная</u> <...>.
7. По какому делу	Туган-Барановского.
8. Какое обвинение	Обвинение не предъявлено.
9. Когда арестован	25-го декабря 1919 г<ода>.
10. С какого времени в тюрьме	С 22-го июля 1919 г<ода>.
11. Возраст	30 лет ² .
13. Семейное положение	Замужем.
14. Социальное положение	Домашнее хозяйство ³ .
15. Занятие до ареста	Состояла на должности заведующей советской фермой и хозяйственной частью в Сергиеве Посаде.

<...> В ноябре 1919 г<ода> у меня поселился на квартире некий К.Туган-Барановский, оказавшийся после агентом ЧК. Узнала я это от одного из поставщиков продуктов, когда я ему это сказала, он признался, что состоит на службе в ЧК, но приехал с целью выследить Исполком Сер<гиева> Посада. В Исполкоме же я узнала, что он приехал следить за мной, не имею ли я сообщений со своим мужем. Вообще, его поведение было для меня очень подозрительно. Занимался конфискацией вещей⁴ и говорил, чтобы я в это дело не вмешивалась.

7-го декабря я обнаружила у себя кражу золота и еще других вещей. Когда я заявила об этом в Уголовный розыск, мне сказали, что напрасно я заявляю о деньгах, т<ак> к<ак> их все равно не найдут, а мне же попадет, что я имела такую крупную сумму в квартире. Ко мне был послан ряд анонимных записок, предупреждающих меня, что если я в дальнейшем буду доносить в столицу о своей краже, то мне скверно придется. Я же, не обращая ни на что внимания, продолжала предъявлять все анонимные записки в милицию. Барановский все последнее время себя вел подозрительно, он все время уезжал в Москву и заявлял, что 12-го января он совершенно уедет. 24-го, когда у меня были гости,

¹ «Опросный лист» зарегистрирован в МПКК 5 января 1921 года.

² Родилась в 1890 в Петербурге, княжна. Получила высшее образование.

³ До революции проживала в Петербурге в собственном доме, а летом – в своем имении в селе Гагарино Рязанской губернии.

⁴ 1 ноября 1919 – ценности Сергиевой Лавры были опечатаны, но при сдаче в Госфонд часть золотых вещей была украдена и спрятана в квартире Александры Николаевны Гагариной.

приехало человек 60 из ЧК, окружили весь мой особняк, в котором я жила, и устроили у меня обыск. Ничего не нашли, извинились и ушли. На другой день я была арестована, а также и Барановский, служивший в ЧК под фамилией Русин. Обвинение мне предъявили, что я симулировала у себя кражу, что кражи никакой не было, как доказывал Русин. На него же было доказано, что он расхищал чужую собственность. Меня отправили в лагерь на год¹. В июне месяце хлопотал обо мне Совет Сергиевский, чтобы мне дали работу с воли. Накануне своего освобождения я была вызвана на допрос в Трибунал, допроса мне никакого не было, и я была отправлена в Новинскую тюрьму. На посланный запрос в Трибунал с просьбой о выяснении моего перевода в тюрьму, Трибунал ответил, что дело отправлено в МЧК. Заключение в продолжении четырех месяцев не предоставило сведений, в чем моя вина, и никто не явился для допроса. Потом я узнала, что Барановский на свободе, занимает должность в ЧК и мстит мне тем, что заявил в ЧК, что я имела переписку со своим мужем, находящемся на юге, и обвинил Совет Сергиевский, что тот знал, что я белогвардейка, что они мне во всем потакают, и я вела такую шикарную жизнь, как и раньше. ЧК арестовала всех лиц Сергиевского Совета, а те, которые уехали и давно на фронтах, разыскиваются. А меня держат по подозрению в сообщничестве с белогвардейцами, доказательств на то не имеется, поэтому и обвинение не могу опровергнуть, по вызову приезжал следователь², но ничего не записывал из моих показаний <...>³.

28 октября 1920 — дело о «незаконном присвоении сумм и вещей из числа конфискованных в Сергиевой Лавре в 1919 году» было прекращено, так как «комиссар Туган-Барановский кровью смывает на фронте могущее быть преступление», а показание на него дала «классовый враг, бывшая княгиня, что вызывает некоторые сомнения». Гагарина А.Н. осталась отбывать наказание в Новинской тюрьме, и в январе 1923 — в списке заключенных, которым ПКК передавал вещи и продукты, есть и ее фамилия: «Гагарина — белье, питание, курево»⁴.

¹ 23 февраля 1920 — нарсудом приговорена к заключению в лагерь «за растрату чужих вещей».

² 19 апреля 1920 — Гагарина А.Н. передала в МЧК заявление с подробным описанием всех событий. 24 апреля была вызвана на допрос как свидетель о краже золота комиссаром Тугановским.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 188. С. 204. Автограф.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 4. С. 121. Автограф.

ГАТОВСКИЙ В.Н.¹ — в ПКС²

«<...> В ночь на 1 июня был арестован агентом ВЧК по ордеру Особого отдела ВЧК без предъявления какого-либо обвинения. В ту же ночь подвергся в названном отделе краткому допросу, на каковом также никакого объяснения предъявлено мне не было.

Всего лишь за неделю перед моим арестом был возвращен по обмену из Финляндии, где до дня обмена просидел 5 месяцев в тюрьме на положении «уголовного» преступника как советский служащий. Арестовали меня финляндцы как председателя русской технической комиссии, ехавшей в Швецию по поручению Рев<олюционнoгo> воен<ногo> совета.

Вследствие контузии и длительности пребывания в Финляндской тюрьме, в условиях крайне тяжелой обстановки, чувствую себя по состоянию здоровья очень плохо.

Прошу об освобождении меня хотя бы на поруки. Знают меня:

Товарищи Мануильский

Комиссар Гл<авного> Упр<авления> Воен<ного> Флота Дубенский.

Владимир Гатовский.

P.S. По характеру контузии причислен к III категории увечных воинов <...>»³.

В июне 1919 — по ходатайству ПКС освобожден. Преподавал в Военной Академии, с 1928 — старший руководитель Академии. Преподаватель Академии Военно-Воздушных Сил. 23 февраля 1931 — арестован как «участник контрреволюционной офицерской организации». 18 июля 1931 — приговорен к 3 годам ИТЛ условно. После освобождения вернулся на работу в Академию Военно-Воздушных Сил.

¹ Гатовский Владимир Николаевич, родился в 1879 в Царском Селе. Окончил КК, в 1897 — НКУ, в 1903 — НАГШ, в 1913 — офицерскую воздухоплавательную школу. Служил в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку. Участник Русско-японской войны, с 1906 — служил в штабах войск гвардии и Петербургского ВО. С 1912 — заведующий учебной части Офицерской кавалерийской школы в чине полковника, с 1914 — начальник штаба 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии. В декабре 1915 — разжалован в рядовые в Приморский драгунский полк за пощечину командиру бригады (родному брату сербского короля). С марта 1916 — служил летчиком в 26-м Авиационном отряде, награжден полным Георгиевским бантом, в мае 1916 — произведен в полковники с возвращением всех наград и назначен начальником штаба Кавказской дивизии. В 1917 — участник похода Корнилова на Петроград, за что был арестован, но вскоре освобожден. С конца октября помощник начальника ВВС в чине генерала-майора, в декабря 1918 — попал в плен к финнам.

² Письмо из Бутырской тюрьмы от 4 июня 1919 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 186. С. 104-105. Автограф.

О ГОЛИЦЫНЫХ¹ — КУРСКОМУ Д.И.²

«<...> Прошу Вашего содействия в расследовании одного, близко меня касающегося дела. В Петрограде 25 октября арестован был мой внук Кирилл Голицын³, 20 лет, и заключен в дом предварительного заключения, а 17 ноября и его отец, мой сын Николай⁴, 49 лет.

Относительно Кирилла, если он в чем-либо виновен, то разве только в легкомыслии и глупости, доказательством чего служит то, что, окончив среднюю школу, он до сих пор не избрал себе надлежащих путей к дальнейшему образованию и намечал себе то архитектуру, то горное дело, то пение...

Что касается моего сына Николая, то я смело могу поручиться, что ни в каких контрреволюционных замыслах он не участвовал, был всегда аполитичен и всю жизнь свою посвящал историческим работам, весьма известным в ученом мире. В 1920 г<оду> он стоял во главе Государственного архива, а в последнее время служил в Управлении Мурманской ж<елезной> д<ороги> ради заработка. В последние годы болезнь его жены крайне удручала его, при том болезнь, отражавшаяся на психическом состоянии больной, которая в последнее время увлеклась спиритизмом и гаданием и вступала для этого в общение с совершенно неизвестными ей людьми. Болезнь эта кончилась ее смертью 6 месяцев тому назад, что обусловило то, что он был лишен возможности наблюдать за своим сыном, легкомысленным по природе своей. Вместе с тем, после смерти своей жены сын мой Николай, не желая оставаться на прежней своей квартире, слишком для него обширной, распродал свою

¹ Письмо Владимира Михайловича Голицына от 23 декабря 1923 года.

² Дмитрий Иванович Курский, нарком юстиции.

³ Голицын Кирилл Николаевич, родился 20 октября 1903 в Петербурге. Князь. Учился в гимназии, с осени 1919 – работал в земском отделе Богородицка, затем табельщиком в шахте. С 1922 – учился в трудовой школе, с 1923 – в Архитектурном институте Петрограда.

⁴ Голицын Николай Владимирович, родился 18 октября 1874 в Москве. Князь. Окончил историко-филологический факультет МУ. Ученый архивист. До революции директор Госархива и архива МИДа в Петербурге, с марта 1917 – член городской комиссии по народному образованию в Петрограде. 30 августа 1918 – арестован как заложник после убийства Урицкого, через месяц освобожден. 28 мая 1919 – арестован как заложник, 12 октября отправлен в Москву и заключен в Ивановский лагерь. В июне 1920 – по ходатайству ПКК освобожден под подписку о невыезде, позднее выслан в Мурманск, работал делопроизводителем в Управлении железной дороги. Играл в театре Кандалакши. 14 ноября 1923 – арестован по групповому делу «контрреволюционной монархической организации». Обвинялся «в пособничестве и укрывательстве врагов советской власти». Отправлен в Москву и заключен в БТ.

обстановку незадолго перед арестом, чем объясняется наличие денег в разной валюте, забранных при обыске в их квартире <...>¹.

МПКК² — О ГОЛИЦЫНЕ К.Н.

«1) Около 25 октября с<его> г<ода> в Петрограде был арестован Кирилл Голицын, 20 лет. При обыске найдены 3 белогвардейские прокламации и около 150 долларов.

2) 12 ноября арестован его отец Николай Владимир<ович> Голицын, 49 л<ет>; при обыске ничего не найдено.

3) Через несколько дней был новый обыск в опечатанной при аресте комнате и на полке с книгами найдены 2 заграничные брошюры <...>.

7) Дело касается не одних Голицыных, а называется “дело Бурхановского, Уварова и др<угих>”³ и заключение одно о высылке — всех ли или Голицыных только, неизвестно.

8) Высылка в холодный климат, несомненно, плохо отразится на здоровье Голицыных; имеется св<идетель>ство от П<етро>градского врача о Кирилле Голицыне.

9) Предполагается, что нужно теперь подать дополнительные заявления Курскому с прил<ожением> следующ<их> свид<етель>ств и просить если не о помиловании, то о высылке в более благоприятные климат<ические> условия.

10) Кирилл Голицын, 20 лет, кончил среднюю школу, затем пытался поступить в военную, но по неустойчивости характера не мог определить, к чему он склонен, то увлекался горным делом, то рисованием, то пением. В настоящее время удалось поступить на архитектурные курсы. По молодости лет и неустойчивости характера мог завести какое-нибудь нелегальное знакомство, но серьезного участия в контрреволюции не принимал».

МПКК — О ГОЛИЦЫНЕ Н.В.

«1) Николай Владимирович Голицын, 49 лет, всю свою жизнь после университета посвятил исторической науке, принимал участие в историческом обществе в Петрограде, писал в разных сборниках и журналах, имеет труды по исследованиям царствования Елизаветы

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 39. С. 137. Автограф.

² Справка заполнена сотрудником ПКК.

³ Групповое дело о «контрреволюционной монархической организации».

Петровны и Екатерины; в последнее время с 1919 г<ода> состоял во главе Государственного Архива, участвовал в книгоиздательстве «Огни», состоит членом КУБУ. В июле с<его> г<ода> Н.В. потерял жену. Это горе, а также тяжелые материальные условия заставили его переехать на другую квартиру в две комнаты, продав почти всю обстановку прежней; этим объясняется присутствие денег в столе.

2) Покойная жена Н.В., очень нервная и болезненная, стала заниматься «спиритизмом», и к ней приходили разные неизвестные личности «гадать»; кажется, был некто Бурхановский, который мог сыну Кириллу подсунуть 2-3 прокламации. Но сам Н.В. ни в каких организациях никогда не состоял, контрреволюцией не занимался, а занимался исключительно наукой. В последнее время был убит постигшим его горем и думал только о том, как бы дать возможность сыну закончить свое образование <... >»¹.

Несмотря на ходатайство ПКК Голицыны Н.В. и К.Н. в марте 1924 — были приговорены к 5 годам концлагеря. 24 июля 1926 — отправлены в Москву для следования в Соловки, но благодаря вмешательству Пешковой Е.П. оставлены в Бутырской тюрьме. 24 июля 1926 — Николай Владимирович был освобожден, работал переводчиком в институте Маркса-Энгельса. В 1928 — уволен с работы как князь. Работал переводчиком в редакции французского журнала. Научный сотрудник в Академии наук. Автор исторических трудов. 24 февраля 1942 — скончался.

31 марта 1928 — Кирилл Николаевич был освобожден с ограничением проживания (-6). Поселился в Туле, позднее — в Ясной Поляне, работал в музее. В 1932 — работал художником по договорам в Москве, затем — в Коломне. 18 июля 1941 — арестован, 9 августа вывезен в Саратовскую тюрьму. 20 марта 1942 — приговорен к 10 годам ИТЛ. В апреле отправлен в Сарлаг, на строительство дороги Сталинград-Саратов. С марта 1945 — работал дневальным на ферме в совхозе, с 1946 — художник. 8 января 1949 — вывезен в Болшево для работы в «шарашке», летом 1950 — переведен в Унжлаг (ст. Сухобезводная). Летом 1951 — освобожден, работал вольнонаемным техником в Ухте. В декабре 1955 — вернулся в Москву, работал художником в издательстве. С 1966 — на пенсии, художник в Музее земледелия, с 1973 — в Спецуправлении треста. Написал воспоминания. В 1990 — скончался.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 39. С. 134-135. Автограф.

ГОРЧАКОВ Н.Н.¹ — в МПКК

«<...> В ночь с 11 на 12 марта с<его> г<ода> в занимаемой мною квартире в казармах 2-го Московского кавалерийского полка в гор<оде> Тамбове Особым отделом Тамбовской Губернской Чрезвычайной Комиссии был произведен тщательный обыск, после которого я, инструктора того же полка Дмитрий Васильевич Московцев, Сергей Яковлевич Инкин и Иван Евгеньевич Чуплетов были арестованы и препровождены в арестное помещение при Тамбовской Губчека. При обыске ничего компрометирующего как меня и мою деятельность в полку, так и вышеупомянутых инструкторов найдено не было. Взяты были только моя шашка, револьвер, записная книжка и кое-какая моя частная переписка (если не считать пропавших при обыске более 2000 руб<лей> казенных денег, моего золотого браслета и серебряного портсигара). Причина обыска мне тогда не была объявлена, точно так же, как и причина нашего ареста, сопровождавшегося только угрозами расстрела в ту же ночь и руганью нас белогвардейцами, контр-революционерами и т.п. Ни в Чрезвычайке, ни в арестном доме никакого обвинения нам тогда предъявлено тоже не было, точно так же, как не было и допроса в продолжение месяца после нашего ареста, по истечении которого нас впервые вызвали к допросу, на котором я с удивлением узнал, что обвиняюсь в “активном участии в белогвардейской организации в Москве”. На мой вопрос: в какой же организации инкриминируется мне участие — ответа не последовало (допрашивал меня молодой человек лет 17-18), на вопрос же: в чем выражается активность участия — мне было сообщено, что я склонялся принять участие в этой организации командира 1-го эскадрона, коммуниста Цемячевского. Надо сказать, что этот Цемячевский, бывший офицер военного времени, записавшийся в партию исключительно из личных корыстных целей, к своим скромным обязанностям по службе относился весьма небрежно, занимал все свое время, как председатель культурно-просветительской комиссии, в разъездах по делам спектаклей и репетиций, а не конюшнями, людьми и лошадьми вверенного ему эскадрона, за что и получал от меня замечания по службе. Кроме того, я весьма отрицательно отнесся к его поступлению в партию, т<ак> к<ак> видел и знал, что им руководит в этом только один шкурный интерес <...>. Допросы велись с явной целью найти что-либо предосудительное в политическом отношении в моем поведении, и все, клонящееся к

¹ Горчаков Николай Николаевич, родился в 1880. Кадровый офицер царской армии, после 1917 – помощник командира 2-го Московского кавалерийского полка.

освещению дела, как-то показания свидетелей, что у меня с Цемячевским были личные счёты, а другие не протоколировались допрашивающими, что и затемнило дело. 4-го апреля состоялось постановление Коллегии Тамбовской Губчека об освобождении Инкина и Чуплетова, а дело обо мне, Московцеве и арестованном впоследствии в связи с нашим делом Гапановиче, не освобождая нас из-под стражи, передать в Тамбовский Трибунал. 23-го апреля нас перевели из арестного помещения Губчека в тамбовскую тюрьму, откуда 28 апреля по телеграмме заведующего Особым отделом ВЧК Кедрова и военкома дивизии Жукова нас вывезли в Москву, куда мы прибыли 29-го вечером и были препровождены в Особый отдел ВЧК. Там мы переночевали и без всякого допроса на следующий день были отправлены в Бутырскую тюрьму, где благополучно и пребываем до сих пор. В тюрьме также до сего времени никакого допроса нам не было. Таким образом, без всякой вины с нашей стороны и на основании только одного оговора без пяти минут коммуниста Цемячевского (кстати сказать, записавшегося в партию за месяц с небольшим до нашего ареста), сводящего со мною личные счёты на почве служебных отношений, нас держат в заключении вот скоро уже три месяца, причем, около 2-х месяцев в Тамбовской Губчека в убийственных условиях как физических, так и моральных. Достаточно сказать, что за время нашего там пребывания там же на дворе под нашими окнами чуть ли не на наших глазах было расстреляно более 40 человек, причем комендант поминутно грозил этим и нам. В настоящее время здоровье мое, благодаря полученным на фронте пяти ранениям, окончательно подорвано. А главное сильно мучает положение семьи, за эти три месяца я не получил ни копейки содержания, а семья моя существует только на получаемое мною жалование. А вдобавок к этому жене моей, при существующей безумной дороговизне, приходится теперь и меня кормить в тюрьме. <...> Я прошу ходатайства Вашего об освобождении нас хотя бы на поруки для того, чтобы я имел возможность отправиться, по истечении некоторого времени для поправления расшатанного в тюрьмах здоровья, в полк и оттуда прислать следственным органам собственноручно написанные показания вышеуказанных лиц и тем реабилитировать себя перед Советской властью. В случае же отказа в освобождении убедительно прошу оказать содействие в выдаче жене моей причитающегося за март, апрель и май месяцы моего жалования в сумме 3000 рублей, чтобы хоть ей безвинно не голодать, а также возбудить ходатайство об ускорении следствия по нашему делу и допросы вышеуказанных мною лиц <...>¹.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 186. С. 106-108. Автограф.

ГРЕССЕР И.К. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	<u>Грессер</u> Иван Карлович.
2. Возраст и семейное полож.	51 г<од>, холост.
3. Общественное положение	Быв<ший> Варшавский вице-губернатор; ныне счетовод Учетного Отдела Совета снабжения при Централ<ьной> Коллегии Росс<ийского> Общ<ества> Красного Креста (Рождественка, гости-н<ица>).
4. Когда, где и при каких обстоя-
тельствах и с кем аресто-
ван	Арестован около 11 час<ов> вечера 10
января<аря> 1919 г<ода> на своей кварти-
ре (Мал<ая> Дмитровка, 25, кв<артира>
7) в момент возвращения домой.
5. Где содержится	Бутырская тюрьма <...>.
6. За кем числится	Не знает.
7. Поводы для ареста	Не известны.
8. Были ли допросы и когда	Нет.
9. Предъявлено ли обвинение	Нет <...>.
12. В чем просьба	Об освобождении, за отсутствием, по-ви-
димому, каких-либо оснований к содер-
жанию под арестом.

Сущность дела:

Арест произведен комиссаром (фамилия неизвестна), без предъявления мне ордера. При производстве обыска на квартире взяты личная переписка, бумаги, фотографии, книги. Обыск и арест, как можно предпо-
лагать, находится в связи с произведенным в ночь с 10 на 11 января арестом других, находившихся в Москве быв<ших> губернаторов и вице-губернаторов, доставленных также в Бутырскую тюрьму и сосре-
доточенных в одной камере в числе одиннадцати человек.

Считаю нужным добавить, что ввиду неожиданности для меня аре-
ста после обыска и естественной спешности при собирании необходи-
мых (взять с собою) вещей, протокол, составленный комиссаром, мною
был подписан без прочтения <...>².

*Поверх «Карточки арестованного» карандашом секретарем ПКК
сделана запись — «Губернатор».*

¹ «Карточка арестованного» заполнена 14 февраля 1919 года.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 188. С. 18. Автограф.

О ДАВИДОВЫХ — в МПКК¹

«<...> Арестованный² был студентом Моск<овского> Археологич<еского> института, когда его год был призван. В июне 1919 г<ода> вместе с братом³, студентом того же института, получили назначение в штаб 2-й армии, где были до получения назначения в начале июля-августа в Особую инженерную роту в Кременчуг. В Кременчуг прибыли в день эвакуации, когда рота ушла в Пирятин. Они отправились за ротой, но, ввиду образовавшейся пробки, проехать не могли и попали в плен. При первом представившемся случае в Волновахе перешли назад, причем симулировали болезнь, чтобы получить эвакуацию, отстать от части и перейти в Красную армию. После перехода в Кр<асную> армию получили назначение в 3 кавалерийский корпус, как вдруг в Курске по распоряж<ению> ЧК были арестованы, посажены в тюрьму и, хотя обвинения никакого предъявлено не было, были осуждены на принудит<ельные> работы, Алек<санд>р Львович до конца гражд<анской> войны, а Григорий Львович — на 6 месяцев, хотя всю службу провели вместе, но допрашивали разные следователи. Ал<ександ>р Львович по дороге в Москву, в вагоне перенес возвратный тиф, истощен до последней степени и на почве истощения развился туберкулез, и имеет свидетельство главного врача лагеря, что пребывание в обстановке лагеря грозит смертью, заявление с этим свидетельством отправлено в Отдел принудительных работ — Никитская 45. Григорий Львович болен сыпным тифом <...>»⁴.

Лишь в начале 1923 года Александр Львович Давыдов был освобожден из Ново-Песковского лагеря с ограничением проживания (-б). Поселился в Вязниках Владимирской области.

В начале 30-х — арестован там и приговорен к 3 (?) годам ссылки в Сибирь. Проживал в Омске, работал бухгалтером на музыкальной фабрике. 7 сентября 1937 — арестован по обвинению «в антисоветской агитации». 27 декабря 1937 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

¹ «Опросный лист» заполнен Давыдовой З.И., женой Давыдова А.Л., 15 марта 1920 года.

² Давыдов Александр Львович, родился в 1901 в Красноярске. Окончил МАУ, служил в армии поручиком, с февраля 1918 — студент Археологического института.

³ Давыдов Григорий Львович, родился в 1890. Окончил МАУ, служил в армии офицером, с февраля 1918 — председатель дивизионного суда. Студент Археологического института.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 193. С. 146. Автограф.

Фон ДЕРВИЗ Н.М. — в МПКК

1. Фамилия, имя, отчество	фон Дервиз Нина Михайловна.
2. Где содержится ...	Ново-Спасский лагерь.
3. Возраст, национальность ...	39 лет, русская, русское.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении	Дочь 11 лет, сестра 60 лет (нахожусь в разводе с мужем с 1912 года <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Окончила Московский Екатерининский институт.
8. Профессия	—
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Рязанский уезд и губерния, имение Дяги-лево <...>.
17. Когда арестован	5 августа 1919 <...>

Арестована при повальных арестах в Рязани и Рязанской губернии и в числе 300 человек доставлена в Москву, из кот<орых> 8 женщин. По амнистии 7-го ноября освобождены все женщины Рязанской группы, за исключением игуменьи Евгении Донебиной и меня, хотя все арестованы при одинаковых обстоятельствах одновременно. Желательно выяснить, почему амнистия не коснулась меня и, если я амнистии не подлежу, то объяснить причину ареста, разобрать дело и объявить мне приговор. Если же я ни в чем преступном не обвиняюсь — освободить меня»¹.

4 октября 1919 — в Коллегию по делам заключенных при ВЧК подала заявление Елена Михайловна фон Дервиз, сестра Н.М., в котором просила об ее освобождении, к заявлению были приложены поручительства двух коммунистов Рязани, но Надежда Михайловна не была освобождена.

Фон ДЕРВИЗ Н.М. — в ПКК²

«<...> 25-го августа 1919 г<ода> я была арестована по распоряжению Рязанской ЧК в Ряз<анской> губ<ернии> и уезда имении Дягилево, где лично занималась физическим трудом на надельной земле, чем и кормила свою семью, состоящую из дочери 11 лет и сестры около 60 лет. С мужем я в разводе уже более 7 лет. Арестована я в связи с приближением к Рязани армии Деникина, одновременно с массой других арестованных».

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 191. С.153. Автограф.

² Заявление от 31 мая 1920 года.

стованных, из которых 200 человек были отправлены в Москву, сперва в Покровский лагерь, а с 25-го октября женская группа привезена в Ново-Спасский. Дочь моя брошена на произвол судьбы в деревне одна с неграмотной посторонней женщиной и лишена образования. Сестра принуждена была поступить на службу в Рязани, несмотря на преклонный возраст. Причина ареста моего мне совершенно неизвестна и непонятна, так как жизнь моя была исключительно трудовая, и все мои заботы были только о прокорме моей семьи тяжелым физическим трудом, да и не по нашим временам сколько-нибудь интересоваться политикой. Допроса мне сделано ни разу не было, обвинений не предъявлено, а 25-го декабря 1919 г <ода> мне объявлен приговор на 2 года содержания меня в лагере. Таким образом, амнистия к 7 ноября почему-то не коснулась меня, тогда как все арестованные вместе со мной совершенно по тем же обстоятельствам женщины Рязанской группы давно освобождены, оставлена же я в качестве заложницы, по словам члена Коллегии по делам заключенных и помощницы заведующего лагерями. Почему я выделена из общей группы — мне абсолютно неизвестно и непонятно, и я прошу Вас обратить на это внимание, тем более что я имею семью, которую содержала исключительно своим трудом и которая теперь терпит и материальные и всякие лишения, благодаря моему пятимесячному отсутствию <...>.

Убедительнейше прошу Вас обратить внимание на мое дело, принять меры к выяснению причин моего ареста, почему я не попала под амнистию, на каком основании мне объявлен приговор на 2 года без допроса, без предъявления обвинения, и ходатайствовать о моем освобождении ради брошенной на произвол судьбы дочери моей, так нуждающейся во мне. Здоровье мое совершенно расшатано, и я рискую дойти до такого состояния, что восстановить его уже будет поздно.

Одновременно со мной арестованы 2 мои брата¹, также жившие и работавшие в деревне со мной.

В лагере я недавно избрана арестованными старостой и думаю, что администрация лагеря, в случае надобности, может дать обо мне отзыв, если таковой для дела может быть полезным. Уже два раза я обращалась в Пол<итический> Красный Крест с ходатайством об оказании мне содействия в освобождении и прошу Вас обратить внимание на мое дело и помочь мне в деле освобождения меня ради дочери моей. Н. Дервиз <...>»².

¹ Один из них Валериан Михайлович фон Дервиз.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 191. С. 154-155. Автограф.

ДЕРИБЕЗОВ П.А. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество Дерибезов Петр Алексеевич.
2. Где содержится (тюрьма, кор., кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.) В одиночном корпусе Бутыр<ской> тюрь<ьмы>, к<амера> № 23.
3. Возраст, национальность ... 30 л<ет>², русский, гр<ажданин> РСФСР.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении Разбитая ревм<атизмом> старуха-мать ок<оло> 60 л<ет>, сестра 24 лет <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс Средн<ую> школу конч<ил> в г<ороде> Орле, Конст<антиновское> Арт<иллерийское> учил<ище> в Петрограде в 1911 г<оду>.
8. Профессия Военная служба — артиллерия³.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес Москва, Пречистенка, Еропк<инский> пер<еулок>, д<ом> 6. В помещении Окр<ужной> Арт<иллерийской> шк<олы>.
10. Чем занимался до февральской революции Был на Сев<ерном> фр<онте> в долж<ности> к<оманди>ра полка.
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г. На Северн<ом> фр<онте> к<оманди>р полка, затем к<оманди>р батареи.
12. Чем занимался перед арестом Руков<одитель> и преподават<ель> в окр<ужной> арт<иллерийской> шк<оле>.
13. Занимал ли какую-либо должность по выборам, какую и где В 109 арт<иллерийской> бригаде долж<ность> к<оманди>ра батареи, каковую ранее занимал назначенец...>.
17. Когда арестован В ночь на 19-ое сентября (субботу).
18. Где арестован Москва, Еропк<инский> пер<еулок> д<ом> 6 <...>.
21. Повод к аресту В связи с военн<ым> заговором.
22. Кто еще арестован по этому делу Вся окр<ужная> арт<иллерийская> школа <...>.

¹ «Опросный лист» заполнен в декабре 1919 года.

² Родился 9 мая 1889 в Пензе Самарской губ. Его отец, подполковник царской армии, был земским начальником Ломовского уезда. В 1918 — арестован в Пензе и расстрелян.

³ С 19 июля 1914 — на фронте в чине поручика, с октября 1917 — служил в 109-й артиллерийской бригаде в чине подполковника, получив личное дворянство.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

20 сентября 1919 года я был арестован по орд<еру> Ос<обого> Отд<ела> ВЧК № 590 на квартире по Еропкинскому пер<еулку>, д<ом> № 6 (окр<ужная> арт<иллерийская> шк<ола>) и доставлен во внутр<еннюю> тюрьму Особ<ого> Отд<ела>, Луб<янка> д<ом> 2, где после допросов арестованных я узнал о существовании военного заговора; в октябре я был допрошен след<ователем> Артузовым, который мне задал вопрос — “Что вы знаете о военн<ом> заговоре и его участниках”. Я ничего не мог ему ответить; следующий его вопрос был — “Как я попал в окр<ужную> арт<иллерийскую> школу”. Я ответил, что через Миллера, начальника школы, приблизительно в конце июля. Иначе я попасть и не мог, т<ак> к<ак> всегда и везде прием служащих происходит по прошению на имя н<ачальни>ка и комиссара учрежд<ения>, перешел я в школу с 1 артиллерийских курсов. С Миллером знаком не был, знал его только по службе в школе с 20 ноября 1919 года. Следов<атель> Холщевников задал вопрос об участии в заговоре, на это я ответил отрицательно, заявив категорически, что ни сам не участвовал и никакого участия в каких-либо заговорах не принимал никогда и нигде. После этих опросов мною были подписаны протоколы <...>¹.

В конце 1920 — благодаря ходатайству ПКК был освобожден. Долго не мог устроиться на работу, с 1929 — стал инспектором отделения Мосгорбанка в Орехово-Зуево Московской области, где и проживал, при этом скрыл, что являлся офицером царской армии и личным дворянином. 20 сентября 1937 — арестован «за антисоветскую агитацию». 22 сентября 1937 — ему было предъявлено «Обвинительное заключение», в котором говорилось: «Являясь антисоветски и враждебно настроенным по отношению к советской власти и ВКП(б), проводил к-р агитацию среди служащих банка и окружающего населения, распространяя к-р клевету на соввласть и членов правительства»². Виновным себя не признал. 10 октября 1937 — приговорен к ВМН. 10 октября расстрелян.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 193. С. 146. Автограф.

² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 69953. С. 22. Машинопись.

ДРОССИ А.И.¹ — в НКЮ²

«Заключенного в Ивановском лагере
Андрея Ивановича Дросси

Заявление

В ночь на 28-е сентября 1919 г<ода> прибывшими ко мне на квартиру агентами Особого Отдела ВЧК был предъявлен мне ордер на арест моих сыновей. Мною было объяснено, что два старшие мои сына, бывшие офицеры, вернувшиеся в мае 1918 г<ода> из австрийского плена, как взрослые и самостоятельные люди, со мною вместе не живут, а занимают отдельные комнаты, причем один из них в данную ночь ночует у меня; а старший сын и третий сын, студенты, имея кратковременный отпуск, уехали за продовольствием по направлению за Самару.

Ночевавший сын был объявлен арестованным, в квартире были оставлены два караульных, а утром сын скрылся из-под стражи. По снятии в моей квартире 4-х дневной засады я без ордера был взят в Особый Отдел ВЧК, где и находился до 13 декабря, до перевода в Бутырскую тюрьму, находясь в полной неизвестности относительно дальнейшей судьбы моих сыновей. Только впоследствии я узнал, что и уехавшие за продовольствием не вернулись в Москву, хотя мы их ожидали со дня на день.

Лично мне никакого обвинения не предъявлялось и на допросе у следователя предлагалось только указать, где находятся мои сыновья. Но, как и тогда, так и теперь я могу поклясться самым дорогим и священным, что есть у каждого человека, что я не только не знаю, где они, но и потерял всякую надежду на то, что они живы. Я очень мало верю в то, чтобы они находились в стане врагов Советской власти, так как после войны и страданий в плену они не имели никакого желания принимать участие во внутренней борьбе.

7-го июня с<его> г<ода>³ постановлением Президиума ВЧК я заключен в лагерь до конца гражданской войны.

Мне 52 года⁴, я болею тяжелой неврастенией, у меня осталась без всяких средств жена и болезненный сын 12 лет. Всю свою жизнь я был занят исключительно службой и заботой о семье, получая скудное чи-

¹ Заявление от 15 декабря 1920 года.

² Народный Комиссариат Юстиции.

³ 1920 года.

⁴ Родился в 1869 в Старобельске Донецкой губернии.

новничье жалование (до революции 125 р<ублей> в месяц). У меня никогда не было ни капитала, ни имущества, и я был в буквальном смысле слова интеллигентным пролетарием.

15 месяцев я страдаю не за личную свою вину, а за взрослых, самостоятельных сыновей, которых, быть может, нет и в живых. Я даю клятвенное уверение в том, что я был и буду вполне лояльным гражданином и как не предпринимал, так и не буду принимать никаких враждебных действий против Советской власти. Измученный, исстрадавшийся, лишившийся трех сыновей, я нуждаюсь в покое, здоровье и силах для содержания жены и малолетнего сына.

Я умоляю о применении ко мне дарованной 7/XI широкой амнистии и освобождению меня. За мою лояльность ручался Исполком лесного отдела Центросоюза и все служащие отдела.

Подпись

Андрей Иванович Дросси». ¹

НКЮ² — в ВЧК

«Весьма срочно

Во Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию, Лубянка, 11

Препровождая при сем заявление гр<ажданина> А.И. Дросси Народный Комиссариат Юстиции просит Вас, на основании ст<атьи> 8 Постановления ВЦИК об амнистии, сообщить, действительно ли А.И. Дросси содержится в Ивановском концентрационном лагере только как заложник, и если да, то насколько содержание его под стражей вызывается крайней необходимостью и нельзя ли, принимая во внимание его возраст, освободить его из-под ареста на основании ст<атьи> 6 Постановления ВЦИК об амнистии <...>»³.

Благодаря ходатайству ПКК Дросси А.И. был освобожден. В начале 1930-х — проживал во Владимире, где 5 февраля 1935 — был арестован и приговорен к 5 годам ссылки.

¹ ГАРФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 306. С.19. Автограф.

² Заявление от 12 января 1921 года.

³ ГАРФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 306. С.18. Машинопись.

КЛЕНОВСКИЙ Г.А.¹ — в ПЧК²

«<...> Ввиду того, что 20-го января с<его> г<ода> большинство курсантов и служащих было освобождено, а я до сих пор почему-то томлюсь в тюрьме вот уже 5 месяцев, не чувствуя за собой абсолютно никакой вины, покорнейше прошу Вас навести справку о причине моей задержки в ОО³ ВЧК, т<ак> к<ак>, очевидно, мое дело путают с делом моего, умершего ныне брата Бориса Александровича Кленовского, попавшего в засаду 20 сентября п<рошлого> г<ода> в Артиллерийской школе, куда он случайно пришел, где и был захвачен имевшей там засадой. Мое предположение, что мое дело путают с делом брата Бориса, основано на том, что в конце сентября 1919 г<ода> в Бутырскую тюрьму приезжал следователь ОО ВЧК, который вызвал меня по ошибке вместо брата и привез с собой дело моего брата с отобранными у него документами, и при предъявлении их он меня спрашивал — это ваш блокнот, записка, тетрадки, — на что я отвечал, что это документы моего брата Бориса, а не мои. Тогда следователь сказал, я, очевидно, ошибся, вместо Бориса, Вашего брата, я вызвал по ошибке Вас, и на этом допрос кончился. При обыске у меня на квартире взято лишь одно удостоверение моей личности, что я был курсант школы <...>»⁴.

ПЧК — в ВЧК

«<...> В настоящее время дело это⁵ следует считать ликвидированным, между тем, по-видимому, по недоразумению в Бутырской тюрьме до сих пор содержится целый ряд лиц, арестованных из состава курсантов и служащих означенной школы.

Политический Красный Крест просит не отказать в возможно скором времени рассмотреть основания к аресту нижепоименованных заключенных и, если обстоятельства позволят, освободить их из-под стражи <...>»⁶.

¹ Кленовский Георгий Александрович, родился в 1895. С 1914 — на фронте офицером, с августа 1919 — курсант ОАШ.

² Заявление от 1 февраля 1920 года.

³ Особый Отдел.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 315. С. 70. Автограф.

⁵ Дело Московской ОАШ.

⁶ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 315. С. 72. Машинопись.

КОРСАК В.Е. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Корсаков Владимир Евстафьевич.
2. Где содержится (тюрьма, кор., кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.)	Ивановский особого назначения лагерь, IV коридор, камера № 92.
3. Возраст, национальность ...	60 лет, русский, российское.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении	Жена 57 л ^{}
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Окончил Московск ^{<ий>} университет кандидатом прав в 1885 году.
8. Профессия	Юриспруденция, сельское хозяйство.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Петроград, Сергиевская ул ^{<ица>} , д ^{<ом>} № 60, кварт ^{<ира>} № 31.
10. Чем занимался до фев. рев.	Был сенатором <...>.
12. Чем занимался перед арестом	Служил в Государств ^{<енном>} Контроле <...>.
17. Когда арестован	25 сентября 1919 года.
18. Где арестован	В Петрограде на своей квартире.
19. Когда доставлен в Москву	22-го октября 1919 года <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Ни дела, а потому и обвинения никакого нет. Допроса в сущности никакого и не было, а был опрос статистического характера (где родился и учился, служил, занятия, семейное положение, средства к жизни и т^{<ак>} д^{<алее>}). Ни о чем другом не спрашивали. На мой вопрос, в чем я обвиняюсь, я получил ответ — “ни в чем”, что мой арест есть временная изоляция. Впоследствии я узнал, что взят я как заложник и приговорен ВЧК к заключению до конца гражданской войны. Вся моя вина заключается, очевидно, в том, что я был сенатором при старом режиме, другой вины нет и быть не могло. Я даже не мог быть заподозрен в саботаже, ибо служил в советских учреждениях Петрограда².

В конце «Опросного листа» Корсака В.Е., заполненного 28 сентября 1920 года, секретарем ПКК помечено — «Ввиду безнадёжности дело временно без движения. 29/IX-20 г^{<ода>}».

¹ «Опросный лист» заполнен 31 декабря 1919 года.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 200. С. 82-85. Автограф.

КОСТОМАРОВА Н.М. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Костомарова Надежда Михайловна.
2. Где содержится (тюрьма, кор., кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.)	Бутырская тюрьма, женский одиночный корпус, камера 10.
3. Возраст, национальность ...	24 года, русская, русское.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении ...	Девушка, ранее никто, а теперь на моем иждивении брат двенадцати лет <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Кончающая историко-философский факультет Московских Высш<их> Жен<ских> Кур<сов>, теперь II-ой Университет. Учительница.
8. Профессия	
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Москва, Мясницкая ул<ица>, Чудовский пер<еулок>, д<ом> 14, кв. 14.
10. Чем занимался до февр. рев.	Училась, давала частные уроки <...>.
12. Чем занимался перед арестом	Была преподавательницей 44-й Единой трудовой школы 1-ой ступени <...>.
17. Когда арестован ...	13 июля 1919 года.
18. Где арестован	У себя на квартире <...>.
21. Повод к аресту	Не знаю.
22. Кто еще арестован по этому делу	Вся семья: отец ² , мачеха, сестра ³ , горничная, тетка ⁴ и мать моя <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Брат моей мачехи около двух лет уехал служить в Харьков, почти целый год мы не имели от него известий, теперь, оказывается, он у белых и оттуда он прислал письмо своей матери, жившей у нас, и своей сестре, жене моего отца — письмо, что он жив и здоров. Отец не выдал привезшего письмо, и это сделалось причиной ареста. Но об этом я узнала лишь на допросе и от позже арестованной матери его, Ираиды Алекс. Скворцовой, уже в Бутырской тюрьме, т<ак> к<ак> до ареста я не жила дома, т<ак> к<ак> служила в детской колонии при 44-й Един<ой> Тр<удовой> Шк<оле> 1-й ступени, где и жила, а домой приезжала лишь на праздники, как было и на этот раз. Арест был в ночь с субботы на воскресенье, на ордере было написано: произвести обыск в

¹ «Опросный лист» заполнен 30 декабря 1919 года.

² Костомаров Михаил Михайлович.

³ Костомарова Людмила Михайловна.

⁴ Костомарова Вера Михайловна.

кв<артире> № 14 и задержать подозрительных лиц. При обыске были взяты некоторые частные письма. Арестованы: отец, квартирант, горничная и я; остальные остались под домашним арестом, а в квартире оставлена засада. Причины ареста я не знала. Допрос у меня был почти через две недели. На допросе следователь спрашивал у меня: биографию отца, биографию моей сестры и мою; задал вопрос, не приезжали ли кто-нибудь к нам, я ответила, что две недели тому назад приезжал с фронта мой знакомый, военный врач; но этот ответ его не удовлетворил: тогда же про приезд с письмом от Бориса Скворцова я не знала и поэтому не могла больше ничего сказать; следователь просил еще назвать всех моих знакомых с тем, чтобы их арестовать — я отказалась. На мой вопрос, за что арестована, он отвечал уклончиво, и как будто меня скоро должны были выпустить. Хотела прочесть протокол, но следователь сказал, что не надо, и я подписала, не читая (После двух недель сидения в сыром подвале ВЧК, где все мужчины все время курили махорку, и не было никакой вентиляции, у меня кружилась голова, и я поэтому не сообразила, что надо было настоять и все же прочесть протокол). Второй допрос был вызван следующим: на допросе сестры ей показали бумагу, найденную в нашей общей комнате, и про которую следователь сказал ей, что это присяга г<осподи>ну Скоропадскому. Сестра ничего не поняла в этой бумаге и, увидав там заметки моей рукой, посоветовала следователю обратиться за разъяснениями ко мне. Эта бумага оказалась польско-литовским статутом 15 в<ека>, я в 1916-17 учебн<ом> году писала реферат у профессора П. В протоколе этого же допроса следователь отметил, что про письмо, привезенное от Скворцова, я узнала лишь на допросе, а также лишь на допросе узнала, что он служит в белой армии. После допроса я ничего о своем деле не знаю.

Подпись

Н.М. Костомарова»¹

«На опросном листе» Костомаровой Н.М. — запись секретаря ПКК: «Освобод<ена> с принуд<ительными> работами».

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 194. С. 128. Автограф.

КУРЛОВ А.А.¹ — в МПКК²

«<...> Прошу узнать, за что я был арестован и равно приговорен к содержанию в концентр<ационный> лагерь до окончания гражданской войны³. Если поводом к сему послужило исключительно родство с ген<ералом> Курловым⁴, то прошу ходатайствовать о моем освобождении, ибо никто не может быть ответственным за ошибки даже самых близких родных, тем более дальних. По-видимому, такого же мнения придерживается и ВЧК, судя по тому, что был освобожден арестованный одновременно со мной 28 мая, а засим последовательно переводимый вместе со мной из одного места заключения в другое, бывший контр-адмирал Александр Федорович Колчак — прямой родственник известного деятеля на стороне белых. К сему считаю необходимым присовокупить, что до 28 мая с<его> г<ода> никаким арестам и обыскам никогда не подвергался и все время безвыездно жил в Петрограде А. Курлов⁵.

<9 апреля 1921>

«<...> Нахожусь в заключении без предъявления какого-либо обвинения с 28 мая 1919 г<ода>, ибо хотя по амнистии 7/XI-1920 г<ода> освобожден, но с применением на принуд<ительные> работы без лишения свободы, и назначен на должность делопроизводителя Саратовского лагеря принудработ, каковую добросовестно выполняю со дня вторичного ареста. <...> Жил я в самом лагере, хотя имел право переехать после освобождения в город Саратов на частную квартиру. В Саратове абсолютно никаких знакомств не имел. Не чувствуя за собой никакой вины и будучи крайне физически и морально истощен двухлетним почти заключением, просил бы посодествовать освобождению <...>»⁶.

¹ Курлов Александр Аркадьевич, родился в 1875. До августа 1917 — чиновник особых поручений при МВД в чине действительного статского советника, затем делопроизводитель в губернском кредитном обществе, с января 1919 — в отделе госразработки торфа. 28 мая 1919 — арестован как заложник, 16 июня отправлен в Москву и заключен в Ново-Псковский лагерь, 1 июля переведен в Андроньевский, с 20 августа — Ивановский лагерь.

² «Карточка арестованного» заполнена 1 ноября 1919 года.

³ Приговорен 5 сентября 1919 года.

⁴ Курлов Павел Григорьевич, родился в 1860. Генерал-лейтенант. Заместитель министра внутренних дел. С 1907 по 1911 — шеф Жандармского корпуса, уволен после покушения на Столыпина. Весной 1917 — арестован Временным правительством, в ноябре освобожден большевиками. В 1918 — эмигрировал за границу. В 1923 — скончался.

⁵ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 202. С. 19-20. Автограф.

⁶ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 200. С. 27. Автограф.

ЛОПУХИН В.А.¹ — в МПКК²

1. Фамилия, имя, отчество	<u>Лопухин</u> Виктор Александрович.
2. Возраст ...	52 года ³ , женат, детей нет.
3. Общественное положение	Служащий Московского Областного Союза кооперативных объединений.
4. Когда, где и при каких обстоятельствах арестован	В ночь на 11 января 1919 г<ода> в городе Москве у себя на квартире.
5. Где содержится	В Бутырской тюрьме.
6. За кем числится	Кажется, за ВЧК.
7. Поводы для ареста	Повод ареста мне неизвестен <...>.
8. Были ли допросы и когда	Допросов не было, но 21 янв<аря> с<е-го> г<ода> я был опрошен следователем исключительно по вопросу о сроках назначения меня в прошлом на административные должности.
9. Предъявлено ли обвинение	Не предъявлено <...>.

Принимая во внимание, что в ту же ночь, как и я <...>, были арестованы, — каждый на своей квартире, — и заключены в Бутырскую тюрьму еще 10 человек бывших администраторов (губернаторов и вице-губернаторов), можно с полной уверенностью предполагать, что я заключен в тюрьму только потому, что раньше я занимал должность губернатора, так как после выхода моего в отставку я стоял все время совершенно вдали от политических жизни, не принимая в ней никакого участия <...>⁴.

27 июня 1919 — по ходатайству ПКК освобожден. Вернулся в пос. Ильинское, в семье родилось двое сыновей. В 1930 — молочное хозяйство было раскулачено. 7 февраля 1933 — арестован «за антисоветскую деятельность». 8 марта 1933 — скончался в Бутырской больнице от воспаления легких. 31 марта дело прекращено «за смертью обвиняемого».

¹ Находился в Бутырской тюрьме, 14 коридоре, 12 камере.

² «Карточка арестованного» заполнена 26 февраля 1919 года.

³ Лопухин Виктор Аleeксандрович, родился 2 ноября 1868 в Москве. Отец — прокурор Палаты. Получил высшее образование. Служил при Подольском, Волынском и Киевском губернаторах. С 1904 — вице-губернатор в Екатеринославе, с 1914 — губернатор в Вологде. С 1915 — член Совета министра внутренних дел. После 1917 — проживал на даче в пос. Ильинское Раменского района Московской области, занимался молочным хозяйством.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 208. С. 47. Автограф.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ Т.М. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Лорис-Меликов Тариел Микаэлович.
2. Где содержится	Ивановский лагерь.
3. Возраст, национальность, подданство	56 л<ет> (род<ился> 23/III 1863 г<ода>), армянин, грузинский гражданин Тифлисской губ<ернии> <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил	Грамотен, кончал военное училище и Пажеский корпус.
8. Профессия	Отставной пехотн<ый> офицер (в отставке с 1916 г<ода>).
9. Место пост. жительства	Петроград, Сергиевская, 24, кв<артира> 7.
10. Чем занимался до февральской революции	До 1905 г<ода> был офицер, полковник Преображенского полка, потом вышел в отставку и был призван в 1914 году в военную цензуру.
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г.	Был в военной цензуре.
12. Чем занимался до ареста	Ничем (по болезни и старости).
15. Партийность до окт. 1917 г.	В партиях не состоял.
16. Арестовывался ли ранее по политическим делам, когда, в чем обвинялся и чем окончились те дела	В 1918 сидел до 16 февраля 1919 г<ода> и был освобожден, т<ак> к<ак> никакого обвинения предъявлено не было, был арест<ован> по ордеру.
17. Когда арестован по настоящему делу	Арестован без всякого дела 16 июня 1919 г<ода>.
18. Где арестован	У себя на квартире: Петроград, Сергиевская, 24, кв<артира> 7.
19. Когда доставлен в Москву	10 июля 1919 г<ода> <...>
22. Кто еще арестован по этому делу	Была арестована вся семья, а потом освобождена из Петрогр<адского> дома предварительного заключения <...>.

¹ «Опросный лист» заполнен 31 декабря 1919 года.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Допрос в Новопесковском лагере заключался исключительно в отобрании статистических сведений без предъявления определенного обвинения; при этом мне был предъявлен вопрос: могу ли я представить за себя поручительство. 15 августа мною было представлено поручительство от тов<арища> Ал<ексея> Фед<оровича> Мясникова. Т. Лорис-Меликов»¹.

16 февраля 1920 — к Е.П. Пешковой с просьбой о помощи обратилась Александра Тариеловна Лорис-Меликова, его дочь².

11 марта 1920 — ПКК обратился в Комиссию по делам лиц, заключенных в лагерь, с ходатайством об освобождении Лорис-Меликова Т.М.

«<...> 6-го июля 1919 г<ода> в Петрограде был арестован Тариэл Михайлович ЛОРИС-МЕЛИКОВ и ныне содержится под стражей в Ивановском лагере принудительных работ.

Одновременно с ним были арестованы во время поголовных арестов, имевших в свое время место в Петрограде, также вся его семья, впоследствии, однако, освобожденная <...>.

Лояльность его в отношении к Советской власти удостоверена поручительством члена РКП Мясниковым (имеется в деле).

Один из сыновей арестованного, Василий ЛОРИС-МЕЛИКОВ состоит добровольцем в Красной Армии, другой сын Михаил занимает ответственную должность на советской службе.

Т.М. ЛОРИС-МЕЛИКОВ, начиная с 1914 г<ода>, состоял на службе в Военной Цензуре вплоть до ликвидации ее. По утверждению родных он политикой никогда не занимался и вообще стоял вдали от общественной деятельности.

Принимая во внимание поручительство члена РКП Мясникова, пожилой возраст арестованного Т.М. Лорис-Меликова и болезненное его состояние, а также обстоятельство, что в настоящее время не представляется необходимым дальнейшее пребывание его под стражей, Политический Красный Крест просит пересмотреть состоявшее о нем постановление и освободить его на поруки <...>³.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 208. С. 28. Автограф.

² С подобным заявлением в Комиссию по заложникам обращался и сын Василий Тариелович, красноармеец, но вынужден был срочно выехать на фронт под Уфу.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 177. С. 57. Машинопись.

О НАВРОЦКОМ К.С.¹ — в ПЧК

«<...> Сын мой, Константин Сергеевич Навроцкий, бывший офицер, был арестован 3-го октября 1919 года в Кунцеве, в Высшей школе военной маскировки.

11-го февраля 1920 года он приговорен Особ<ым> Отдел<ом> ВЧК к пожизненному лагерю (Извещ<ение> ВЧК № 16734). 5 апреля 1920 года он отправлен в г<ород> Саратов для отбывания наказания в местном Саратовском лагере.

До сих пор (9 месяцев) сын мой содержится в Саратовской тюрьме вместо лагеря с 15-ю оставшимися из 61 человека, высланных из Москвы, переведенных в местный лагерь и выпущенных на свободу. Шестнадцатый месяц сын мой томится в тюрьме, последние 9-ть месяцев в Саратовской тюрьме № 3, в самых тяжелых условиях вместо лагеря. Здоровье моего сына совсем разрушено от сильнейшего истощения <...>².

ПЧК³ — в САРГУБЧЕКА

«<...> Постановлением Президиума ВЧК от 11 февраля 1920 г<ода> гр<аждаине> ГОЛОВИН Виктор Николаевич ⁴ и НАВРОЦКИЙ Константин Сергеевич были приговорены к пожизненному заключению и 19 апреля 20 г<ода> были препровождены в Саратов, где содержались до начала 1921 г<ода> в тюрьме № 3, с 31 января по 29 марта — в лагере принудработ <...>⁵.

САРГУБЧЕКА — В ПЧК⁶

«<...> Саргубчека сообщает, что ГОЛОВИН и НАВРОЦКИЙ, как быв<шие> офицеры Стар<ой> Армии, участвовавшие в контрреволюции, согласно постановления Коллегии Саргубчека от 29/III–21 г<ода>, прот<окол> № 13, приговорены к расстрелу, что и приведено в исполнение <...>⁷.

¹ Заявление Ксении Сергеевны Навроцкой, матери К.С., от 20 января 1921 года.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 226. С. 47. Автограф.

³ Заявление в Саратовскую Губернскую ЧК от 19 июля 1921 года.

⁴ Головин Виктор Николаевич, родился в 1893. Окончил юридический факультет МУ. С 1914 – на фронте офицером, с 1918 – инструктор в ОАШ. 3 октября 1919 – арестован в Москве.

⁵ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 226. С. 48. Машинопись.

⁶ Ответ от 22 августа 1922 года.

⁷ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 226. С. 56. Машинопись, подписи – автограф.

НАРЫШКИН А.П. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	<u>Нарышкин</u> Александр Петрович.
2. Возраст и семейное полож.	55 лет, холост.
3. Общественное положение	До революции Забайкальск<ий> вице-губернатор (г<ород> Чита); с 16 декабря 1918 г<ода> служ<ащий> в Народ<ной> Комисс<ии> Просвещ<ения> Отдел снабжения, подотд<ел> материалов для трудов<ых> процессов.
4. Когда, где при каких обстоятельствах арестован и с кем	В ночь с 10 на 11 января 1919 г<ода> на своей квартире: Арбат, 44, кв<вартира> 5 (у Коновницыной).
5. Где содержится	Бутыр<ская> тюрьма, околоток 71, кор<идор> 15, камера 28 <...>.
6. За кем числится	В точности не знаю, предполагаю за ВЧК.
7. Поводы для ареста	Неизвестны.
8. Были ли допросы и когда	<u>Не было.</u>
9. Предъявлено ли обвинение	Не предъявлено.
10. Ходатайствует ли кто и где	Не знаю, т<ак> к<ак> не имею сношений с родными; по-видимому, никто.
11. Что предпринято	Ничего не предпринято.
12. В чем просьба	а) Выяснить причину ареста и ускорить освобождение из-под стражи; б) Ходатайствовать об оставлении меня на службе в подотд<еле> материалов для трудовых процессов по выдаче мне содержания с 16 декабря п<рошлого> г<ода>.

Сущность дела:

Не знаю.

А. Нарышкин².

Александр Петрович Нарышкин был переведен в Андроньевский концлагерь как заложник, в 1921 — погиб там.

¹ «Карточка арестованного» заполнена 13 февраля 1919 года.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 266. С. 70. Автограф.

НИКИФОРОВА Л.А.¹ — в МПКК²

«<...> В конце июня месяца нашей семьей было получено известие о том, что наш брат погиб геройской смертью. О смерти брата мы узнали из письма одной знакомой, которое написал ее сын из канцелярии полка. Он писал так: Александр Никифоров погиб геройской смертью; когда его рота попала в плен, и когда его белый офицер спросил: Сдаешься ли? — то он ответил, что он, как офицер, не должен сдаваться. И был тут же убит белыми (это со слов перебежчика). Письмо это передано нами при аресте в Вятскую Чрезв<ычайную> Ком<иссию>. Кроме этого письма, мы о смерти брата узнаем из письма другого, который пишет о том, что брат убит.

Когда мы уже сидели в Чрезв<ычайной> Ком<иссии>, наши знакомые передавали нам, что получено письмо, в котором описываются похороны брата в полку, это письмо они хотели сдать в Чрезв<ычайную> Ком<иссию>. От самого же брата мы никаких известий не имели с его отъезда на фронт. Получив такие сведения о судьбе брата, мы считали его умершим.

5 августа к нам приходят из Вят<ской> Чрезв<ычайной> Ком<иссии>, описывают наши вещи в квартире и, оставив одного отца, мать и 4 дочерей арестовывают. По приходе в Вят<скую> Чрезв<ычайную> Ком<иссию> мы узнаем, что мы арестованы за то, что брат перешел на сторону белых. На наши заявления о смерти брата нам говорят, что они действуют по распоряжению из центра и выслушивать нас не стали.

20 августа нас направляют в Москву, из отдела принудительных работ — в Новопесковский лагерь, из которого были освобождены мать и две младшие сестры. 7 октября нас перевели в Ивановский лагерь, когда записывали нас в карточки, то там мы узнаем, что мы будем сидеть до возвращения брата. Это сообщение убило во мне всякую надежду на мое освобождение, ведь брат вернуться не может, раз он убит. Сидеть же здесь в лагере без всякой вины, сидеть за убитого — это обречь себя на медленное умирание от истощения.

Прошу Политический Красный Крест похлопотать о моем освобождении, ведь я могла бы работать как сестра милосердия и согласна ехать хоть сейчас на фронт. Могу быть и учительницей, в которых сейчас большой недостаток, особенно в провинции <...>³.

¹ Никифорова Лидия Алексеевна, родилась в 1893. Окончила гимназию, работала учительницей в Вятке, с 1914 — сестра милосердия в госпитале, посещала ВЖК. С 1918 — в канцелярии Губпродукта. 5 августа 1919 — арестована.

² «Карточка арестованного» заполнена 2 ноября 1919 года в Ивановском лагере.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 225. С. 92. Автограф.

НОВОСИЛЬЦЕВ Е.Н.¹ — в МПКК²

«<...> У нас был знакомый офицер Б.И. Скворцов, который являлся работником Костомарова. После ареста Костомарова был арестован и я, отец, мать и 2 брата. Повода к аресту я не знаю до сих пор. Единственно, что могло послужить поводом к аресту это знакомство со Скворцовым (между прочим, для нас он исчез с горизонта с 1917 года, и с тех пор мы его не видели). На допросе следователь интересовался вопросом, давно ли мы знаем Скворцова и как мы его знаем, так что создавалось впечатление, что мы являемся в деле Костомарова только свидетелями. Дело Костомарова разбиралось в сентябре месяце 1919 г<ода>, и когда была брошена бомба в Леонтьевском пер<еулке>, то это дело было закончено в порядке красного террора. Отца и брата моего расстреляли без предъявления обвинения, а мать приговорили к 2 годам лагеря. <...>»³.

ПКК⁴ — в ПРЕЗИДИУМ ВЧК⁵

«<...> По имеющимся в Полит<ическом> Кр<асном> Кресте сведениям семья НОВОСИЛЬЦЕВЫХ была арестована по делу Костомарова по следующим причинам: у НОВОСИЛЬЦЕВЫХ бывал еще в довоенное время некто Скворцов, родственник Костомаровых. Скворцов, бывший офицер, скрылся из Москвы. При обыске же у Костомаровых был найден адрес Новосильцевых, оставленный там Скворцовым. Это несчастное стечение обстоятельств и послужило поводом к аресту НОВОСИЛЬЦЕВЫХ.

Принимая во внимание случайность ареста НОВОСИЛЬЦЕВА и его продолжительное пребывание в заключении (уже более 1½ лет) Полит<ический> Кр<асный> Крест просит пересмотреть дело Е.Н. НОВОСИЛЬЦЕВА и применить к нему амнистию <...>»⁶.

¹ Новосильцев Евгений Николаевич, родился в 1894. Работал фельдшером в Бахрушинской больнице как студент-медик 5-го курса МУ. 13 июля 1919 – арестован и заключен в БТ. Приговорен к заключению в концлагерь до КГВ и отправлен в Ивановский лагерь, с 20 октября 1920 – переведен в Екатеринбург в лагерь при кирпичном заводе.

² «Опросный лист» заполнен 5 октября 1920 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 223. С. 141. Автограф.

⁴ Заявление от 4 февраля 1921 года.

⁵ В следственный отдел при Президиуме ВЧК.

⁶ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 223. С. 142. Машинопись.

ОСТЕН-САКЕН А.А. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя и отчество. Остен-Сакен Александр Александрович.
2. Возраст и семейное полож. 19 лет, холост.
3. Общественное положение. Студент 1 курса Петроградского Политехнического Института, экономич<еского> отделения.
4. Когда, где, при каких обстоятельствах и с кем арестован. 5 февраля сего 1919 года на квартире своих родителей, Петроград, Дмитровский пер<еулок>, д<ом> 7, кв<артира> 5, я был арестован. Арестовавший меня заявил, что приехал арестовать отца², но отца не было дома. Он арестовал меня, заявив, что затем заедет за отцом и, когда арестует его, то меня освободят. Меня препроводили на Гороховую 2. Через 2 часа туда же был доставлен отец, с тех пор мы сидели оба. 29 мая мой отец был освобожден из Дома предварительного заключения <...>. Я в то время находился в лечебнице <...> для нервно- и душевнобольных арестованных, бывш<его> д<окто>ра Коносевича. 2 июня матери, хлопотавшей на Гороховой о получении свидания со мной, было объявлено, что свидания дать не могут, ввиду того, что есть ордер на мое освобождение.
5. Где содержится. Москва. Солянка. <...>. Ивановский концентра<ионный> лагерь.
8. Были ли допросы и когда 5 марта был вызван <...> для допроса; но перед комнатой следователя Перельмана двое неизвестных спросили меня: где родился — в Петрограде; было ли у родителей имение в Прибалтийск<ом> крае — нет.
12. В чем просьба. Материальная помощь и освобождение <...>³.

После освобождения вернулся в Ленинград. В 1935 — был арестован, приговорен к 5 годам ИТЛ. В январе 1936 — находился в Ухтпечлаге.

¹ «Карточка арестованного» заполнена 1 ноября 1919 года.

² Остен-Сакен Александр Александрович, родился в 1857 в Петербурге.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 228. С. 117. Автограф.

ПОКРОВСКАЯ М.С.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Простите, что беспокою Вас, очень прошу Вашего содействия ходатайствовать о моем освобождении. Я арестована в Петрограде 12 октября 1919 года, пошла хлопотать о своем муже, который попал в засаду и была задержана. Был один вопрос, обвинений не предъявляли. 7 февраля с<его> г<ода> была отправлена в Москву, в мае с<его> г<ода> узнала, что я осуждена до конца гражд<анской> войны. Умоляю Вас, помогите мне, ради моей старой, 70 лет, матери. Я одна у нее поддержка, и она сейчас буквально умирает с голоду, а также и матери моего мужа, у нее нет никого. Мой муж³ и его сестра расстреляны, и я являюсь для нее тоже единственной помощью. Мне так тяжело и больно сознавать, что я ничего не могу для них сделать. Не откажите мне в моей просьбе. Всю свою жизнь буду Вам благодарна <...>»⁴.

ПКК⁵ — в КОМИССИЮ⁶

«<...> Поводом к аресту Покровской М.С. послужило ходатайство ее перед Комитетом Обороны Московского района г<орода> Петрограда об освобождении мужа ее, арестованного в засаде и ныне расстрелянного. Политический Красный Крест, принимая во внимание, 1) что никакого обвинения лично гражданке Покровской не предъявлено, 2) что никакого отношения к делу мужа ее она не имела, 3) что, вследствие состояния ее здоровья — туберкулезного процесса в легких <...>, ей “необходимо продолжительное и серьезное лечение при соответствующей обстановке” и 4) что уже более 9 месяцев она лишена свободы, просит применить к Марии Станиславовне Покровской декрет об амнистии от 1 мая с<его> г<ода> и ее освободить <...>»⁷.

21 февраля 1921 — Мария Станиславовна по ходатайству ПКК была освобождена.

¹ Покровская Мария Станиславовна, родилась в 1890. Окончила Екатерининский институт в Петрограде и Варшавскую консерваторию. С 1914 — после окончания фельдшерских курсов сестра милосердия на фронте, с 1918 — заведующая перевязочным пунктом стрелковой дивизии. 12 ноября 1919 — арестована в Петрограде, 9 февраля 1920 — отправлена в Москву и заключена в Ново-Спасский лагерь.

² Письмо от 11 ноября 1920 года.

³ Покровский Александр Александрович, полковник-артиллерист. Вместе с сестрой приговорен к расстрелу как «участник контрреволюционной организации».

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 236. С. 68. Автограф.

⁵ Заявление от 5 января 1921 года.

⁶ Комиссия по применению амнистии.

⁷ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 236. С. 65. Автограф.

ПОЛИВАНОВ А.А. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Поливанов Алексей Андреевич.
2. Где содержится (тюрьма, кор., кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.)	Московская тюремная больница (Лесная ул<ица>) палата 10.
3. Возраст, национальность ...	65 лет ² , русский, РСФСР.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении	Женат, детей нет, на иждивении находится жена 57 лет <...>.
7. Грамотен или нет ...	В Академиях Инженерной и Военной ³ .
8. Профессия	Бывший Член Госуд<арственного> Совета.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Петроград, Воинова (бывшая Шпалерная) улица, дом 6, кв<артира> 9.
10. Чем занимался до февр. рев.	В Госуд<арственном> Совете ⁴ .
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г.	Председательствовал в комиссии из членов Совета Раб<очих> и Солд<атских> депутатов и от воен<ного> вед<омства> по введению политических свобод в армии, был членом Особого Совещания по Обороне.
12. Чем занимался перед арестом	Переводил с иностранных языков книги для Комиссариата народ<ого> просвещения <...>.
17. Когда арестован	28 мая 1919 года.
18. Где арестован	В Петрограде <...>».

ПОЛИВАНОВ А.А. — в ПРЕЗИДИУМ МЧК⁵

«<...> Напомню, что 7 марта 1916 года я, в качестве военного министра, выступив в Государ<ственной> Думе с ответом на запрос о причинах забастовки на Путиловском Заводе, заявил о необходимости немедленного улучшения положения рабочего пролетариата и о том, что я беру на себя то, что от меня зависело, то есть немедленное улучшение жизненных условия сотен тысяч рабочих, работавших на оборону, —

¹ «Опросный лист» заполнен 30 декабря 1919 года.

² Родился 16 марта 1855 года.

³ В 1880 — окончил НИА и в 1888 — НАГШ.

⁴ С 1899 — работал в ГШ, с 1904 — редактировал военные газеты, с 1905 — начальник ГШ в чине генерала, с 1906 — заместитель военного министра, с 1912 — член Государственного Совета, с 1915 — военный министр, в 1916 — ушел в отставку.

⁵ Заявление от 30 июня 1919 года.

начиная с Путиловского завода, где рабочие после этого немедленно согласились приступить вновь к работам. Такая моя политика по рабочему вопросу не была одобрена высшей властью, и потому 13 марта 1916 года я был от должности министра уволен, оказавшись первым в России министром, уволенным за открытое выступление на пользу рабочего класса.

После Февральской революции, когда по поводу политических реформ в армии возникли споры между военным министром Гучковым и Советом рабочих и солдат<ских> депутатов, я был приглашен руководить согласительной комиссией из представителей военного ведомства и представителей Совета рабочих и солдат<ских> депутатов, и работа моей комиссии была одобрена и подписана обеими сторонами.

С тех пор я совершенно отошел от политической жизни.

В августе 1918 года в Петрограде были произведены массовые аресты бывших офицеров, и в числе их был арестован и я, и после 2-х месячного пребывания в тюрьме, 2 октября освобожден без предъявления мне каких-либо обвинений. Из тюрьмы я вышел с особым потрясением нервной системы, которое лишило меня способности передвигаться по городским улицам одному без провожатого. Несколько поправившись, я, вдобавок к назначенной мне Советским правительством пенсии, начал зарабатывать свой хлеб переводом с иностр<анных> языков книг для Комиссариата Народного просвещения, работая у себя на дому.

28 мая сего года, при производстве многочисленных арестов в Петрограде, я был опять арестован и 30 мая выслан в Москву без предъявления мне каких-либо обвинений. Продолжительное тюремное заключение не только лишает меня возможности укрепить мою, потрясенную уже нервную систему, в течение благоприятной для этого летней погоды, но и лишает меня, полубольного, 65-ти летнего старика, возможности зарабатывать средства для жизни оставшейся в Петрограде моей жены, 57 летней и слабого здоровья женщины. Поэтому прошу об освобождении меня из заключения <...>¹.

В результате ходатайства ПКК Алексей Андреевич был освобожден. Привлечен, как военный эксперт, к советско-польским мирным переговорам в Риге. В 1920 — скончался в Москве.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 236. С. 184-187. Автограф.

ПРОТОПОПОВ Д.Д. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Протопопов Дмитрий Дмитриевич.
2. Возраст и семейное полож.	54 г<ода>, женат, 5 дочерей.
3. Общественное положение	Кооператор. Литератор <...>.
4. Когда, где и при каких обстоятельствах арестован	30 авг<уста> 1919 г<ода>, у себя на квартире.
5. Где содержится	В Бутырской тюрьме.
6. За кем числится	За МЧК <...>.
9. Предъявлено ли обвинение	Обвинения предъявлено не было» ² .

ЦУНБ³ — ВЧК⁴

«<...> В ночь на 30 августа с<его> г<ода> по распоряжению Московской Чрезвычайной Комиссии арестован и до сих пор содержится под стражею сотрудник нашего Отдела Дмитрий Дмитриевич Протопопов. По дошедшим до Коллегии сведениям, арест Протопопова находится в связи с прежним пребыванием его в партии Народной Свободы (к<онституционные>-д<емократы>). Не касаясь оценки прежней деятельности Д.Д. Протопопова, Коллегия почитает своим долгом засвидетельствовать, что в течение последних лет и за все время состояния Д.Д. Протопопова сперва на службе в бывшем Московском Народном Банке и засим в Кооперативном Отделе Центрального Управления Народного Банка РСФСР он от политической деятельности совершенно отстранился и свой труд, и весь без исключения свой досуг отдавал и отдает интересам Банка, ведя ответственную сложную работу, связанную с финансированием дровяных операций, производимых кооперативными предприятиями. Чрезвычайная важность специальных работ Д.Д. Протопопова для миллионных операций Народного Банка Российской Советской Республики побуждает нашу Коллегию принять возможные законные меры к скорейшему освобождению Д.Д. Протопопова и возвращению его к обычным занятиям на пользу Советского кредитного учреждения. В переживаемый критический момент топливного кризиса даже кратковременное отсутствие такого специалиста по лесным операциям, каким для Народного Банка является Д.Д. Протопопов, может повлечь за собою непоправимый вред <...>»⁵.

¹ «Опросный лист» заполнен 17 октября 1919 года.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 236. С. 96. Автограф.

³ Центральное Управление Народного Банка.

⁴ Заявление от 19 сентября 1919 года.

⁵ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 236. С. 83. Машинопись.

КГС¹ — в МЧК²

«<...> Ввиду того, что Д.Д. Протопопов, благодаря его многолетнему опыту и специальным познаниям, является незаменимым сотрудником, и отсутствие его сильно дезорганизует работу Финансово-Экономического Совета, нанося существенный ущерб делу, Комитет Государственного Сооружения просит рассмотреть его дело, и, в случае непредъявления обвинений, освободить в возможно ускоренном порядке <...>».³

ПКК — в ПРЕЗИДИУМ МЧК⁴

«<...> Полная лояльность арестованного Д.Д. ПРОТОПОПОВА в отношении Советской власти удостоверяется:

1) поручительством Кооперативного Отдела Центрального Управления Банка Республики, поддержанное АКСЕЛЬРОДОМ и БЕЗРУКОВЫМ (подано 19-го с<ентября> КАМЕНЕВУ).

2) Поручительством Комитета Государственных Сооружений, подписанное КРЮКОВЫМ, БОГДАНОВЫМ и ВЕЛЬМАНОМ (передано следователю Рапопорту).

3) заявлением Следственного Отдела ВЧК А. ГОЙХБАРГА, и со своей стороны удостоверяющего лояльность и аполитичность в настоящий момент Д.Д. ПРОТОПОПОВА и выражающего согласие взять его на поруки <...>.

Политический Красный Крест просит сделать зависящие распоряжения об освобождении его из-под стражи <...>»⁵.

*На заявлении КГС есть запись секретаря ПКК — «Л.Б. Каменев категорически обещал мне, что Д.Д. Пр<отопопов> будет освобожден»*⁶.

ПРОТОПОПОВ Д.Д. — ВИНАВЕРУ М.Л.⁷

«<...> Вы меня, может быть, еще помните по работе моей в Кр<асном> Кресте в 1918-1921 г<одах> и по Вашим обо мне хлопотам в 1919

¹ Комитет Государственного Сооружения.

² Заявление от 20 сентября 1919 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 236. С. 85. Машинопись.

⁴ Заявление от 25 сентября 1919 года.

⁵ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 233. С. 45. Машинопись.

⁶ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 236. С. 97. Машинопись.

⁷ Письмо от 23 ноября 1931 года.

г<оду>, за которые я Вам глубоко признателен и по сей день. Снова обращаюсь, по указанию В.Н. Гартмана, к Вам по своему делу.

Я был арестован 21/XI-30 и пробыл в заключении в Л<енин>граде до 21 сент<ября> 31 (ровно 10 мес<яцев>). Привлекался я по п<унктам> 4 и 11 ст<атьи> 58 (организация поддержки интервенции). Приговорен (от 23 июля с<его> г<ода>, в Москве) к 5 г<одам> концлагеря, но с заменой 5-летней высылкой в Свердловск — со сдачей дела в архив и с началом срока высылки с 21/XI-30. Мне было предоставлено по освобождении (21/IX с<его> г<ода>) пробыть некоторое время дома, но я обязался подпиской поехать, за счет ГПУ, в Москву, там получить окончательное направление и назначение на работу, откуда вернуться в Л<енин>град и из Л<енин>града ехать в Свердловск или другое место <...>.

Здесь, в Л<енин>граде, я располагаю высоко стоящей специальной медицинской помощью¹. Здесь дочери мои, находящиеся на советск<ой> службе, на иждивении которых я состою, могут предоставить мне здоровое помещение и соответствующее питание. Высланный отсюда на 4 года, я не окажусь полезн<ым> работником и буду только рисковать окончательной потерей здоровья, а, может быть, и худшим....

Хочу просить Москву разрешить мне, ввиду дряхлости и болезнен<ного> состояния, остаться на жительство в Л<енин>граде, на попечении моих дочерей (одна из них — библиотекарь Института изучения профессиона<альных> заболеваний, другая — архитектор, служащая в Госуд<арственном> Инстит<уте> по проектированию городов, третья — инженер Госуд<арственного> Физико-Технологического института) <...>»².

2 января 1932 — по ходатайству ПКК приговор был признан условным, а 22 апреля было предложено выехать из Ленинграда в Свердловск. В мае ПКК вновь ходатайствовал за него, и 22 июля из Москвы было прислано разрешение остаться в Ленинграде.

¹ Во время заключения с 26 августа по 21 сентября находился в тюремной больнице.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 609. С. 163-164. Автограф.

РОСТОВЦЕВ В.А.¹ — в МПКК²

«<...> После взрыва в Леонтьевском пер<еулке> стали производиться поголовные обыски во всех домах и квартирах. Обыск в доме, где я проживаю, был 1-го октября. Пришли агенты Сушевско-Марьинского Совдепа отдела ЧК, нашли у меня погоны, ордена, царские портреты, в ящике шкафа мое бывшее военное платье (три пальто, накидка с погонами, два вицмундира, два мундира, один китель без погон, рейтузы новые, нагрудные знаки, жетоны, городская серебряная одиночка), все это забрали и арестовали меня, но политком Совдепа приказал меня освободить. 3-го октября снова пришли ко мне с обыском, взяли: охотничьи патроны, два охотничьих ружья, шашку, сбрую конскую с пристяжкой и городскую томпановую одиночку, бинокль призматический, новое седло с полным прибором, 9 револьверных патронов, — и арестовали меня, отправив в 3-й Сушевский арестный дом, 7-го октября в МЧК и 8-го октября в Бутырскую тюрьму. 15-го декабря следователь МЧК т<оварищ> Николаев меня допрашивал в тюрьме, обещал дать скоро заключение и представить дело на рассмотрение ближайшего заседания Коллегии.

На вопросы: 1) Почему у меня хранились ордена и погоны, я ответил, что держал их как ценность (золото и серебро);

2) Царские портреты валялись в ящике шкафа вместе с ненужными вещами, и я о них забыл;

3) Бинокль и седло хранились, так как раньше я ими пользовался на службе, а теперь ожидал отправки на фронт и взял бы их с собой. В.А. Ростовцев»³.

22 декабря 1919 года Юридическая Комиссия ПКК обратилась в Президиум МЧК с ходатайством, в котором просила «ускорить рассмотрение дела Ростовцева и освободить его из-под стражи, если по обстоятельствам дела это оказалось бы возможным»⁴. Возможно, что это ходатайство решило дело, и Ростовцев Вячеслав Александрович был освобожден, о чем есть помета секретаря ПКК: «осв<обожден>».

¹ Ростовцев Вячеслав Александрович, родился в 1876. Окончил КАУ. Кадровый офицер царской армии в чине полковника, с 1914 — на фронте, после революции служил в ГАУ. 3 октября 1919 — арестован в Москве и заключен в БТ.

² «Опросный лист» заполнен 29 декабря 1919 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 242. С. 40. Автограф.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 242. С. 42. Машинопись.

РОСТОПЧИН Б.В. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Ростопчин Борис Викторович.
2. Где содержится	Ново-Песковский лагерь.
3. Возраст, национальность ...	45 лет ² , русский, русский подданный.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении	Женат, 2 сына ³ , из них младший на иждивении моем и жены <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Среднее образование (Кад<етский> корпус) ⁴ .
8. Профессия	Конторско-административн<ый> труд.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Москва, Мамонтовский пер<еулок>, д<ом> № 7.
10. Чем занимался до февральской революции	Администр<ативно>-финансов<ая> и контролерск<ая> деятельность (чиновник) ⁵ .
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г.	Служил в конторе Алапаевского завода.
12. Чем занимался перед арестом	Начальн<ик> организ<ационного> отд<ела> в Глав<ном> Упр<авлении> Всеобща и лектор на курсах по милицион<ной> системе <...>.
17. Когда арестован	16-го сентября 1919 г<ода>.
18. Где арестован	В Москве <...>.
21. Повод к аресту	Стар<ший> сын не вернулся из командировки, служил в Штабе Западн<ого> фронта.
22. Кто еще арестован	Жена ⁶ (одновременно) <...>.

¹ «Опросный лист» заполнен 28 сентября 1919 года.

² Родился 20 июля 1874 в Москве. Граф.

³ Сыновья служили в РККА.

⁴ И 2-х летнее военное училище.

⁵ С 1893 по 1885 – корнет, подпоручик в царской армии.

⁶ Ростопчина Мария Васильевна, родилась 18 апреля 1878 в Москве. Окончила восемь классов гимназии. Выйдя замуж за графа Б.В. Ростопчина, проживала в Москве, занималась домашним хозяйством. 16 сентября 1919 – арестована вместе с мужем и заключена в Особый Отдел ВЧК, 3 ноября без предъявления обвинения отправлена на 1 год в Ново-Песковский концлагерь.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Ст<арший> сын не жил с родителями около 1½ л<ет> до нашего ареста. Ни мы, ни наши родители земли, домов, предприятий, капиталов не имели, жили всегда трудом своим»¹.

Летом 1920 — благодаря ходатайству ПКК Борис Викторович Ростопчин был освобожден. Преподавал во Всевобуче и Наркомфине. В 1920 и 1927² — вновь арестовывался, но через три-четыре недели освобождался и продолжал служить там же. В ночь с 1 на 2 ноября 1937 — арестован по обвинению «в ведении контрреволюционной агитации, направленной против мероприятий партии и правительства». 29 ноября 1937 — приговорен к ВМН. 2 декабря расстрелян на Бутовском полигоне.

Мария Васильевна Ростопчина после освобождения служила делопроизводителем в бюро учета и распределения технических сил в ВСНХ, с 1925 — занималась техническими переводами на фабрике им. Красина и давала частные уроки. 30 сентября 1937 — была арестована и заключена в Бутырскую тюрьму. 5 октября ей было предъявлено «Обвинительное заключение», в котором говорилось: «Будучи враждебно настроенной к советской власти и проводимым мероприятиям партии и правительства среди населения вела антисоветскую агитацию». 14 октября 1937 — приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в Амурлаг, где работала в портновской мастерской. Позднее переведена в Свободлаг, откуда 27 февраля 1949 — освобождена и отправлена в ссылку.

Младший сын, Ростопчин Федор Борисович, родился в 1904 в Москве. Добровольцем вступил в ряды РККА, был курьером в штабе, затем самокатчиком в полку. После демобилизации из армии окончил десятилетку, поступил в Институт Востоковедения и после его окончания оставлен там научным работником, позднее был переведен в Ленинград на работу в Академию Наук. Весной 1935 — предложено выехать в Среднюю Азию. Проживал в Бухаре, в местном музее разбирал, изучал и переводил старинные персидские рукописи. В феврале 1937 — арестован и осужден.

Сестра М.В. Ростопчиной, Надежда Васильевна Фишер, родилась в 1872 в Москве, графиня. В начале 1930-х — отправлена в ссылку в Краснодар, где в 1937 — была арестована, приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 238. С. 2. Автограф.

² В связи с убийством Войкова П.Л. на Варшавском вокзале 5 мая 1927 года.

САМАРИН А.Д. — в МПКК

1. Фамилия, имя, отчество Самарин Александр Дмитриевич.
2. Где содержится Таганская тюрьма, камера 152.
3. Возраст, национальность 51 год¹. Русский.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении Вдовец, дети: сын 15 л^{<ет>} и дочь 14 л^{<ет>} <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс Кончил курс в Моск^{<овском>} университете².
8. Профессия Общественная и государств^{<енная>} служба.
9. Место пост. жительства... Москва, Спиридоновка 18.
10. Чем занимался до февральской революции Состоял на государств^{<енной>} службе³. Член Госдумы и главноуполн^{<омоченный>} Красн^{<ого>} Креста внутр^{<енных>} районов.
12. Чем занимался до ареста Домашним хозяйством в деревне.
13. Занимал ли какую-либо должность по выборам, какую и где Служил по выборам дворянства уездным и губернским (в Москве) предводителем и гласным уездного и губернс^{<кого>} земства <...>.
16. Привлекался ли когда-нибудь раньше по политическим делам, когда, в чем обвинялся В октябре 1918 года был арестован ВЧК, без предъявления обвинения освобожден 20 апреля 1919 года.
17. Когда арестован 29 августа 1919 года.
18. Где арестован В Москве <...>.
21. Повод к аресту Работа в Совете Объединенных Приходов г^{<орода>} Москвы⁴.
22. Кто еще арестован по этому делу Григорий Алекс^{<анд>}рович Рачинский, Николай Дмитриевич Кузнецов <...>.

¹ Родился 30 января 1968 в Москве. Отец работал в земстве.

² В 1891 – окончил университет. До 1892 – вольноопределяющий в гренадерской артиллерийской бригаде.

³ С 1892 – земский начальник в Бронницах, с 1899 – предводитель дворянства в Богородицком уезде, с 1908 – Московский губернский предводитель дворянства. Действительный статский советник, егермейстер. С августа 1914 – главный уполномоченный ВКК, с 5 июля по 25 сентября 1915 – Обер-прокурор Св. Синода, с октября работал в ВКК и участвовал в подготовке к Собору РПЦ. С 1916 – председатель Совета объединенных дворянских обществ.

⁴ С 1918 – председатель Исполнительного Бюро Совета Объединенных приходов.

25. В чем обвинение Участие в Сов<ете> Объед<иненных> приходов, который будто бы поставил себе целью свержение сов<етской> власти и призывал население к вооруженному восстанию.
26. Есть ли приговор по делу Нет еще <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Сущность дела изложена в заключении Следственной Комиссии при Губ<ернском> Рев<олюционном> Трибунале. Совет Объед<иненных> Приходов ставил себе задачи исключительно церковные, желая содействовать оживлению церковно-приходской жизни; в отношении Советской власти открыто выступал после Декрета 23 янв<аря> 1918 г<ода> об отделении Церкви от государства, отстаивая перед Сов<етской> властью права и нужды Церкви и приходов; после инструкции, изданной в августе 1918 года, определявшей точно положение Церкви и ее права имущества, в приходах никаких обращений к власти уже не делали, подчинившись велениям власти. В том же духе Сов<ет> Объед<иненных> Приходов советовал действовать и на местах православным приходам. Никогда Совет Объед<иненных> Прих<одов> не ставил себе целью свержение Сов<етской> власти и не призывал к вооруженному восстанию. Это обвинение не имеет себе почвы ни в фактах, ни в документах. Наоборот, С<овет> Об<ъединенных> Прих<одов> призывал православн<ых> людей в церковной деятельности отнюдь не прибегать к оружию <...>¹.

27 ноября 1919 — предъявлено «Обвинительное заключение». 16 ноября 1920 — приговорен к расстрелу. 16 января 1921 — «ввиду победоносного завершения борьбы с интервентами» расстрел заменен на заключение в концлагерь «впредь до победы мирового пролетариата над мировым империализмом». 20 февраля 1921 — благодаря ходатайству ПКК срок наказания снижен до 15 лет. 3 апреля 1921 — освобожден. Проживал в Абрамцеве, работал в музее. Осенью 1925 — арестован, весной 1926 — приговорен к 3 годам ссылки, в июне отправлен в Якутию. Занимался переводами. В сентябре 1928 — переведен в Олекминск, преподавал немецкий язык. С июня 1929 — после освобождения проживал в Костроме. Весной 1931 — арестован, но вскоре был освобожден. 30 января 1932 — скончался в Костроме.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 249. С. 117. Автограф.

САМСОНОВ М.И.¹ — в ПКК²

«<...> Скоро 3 месяца, как жена моя Вера Александровна и я арестованы и числимся за Особым Отделом ВЧК, причем жена моя арестована даже без ордера. Ввиду того, что я служил по ведомству Министерства Иностранных Дел в течение 15 лет за границей, у нас в России нет ни знакомых, ни родных, которые могли бы нам оказать какую-либо помощь, квартира наша опечатана: у нас нет ни белья, ни одеял, ни теплых вещей, а осень наступает; не чувствуя за собой никакой вины, прошу Вас оказать нам Ваше мощное содействие к освобождению <...>»³.

САМСОНОВА В.А.⁴ — в МПКК⁵

«<...> 2-го июня в 7 час<ов> утра явились арестовать мужа моего, меня арестовали без ордера; прибыв в Особ<ый> От<дел> ВЧК, встретили брата мужа Илью Самсонова, бывш<его> офицера Елизаветградского полка, арестованного в ту же ночь, и Михайлова, офицера Красной Армии, кот<орого> я перед этим видела мельком один раз у брата мужа. В тот же день 2-го июня все мы были препровождены в Бутырскую тюрьму. 7-го июня я была вызвана на допрос, причем следователь заявил мне, что о моем аресте он не знал и об этом ему сказал мой муж, кот<орого> он допрашивал передо мной. Следователь задавал мне вопросы относительно вышеупомянутых лиц, их прежней деятельности, политических убеждениях, на что я дать удовлетворительные ответы не могла, так как знаю всех недостаточно продолжительное время: замужем я с 21-го февраля 1918 <...>»⁶.

<Февраль 1920>⁷

«<...> Недавно я получила сведение из Пол<итического> Кр<асного> Креста, что муж мой расстрелян⁸. Теперь я присуждена на 1 год лагеря и препровождена сюда <...> Прошу Пол<итический> Кр<асный> Крест принять во мне участие, помочь моему освобождению»⁹.

¹ Максимилиан Ильич Самсонов.

² Заявление зарегистрировано в МПКК 25 августа 1919 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 321. С. 42-43. Автограф.

⁴ Самсонова Вера Александровна, родилась в 1888. Отец был сенатором. Окончила гимназию, с 1914 работала машинисткой, с 1918 – в Министерстве продовольствия.

⁵ «Опросный лист» заполнен 30 декабря 1919 года.

⁶ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 246. С. 26. Автограф.

⁷ Письмо отправлено из Ново-Спасского концлагеря.

⁸ Отправлен в ВЧК из БТ 27 сентября 1919 года.

⁹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 321. С. 44-45. Автограф.

СИВЕРС Ф.Л.¹ — в МПКК

«<...> Около 11 часов (по полудни) ночи со 2 на 3 августа н<ынешнего> года ко мне пришли двое неизвестных, прося ночлега. Я предложил им идти ночевать в деревню, но они сказали, что из деревни, где они только что были, их послали ко мне. Сельским Советом было постановлено ночлежников пускать по очереди (смотри копию удостоверения), и поэтому я их пустил. Сидя за чаем и разговаривая, один из них обратился ко мне с просьбой содействовать агитации против Советской Власти; я отказался, сказав, что политикой не занимаюсь, что занят обработкой земли. По той же причине я отказал им в содействии в этом сына моего и племянника. На вопрос, не знаю ли я адресов комиссаров и нет ли артиллерийского склада в Боровичах, я ответил, что не знаю. Он показывал мне свой револьвер. Считая их личностями подозрительными, я ночевал, не раздеваясь, сказав сыну, чтобы он держал ухо востро и чтобы тоже не раздевался. Утром пришел красноармеец и спросил, есть ли ночлежники, ему сказали, что есть, и показали, где они. Красноармеец сказал, что это агенты уголовного розыска, что документ у него подложный, объявил, что я арестован и начал обыск. Отобрано было старое негодное оружие (дедовское), 27¼ аршин полотна, купленного в Ярославле на рубахи мне и жене, 8 аршин сукна на костюм мне, кое-какие серебряные вещи и два, неизвестно кому принадлежащие револьвера <...>. Во время чая один из ночлежников показывал мне свой документ, но я, будучи знаком с перепиской, уговорился, чтобы это был настоящий документ, и сказал, что служить документом на право ночлега он не может, а дает только право на виселицу (это есть в протоколе); поэтому я документа не принял, и он остался у него на руках. Одновременно с обыском у меня был обыск и в соседних деревнях, было найдено и отобрано оружие, но арестован никто не был. У меня в доме было охотничье ружье, я его по требованию предъявил, о револьверах же я ничего не знал, а потому и предъявить не мог. Что это не мои револьверы, видно из удостоверения — по приезде в деревню мы и наши вещи были осмотрены сельс<ким> сходом. Что я не занимался агитацией и подчинялся властям, видно из удостоверения: я трижды ходил пешком на комиссию, делая по 70 верст взад и вперед по морозам и вьюгам; по требованию властей волостного Совета являлся в волость, когда нужна была помощь <...>»².

¹ Сиверс Федор Львович, родился в 1867. Окончил КК и ВУ, служил во Владимире. С 1918 – жил в Боровичском уезде. 3 августа 1919 – арестован и заключен в Ивановский лагерь.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 252. С. 77-77. Автограф.

СОКОЛОВ В.И. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Соколов Владимир Иванович.
2. Возраст и сем. положение	36 лет, жена, дочь и сын, дети взрослые.
3. Общественное положение	Бывший Генерального Штаба генерал-лейтенант, состою штатным сотрудником-составителем комиссии по изучению опыта войны 1914-1918 <...>.
4. Когда, где и при каких обстоятельствах и с кем арестован	Арестован вечером 9 февраля ² на своей квартире (Б<ольшая> Молчановка, д<ом> № 1, кв<вартира> № 19, т<елефон> 4-79-86), закопался военно-исторической заданною комиссией работою, по ордеру Центрального Военного контроля.
5. Где содержится	В одиночной камере № 36 Бутырской тюрьмы, под <u>строгим</u> надзором.
6. За кем числится	За Центральным военным контролем.
7. Поводы для ареста	Показания и документы, найденные у арестованного одно время Виктора Васильевича Устинова, бывшего офицера <...>.

Сущность дела

Предъявленное обвинение, как начальнику штаба белогвардейской боевой организации; между тем организация не преследовала боевых целей и не имела в виду выступления против правительства, так как не имела контрреволюционных задач, что подтверждается инструкцией для организаций, имеющейся в распоряжении следователя Особого Отдела; согласно инструкции главною задачею офицерской организации, в которой я состоял, образование кадров для будущей постоянной армии; имелось в виду, что война не может скоро окончиться и для восстановления России потребуется мощная армия, для которой необходимо объединить разрозненных бывших опытных офицеров, прошедших в рядах армии войну. Никаких выступлений против правительства не только не имелось в виду, но лично мною принимались все меры против каких бы то ни было мечтаний по этому поводу. Организация ничего общего с существовавшими и существующими другими боевыми организациями не имела и ни к каким политическим партиям не принадлежала. В силу изложенного прошу ходатайства об облегчении участи. В. Соколов <...>³.

¹ «Карточка арестованного» заполнена 22 февраля 1919 года.

² 1919 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 254. С. 77. Автограф.

СУВОРОВ А.Н.¹ — в МПКК²

«<...> а) В моей квартире жили 3 бывших офицера: Росси, Добротворский, А.С. Житников. Еще до моего возвращения с войны, распоряжением воен<ного> начальства, Росси, итальянский подданный, весной 1918 г<ода> выехал в свою миссию, а затем в Италию. Остальные поступили по приглашению окружн<ого> комиссара А.К. Денебаха в Штаб округа на службу. Весной 1919 года Добротворский уехал на фронт. В сентябре 1919 г<ода> Житников был арестован, а по подозрению и я. 7-го окт<ября> 1919 меня выпустили, не предъявив обвинения. 2-го ноября я был вновь арестован, и на допросе меня обвиняли в том, что я, якобы, знал об участии названных лиц в организации 1918 <...>. С марта по июнь 1918 г<ода> я в Москве и не жил.

б) В середине февраля 1919 года мое дело было передано след<ователю> А.П. Маковскому, который предъявил мне обвинение в сношениях с братом, якобы бывшим начальником штаба у Юденича в декабре-январе 1918/1919 г<одов>. Я с братом давно в ссоре, совершенно не переписывался. Только в первых числах марта 1918 года он лишь прислал часть своего старого долга 1000 р<ублей> с незнакомым мне господином. Обвинение в сношениях совершенно голословно. <...>

в) В первых числах января 1919 года я случайно был у своей старой знакомой (еще по Петербургу) М.К. Араповой к обеду. Там был некто Курц, выдававший себя за француза. Я его не знал. Он приехал из Петербурга и рассказывал разные небылицы о событиях, там происходивших. Говорил, что он отлично осведомлен, что англичане собрали, кажется, в Гельсингфорсе 100 т<ысячную> армию (!!!), и что они хотят взять Петербург; намекал, по-видимому, на свою с ними связь. Он произвел на меня впечатление крайне подозрительного субъекта, чуть не провокатора, почему я от дальнейшей беседы уклонился, скоро ушел, а М. Арапову предупредил быть с ним осторожней. <...> Осенью 1919 года Курц, по словам Маковского, был арестован с М. Араповой по обвинению в шпионской организации. <...>»³.

После освобождения служил в РККА, затем военрук в школе связи. В августе 1930 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Алма-Ату. 23 декабря 1937 — арестован. 11 февраля 1938 — приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян.

¹ Суворов Андрей Николаевич, родился в 1873 в Петербурге. Окончил КК, АВУ и НАГШ. С 1914 — на фронте генерал-майор Генштаба, с 1918 — профессор Военно-Педагогической Академии. 2 ноября 1919 — арестован и заключен в БТ.

² «Карточка арестованного» заполнена 31 мая 1920 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 321. С. 49-50. Автограф.

ТАРАЧКОВ М.Н.¹ — в МПКК

«<...> По сути допроса при аресте заключаю, что поводом к аресту послужило Общество взаимопомощи семьям бывших офицеров 35-й Арт<иллерийской> бригады имени Гобято (Гобято — фамилия бывшего командира 35-й Артбриг<ады>, убитого в бою при Перемышле). Общество основано офицерами 35-й Ар<тиллерийской> бр<игады> по возвращению с фронта в конце 1917 года, окончило свое существование в июне м<еся>це 1918 года. До компании я служил в 35-й Артбригаде, последний год компании был на Рижском фронте, где был командиром 12-го отделения тяжелого Артдивизиона, во время переворота был под Двинском, по занятии которого немцами я уехал в Россию в г<ород> Рязань, где жила моя семья. В Рязань прибыл 10 февраля 1918 года, не имея никаких средств на существование, кроме жалования, сейчас же начал хлопотать о поступлении на службу и получил должность фронтового инспектора в демобилизационном отделе при Народном Комиссариате (Новинский бул<ьвар>, д<ом> 101), куда выехал из Рязани 10-го марта 1918 года. При начале формирования Красной Армии перешел в штаб Рязанской дивизии на должность помощника командира артиллерии, прибыл в Рязань 14-го июня 1918 г<ода>. Об<щест>во им<ени> Гобято в это время распалось.

За несколько дней перед отъездом из Рязани в Москву на службу в первых числа марта 18 г<ода> я внес членский взнос в о<бщест>во Гобято с целью дать возможность семье моей получать пищевые продукты через это о<бщест>во <...>»².

О ТАРАЧКОВЕ М.Н.³ — в ПКК

«<...> Прошу дать точную справку об участии моего мужа Михаила Николаевича Тарачкова, обвиняемого в принадлежности к экономическому обществу имени Гобято, находившегося в Ивановском монастыре и взятого оттуда 27-го сентября и отправленного неизвестно куда <...>»⁴.

После запроса ПКК был получен ответ, что Тарачков М.Н. приговорен — «к заключению в концлагерь до конца гражданской войны».

¹ Тарачков Михаил Николаевич, родился в 1864. Кадровый офицер царской армии. С 1914 — на фронте генерал-майором, с 1918 — начальник артдивизии в Рязани. 12 апреля 1919 — арестован, 5 мая отправлен в Москву и заключен в БТ.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 259. С. 78. Автограф.

³ Письмо М.П. Тарачковой, жены М.Н. Тарачкова от 5 декабря 1919 года.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 266. С. 112. Автограф.

ТИЗЕНГАУЗЕН З.П. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Тизенгаузен Зинаида Петровна.
2. Где содержится (тюрьма, кор. кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.)	Брестском Госпитале (из Ивановского лагеря).
3. Возраст, национальность ...	42 г<ода>, русская, русское.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении	Замужняя. Дочь 20 лет, три сына 14 л<ет>, 10 л<ет> и 7 лет <...>.
7. Грамотен или нет	Среднее образование <...>.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Петроград, Сергиевская ул<ица> 38, кв<артира> 7.
10. Чем занимался до февральской революции	Воспитанием своих детей и домашним хозяйством <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

13-го мая ко мне на квартиру явились поздно вечером с обыском и спрашивали мужа, которого дома не было (он ушел в этот день после завтрака и больше домой не возвращался. Где он находится и, вообще, жив ли он, мне до сих пор не известно). Была оставлена засада (при обыске ничего не найдено). На другой день утром к моей дочери зашла подруга, и обе девочки были арестованы и увезены на Шпалерную, откуда 4-го июня моя дочь была освобождена, а подруга ее еще раньше. 28-го мая опять пришли с обыском, опять спрашивали моего мужа и арестовали меня. На Шпалерной я пробыла до 6-го июля, когда была отправлена в Москву. На допросе (на Шпалерной) спрашивали, где мой муж, и на мои вопросы, в чем я обвиняюсь, мне ответил следов<атель> Байковский — “решительно ни в чем”, а “почему же Вы меня держите”, ответил: “Нам нужно решить, насколько Вы нам годитесь в заложницы”. <...> Помогите же вернуть меня к детям, которые очень нуждаются в материнских заботах. Вот уже десятый месяц, что они на попечении сестры, которой еще только 20 лет и которая кладет все силы и здоровье на содержание братьев”².

9 февраля и 8 апреля 1921 года Юридическая Комиссия ПКК ходатайствовала об освобождении Тизенгаузен З.П., благодаря этому она была освобождена, о чем есть помета секретаря на «Опросном листе» от 21 января 1920 года — «Освобождена».

¹ «Опросный лист» заполнен 18 марта 1920 года.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 255. С. 107. Автограф.

УРУСОВ С.Д. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Урусов Сергей Дмитриевич.
2. Возраст и семейное полож.	57 лет ² . Жена, сын, две дочери.
3. Общественное положение	Бухгалтер-инструктор Кооп<ератива> «Технопомощь».
4. Когда, где и при каких обстоятельствах и с кем арестован	Арестован в ночь с 29 на 30 августа 1919 г<ода> в своей квартире (Обухов пер<е-улок>, дом 8, кв<артира> 18) предъявителем ордера Моск<овской> Чрезв<ычайной> Комиссии.
5. Где содержится	В Бутырской тюрьме.
6. За кем числится	За Моск<овской> Чрезв<ычайной> Ком<иссией> (предполагаю).
7. Поводы для ареста	Арестованному не сообщено ни разу.
8. Были ли допросы и когда	Первый допрос 1 сентября. Второй 3 октября, причем допрашивающий сообщил о том, что арест произведен по ошибке и высказал убеждение в немедленном освобождении.
9. Предъявлено ли обвинение и какое	Ни при первом, ни при втором допросе никакого обвинения не предъявлено.
10. О чем спрашивали	О принадлежности к партии К.Д. ³ (не состоит в партии); о прошлой деятельности (подробно указана); о судимости (сообщено о двух приговорах и тюремном заключении: в 1907 году по делу Выборск<ого> возвания, в 1913 — за книгу, 3-4 месяца тюрьмы).
10. Что предпринято арестованным для ускорения дела	Ничего не предпринято лично арестованным.

¹ «Карточка арестованного» заполнена 10 октября 1919 года.

² Князь Урусов Сергей Дмитриевич, родился в 1862 в селе Спасское Ярославской губ. Отец Дмитрий Семенович Урусов, полковник в отставке, служил председателем губернской земской управы. В 1885 — окончил историко-филологический факультет МУ. Служил податным инспектором в Калужской губ. Неоднократно избирался уездным предводителем дворянства, с 1889 — председатель земской управы Калужской губ. С 1902 — вице-губернатор в Тамбове, губернатор Бессарабии, Твери. Товарищ министра внутренних дел в правительстве Витте, но вскоре вышел в отставку. Депутат 1-й Госдумы от Калужской губернии. В 1917 — Товарищ Министра внутренних дел.

³ Партия конституционных демократов.

В чем просьба

В выяснении дела и скорейшем его окончании. Полагаю, что нет ни сущности, ни дела, но только хаотическое делопроизводство. С. Урусов»¹.

ПКК² — в ПРЕЗИДИУМ МЧК³

«<...> В Бутырской тюрьме находится арестованный в связи с арестом к-д Сергей Дмитриевич УРУСОВ.

Урусову 57 лет, и он настолько тяжело болен, что дальнейшее пребывание его в тюрьме может повлиять роковым образом на жизнь С.Д. Урусова.

Ввиду изложенного, Политический Красный Крест просит Президиум МЧК сделать зависящие распоряжения о переводе Урусова из тюрьмы в Бутырскую больницу, что могло бы облегчить Урусову тяжесть его серьезного положения <...>»⁴.

На этом заявлении кем-то сделана непонятная запись: «Дело тюремн<ого> врача». 15 декабря, благодаря ходатайству ПКК, Сергей Дмитриевич Урусов был освобожден. В феврале 1920 — арестован по делу «Тактического Центра»⁵. В июне был освобожден до суда. Летом 1922 — вновь арестован и привлечен к следствию по групповому делу православного и католического духовенства и профессуры, участников собраний на квартире Владимира Владимировича и Анны Ивановны Абрикосовых. Ему было предъявлено обвинение — «контрреволюционная деятельность». Обвинения не подписал, и по суду был оправдан. Служил управляющим делами, заведующий общим отделом Особой Комиссии Курской магнитной аномалии ВСНХ. В 1937 — скончался в Москве.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 260. С. 40. Автограф.

² Заявление от 25 октября 1919 года.

³ Заявление направлялось следователю Рапорту, который вел дело Урусова С.Д.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 260. С. 43. Машинопись.

⁵ «Тактический центр» (ТЦ) образован в апреле 1919 года, в него входили члены Временного правительства и представители интеллигенции. Централизованной структурой ТЦ не обладал, не имел устава, скорее был «мозговым центром». В феврале-мае 1920 года были арестованы 28 членов ТЦ, среди них: Д.М. Щепкин, товарищ министра внутренних дел, С.М. Леонтьев, товарищ министра внутренних дел при Временном правительстве, С.Д. Урусов, князь С.Е. Трубецкой. Суд состоялся в августе 1920 года. По делу ТЦ двадцать человек были приговорены к расстрелу с заменой на тюремное заключение от трех до десяти лет, остальные — к различным срокам наказания, но в феврале 1921 года они были амнистированы.

ХИТРОВО В.М. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество Хитрово Владимир Михайлович.
2. Где содержится (тюрьма, кор. кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.) Из Владыкинского лагеря прислан для лечения в Брестскую концентрационную больницу.
3. Возраст, национальность, подданство 59 лет 8 мес<яцев>; русской национальности и подданства.
4. Семейное положение... Холост <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс Грамотен, кончил курс в Академии Генерального Штаба.
8. Профессия Военная служба.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес Село Муратово Селиховской вол<ости> Болховского уезда, Орловской губ<ернии>.
10. Чем занимался до фев. рев. Командовал Казачьей бригадой на войне.
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г. Начальник Штаба 37 арм<ейского> корпуса на войне.
12. Чем занимался до ареста Обработкой нормы земли.
13. Занимал ли какую-либо должность по выборам, какую и где С декабря 1917 г<ода> по 1 мая 1918 г<ода> начальником штаба 37 арм<ейского> корп<уса> по избранию корпусного комитета.
15. Партийность до окт. 1917 г. Беспартийный <...>.
17. Когда арестован 9 сентября 1919 г<ода>.
18. Где арестован В с<еле> Муратово Болховского у<езда> Орловск<ой> губ<ернии>.
19. Когда доставлен в Москву 25 октября 1919 г<ода>.
20. По ордеру какого учреждения арест Орловского Губ<ернского> ЧК.
21. Повод к аресту Полагаю — по доносу.
22. Кто еще арестован по этому делу Мой племянник Владимир Николаевич Хитрово² и муж племянницы Степан Степанович Перфильев.
23. За кем числится За ВЧК.
24. Когда и кем допрошен Не допрашивался.
25. В чем обвинение В агитации против Советской власти.
26. Есть ли приговор по делу Нет <...>.
27. О чем ходатайство Об освобождении за старостью, слабостью и болезнью.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Я уволен от военной службы 1 мая 1918 г<ода> и при освидетельствовании в феврале 1919 г<ода> признан негодным к службе за старостью и дряхлостью. Прожил до ареста безвыездно в с<еле> Муратово, обрабатывая норму земли совместно с родными. Обвинение в агитации против Советской власти опровергнуто резолюцией моих односельчан, где общество в составе 35 граждан удостоверили, что я и арестованные со мной никогда не выступали против Советской власти, исполняя все ее требования. Арестованных со мной освободили, а меня отправили из Болховской тюрьмы в Москву 12 октября 1919 г<ода>, как заложника³. До революции я владел нераздельно с племянником 400 десятин при с<еле> Муратово, но теперь у меня нет никакого имущества. Капитал мой был не более 7000 руб<лей>, который прожит. Ходатайствовать за меня некому, ибо у моих родных нет средств приехать в Москву. Владимир Хитрово»⁴.

21 января 1921 — В.М. Хитрово, находившийся с 26 октября 1919 года во Владыкинском концлагере, а с 13 декабря — в Брестской больнице, заполнил еще одну анкету. Юридическая Комиссия ПКК ходатайствовала о применении к В.М. Хитрово амнистии.

«Л.А. БАХ⁵

СПРАВКИ ИЗ ЧК⁶

«ХИТРОВО Владимир Михайлович. Постановлением Комиссии по прим<енению> амн<истии> от 19/IV — о с в о б о д и т ь <...>⁷.

¹ Анкета заполнена 17 марта 1920 года в Брестской концентрационной больнице.

² Хитрово Владимир Николаевич, родился в 1878 в Петербурге. В середине 1920-х – проживал в Смоленске, работал научным сотрудником на областной опытной станции. В 1930 – арестован и приговорен к 5 годам ссылки на Урал.

³ Бывший генерал царской армии.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 267. С. 1. Автограф.

⁵ Сотрудник ПКК, ходатайствовавший о применении амнистии к Хитрово В.М.

⁶ Ответ ВЧК на запросы Юридической Комиссии ПКК от 7 апреля 1921 года.

⁷ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 266. С. 62. Машинопись.

ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ А.А. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Андрей Александрович Ширинский-Шихматов.
2. Возраст и семейное полож.	52 года, жена, 1 сын и три дочери.
3. Общественное положение	Член профессион<ального> союза декорат<ивно>-прикладного иск<усства> и художеств<енной> промышл<енности>. Почетный член Петроград<ского> общ<ества> художников. Почетный член Тверск<их> и Смолен<ских> ученых архивных комиссий. Почет<ный> член Лондонск<ого> клуба.
4. Когда, где и при каких обстоятельствах и с кем арестован	Один на квартире 10 января после обыска, при котором ничего не найдено. Отобраны фотографии семейные, гербовая фамильная печать, карточка сына, умершего неск<олько> лет тому назад и больше ничего.
5. Где содержится	В одиноч<ной> кам<ере> 72 Бутыр<ской> тюрьмы.
6. За кем числится	За ВЧК.
7. Поводы для ареста	При аресте и на первом допросе следоват<ель> заявил, что сейчас никакого обвин<ения> не предъявляется, но что я был земск<им> нач<альником>, вице-губернатором, почему будут собираться сведения. Тогда будет видно, какие дела и обвинения возникнут. Губернатором я был в Саратове с 1913 по 1915 г<од> и ушел из них, следоват<ельно>, почти за 2 года до революции. Последн<ее> время был сверх штата членом Совета Министра и в 1916 году в ноябре подал в отставку. Ввиду переживаемого времени отставка лежала до Врем<енного> правит<ельства>, которое по второй моей уже просьбе дало отставку и представило меня к трем тыс<ячам> пенсии <...>.

¹ «Анкета арестованного» заполнена 18 февраля 1919 года.

10. Ходатайствует ли кто и где Жена моя, живущая в Обухов<ом> переулке> (близ Пречистинки), д<ом> 6, кв<артира> 13, подала Каменеву записку о моей художеств<енной> просветительной деятельн<ости> и все мои печатн<ые> труды по археолог<ии>, естествознанию и защите инородцев <неразб.> России и Сибири.
11. Что предпринято арестованным для ускорения дела Этот листок первая попытка оказать действие делу.
12. В чем просьба Оказать юридическую помощь и исходатайствовать деловые свидания с женой <...>»¹.

13 июня 1919 — по ходатайству ПКК Ширинский-Шихматов Андрей Александрович был освобожден из тюрьмы.

ШИРИНСКИЙ–ШИХМАТОВ А.А.² — МУРАВЬЕВУ Н.К.³

«<...> Я лежу дома больной, и первая моя потребность — благодарность после промысла Божия неудержимо рвется к Вам, к Кресту, в котором Вы имеете честь быть председателем. Пусть эти строки, пока я лично не могу принести мою безграничную преданность Обществу, скажут Вам, как много прекрасного, высоко гуманного и человеческого совершаете Вы Вашей исключительно трудной деятельностью, сколько счастья даете Вы страждущему душой и сердцем человеку, сколько прекрасного остается в памяти у тех, которых осенила милосердная благодать Вашего Креста. Вы должны знать при этом, что не только освобожденные могут быть благодарными, могут испытывать чувства признательности к Обществу — нет, но и те лица, судьба которых еще не решена, — и они неоднократно испытывают на себе благотворную деятельность Ваших сочленов при посещении ими мест заключения. Верьте — Вам пишет человек, испытывавший на себе лично благие дары деятельности Вашего Общества. Шлю Вам свой земной поклон и тому Красному Кресту, который струит лучи такой благостной любви к человеку, дает ему так много в тяжкие дни его жизни... Жму крепко и благодарно Вашу руку. Искренне Ваш <...>»⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 271. С. 57. Автограф.

² Письмо от 13 июня 1919 года.

³ Николай Константинович Муравьев.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 271. С. 63. Автограф.

ШИРИНСКИЙ–ШИХМАТОВ А.А.¹ — МУРАВЬЕВУ Н.К.

«<...> Получив сегодня извещение Секретариата Комитета О<б-щест>ва Политического Кр<асного> Креста о принятии меня членом последнего, прошу Вас принять и передать членам означенного Общества мою глубокую признательность за оказанную мне честь.

Что же касается участие моего в работах какой-либо из Комиссий Общества, то мне, к сожалению, придется от него отказаться, ввиду поступления моего на службу. Мой скромный членский взнос на сумму сто (100) рублей я передаю в секретариат.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности. А. Шихматов <...>².

СВЕРДЛОВ В. — в ПРЕЗИДИУМ МЧК³

«<...> Прошу освободить под мое поручительство гр<ажданина> ШИРИНСКОГО–ШИХМАТОВА. В. СВЕРДЛОВ»⁴.

В конце 20-х — Андрей Александрович вновь был арестован, приговорен к ссылке и отправлен в Томск, где 23 июня 1937 — был арестован как бывший офицер, привлечен к следствию по групповому делу «Польской организации Войсковой». 3 сентября 1937 — приговорен к ВМН. 17 сентября расстрелян.

¹ Письмо от 18 июня 1919 года.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 271. С. 62. Автограф.

³ Поручительство от 29 июня 1919 года.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 266. С. 66. Машинопись.

1920 год

«1. Последним сроком явки для регистрации лиц, скрывавших до сего времени свое бывшее офицерское звание, назначить 1 апреля 1920 года. До этого срока все, явившиеся добровольно в ближайшие губвоенкомы по месту своего жительства для регистрации и назначения на должности в Красную Армию, не подвергнутся ответственности за неисполнение приказа Революционного Военного Совета Республики 1919 г. за № 1008.

2. Виновные в сокрытии своего бывшего офицерского звания после 15 марта 1920 года будут привлечены к судебной ответственности по все строгости революционных законов военного времени»¹.

«В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию, на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-Крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо, в противном случае, она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку-Россию»².

«Русская интеллигенция, войдя в горнило Революции с лозунгом народовластия, вышла из него союзником черных генералов, наемным и послушным агентом европейского империализма»³.

¹ Из Постановления Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, подписанного Лениным. ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 95. Д. 43. Л. 184.

² Из воззвания Особого Совещания при Главкоме «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились» от 30 мая 1920 года.

³ Из речи Крыленко, главного обвинителя на процессе «Тактического Центра» в августе 1920 года.

О БЕРНАРД М.Ф.¹ — в МПКК²

«<...> 15-го вечером в нашу квартиру прибыли агенты МЧК (ордер, кажется, № 7244) и потребовали предъявить ценности матери моей жены, бывш<ей> княгини Куракиной, а также указать, где находится гр<ажданин> Ленц. Жена моя сказала, что у нее нет никаких драгоценностей и что не знает Ленца. Указала, между прочим, что был профессор Лянц, который умер несколько лет тому назад. Агенты заявили, что они это знают и разыскивают другое лицо. Жена моя дала подписку, что Ленца не знает. При обыске ничего не нашли, была оставлена засада, и по 20-е сентября задержано 10-12 чел<овек>, почти все приходившие к нашим квартирантам.

Вечером 20/IX прибыл для допроса пом<ощник> Управдел<ами> О<собого> О<тдела> ВЧК т<оварищ> А. Лурье, который, допросив живущих в квартире, освободил всех, жену же мою Марию Федоровну Бернард арестовал и, как сказал, увез в Ос<обый> Отд<ел>. Причин ареста не знаю, т<ак> к<ак> допрос происходил не в моем присутствии. По справкам, М.Ф действительно находится в О<бном> О<тделе> ВЧК. На поданный рапорт в Секретариат тов<арища> Троцкого ответа еще не пришло; по частным сведениям дело ведет следователь Годлов и в прошлую субботу было сказано, что дело несерьезное и что на днях освободят. Однако до сего времени жена находится под арестом <...>»³.

В ноябре 1920 — по ходатайству ПКК Бернард М.Ф. была освобождена под подписку о невыезде, в январе 1921 — разрешено свободное проживание. Выехала к родственникам в Московскую область. В июле 1927 — вновь арестована и приговорена к 3 годам ссылки. Отправлена в Тулун, куда к ней приехал муж, Яновский Лев Сигизмундович, через год переведена в Нижнеудинск, местный врач-онколог сообщил мужу, что у нее рак и необходима срочная операция. В феврале 1929 — по ходатайству ПКК из ссылка освобождена с ограничением проживания (-6). Выехала в Москву на операцию.

¹ Бернард (урожд. княжна Куракина) Мария Федоровна, родилась в 1877. После смерти первого мужа зарабатывала шитьем и уроками иностранных языков. В 1918 — арестована, вскоре освобождена. 20 сентября 1920 — арестована в Москве и заключена в БТ.

² «Опросный лист» заполнен мужем Яновским Л.С. — 1 октября 1920 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 305. С. 34. Автограф.

ВИТКОВСКИЙ К.К. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	<u>Витковский</u> Константин Константинович.
2. Где содержится	<u>Бутырская тюрьма.</u>
3. Возраст, национальность, русское подданство	36 лет, русской национальности, русское подданство.
4. Семейное положение ...	Жена и 2-е малолетних детей 8 и 6 лет <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Грамотен. Учился в кадетском корпусе Петрограда, военном училище и Академии Генер<ального> Штаба.
8. Профессия	Военный.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Петроград. Кавалерийская, 3, кв<артира>
10. Чем занимался до февральской революции	29. Перед арестом на Кавказе. Был на фронте, захворал воспалением легких, отправлен на Кавказ <...>.
17. Когда арестован	<u>В августе 1920 года.</u>
18. Где арестован	<u>В Пятигорске.</u>
19. Когда доставлен в Москву	<u>24-го декабря 1921 года из Пертоминского лагеря <...>».</u>

Сведения о К.К. Витковском

В конце 1917 г<ода> Константин Константинович Витковский, полковник Генерального Штаба, командовал 15-м Сибирским Стрелковым полком. Заболев воспалением легких и будучи в начале войны ранен, контужен и отравлен газами, вышел в отставку и уехал к семье в Ессентуки. Живя там, в 1918 г<оду> принимал участие в отражении нападений генерала Шкуро на Ессентуки, работал в Реввоенсовете и читал лекции на командирских курсах в Пятигорске.

В начале 1919 г<ода> белые заняли район Минеральных вод и так неожиданно, что уехать не было возможности, не было и средств двинуться с семьей, а главное то, что Витковский лежал больной в испанке. По занятии белыми Ессентуков Витковский был арестован, но вскоре выпущен и, получив приказание отправиться в Ростов, поехал туда и был там прикомандирован к Штабу без должности <...> Наконец пришлось принять какую-нибудь должность, и он взял нач<альника> Штаба Ингушской бригады. Пробыв там недолго, взял место помощника командира Ингушского полка. Он знал, что ингуши не сочувствуют бе-

¹ «Опросный лист» заполнен 24 января 1922 года.

лым, формировались они насильно, в боях участвовали немногие, т<ак> к<ак> скоро разбежались. В это время Витковский заболел сыпным тифом, едва добрался до Пятигорска, куда переехала его семья. По болезни он не явился в штаб, а когда белые эвакуировались во Владикавказ, он, несмотря на риск, остался в Пятигорске. В апреле 1920 г<ода> Витковский поступил в Северо-Кавказский Ревком в Военную инспекцию, после расформирования которой его отправили в Ростов для получения другого назначения.

В августе 1920 г<ода> по приезде в Ростов, он был арестован и отправлен в Архангельск. После рассмотрения дела его освободили и назначили на службу в Штаб Беломорского Воен<ного> Округа. 9 марта 1921 г<ода> он снова был арестован по приказу Москвы и после суда приговорен к 5 годам принудит<ельных> работ «за службу по мобилизации в Деникинской Армии, за службу у Врангеля и как к<онтр>революционер». В армии Врангеля, как сказано в приговоре, он не служил, т<ак> к<ак> с апреля 1920 г<ода> служил на советской службе <...> Витковский из Архангельска по приговору был отправлен в Холмогоры, а в конце октября направлен в Пертоминский лагерь в 120 в<ерстах> от Архангельска на берегу Белого моря. В конце декабря 1921 г<ода> он переведен в Москву и в настоящее время находится в Бутырской тюрьме <...>»¹.

21 февраля 1922 — по ходатайству ПКК приговор Витковскому К.К. был изменен, о чем есть запись секретаря: «По прот<есту> от 17/VI-22 г<ода> № 143 — срок заключения сокращен до 1 г<ода>, считая с 30/V-21 г<ода>». 3 марта 1922 — вновь ходатайство ПКК об освобождении Витковского К.К., на этом заявлении секретарем ПКК записано — «Офицер Арханг<ельского> лаг<еря>, дело будет пересмотрено в общем порядке (спр<авка> ВЧК. 25/II — 23 г<ода>)»². 17 июня 1922 — освобожден, но в середине 1920-х — вновь был арестован и в 1927 — находился в заключении. Перед войной был на свободе, а в июне 1941 — был арестован, очевидно, расстрелян.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 181. С. 5-8. Автограф.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 181. С. 10. Машинопись.

ВОИНОВ И.Д. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Воинов Иван Дмитриевич.
2. Где содержится (тюрьма, кор. кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.)	Кожуховский лагерь, а временно Брестский госпиталь, Пресня.
3. Возраст, национальность ...	63 года 4S месяца; русский; РСФСР.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении ...	Жена 54 года и дочь 14 лет; жена больна, а дочь еще не окончила образование <...>.
7. Грамотен или нет	Военное училище.
8. Профессия	Бывший офицер.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Г<ород> Екатеринодар, Длинная, № 17.
10. Чем занимался до фев. рев.	Воинским начальником. Ростов-на-Дону.
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г.	Прикомандирован к области Воен<ным> начал<ьником>.
12. Чем занимался перед арест.	Служил в Совнархозе <...>.
17. Когда арестован	5 августа 1920 года.
18. Где арестован	В г<ороде> Екатеринодаре.
19. Когда доставлен в Москву	12 августа 1920 года <...>.
22. Кто еще арестован по этому делу	До четырех тысяч человек, служивших в Белой армии <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Я вместе с другими бывшими офицерами и чиновниками после регистрации предназначен был к отправлению в Ростов-на-Д<ону> и далее, но т<ак> к<ак> я начал хлопотать, чтобы мне было разрешено остаться в Екатеринодаре, как старику, по распоряжению Особого Отдела IX армии я был арестован, и его же распоряжением произведено подробное расследование о моей службе и деятельности, после чего я был освобожден, и последовало разрешение служить в Совнархозе, где я и был до 5 августа 1920 года, т<о> е<сть> до того дня, когда согласно приказу по IX армии за №19 было приказано всем бывшим офицерам и чиновникам, как служившим в Белой армии, так и только проживавшим на территории, занимаемой ими, явиться для регистрации, нас всех задержали и отправили в Москву <...>. Граж<данин> Воинов»².

¹ «Опросный лист» заполнен 20 января 1921 года.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 180. С. 61. Автограф.

¹ Прощение от 28 ноября 1920 года.

ВОИНОВ И.Д. — в ПКК¹

«<...> Прошу ходатайства об освобождении меня из-под стражи и о разрешении мне быть принятым на службу в одно из учреждений РСФСР, при этом считаю необходимым осведомить, что я не только не выступал в оружием в руках против Советской Власти, но и вообще не выступал и другим каким-либо способом, в достоверности изложенного имеются оправдательные документы. Гражданин Иван Воинов»².

ПКК³ — в ВЧК⁴

«<...> Содержащийся в Кожуховском лагере Иван Дмитриевич ВОИНОВ, ныне находящийся временно в Брестском госпитале для военнопленных, обратился к Моск^{<овскому>} Политическому Красному Кресту с просьбой возбудить ходатайство об ускорении производства следствия по его делу и о его освобождении, причем объяснил, что он, б^{<ывший>} офицер, находился в отставке и проживал в Екатеринодаре. По распоряжению О^{<собого>} О^{<тдела>} IX армии Воинов был арестован и вскоре освобожден, причем с разрешения поступить на службу в местный Совнархоз. Вследствие приказа по IX армии № 19 Воинов явился на регистрацию офицеров и 5/VIII 20 г^{<ода>} был арестован и направлен в Москву <...> Московский Политический Красный Крест, принимая во внимание, 1) что Воинову 64 года, 2) что он не служил в армии белых, 3) что никакого персонального обвинения ему не предъявлено и 4) что он уже более 6 месяцев лишен свободы — ходатайствует об ускорения производства следствия по его делу и о его освобождении <...>»⁵.

Благодаря ходатайству Юридической Комиссии ПКК Воинов Иван Дмитриевич был освобожден, о чем есть помета секретаря в конце его прошения — «освобожден».

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 180. С. 63. Автограф.

³ Заявление от 14 февраля 1921 года.

⁴ Начальнику следственного отдела при Президиуме ВЧК Фельдману.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 180. С. 65. Машинопись.

ВЯЗЕМСКАЯ Л.О. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Вяземская Любовь Орестовна.
2. Где содержится (тюрьма, кор., кам.)	Втором отделении при МЧК. Кисель <ный> пер <еулок> 8.
3. Возраст, национальность ...	50 лет ² , русская.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении ...	Девушка. На моем иждивении мать 73 лет, больная, очень слабая <...>.
7. Грамотен или нет	Высшее образование <ование>.
8. Профессия	Математик.
9. Место жительства	Москва, Колпачный, 4.
10. Чем занимался до фев. рев.	Педагог <ическая> деят <ельность> ³ .
12. Чем занимался перед арестом	Ученый секретарь физико-математической секции Научного отдела Наркомпроса <...>.
16. Привлекалась ли когда-нибудь раньше по политическим делам, когда и в чем обвинялся, чем кончилось дело	20-го авг <уста> 1919 года была арестована в связи с делом к <онституционных> д <емократов>. Выпущена на свободу без суда.
17. Когда арестован ...	В ночь с 18-е на 19-е окт <ября>.
18. Где арестован	На своей квартире <...>.
21. Повод к аресту	Не знаю.
22. Кто еще арестован	Никто.
23. За кем числится	За МЧК.
24. Когда, где и кем допрошен	Предварит <ельно> допрошена 19-го окт <ября>, не знаю, кем.
25. В чем обвинение	В к <онтр> р <еволюции> <...>.
26. О чем ходатайство	Об освобождении.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

После ареста в августе 1919 г <ода>, по-видимому, выяснилось определенно, что арест произошел по недоразумению, ибо я никогда ни к какой политической партии не принадлежала. В 1905 г <оду> меня записали в партию к <онституционных> д <емократов>, из которой я вышла через год, не приняв ни разу никакого участия в ее деятельности.

¹ Опросный лист заполнен 24 октября 1920 года.

² Родилась в 1870 в Киржаче.

³ До революции преподавала в собственной женской гимназии.

С тех пор не только не действовала, но даже никаких политических деятелей не знаю и ни с кем о политике не говорила.

Деятельность моя ученая и учебная, имею в научном отделе ответственную в чисто научном смысле деятельность, мое отсутствие — ущерб для дела, пользы мое присутствие в МЧК никакой принести не может, т<ак> к<ак> я никого из лиц, интересующихся политикой, даже не знаю.

На предварительном допросе меня спрашивали, знаю ли я некоторых лиц, о которых я даже никогда не слышала¹.

На вопрос о моем отношении к Советской власти, я ответила, что идеалы социализма считаю положительными, но не могу решать вопрос, как их надо проводить в жизнь, ибо никогда этим не занималась.

Подпись

Вяземская Л.О.»².

22 октября 1920 года заместитель Наркомпроса Покровский в телефонограмме № 850 обратился в Президиум ВЧК с просьбой — «срочно рассмотреть ее дело и если возможно освободить», — ссылаясь на то, что «она выполняет ответственную работу по Государственному Комитету охраны памятников природы»³.

28 октября в Президиум ВЧК было передано и ходатайство ПКК с просьбой об освобождении Вяземской Л.О.

1 ноября 1920 — Президиумом ВЧК было утверждено «Заключение по делу Вяземской Л.О.», в котором говорилось:

«Вяземская не является активной работницей в партии к<онституционных> д<емократов>, полагаю ходатайство зам<естителя> Наркомпроса т<оварища> Покровского об освобождении Вяземской из-под ареста удовлетворить».

5 ноября 1920 года Вяземская Л. О. была освобождена.

Осенью 1930 — был арестован ее отец Орест Валентинович. В 1931 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

¹ На допросе от 19 октября 1920 показала: «Причин ареста не знаю, но думаю, что в связи с арестами по делу “Тактического Центра”. Но там я никого не знала: Куракиных не знаю, точно также не знаю Лопухиных, Бернард и Сологуб. С кадетскими кругами я совершенно не знакома. С семьей князей Вяземских наша семья ничего общего не имеет».

² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 37793. С. 11. Машинопись.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 183. С. 147. Автограф.

³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 37793. С. 12. Машинопись.

Де РОБЕРТИ Н.А.¹ — БРУСИЛОВУ А.А.²

«<...> В конце августа 1918 г<ода>, согласно мобилизации, я был в Екатеринодар и был назначен начальником штаба Черноморского губернатора. Вследствие разности взглядов я был в конце января 1919 г<ода> переведен на должность начальника штаба I дивизии, на каковой пробыл до июня м<еся>ца, когда был отчислен и даже был, вследствие интриг и как результата бывших несогласий, под следствием и даже судом (дело было закончено). Вообще же, с июня 1919 г<ода>, что свидетельствуется предъявленными мною документами, я не состоял в рядах Добр<овольческой> армии. Когда армия эвакуировалась в Крым, я отказался от эвакуации и остался в Новороссийске. Здесь я зарегистрировался и, переболев сыпным тифом, был допрошен в ЧК, после чего был самостоятельно, как добровольно оставшийся, командирован в Екатеринодар, в Особ<ый> отд<ел> 9 армии. После нового допроса и проверки всех обстоятельств я получил предписание отправиться в Москву в ВЧК, причем даже выдано было мне разрешение ехать в штабном вагоне. Прибыв 10 июня в Москву, я 11 числа явился в ВЧК, где, неожиданно для себя, был, как мне сказали, дня на два для допроса задержан, затем отправлен в Бутырскую тюрьму, в коей и нахожусь до сего времени, не будучи ни разу допрошен и без предъявления обвинения. На основании вашего обращения ко всем офицерам я позволяю себе беспокоить Вас просьбою о ходатайстве за меня о моем допросе и решении моего дела. Вкратце. Я хочу только обратить внимание, что я, полковник Генштаба, вып<уска> из Академии 1911 г<ода>, имевший возможность эвакуироваться, остался добровольно, т<ак> к<ак> уже в конце 1918 г<ода> разочаровался в Добр<овольческой> армии, затем на меня повлияло тесное единение с внешним врагом, стремящим расчленить Россию и отрезать от нее целые области, наконец, и мои личные дела. Все это, взятое вместе, и понудило меня остаться на советской территории. <...>»³.

В 1920-х — после освобождения работал на ОГПУ, в середине 1930-х — арестован, приговорен к ВМН и расстрелян.

¹ Де Роберти Николай Александрович, родился в 1870. Окончил КК в Тифлисе, КАУ и НАГШ. Кадровый офицер царской армии, с 1914 — на фронте в чине подполковника, начальник оперотдела Кавказского фронта, с июня 1919 — в отставке. 11 июня 1919 — арестован в Москве и заключен в БТ.

² Брусилов Алексей Алексеевич. Один из командующих фронтов, убедивших Николая II отречься от престола. В июне-июле 1917 — Верховный главнокомандующий Временного Правительства. В 1919 — председатель Особого Совещания при Главнокомандующем.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 306. С. 38. Автограф.

ДУРНОВО А.Н.¹ — в МПКК²

«...» 6-го февраля с<его> г<ода> у меня на квартире в Нижнем Новгороде по Жуковской ул<ице>, д<ом> 9, кв<артира> 3 был произведен обыск по ордеру Нижегород<ской> Губ<ернской> Чека заведующим активной частью Губ<ернской> Чека т<оварищем> Буровым, двумя агентами и 10 красноармейцами. Во время обыска у меня находился в гостях Боглевский, житель Н<ижнего> Новгорода, состоящий на службе в отделе Госооружений в качестве дорожного техника, мой хороший знакомый, в настоящее время находящийся в больнице при Бутырской тюрьме, моя жена, Александра Ивановна, ныне находящаяся в карантине при женском отделении в Бутырской тюрьме, брат моей жены Аникин Петр Иванович, красноармеец, состоящий при Нижег<ородском> Автопарке, живущий у меня на квартире, председатель домового Комитета Ильичев <...> Обыск продолжался от 11S веч<ера> до утра, и производили так тщательно, что была расколота чертежная доска, вскрыта рама портретов, сорван половой линолиум и сдвинута вся мебель. При обыске была взята переписка, причем ее складывали, не читая, в мешок, который опечатали и препроводили в Губчека. Кроме переписки ничего другого у меня отобрано не было. После обыска у меня на квартире были оставлены 2 часовых, а Буров с красноармейцами отправились производить обыск к моему бывшему домохозяину Сперанскому Серг<ею> Павловичу, в настоящее время находящемуся в Бутырской тюрьме <...> В моем присутствии Буровым было приказано оставленным часовым всех впускать в мою квартиру, но никого не выпускать, а также следить за оставшимися в моей квартире людьми. После обыска у Сперанского меня и Боглевского арестовали и при сопровождении в Губчека к нам присоединили арестованного Сперанского, оставив при моей квартире часовых с тем же приказом.

В Губчека я был тотчас же помещен в отдельную камеру. Первый допрос был произведен через сутки, а именно, в ночь с 7 на 8 февраля в 4 часа утра. Допрашивали меня Буров и Мовчин и председатель Губчека. Мне были предъявлены 4 револьвера, которые, по словам Бурова, были при втором обыске 7 февраля найдены в мастерской при моей квартире, где первый раз в моем присутствии был произведен особенно тщательный обыск, не давший никаких результатов. Найденные же револьверы

¹ Дурново Александр Нилович. Кадровый офицер царской армии в чине подполковника. После революции служил в РККАр. После заболевания тифом демобилизован, служил в советских учреждениях.

² Заявление от 5 апреля 1920 года.

были, по словам Бурова, обнаружены на видных местах на полке, а именно, один лежал на полке, а три, завернутые в черном коленкоровом обрезке, за корзиной. С момента первого обыска до конца второго в квартире находились часовые Губчека.

8 февраля я вновь был вызван на допрос, и мне было Мовчиным приказано немедленно ехать с агентами на мою квартиру для присутствия при третьем обыске. На автомобиле, в который меня посадили, находилась и моя жена, тоже арестованная при втором обыске. Приехав на свою квартиру, я увидел ее запечатанной. Агенты, сорвав печати, приступили в моем и моей жены присутствии к третьему обыску. В той же мастерской в корзине, где стояла бутылка с кислотой, были снова обнаружены два револьвера, лежащие сверх соломы и лишь слегка ею прикрытые. После обнаружения этих револьверов один из агентов ушел говорить по телефону в соседний дом с Губчека и, когда он вернулся, обыск прочих помещений был очень поверхностный. Затем моя жена была оставлена дома, а я увезен в Губчека <...> Через двое суток меня вызвали к новому допросу в 1 ч <ас> ночи. Меня допрашивали Буров, Мовчин и Крылов, начальник следственной части при Нижегородской Губчека. Мне было предъявлено обвинение «участника контрреволюционного заговора». Допрос начался с того, что меня начали ругать самыми площадными словами, приставляли к виску револьвер, палками пинали в грудь и спину, грозили позвать кого-то, который меня изобьет до полусмерти, требуя, чтобы я немедленно назвал своих сообщников. Говорил мне Крылов, что моя жена по его приказанию избита и, если доживет до утра, то расскажет все. Затем был приведен избитый и плачущий Лотошников — сотрудник Губчека, который был у меня в доме две недели тому назад, где я и увидел его впервые, которому Крылов приказал в моем присутствии говорить все то, что он говорил и без меня. Лотошников, плача, сказал, что он все сказал, что ими ему было приказано, и более ничего не может сказать. Крылов снова ударил его два раза рукой по лицу и сказал, что от этого мерзавца более ничего не добьешься, и велел его куда-то увезти. Когда увели Лотошникова, меня снова с бранью, грозя палкой, начали допрашивать о контрреволюционной организации. Не зная ее, я не мог ее назвать, и тогда Крылов приказал меня отвести в холодный подвал, а завтра расстрелять и доложить ему, сказавши, что надо симулировать побег, и тогда никто за мой расстрел не ответит. Я был уведен и посажен в холодный подвал, где и пробыл около суток, все время ожидал расстрела, без воды и пищи. Приблизительно через 20 часов я был вызван на допрос. Меня допрашивал Буров, который уже спокойно сказал мне, что, если я не укажу контрреволюционной организации, то Губчека имеет три способа меня умертвить: I способ — посадить меня снова в

холодильник и на время забыть обо мне. II способ — симулировать побег и при побеге меня расстрелять, III способ — посадить меня в тифозную камеру. Я едва стоял на ногах. Он это увидел, позвал коменданта и дал ему приказ, отвести меня в теплую камеру и дать мне что-нибудь поесть, а через час отправить в I-ю Нижег<ородскую> тюрьму. Из тюрьмы через несколько дней я был вызван в Губчека, где мне предъявили обвинение в контрреволюционной организации, возглавляемой мною, а через двое суток отправили в Москву в О<собый> О<тдел> МЧК <...>.

В дополнение считаю не лишним добавить, что 18 января был день моего рождения, и вечером среди 4 моих знакомых был Львов, состоящий на службе в Кустарном Подотделе Нижегородского Губземотдела, где состою и я. Когда мои гости были уже в сборе, явился Львов в сопровождении Лотошникова, которого он представил мне как своего племянника, приехавшего из Москвы. Мы играли в преферанс, и Львов с Лотошниковым вскоре ушли в мою мастерскую. Я скоро оставил карты и пришел к ним. Львов сказал мне, что ему очень неприятно, что он мне ничего не подарил и, несмотря на то, что я говорил ему, что это пустяки, он написал записку и послал Лотошникова к себе на квартиру, сказав мне, что он подарит мне S ф<унта> чаю. Я сам Лотошникова выпустил через черный ход, минут через 25 Лотошников постучался через тот же черный ход. Я ему его открыл и заметил, что он был в другом пальто, не в том, в котором он одевался, когда уходил. Не раздеваясь и не входя в комнату, Лотошников попросил меня позвать Львова в коридор, что я и исполнил. Поговорив вдвоем в коридоре, Лотошников и Львов пришли в мастерскую, и Львов сказал мне, что ему придется идти самому, так как чая не нашли <...>¹.

По ходатайству ПКК освобожден. Служил в советских учреждениях. В 1924 — оставил службу по болезни, став пенсионером как инвалид гражданской войны. В 1930 — скончался.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 191. С. 4-9. Автограф.

КИСЕЛЬ-ЗАГОРЯНСКИЙ А.Н. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Кисель-Загорянский Александр Николаевич.
2. Где содержится (тюрьма, кор. кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.)	Бут<ырская> тюрьма, кор<идор> 4, кам<ера> № 30.
3. Возраст, национальность ...	33 года. Русский. РСФСР.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении ...	Женат. Жена, сын 10 л<ет>, сын 8 лет, дочь 3-х лет и сестра 44 лет ...
7. Грамотен или нет, где учился	Московский Университет.
8. Профессия	Присяжный поверенный.
9. Место жительства ...	Москва, Тверская, дом 5, кв<артира> 2.
10. Чем занимался до фев. рев.	Состоял в армии ² <...>.
12. Чем занимался перед арестом	Служил во 2-й Московской Запасной Тяжелой Артиллерийской бригаде.
17. Когда арестован	30/X 1920 г<ода>.
18. Где арестован	В Хамовнических казармах <...>.
22. Кто еще арестован	15 человек военных <...>.

30/X арестован. 2/XI — опрошен. Допрашивался о местах старой и настоящей службы, о моих политических убеждениях. В конце допроса, задав вопрос, не принадлежу ли к партии эсеров или меньшевиков, и после моего отрицательного отказа следователь Басов в категорической форме обещал освободить меня самое позднее через 2-3 дня, каковой факт имел 5 ноября <...>³.

Александр Николаевич был приговорен к 3 годам концлагеря. Шнауберт И.А.⁴ обратилась в ПКК с просьбой помочь и отменить отправку внука на Соловки, так как «по состоянию его здоровья это равносильно смертному приговору»⁵. В конце ее заявления есть запись секретаря ПКК: «Отец — б<ывший> губернатор». Благодаря ходатайству ПКК Александр Николаевич был оставлен отбывать наказание в Бутырской тюрьме, откуда осенью 1923 — был освобожден⁶.

¹ «Опросный лист» заполнен 19 ноября 1920 года.

² Офицер.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 197. С. 178. Автограф.

⁴ Изабелла Оттоновна Шнауберт, бабушка Александра Николаевича.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 40. С. 239. Автограф.

⁶ А в марте 1924 были арестованы по групповому делу «контрреволюционной монархической организации» его брат Николай и племянник Владимир. Приговорены к 3 годам концлагеря, но по ходатайству ПКК оба также были оставлены для отбывания наказания в Бутырской тюрьме, а в 1926 — были освобождены.

КУРАКИН А.Б. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Куракин Александр Борисович.
2. Где содержится	В Бутырской тюрьме.
3. Возраст, национальность ...	45 лет ² , русский, гражданин РСФСР.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении, арестован, их возраст	Жена — 40 л, дочь 7 л, отец 80 л (совершенно больной), мать 75 л <...>.
7. Грамотен, где учился	Кончил Харьковский университет ³ .
8. Профессия	Канцелярский труд.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Арбат, Денежный пер<еулок>, 3, кв<артира> 1.
10. Чем занимался до февральской революции	Предводитель Дворянства ⁴ , уполномоченный Красного Креста, Пред<седатель> Комитета пом<оци> беженцам ⁵ <...>.
11. Чем занимался с марта по ноябрь 1917 г.	Уполномочен<ный> Кр<асного> Креста и председатель Комитета помощи беженцам ⁶ .
12. Чем занимался перед арестом	Ст<арший> делопроизводитель Мобилизационного Управл<ения>.
16. Привлекался ли раньше по политическим делам ...	Весной 1919 г<ода> содержался в течение месяца заложником в г<ороде> Орле ⁷ .
17. Когда арестован	17 сентября 1920 года.
18. Где арестован	На своей квартире, Денежкин 3.
21. Повод к аресту	Принадлежность к бывш<ей> буржуазии.
22. Кто еще арестован по этому делу	Жена Софья Сергеевна Куракина ⁸ , ныне освобожденная <...> ⁹ .

¹ «Опросный лист» зарегистрирован в МПКК 17 декабря 1920 года.

² Родился в 1875 в Петербурге. Князь.

³ В 1896 году, юридический факультет.

⁴ С 1896 — служил в гвардии Преображенского полка в чине подпоручика, в 1902 — вышел в отставку, поселился в своем имении в Орловской губернии, занимался сельским хозяйством, в том же году избран предводителем дворянства.

⁵ С 1914 года.

⁶ В конце 1917 — имение национализировано, а картины и мебель сданы в музей.

⁷ Освобожден через три недели.

⁸ Куракина Софья Сергеевна родилась в 1879 в Джонаре (Крым). Получила домашнее воспитание. После замужества занималась домашним хозяйством.

⁹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 204. С. 96. Автограф.

КУРАКИНА С.С.¹ — в МПКК²

«<...> 16-го сентября 1920 г<ода> был арестован мой муж. Была оставлена на нашей квартире засада. 17-го приезжал следователь, фамилии не знаю, спросил, кто у нас бывает, кто были товарищи по полку, в котором мой муж отбывал воинскую повинность, знали ли мы Ленца? 18-го была снята засада, и я, и моя сестра³ арестованы и доставлены в Особый Отдел. В период моего пребывания (40 дней) во внутренней тюрьме я два раза обращалась с заявлениями к следователями, прося допроса, и в надежде, что наш арест не может быть продолжительным. 26-го октября я была допрошена. Следователь выяснил у меня некоторые фамилии, связанные с нашею, выяснил некоторые родственные и дружеские взаимоотношения, выяснил, что Ленц абсолютно новый звук в моей жизни, и сказал, что по правилам мне нужно предъявить обвинение, которое выражается в шпионаже <...>⁴.

ПКК⁵ — в ВЧК⁶

«<...> Московский Политический Красный Крест препровождая при сем удостоверение директора Психиатрической Клиники Московского Университета от 24 ноября 20 г<ода> и удостоверение Домового Комитета № 36 от 29/XI-20 г<ода>, просит, ввиду болезни матери ее и оставшейся 7 летней дочки без всякого призора, освободить КУРАКИНУ Софью Сергеевну <...>⁷.

В декабре 1920 — Куракина Софья Сергеевна и ее сестра Олив Елизавета Сергеевна были освобождены. 4 декабря 1920 — Куракин Александр Борисович был приговорен с применением ноябрьской амнистии к заключению в концлагерь на 2 года.

¹ Письмо Софьи Сергеевны Куракиной.

² Письмо зарегистрировано в МПКК 16 ноября 1920 года.

³ Олив Елизавета Сергеевна, родилась в 1880 в Джонаре (Крым). Получила домашнее воспитание. С 1905 — фрейлина Великой княжны Марии Романовой. С 1914 — работала в Красном Кресте, с 1918 — проживала в имении мужа сестры, где была арестована как заложница, освобождена через 2 недели. Проживала в Москве в квартире сестры, работала вышивальщицей в Союзе кустарных артелей. 18 сентября 1920 — арестована вместе с сестрой.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 314. С. 45. Автограф.

⁵ Заявление от 30 ноября 1920 года.

⁶ В Особый Отдел ВЧК.

⁷ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 314. С. 43. Машинопись.

ПКК¹ — в ГУОРИП²

«<...> В Полит<ический> Кр<асный> Крест обратился заключенный Бутырской тюрьмы Александр Борисович КУРАКИН, приговоренный к заключению в лагерь на 2 года, с просьбой ходатайствовать о переводе его из Бутырской тюрьмы непосредственно в Ордынский лагерь, ввиду того, что неудовлетворительное состояние его здоровья заставляет его желать попасть непосредственно в лагерь, где он должен пребывать постоянно, минуя распределительный лагерь. Заключенный просит поместить его именно в Ордынский лагерь, ввиду близости означенного лагеря от местожительства его семьи. Жена его, занятая домашними заботами и воспитанием детей, получит тогда возможность легче сноситься с ним и оказывать ему необходимую поддержку <...>»³.

Куракину А.Б. в переводе было отказано на основании того, что «Ордынский лагерь является исключительно женским, и по положению каждый заключенный должен быть направлен в Н<ово>-Песковский лагерь-распределитель»⁴. Весной 1922 — по распоряжению ВЦИКа освобожден, но в сентябре 1923 — вновь арестован, 2 ноября приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Усть-Сысольск. Позднее переведен в Вятку, а в 1926 — освобожден с ограничением проживания (-6) и остался в Вятке. В октябре 1932 — выехал к семье в Тарусу. Работал старшим бухгалтером в артели вышивальщиц. 17 апреля — арестован за «ведение антисоветской агитации». 29 апреля освобожден, так как «обвинение не подтвердилось».

Олив Елизавета Сергеевна арестована за «антисоветскую деятельность» весной 1928 года, 8 июня приговорена к 3 годам ссылки в Казахстан. Благодаря ходатайству ПКК, 22 июня освобождена с ограничением проживания (-6). Поселилась в Тарусе у сестры Софьи Сергеевны Куракиной, работала в артели вышивальщиц. 13 апреля 1933 — арестована «по подозрению в антисоветской агитации», 29 апреля освобождена, так как «обвинение не подтвердилось». В 1937 — вновь арестована, 7 декабря 1937 — приговорена к ВМН и расстреляна.

¹ Заявление от 25 февраля 1921 года.

² Главное Управление общественных Работ и Повинностей.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 204. С. 94. Машинопись.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 200. С. 42. Машинопись.

ЛАШКЕВИЧ Б.Н.¹ — в МПКК²

«<...> Служил в армии Колчака. Был взят в плен 18 декабря 1919 года на станции Ояш (80 верст восточнее Ново-Николаевска). Находился в городке для пленных в Ново-Николаевске, где мне было начертдивом 51 стрелковой предложено служить, на что я согласился; 1-го января 1920 года был принят на службу в Управление начартдива 51 стрелковой, где был до 28 марта 20 года; с 1 апреля того же года переведен на старшего инструктора запасн<ого> дивизиона 5 Совет<ской> Армии до 30 апреля; далее получил предписание ехать в распоряжение Зап<адно>-Сибирского Воен<ного> Округа (в Штаб) в гор<од> Омск. Явился в распоряжение Штаба Зап<адно>-Сиб<ирского> Воен<ного> Округа 3 мая 1920 года и был арестован без предъявления причин. С 11 января по середину марта 1920 года был болен возврат<ным> тифом. После ареста был в батальоне тылового ополчения (в Омске). 6 июля 1920 года направлен вместе с другими быв<шими> офицерами в гор<од> Москву, после допроса многие были освобождены и направлены в распоряжение Штаба Округа. При допросе тов<арищ> Фельдман обратил внимание на фамилию мою, думая, что я поляк. Наша семья уже 300 лет выходцы из Литвы. При допросе тов<арищем> Юрасовым прошлого года были заданы вопросы: кто отец, где служил родной брат, — в таком же духе были вопросы фильтрационной комиссии в конце октября 20 года в гор<оде> Архангельске.

В чем обвинение и на сколько осужден объявлено мне не было. В выписке из постановления Президиума ВЧК данных нет, указано лишь, что я и еще другие лица (дела которых вместе рассмотрены) являются гражданами РСФСР и направляются в распоряжение Главуправления принудработ в места заключения для отбытия наказания. Лиц, указанных в постановлении, я не видел и никогда не знал, и дела не имел <...>³.

В январе 1922 — освобожден, работал счетоводом в Москве. 28 октября 1932 — арестован, 22 ноября приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1935 — освобожден, работал бухгалтером промартели в Казани. 22 декабря 1937 — арестован, 30 декабря приговорен к ВМН и 8 января 1938 — расстрелян.

¹ Лашкевич Борис Николаевич, родился 3 октября 1889. В 1911 — окончил ПК, с 1914 — на фронте офицером, с 1918 — в армии Колчака.

² Опросный лист зарегистрирован в МПКК 20 октября 1921 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 210. С. 118. Автограф.

ЛОПУХИН Г.Н.¹ — в МПКК²

«<...> В марте 1918 г<ода> я по демобилизации уехал за женой в г<ород> Уфу, которая гостила у своего брата, чтобы совместно с ней ехать в Смоленскую губ<ернию> на место постоянного жительства, но ввиду беременности жены я тотчас же не мог возвратиться. В июне месяце Уфу заняли чехи, и я в сентябре был призван в ряды Белой армии, в которой я служил по декабрь 1919 г<ода>, когда был взят в плен Красной армией. На ст<анции> Тайга я зарегистрировался у коменданта как бывший офицер, и он на мой вопрос, чем питаться, ответил, чтобы я искал работу, но меня, с регистрационной карточкой, нигде не принимали; и был принужден скрыть офицерское звание, и мне, просто как военнопленному солдату, удалось поступить в санитарный поезд № 333, где я и служил по 12-е августа 1920 г<ода>. Затем я добровольно явился к военкому Московского эвакупункта и, заявив ему об офицерском звании, изъявил желание служить в рядах Красной армии на соответствующей должности. Но меня направили в комиссию по учету бывших офицеров, где меня и предали суду Мосревтрибунала 11-го сент<ября> 1920 г<ода>, и меня, как за сокрытие офицерского звания и будто бы сознательную службу в армии Колчака, приговорили в лагерь с назначением на тягчайшие принудительные работы до окончания гражданской войны, срок коих по амнистии заменены 5-ю годами. В ноябре месяце я был на политической комиссии при управлении лагерей и после допросов меня постановил отправить в ряды Красной армии через Особый отдел ВЧК. Но до сих пор я ничего не знаю и некому совершенно ходатайствовать <...>»³.

По ходатайству ПКК перед Президиумом ВЧК Георгий Николаевич Лопухин в конце 1921 года был освобожден, о чем записано секретарем в «Опросном листе» — «Освобожден. 13/XII – 21 г<ода>».

Осенью 1928 — арестован по обвинению «в попытке к нелегальному переходу границы и шпионажу»⁴. В декабре 1928 — приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь. Отправлен в деревню Наратай Братского района Тулунского округа. В июне 1929 — обратился в ПКК за помощью, чтобы он мог получать пособие, полагающееся ему, а также чтобы было передано его письмо к жене, которая могла бы посылать ему деньги.

¹ Лопухин Георгий Николаевич, родился в 1890. Окончил гимназию и Одесскую школу прапорщиков. С 1914 — на фронте офицером.

² «Опросный лист» заполнен 19 марта 1921 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 206. С. 109. Автограф.

⁴ Жена проживала в Эстонии.

О НОСОВЕ А.П.¹ — в ОСО МЧК²

«<...> Брат содержащегося в настоящее время в Бутырской тюрьме Александра Петровича НОСОВА — Петр Петрович НОСОВ обратился в Московский Политический Красный Крест с просьбой возбудить ходатайство об освидетельствовании умственных способностей Александра Петровича НОСОВА, причем объяснил, что А.П. НОСОВ, бывш<ий> офицер, был арестован 22/VIII — 20 г<ода> в Москве, как дезертир, за срывание днем на Моховой улице реалистического манифеста и что как этот его явно ненормальный поступок, так и прежнее поведение свидетельствуют о психической ненормальности на почве религиозной мании заключенного. В подтверждении этого последнего обстоятельства он ссылается на свидетелей Дмитрия Федоровича Мотова и Николая Ивановича Быкова, проживающих на платформе Ильинской Московско-Казанской ж<елезной> д<ороги> и просит об их допросе.

Московский Политический Красный Крест, в виду вышеизложенного, поддерживает просьбу П.П. НОСОВА о производстве медицинского освидетельствования при помощи специалистов психического состояния Александра Петровича НОСОВА и о допросе вышепоименованных свидетелей <...>»³.

На допросе Владимир Петрович заявил, что «хотел снять реалистический манифест для себя, который поразил меня необычайностью, и хотел посмотреть его поближе». 8 сентября 1920 — Владимир Петрович был приговорен⁴ «к заключению в концлагерь до окончания гражданской войны с применением принудительных работ, с лишением свободы и без применения амнистии»⁵.

¹ Носов Александр Петрович, родился в 1883 в Бронницком уезде Московской губ. В 1903 — окончил гимназию и поступил на естественный факультет МУ, с 1904 — учился на философском факультете Берлинского университета, с 1906 — вольноопределяющийся в 1-й Гренадерской артбригаде. В 1913 — поступил на медицинский факультет университета. С августа 1914 — прапорщик запаса в Красноярске, с 1916 — в 1-м Запасном арtpолку в Москве, в марте 1918 — демобилизован, но в декабре вновь призван в РККА и в начале 1919 — откомандирован в школу старших инструкторов-артиллеристов. В августе 1919 — отправлен на фронт, в районе Двинска бежал, добрался до Москвы и скрывался у родных.

² В Особый Отдел МЧК от 20 ноября 1920 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 224. С. 71. Машинопись, подпись — автограф.

⁴ «За срывку реалистического манифеста, и укрывательство офицерского звания, и дезертирство».

⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. 34951. С. 26. Автограф.

ОБЛАКОВ Н.Н.¹ — в МПКК²

«<...> Четыре м<еся>ца тому назад, в конце февраля этого года я сдался как военнопленный при ликвидации белого фронта Сев<ерной> области — видя бесцельность дальнейшего сопротивления. Направленный вместе с остальным командным составом сначала в Петрозаводск, затем в Вологду (в карантин), 30 апр<еля> я был вызван из карантина (лагеря) и переведен (вместе с группой других офицеров и солдат) в Вологодскую тюрьму, а через неск<олько> дней — в Особ<ый> отд<ел> Волог<одской> губ<ернской> ЧК, где написал свою биографию, а затем анкету, не касавшуюся совершенно меня, а относящуюся к организации службы разведки и военно-регистрационной, но т<ак> к<ак> ни этой, ни другой я непосредственно не касался, то и ответить ничего не мог (я занимал должность нач<альни>ка штаба стрелковой бригады, а служба разведки и регистрации подчинялась и руководилась особым отд<елом> штаба военкомандующего войсками Мурманского района). Особый отд<ел> Вологодск<ой> ЧК расформировывался и, не окончив дела, отправил меня в Архангельск, где я пробыл ровно месяц в Архгубиспр<авительном> доме и никаким допросам не подвергался, как и ранее. После этого я был отправлен в Москву в О<собый> О<тдел> ВЧК и оттуда сюда, в Бутырскую тюрьму, где и нахожусь. Остальной комсостав штаба бригады, а именно: начальник бр<ига>ды, интендант и др<угие> — уехали прямо из Вологды (карантина) в Москву, а четыре человека были приняты еще в Петрозаводске на службу в Советские войска. Из этого следует, что к штабу бригады, начальником которого был я, — никаких обвинений не предъявляется, лично я тоже до сего времени никаких обвинений не получал. Не имея ни родных, не видя никого из близких, я не имею возможности просить кого-либо ходатайствовать о скорейшем разборе моего дела (если таковое за мной числится?!) и освобождении. За 4 м<еся>ца заключения я сильно подорвал и моральные и физические силы. Особенно угнетает полная неизвестность того — как долго я должен еще находиться в таком неопределенном положении (без допросов и обвинения)?, а также полное отсутствие сведений о своей семье, жившей на моем попечении и поддержке. Кроме того, я привык работать, а отсутствие возможности зачастую даже читать что-либо — еще более гнетет и вызывает чувство полной заброшенности и оторванности от света и жизни <...>»³.

¹ Облаков Николай Николаевич, родился в 1888. Окончил НКК и МАУ. Кадровый офицер царской армии, с 1914 — на фронте, с 1919 — в армии Миллера.

² «Опросный лист» заполнен 23 июня 1920 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 319. С. 28. Автограф.

ОБОЛЕНСКИЙ В.Е. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Оболенский Всеволод Евгеньевич.
2. Где содержится	Кожуховский лагерь.
3. Возраст, национальность ...	24 года. Русский, русское.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении ...	Холост. На иждивении находятся мать 60 л, бабушка 84 л <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Студент V семестра юридического факультета Харьковского университета.
8. Профессия	Учащийся.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Харьков, Единоверческий пер<еулок> д<ом> 6.
10. Чем занимался до февр. рев.	Служил в армии.
11. Чем занимался в 1917 г.	Учился в Университете.
12. Чем занимался перед арестом	Служил в 1-м Украинском запасном полку в Харькове <...>.
17. Когда арестован по настоящему делу	Арестован вовсе не был, а согласно приказа явился на регистрацию, как ранее служивший в белой армии, в Харьковский Особый Отдел, где был задержан ² и отправлен в Москву.
18. Где арестован	В Харькове.
19. Когда доставлен в Москву	6 ноября 1920 года <...>.
22. Кто еще арестован по этому делу	Регистрации подлежали все ранее служившие в белой армии.
23. За кем числится	За Особым Отделом ВЧК.
24. Когда, где и кем допрошен	Следователем Особого Отдела XIII армии в июле. Следователем Особого Отдела ВЧК в ноябре 1922 г<ода>.
25. В чем обвинение	Не знаю.
26. Есть ли приговор по делу	Не знаю <...>.

¹ «Опросный лист» заполнен 25 декабря 1920 года.

² Осень 1920 года.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Я — житель Харьковской губ<ернии> г<орода> Харькова. С конца 1917 года я был совершенно уволен от службы в армии и продолжал учиться в Харьковском Ун<иверсите>те. В июле 1919 г<ода>, когда город Харьков был занят войсками Деникина, я был мобилизован и сначала отправлен в г<ород> Ростов в концентрационный лагерь для реабилитации за службу в советском учреждении. По истечении 2-х месяцев был взят из лагеря и направлен сначала в 80-й Кабардинский полк, а затем в 1-й автоброневой дивизион, где я занимал должность помощника адъютанта. Канцелярия наша была в Новороссийске. В декабре месяце я заболел тифом, одним, другим и третьим, вместе с группой в 150 человек был погружен на пароход и направлен в Солонники. По дороге пароход изменил рейс и вместо Солонников привез нас в Феодосию в Крым. Первоначально я попал в лазарет, где пролежал 2S м<еся>ца, при выписке из лазарета я был направлен на Комиссию, Комиссия дала свое заключение на Южный фронт и отправила в распоряжение <не-разб.> генерала в г<ород> Севастополь. Отсюда, так как моя часть была расформирована, меня отправили в Дроздовский полк. Первоначально назначили меня стрелком, а затем комвзводом. В июле м<еся>це попал я на территорию Советской армии, был допрошен Особым Отделом штаба XIII армии, реабилитирован и получил назначение в 3-й запасной полк в г<ород> Харьков. Здесь прослужил я 2 месяца в должности помкомроты <...> Согласно приказа по Республике я явился для регистрации, как бывший белый офицер, в местный Особый Отдел, где был задержан и без допроса направлен в Москву, в распоряжение Особого Отдела ВЧК. Особый Отдел отправил меня в лагерь 6/IX, где я сижу и по настоящее время. Группа, с которой я прибыл, 65 человек, вся была освобождена, и я остался один. Всеволод Оболенский <...>»¹.

ОБ ОБОЛЕНСКОМ В.Е.² — в МПКК

«<...> Всеволод Евгеньевич Оболенский в августе 1915 г<ода> был мобилизован как студент и попал в Чугуевское военное училище. Окончил его 1 янв<аря> 1916 г<ода>, по окончании был отправлен в Тверь в запасной батальон, а оттуда через три месяца на фронт. На фронте был до января 1917 г<ода>, когда по болезни был отпущен домой совсем. С января 1917 г<ода> находился все время в Харькове, состоя

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 227. С. 12-13. Автограф.

² Письмо от Антонины Александровны Оболенской, матери В.Е.

в университете и в то же время служа в Монотопе. В первый приход советской власти на Украину он был призван на военную службу, но сейчас же признан комиссией совершенно негодным к службе. Во времена Гетмановщины и Петлюровщины совершенно даже и не призывался на военную службу, а во второй приход советской власти на Украину был опять призван и опять сейчас же освобожден навсегда по состоянию здоровья. Когда пришел на Украину Деникин, была мобилизация всех офицеров и он, Оболенский, как офицер, не был освобожден. Через месяц же он был демобилизован как студент для продолжения образования. А при отступлении Добрармии был призван вновь. В Красные войска попал в августе 1920 г^{<ода>} и до конца октября 1920 г^{<ода>} служил в Харькове в стрелковом полку, когда по приказу были изъяты из полков все офицеры, служившие когда-либо в армию белых и отослан в Москву в концлагерь. В феврале 1921 г^{<ода>} был осужден ВЧК на 5 лет содержания в концлагере и находится безвыездно в Москве. В настоящий момент он в Андроньевском концлагере <...>¹.

ОБ ОБОЛЕНСКОМ В.Е.² — в МПКК³

«<...> В Андроньевском лагере в г^{<ороде>} Москве находится сын мой, Всеволод Евгеньевич Оболенский, осужденный ВЧК в феврале 1921 года к содержанию в лагере на 5 лет.

Прошу Политический Красный Крест возбудить ходатайство перед ВЧК о пересмотре дела сына моего и об его помиловании, т^{<ак>} к^{<ак>} сын мой, Всеволод Оболенский, является единственной материальной и моральной поддержкой для меня. Я совершенно больная и нетрудоспособная по возрасту женщина (55 л^{<ет>}) и имею у себя на руках старуху-мать 86 лет.

Прошу Политический Красный Крест войти в мое безвыходное положение и не оставить мою просьбу без последствий <...>⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 228. С. 6. Автограф.

² Письмо от Антонины Александровны Оболенской, матери В.Е.

³ Заявление от 5 марта 1922 года.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 228. С. 5. Автограф.

ОРЛОВ П.И.¹ — в ПКК²

«<...> Прилагая при сем заявление на имя тов. Калинина, прошу вручить его по возможности в собственные руки и о последующем не отказать уведомить меня³ <...>⁴.

ОБ ОРЛОВЕ П.И.⁵ — в ПКК⁶

«<...> В сентябре месяце 1920 г<ода> я обращалась в Политический Красный Крест с письменной просьбой о выяснении судьбы моего мужа Павла Ильича Орлова (бывш<его> полковника) вывезенного из Ростова в апреле месяце сначала в город Орел, а потом в Москву. 27-го августа я приехала в Москву и узнала, что накануне, т<о> е<сть> 26-го августа моего мужа увели из Бутырской тюрьмы, а куда именно, узнать ничего не могла. Так как он числился за О<собым> О<тделом> ВЧК, то я обратилась туда. Следователь Калинин мне сказал, что он не может указать, где находится мой муж и что мне этого незачем знать. В страшном горе, отчаянии я отправилась тогда прямо в Полит<ический> Кр<асный> Кр<ест> к тов<арищу> Кальмейеру. Он обещал разузнать и о результате сообщить. Месяц я прожила в Москве, была несколько раз у тов<арища> Кальмейера, но так и уехала, не узнав ничего. Оставив на моем заявлении свой адрес, надеялась, что почтой получу ответ, но вот уже четвертый месяц проходит, а я до сих пор ничего не знаю, где мой муж, жив ли он еще. Прошу, умоляю Вас, сжальтесь надо мной, несчастной женщиной, ответьте, что узнали о моем муже. Неужели мне, его жене, нельзя даже узнать, что сделали с самым близким и дорогим существом, с моим горячо любимым мужем? Сострадание, гуманность — эмблема Полит<ического> Кр<асного> Креста, докажите это на деле! <...>⁷.

На обороте этого письма есть запись секретаря — «По сведениям из О<собого> О<тдела> ВЧК — расстрелян».

¹ Павел Ильич Орлов, полковник царской армии, заключен в БТ.

² Заявление от 4 сентября 1920 года.

³ ПКК переслал заявление Орлова П.И. по назначению, сообщив об этом в сентябре.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 319. С. 23. Автограф.

⁵ Письмо Александры Орловой, жены Павла Ильича.

⁶ Заявление от 7 января 1921 года.

⁷ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 319. С. 16. Автограф.

О САДОМЦЕВЕ И.Т.¹ — в МПКК²

1. Фамилия, имя, отчество	Садомцев Иван Тимофеевич <...>.
3. Возраст, национальность ...	65 лет, русско-подданный.
4. Семейное положение ...	Женат; жена 55 лет <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Кончил Московскую военную семинарию и Тифлисское военное училище <...>.
10. Чем занимался до февральской революции	Мировым посредником Т<емир> Х<ан>-Шуринского уч<астка> по Военно-Народному Упр<авлению>.
17. Когда арестован	25 марта 1920 года.
18. Где арестован	В Петровск-порте.
19. Когда доставлен в Москву	3 июня 1920 г<ода>.
20. По ордеру какого учреждения арестован	При явке на регистрацию бывших офицеров Особым Отделом XI армии.
21. Повод к аресту	Не известно <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

И.Т. Садомцев — бывш<ий> генерал-майор в отставке с 1912 года. В строевых частях служил с 1873 по 1881 г<од>, после — по Военно-Народному Управлению с должности делопроизводителя до начальника округа. В отставке продолжал служить по тому же Управлению — мировым посредником до ноября 1917 года, когда за уничтожением мировых посредников был прикомандирован к областному земельному отделу Совета Раб<очих> и Крест<ьянских> Депутатов в Темир-Хан-Шуре. В Земотделе находился до августа 1918 года, откуда был переведен в Отдел виноградарства в Петровск-Порт, где с приходом «белых» продолжал службу в Отделе виноградарства при Городской Управе в Петровске <...> Ввиду вздорожания жизненных условий, занял должность журналиста (сверхштатного) в Отделе Пропаганды Деникинской Армии, где пробыл около 3 месяцев, оставив службу в I-й половине марта 1920 г<ода>. Несмотря на службу свою в «пропаганде» по должности в ней и по характеру своему оставался совершенно чуждым политики, почему при приходе «красных» оставался в Петровске до дня ареста <...>³.

¹ «Опросный лист» заполнен Николаем Ивановичем Садомцевым, сыном И.Т.

² «Опросный лист» зарегистрирован в МПКК 24 марта 1921 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 246. С. 2. Автограф.

О САЛТЫКОВЕ Н.В.¹ — в МПКК

1. Фамилия, имя, отчество	Салтыков Николай Васильевич.
2. Где содержится	Бутырская тюрьма.
3. Возраст, национальность, подданство	35 лет. Православный гр<аждаин> Сов<етской> Республ<ики>.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении ...	Жена Любовь Михайловна Салтыкова, 22<ет> и сын 3 л<ет> Александр <...>.
8. Профессия	Бывш<ий> офицер, ротмистр и военный летчик.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Москва, Садовая Кудринск<ая>, д<ом> 23, кв<апарта> 8 <...>.
10. Чем занимался до 1917	Находился на фронте.
11. Чем занимался в 1917	Находился на фронте.
12. Чем занимался до ареста	Служил в МОВС <...>.
17. Когда арестован	9 января 1920 г<ода>.
18. Где арестован	На квартире <...>.
20. По ордеру какого учреждения арестован	По ордеру О<собога> О<тдела> ВЧК <...>.
22. Кто еще арестован по этому делу	Была арестована жена и много знакомых офицеров <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Обвинялся в участии в заговоре «Союза Возрождения», состоял десятским и привлек к заговору целый ряд офицеров. В июне или июле 1918 г<ода> организация распалась. Тогда зимой 1918 г<ода> вступил в другую нелегальную организацию и весной из нее вышел. Получал жалование от 500 до 700 р<ублей> в месяц. На допросах во всем сознался. 20 апреля переведен в Бут<ырскую> тюрьму и исчез из нее 9 июня. На все наводимые справки отвечали «по городу с вещами» <...>².

«Опросный лист» Салтыкова Николая Васильевича в ПКК не зарегистрирован, очевидно, к этому времени было уже известно, что он расстрелян.

¹ «Опросный лист» заполнен женой Н.В. Салтыкова, Любовью Михайловной Салтыковой. 9 января 1920 – арестована с мужем в Москве и заключена в БТ. В апреле была освобождена и обратилась в ПКК за помощью.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 254. С. 95. Автограф.

САЛТЫКОВ А.А. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество Салтыков Александр Александрович.
2. Где содержится (тюрьма, кор. кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.) Лагерь принудительных работ в городе Костроме.
3. Возраст, национальность ... 57 лет. Русский.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении ... Женат. Жена 57 лет, больная хронически <...>.
7. Грамотен, где учился Окончил бывший Пажеский корпус.
8. Профессия Земский работник 30 лет.
9. Место жительства ... Нальчик Терской области.
10. Чем занимался до февральской революции 30 лет был земским работником и последние 3 года губернатором в Тамбове <...>.
11. Чем занимался с марта 1917 Ничем.
12. Чем занимался перед арестом С февраля 1918 года огородом и держал в Нальчике Т<ерской> о<бласти> столовую до дня ареста.
13. Занимал ли какую-либо должность по выборам, какую и где 28 лет бессменный уездный и губернский гласный. Председатель совета мировых судей, выборный мировой судья <неразб.> уезда. Предвод<итель> дв<орянства> губернский. Член Гос<ударственного> Сов<ета> по выборам от земства.
14. Средний месячный заработок перед арестом Столовая давала возможность быть сытым мне и жене.
17. Когда арестован В мае 20-го года.
18. Где арестован В Нальчике Терской области <...>.
20. По ордеру какого учреждения арестован Нальчинской милицией по телеграмме из Пятигорска.
21. Повод к аресту Был губернатором.
22. Кто еще арестован Никто.
23. За кем числится Осужден выездной Владикавказской сессией Революционного Трибунала.
24. Когда, где и кем допрошен В Нальчике в июне следователем.
25. В чем обвинение Бежал из Тамбова, скрывался в Нальчике, совершал поход. Был назначен Деникиным Воронежским губернатором <...>.
26. Есть ли приговор Приговор по делу есть. Лагерь до конца гражданской войны, а в ноябре этого года переведен на 5 лет лагеря, как не активный контрреволюционер <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Был арестован в Нальчике, никакого обвинения не было предъявлено. В чем обвиняется, узнал на суде из «Обвинительного акта»: 1) обвинение, что бежал из Тамбова после революции и скрывался в Нальчике. Здесь ни для кого не было тайной, что бывший Тамбовский губернатор держит столовую, которая называется «Тамбов»; 2) совершал поход с белыми, отходящими войсками. Салтыков не военный, выезжал из Нальчика с женою вслед уходящим частям, т<ак> к<ак> Нальчик мог оказаться под обстрелом. Как только возможен был проезд и боевые действия прекратились, вернулся опять в свою столовую и продолжал работать; 3) обвинение было — назначен Деникиным дважды на губернаторский пост. Свидетельскими показаниями было удостоверено, что от первого предложения Екатеринославской губ<ернии> отказался совершенно, а на предписание — принять Воронежскую губ<ернию>, поехал туда и через две недели, по болезни отказавшись, был уже в Нальчике, в своей столовой продолжая скромную работу. За три года жизни в маленьком местечке, как Нальчик, всем было известно и время, и откуда, и куда, и на суде засвидетельствовано.

В «Обвинительном акте» еще ссылались на то, что он потому оставил губернаторское место², что дела белых были плохи, но время его возвращения свидетелями было указано — середина июля, это было время самых больших успехов белых, т<ак> ч<то> и это обвинение отпадало и осталось одно, что был губернатором.

Подпись

Н. Салтыкова.

Чем кончилось дело

Приговором в лагерь до конца гражданской войны. И затем замена этого срока на 5 лет, в виду неактивности обвиняемого³.

¹ «Опросный лист» заполнен женой А.А., Салтыковой Надеждой Алексеевной, и зарегистрирован в МПКК 21 апреля 1921 года.

² Имеется в виду Воронежская губерния.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 246. С. 18. Автограф.

СКОСЫРЕВ В.Н.¹ — в МПКК²

«<...> 15 января 1920 г<ода> моя мать Флора Осиповна Скосырева, моя невеста Нина Алексеевна Юдина, я и проводница отправились к русско-финской границе, с целью перейти ее. В дер<евне> Лемболово мы были арестованы агентами прифронтового Особотдела. Пробыв в распоряжении Особотдела с 15 января по 24 февраля, этого числа наше дело было передано в Петроградскую Губчека. Там нас ни разу не допрашивали, а продержав нас 6 недель, 2 апреля передали наше дело в Реввоен трибунал Петрукрайона следователю Максиму. Под следствием за ним мы числились с 24 апреля по 7 августа, причем с 24 апреля до 7 августа я был по распоряжению его посажен в одиночку под особо строгий надзор с лишением права получать передачи и свидания. Допрошен я был лишь 3 раза. Вследствие лишения передач, я заболел цингой. Суд был 8 сентября, причем я был приговорен к зачислению в тыловое ополчение до окончания гражданской войны. Пробыв в тыловом ополчении с 10 по 22 сентября, я этого числа был, как специалист по канцелярским работам, через Губвоенкомитет откомандирован в распоряжение особоуполномоченного Народного комиссариата финансов по эвакуации <...> 9 октября я вновь был арестован след<ователем> Максимовым, причем мне было предъявлено обвинение в уклонении от отбывания наказания по приговору. Считая себя абсолютно невиновным в вышеуказанном обвинении, я просил или разобрать мое дело, или же вторично судить меня. Ответа я не получил. 15 октября в Трибунале состоялось распорядительное заседание, где в другом составе, чем состав Трибунала, судивший меня, был заочно изменен приговор от 8 сентября — на отправку в концентрационный лагерь в Москву до окончания гражданской войны»³.

После лагеря отправлен в ссылку в Урду Уральской области. 28 ноября 1927 — освобожден. Вернулся в Ленинград, окончил университет, работал юрисконсультom. В марте 1935 — выслан в Алма-Ату, где работал юрисконсультom. 29 октября 1937 — арестован. 10 декабря 1937 — приговорен к ВМН и расстрелян.

¹ Скосырев Вадим Николаевич, родился в 1898 в Петербурге. Окончил 8 классов гимназии, училище Св. Анны и два курса юридического факультета ПУ. После 1918 — служил делопроизводителем Автобронепоезда.

² «Опросный лист» зарегистрирован в МПКК 4 декабря 1920 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 252. С. 85. Автограф.

СОЛЛОГУБ Е.Ф. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Соллогуб Елена Федоровна ² .
2. Где содержится	Ивановский лагерь.
3. Возраст, национальность ...	47 л<ет>, русская <...>.
7. Грамотен или нет ...	Домашнее образование <...>.
9. Место жительства...	Москва, Поварская, 52, кв<артира> 1.
10. Чем занимался до февр. рев.	Домашн<им> хозяйством <...>.
12. Чем занимался перед арестом	Служила в 1-й Женск<ой> Трудовой артели и во Дворце Искусств ³ <...>.
17. Когда арестован	15 сент<ября> 1920.
18. Где арестован	На квартире ⁴ <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Обвинение мне предъявлено в шпионаже, в знакомстве (якобы) со шпионом Ленцом и поддержке его. Ленц мне неизвестен, и на чем основано подозрение, мною не выяснено. За что именно осуждена, из выписки приговора, мне предъявленной, не явствует.

Подпись

Елена Соллогуб⁵.

В конце «Опросного листа» записано секретарем ПКК — «Осуждена, принимая во внимание амнистию, на 2 года лагеря».

СОЛЛОГУБ Е.Ф. — в ПКК⁶

«<...> Ввиду того, что я имею основание предполагать, что в деле моем не имеется никаких данных для обвинения меня в шпионаже (какое обвинение предъявлено мне следователем ВЧК), прошу Красный Крест выяснить, за что именно я осуждена и снять с меня таким образом обвинение в шпионаже <...>»⁷.

ПКК сообщил Е.Ф. Соллогуб, что «лишен возможности исполнить Вашу просьбу»⁸.

¹ «Опросный лист» заполнен 8 октября 1920 года.

² Графиня.

³ Была членом Историко-родословного общества.

⁴ В другом «Опросном листе», заполненном О.К. Толстой, старой знакомой Е.Ф. отмечено, что тогда же арестованы супруги Куракины.

⁵ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 244. С. 104. Автограф.

⁶ Заявление от 4 августа 1921 года.

⁷ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 244. С. 105. Автограф.

⁸ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 244. С. 106. Машинопись.

О ТАТИЩЕВОЙ Н.Н. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Татищева Наталия Николаевна.
2. Где содержится	Лубянка 11.
3. Возраст, национальность ...	49 лет ² , русская.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении ...	Девуца, содержит неспособную к труду 74-х летнюю мать <...>.
7. Грамотен или нет ...	Кончила Екатерининский Институт.
8. Профессия	Служит в Отделе Кустарей Промышленности.
9. Место жительства	Сивцев Вражек, 30, кв<артира> 8.
10. Чем занимался до февральской революции	Служила в Организации помощи беженцам.
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г.	Была председательницей домового комитета.
12. Чем занимался перед арест.	Службой и домашними делами.
17. Когда арестован	31 марта 1920.
18. Где арестован	У себя на квартире <...>.
21. Повод к аресту	Неизвестно <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

<«...» В ночь на 30 марта 1920 г<ода> в квартире Татищевых (Сивцев Вражек, 30, кв<артира> 8) был произведен обыск комиссаром МЧК с двумя милиционерами, по ордеру МЧК за № 532. Обыск был произведен очень тщательно в комнате Нины³ и Наташи Николаевны Татищевых, причем, главное внимание было обращено на переписку, которая вся и была взята, очень поверхностно в остальных комнатах. После обыска Нина и Наташа Николаевны были арестованы и увезены на Лубянку

¹ «Опросный лист» МПКК заполнен 12 апреля 1920 года Татищевой Верой Анатольевной (урожд. Нарышкиной), женой брата — Дмитрия Николаевича. Татищев Дмитрий Николаевич, родился в 1867. Граф. Окончил АИУ. Служил в лейб-гвардии Гренадерском и Преображенском полках. Предводитель дворянства Гжатского уезда Смоленской губернии. С 1903 — Рязанский вице-губернатор, с 1909 — Ярославский губернатор, с ноября 1915 — генерал-лейтенант, возглавил специальный жандармский корпус, отвечал за порядок во время поездок царя на фронт и с фронта. В марте 1917 — арестован, через два месяца освобожден. В сентябре 1918 — арестован вместе с сыном Николаем Дмитриевичем и заключен в Петропавловскую крепость, в декабре переведен в тюрьму на Шпалерной, в апреле 1919 — вывезен в Москву и заключен в БТ. 25 сентября 1919 — вызван на допрос, а в ночь с 26 на 27 сентября 1919 — расстрелян.

² Графиня Татищева Наталия Николаевна, родилась в 1970.

³ Графиня Татищева Нина Николаевна, родилась в 1869.

11, где содержатся до сих пор. До настоящего времени допроса еще не было, никакого обвинения им не предъявлено. В виду болезненного состояния их, а также того, что единственно на их содержании находится нетрудоспособная мать, было бы крайне желательно ускорить разбор их дела, в частности, в скорейшем времени их допросить»¹.

ТАТИЩЕВА Н.Н.² — в МПКК³

«<...> Сущность дела мне не известна, т<ак> к<ак> никакого обвинения мне не предъявлялось, и я до сих пор не знаю, почему мы были арестованы на квартире с сестрой 30-го марта 1920 г<ода> и посажены в общую камеру в ВЧК (Лубянка 11). На допросе через две с лишним недели после ареста следователь спросил меня, знакома ли я с сестрами Родзянко и Розен и В. Ладыженским; я ответила, что не знакома, и это было внесено в протокол. Еще следователь спросил меня, имела ли я сношения с Гливом (?) и ждала ли я получить оттуда деньги; на оба вопроса я отвечала отрицательно, но в протокол это занесено не было. 20-го мая нас перевели в Бутырскую тюрьму. Нат<алья> Татищева»⁴.

Благодаря ходатайству ПКК сестры Наталья и Нина Николаевны были освобождены. В 1923 — Наталья Николаевна скончалась. В 1921 — была арестована Ирина Дмитриевна Татищева⁵, дочь Веры Анатольевны. Возможно, что ее арест был связан с переходом Николая Дмитриевича Татищева⁶, ее брата, на сторону белых.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 258. С. 7. Автограф.

² Наталия Николаевна Татищева.

³ Заявление от 21 апреля 1920 года.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 258. С. 26. Автограф.

⁵ Татищева Ирина Дмитриевна, родилась в 1900. Графиня. Окончила гимназию, после 1918 — служила в учреждениях, с 1921 — в АРА.

⁶ Татищев Николай Дмитриевич, родился в 1901. Граф. Окончил АЛ, в феврале 1917 — ускоренные курсы офицеров при НАУ, в апреле выехал в Сибирь для попытки освобождения царя. Летом был на фронте под Киевом, в октябре вернулся и стал работать в английском консульстве. В сентябре 1918 — вместе с отцом арестован и заключен в Петропавловскую крепость, в декабре переведен в тюремную больницу, откуда 19 января 1919 — по ходатайству Стасовой Е.Д. был освобожден. В феврале выехал в Москву, вступил под чужой фамилией в ряды РККА. Направлен под Харьков, где охранял склады «Сахартреста». С началом массовых арестов офицеров царской армии перешел на сторону белых. Воевал в Белой армии, был ранен, переболел сыпным тифом, после поражения белых ушел за границу. Проживал в Париже.

О ТАТИЩЕВОЙ И.Д.¹ — в ГПУ²

«<...> Прошу разрешить передать моей дочери Ирине Дмитриевне Татищевой, находящейся во внутренней тюрьме ГПУ нужные ей теплые вещи: 1) одеяло, 2) шерстяную шапку, 3) вязаную кофту, а также 1 п<ару> ботинок <...>»³.

По ходатайству ПКК Ирина Дмитриевна была освобождена, с началом голода в Поволжье работала в АРА, после ее закрытия хотела устроиться работать в иностранной фирме, для чего нужны были рекомендации коммунистов. В ночь с 3 на 4 сентября 1923 — арестована «за попытку дать взятку за рекомендацию» и заключена в Бутырскую тюрьму. В ноябре 1923 — по ходатайству Толстой-Сухотиной Т.Л. освобождена. 3 апреля 1924 — арестована «за сотрудничество с иностранцами»⁴. Отказалась дать подписку о сотрудничестве и осенью выслана в Пермь. 30 апреля 1925 — обвенчалась в Перми с Голицыным Николаем Эммануиловичем⁵, в семье родилось трое детей. 16 сентября 1932 — после хлопот о выезде к брату Владимиру Голицыну, живущему в Англии, семья получила разрешение. Выехали в Берлин, затем — в Лондон⁶.

Вера Анатольевна Татищева была выслана в Сибирь летом 1923 года. Благодаря ходатайству ПКК переведена к дочери в Пермь. В 1925 — обратилась в Верховный Суд с письмом о том, что она, потомок «героя»-декабриста, подвергается преследованиям и вынуждена жить в ссылке. В марте 1926 — получив разрешение, выехала к престарелой матери в Париж.

Татищев Сергей Дмитриевич. В 1927 — находился в заключении и, несмотря на ходатайство ПКК, в пересмотре дела и досрочном освобождении ему было отказано.

Летом 1941 — Нина Николаевна Татищева была арестована по групповому делу⁷ и в августе осуждена (?).

¹ Ирина Дмитриевна Татищева.

² Письмо матери Веры Анатольевны Татищевой от 1 октября 1921 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 28. С. 130. Автограф.

⁴ С подругой Челищевой Е.А. приглашалась в английское посольство на чай и танцы.

⁵ Голицын Николай Эммануилович, родился 16 октября 1879 в Петербурге. Князь. Окончил Московский Лицей, с 1907 — предводитель дворянства в Тульской губ. В 1919 — арестован в Туле, но вскоре освобожден. Переехал в Москву, в ночь с 4 на 5 апреля 1924 — арестован на своей квартире, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Пермь.

⁶ 8 февраля 1958 — Николай Эммануилович скончался, в 1989 — Ирина Дмитриевна.

⁷ Арестована как «участница антисоветской группировки среди бывших дворян, помещиков и аристократии».

ТОЛСТАЯ А.Л. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Толстая Александра Львовна.
2. Где содержится (тюрьма, кор., кам. лагерь, ЧК и т.д.)	Новоспасский лагерь, Таганка, кам<ера> № 15.
3. Возраст, национальность ...	36 лет ² , русская.
4. Семейное положение	Девуца <...>.
7. Грамотен или нет ...	Домашнее образование.
8. Профессия	Литературная деятельность.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Москва, Б<ольшая> Никитская, д<ом> 14, кв<вартира> 20.
10. Чем занимался до февр. рев.	Уполном<оченный> ВЗС.
11. Чем занимался до нояб. 1917	Литературной работой.
12. Чем занимался перед арестом	Комиссар Ясной Поляны от Наркомпроса, Коллегия по Охране Музеев.
15. Партийность до окт. 1917 г.	Беспартийная <...>.
17. Когда арестован	20 Августа 20 г<ода>.
18. Где арестован	В ВЧК Моск<овского> Трибунала.
21. Повод к аресту	Участие в деле Тактич<еского> Центра <...> ³ .

Благодаря ходатайству ПМК в мае Александра Львовна была освобождена до суда. В августе на суде держалась смело и в последнем слове заявила, что, «будучи последовательницей отца, суда не признает и считает его насилием, особенно большевистский “суд”». Приговорена к 3 годам концлагеря, отправлена в Ново-Спасский лагерь. Работала машинисткой, читала лекции. В 1921 — освобождена по амнистии, вернулась в Ясную Поляну, работала хранителем музея. В 1929 — выехала в Японию для чтения лекций о Льве Толстом, в 1931 — эмигрировала в США, в 1939 — создала Толстовский Фонд, помогавший русским беженцам. Написала воспоминания. 26 сентября 1979 — скончалась.

¹ «Опросный лист» заполнен 15 сентября 1920 года.

² Толстая Александра Львовна, родилась 18 июня 1884 в усадьбе Ясная Поляна Тульской губ. Младшая дочь и единомышленница писателя Льва Толстого. В 1914 — окончив курсы медсестер, работала на фронте, получила три ордена Св. Георгия за мужество. В 1917 — вернулась в Ясную Поляну, работала в музее. В 1919 — предоставила свою квартиру в Москве для собраний членов «Тактического Центра». В марте 1920 — вернулась в Москву, в апреле арестована по делу «Тактического Центра» на основании доклада-доноса Котляревского С.А. (дал общую сводку деятельности «Национального Центра», «Союза возрождения» и «Совета общественных деятелей», в них участвовала А.Л. Толстая).

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 256. С. 31. Автограф.

ТРИНИЦКИЙ-ВЕРИН Н.П.¹ — в МПКК

«<...> В Харьковской каторжной тюрьме мне было предъявлено обвинение в расстреливании коммунистов (на основании доноса). 19-го авг<уста> 1920 г<ода> я был судим Ревтрибуналом войск ВНУС Южфронта. Первый пункт обвинения судом был отвергнут, по второму я был приговорен “к заключению в лагерь сроком на 1 год условно” и освобожден. После освобождения служил инспектором войск ВНУС Южфронта, но незадолго до ареста был назначен председателем Особой Комиссии по проверке имущества, сумм и отчетности Управления Снабжения <...> Следственный материал и свидетельские показания относительно моей службы «белым» имеются в делах Воентрибунала войск ВНУС Южфронта в Харькове. Здесь же скажу кратко, что с июня 1918 года по конец августа 1919 года я служил в ГУВУЗе и УВУЗе Украины. При эвакуации советской властью г<орода> Киева я остался в Киеве по своим личным делам, не позволившим мне уехать в Москву. От службы “белым” уклонился, через 1S мес<яца> был наконец мобилизован и назначен на службу в Штаб войск Киевской области 10 октября 1919 г<ода>. В конце ноября выехал из Киева в Одессу, где и остался добровольно и попал в плен к красной коннице. По выздоровлению от тифа был уволен в отпуск, а затем взят на службу <...>»².

ТРИНИЦКИЙ-ВЕРИН Н.П. — в ПКК³

«<...> 16 окт<ября> 1920 года я был вновь задержан Особым Отделом Южного фронта и выслан в Москву, в распоряжение ВЧК. Содержался я сначала в Кожуховском лагере, а 16 июля 1921 года переведен в Ивановский лагерь, где нахожусь до сего дня. За время заключения я был неоднократно допрошен следователем Васьковым, а последний раз в половине минувшего декабря меня допросил следователь Медведев.

Более подробные сведения о моем прошлом и о службе в «белой» и Красной армиях имеются в анкете Кр<асного> Кр<еста>, своевременно мною заполненной и в ранее поданных заявлениях. Я имею серьезные основания полагать, что дело мое давно уже решено (как мне сообщил на словах след<ователь> Васьков еще в мае и июне минувшего года), а между тем я продолжаю числиться подследственным <...>»⁴.

¹ Триницкий-Верин Николай Петрович, родился в 1879. Окончил Гатчинский институт, Алексеевское ВУ и офицерскую стрелковую школу. Кадровый офицер царской армии, с 1914 – на фронте, с 1918 – в РККА.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 258. С. 44. Автограф.

³ Заявление зарегистрировано в Юридическом отделе ПКК 7 февраля 1922 года.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 258. С. 53-54. Автограф.

ПКК¹ — в Президиум ГПУ²

«<...> Заключенный Ивановского лагеря гр<ажданин> Николай Петрович ТРИНИЦКИЙ-ВЕРИН обратился к Московскому Политическому Красному Кресту с просьбой возбудить ходатайство о пересмотре приговора по его делу, причем объяснил, что он приговором Реввоентрибунала войск Южного фронта от 19/VIII–20 г<ода> был условно приговорен за службу у белых к заключению в лагерь на 1 год, но освобожден от содержания под стражей. При перерегистрации б<ывших> офицеров в г<ороде> Харькове гр<ажданин> ТРИНИЦКИЙ-ВЕРИН 19/X 1920 г<ода> был вновь арестован и 20/X того же года доставлен в Москву, где Постановлением Президиума ВЧК от 3/II-22 г<ода> также за службу у белых присужден к заключению в лагерь на 1 год.

Принимая во внимание: 1) что гр<ажданин> ТРИНИЦКИЙ-ВЕРИН был осужден уже за службу у белых в 1920 г<оду>; 2) что после этого приговора нового обвинения ему не предъявлено и 3) что гр<ажданин> ТРИНИЦКИЙ-ВЕРИН лишен свободы уже 1 год и 6 мес<яцев>, так что назначенное ему и по первоначальному и по второму приговорам наказание он уже отбыл полностью, — Московский Политический Красный Крест ходатайствует о пересмотре приговора по делу ТРИНИЦКОГО-ВЕРИНА и об его освобождении <...>»³.

В конце этого заявления есть две записи секретаря ПКК:

«Состоя на ответственной должности в Кр<асной> Армии, перешел на сторону белых, во время сражения был взят в плен и судим как изменник. Тем не менее Трибунал судил его и постановил освободить. При регистрации офицеров 6/VIII – 20 г<ода> был вновь арестован и прежние деяния его ему были поставлены в вину. При таких условиях, по мнению Зелькова, он подлежит освобождению, но разрешение этого вопроса на себя не берет, желая представить на окончательную санкцию Фельдмана (Спр<авка> ГПУ от 9/V – 22 г<ода>))».

«Освобожден (Спр<авка> из ГПУ. 21/VI – 22 г<ода>))».

Проживал в Москве, работал в «Металлорукаве». В феврале 1931 — арестован как участник «контрреволюционной военной организации». В июне 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ. Отправлен в лагерь.

¹ Заявление от 3 мая 1922 года.

² Начальнику следственной части при Президиуме ГПУ.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 258. С. 64. Машинопись.

ТРУБЕЦКОЙ С.Е. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Трубецкой Сергей Евгеньевич.
2. № камеры и коридора	Одиночн<ый> корпус камера 345.
3. Подследств. или осужден.	Осужденный <...>.
5. Когда осужден	20 августа 1920 г<ода> Верховным Трибуналом ² .
6. На какой срок осужден	На 5 лет (по амнистии), первоначально на 10 лет <...>.
8. По какому делу	К<онтр>р<еволюционной> обществен-<ной> организации «Тактический Центр».
9. Когда арестован	18 февр<аля> 1920 г<ода>.
10. С какого времени в тюрьме	В Таганской тюрьме с 12 октября 1920 г<ода> ³ .
11. Возраст	31 год ⁴ <...>.
13. Семейное положение	Холост, имел на своем иждивении мать и сестру.
14. Занятие перед арестом	Оставлен при Моск<овском> университете ⁵ , служил в кооп<еративном> Союзе (Москва) <...> ⁶ .

По распоряжению ВЦИКа откомандирован в университет для разбора архивов, затем служил управделами Госсельсиндиката⁷. В 1922 — освобожден, посещал религиозные собрания в квартире Абрикосовых. В июле 1922 — арестован⁸, в августе был освобожден, в сентябре выехал с семьей за границу. Проживал в Париже, редактировал «Бюллетень» РОВС⁹. С 1938 — занимался переводами, писал воспоминания. 24 октября 1949 — скончался в Париже.

¹ «Карточка арестованного» заполнена 19 февраля 1921 года.

² «Приговорить к высшей мере наказания, но, принимая во внимание амнистию, объявленную... для белогвардейцев, не принимавших участия в контрреволюционном выступлении Врангеля... расстрел заменить десятью годами строжайшей изоляции».

³ В тюрьме работал старшим воспитателем малолетних преступников.

⁴ Родился 27 февраля 1890 в Москве. Князь. Отец Е.Н. Трубецкой правовед и религиозный философ. До 1906 — семья проживала в Киеве, затем в Москве.

⁵ Служил в дворянском собрании в Калуге, был депутатом от губернского дворянства. Занимался философией. С 1914 — работал в санитарном поезде, с 1917 — уполномоченный финотдела Главного Комитета.

⁶ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 256. С. 94. Автограф.

⁷ В тюрьму приходил на регистрацию лишь раз в неделю.

⁸ Обвинялся «в контрреволюционной деятельности».

⁹ Российский Общевоинский Союз.

ТУМКОВСКИЙ М.Е.¹ — в ПКК²

«<...> Я, бывший полковник, мобилизованный в Добровольческую армию и участвовавший в гражданской войне в составе войск Закаспийской области, с июня м<еся>ца 19 г<ода>, после ликвидации Закаспийского фронта, был эвакуирован в гор<од> Петровск и оттуда в гор<од> Баку, куда прибыл в начале марта. Там я предполагал остаться на дальнейшее жительство, выйдя из состава Добровольческой армии.

28 апреля, в день переворота и вступления Красной Армии в Баку, на квартиру, где я проживал, с соответствующим мандатом, явился представитель Советской власти для ареста бывшего генерала Дмитриева, проживавшего на одной квартире со мной.

Узнав об этом и не имея никаких оснований скрываться, я тут же заявил представителю Советской власти, кто я, после чего того же 28 апреля 20 г<ода> я был арестован.

Из Бакинского ЧК через несколько дней я был переведен в Бакинскую Баилловскую тюрьму, где просидел 2 м<еся>ца.

28 июня я этапным порядком был направлен в гор<од> Москву в распоряжение Особого отдела ВЧК, куда я прибыл 7 сентября.

С 28 апреля до настоящего времени мне никакого обвинения предъявлено не было, ни разу меня не допрашивали (в момент ареста был составлен протокол), и я до сих пор нахожусь на положении следственного арестанта.

Не имея здесь ни родных, ни знакомых, а также и никаких средств, т<ак> к<ак> последние 350 руб<лей>, остававшиеся у меня денег, были отобраны у меня под квитанцию дежурным приемщиком в О<собом> О<тделе> ВЧК, я покорнейше прошу Политический Красный Крест прийти мне на помощь: во 1), ходатайством об ускорении следственного производства моего дела и, во 2), что особенно важно для меня, оказать мне посильную материальную поддержку не деньгами, а натурой — в течение времени нахождения моего в условиях невозможности найти себе поддержку собственным трудом.

Как следственный, я ни на какие принудительные работы вне расположения лагеря не назначаюсь, это тоже лишает меня возможности за труд получить дополнительную к установленному в лагере голодному пайку прибавку <...>»³.

¹ Тумковский Михаил Евграфович.

² Письмо от 28 сентября 1920 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 256. С. 112-120. Автограф.

УХТОМСКИЙ А.А. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Ухтомский Алексей Алексеевич.
2. Где содержится (тюрьма, кор. кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.)	Содержался во Внутренней тюрьме О<собого> О<тдела> ВЧК.
3. Возраст, национальность, подданство	45 л<ет>. Великорос, подданный Советской России.
4. Семейное положение...	Холостой <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Грамотен. Оконч<ил> курс Петроградского Университета.
8. Профессия	Профессор физиологии в Петроградск<ом> Университете.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Петроград, Вас<ильевский> Остр<ов> 16 л<иния>, д<ом> 29 кв<артира> 6.
10. Чем занимался до февр. рев.	Физиологией <...>.
17. Когда арестован	28 ноября 1920.
18. Где арестован	В Рыбинске.
19. Когда доставлен в Москву	В начале декабря 1920 г<ода>.
20. По ордеру какого учреждения арестован	Рыбинского Политбюро <...> ² .

На «Опросном листе» Ухтомского Алексея Алесеевича — запись секретаря ПМКК: «Возбудить ходатайство перед О<собым> О<тделом> ВЧК об изменении меры пресечения».

УХТОМСКИЙ А.А. — в ПМКК³

<«...» В ноябре 1920 г<ода> я выехал из Петрограда в Рыбинск по командировке из Петроградского Университета для охраны моей квартиры и имущества, частью моего личного, находившегося в этой квартире. Благодаря охранным документам на названное имущество, дело по охране названного имущества в Рыбинске приняло благоприятный оборот, когда, совершенно неожиданно для меня, на третий день пребывания моего в Рыбинске я был арестован Рыбинским Политбюро без предъявления обвинений. Через сутки я был переведен в Яр<ославскую> ЧК. После недельного сидения в подвале этого учреждения, без предъ-

¹ «Опросный лист» заполнен 20 января 1921 года.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 260. С. 70. Автограф.

³ Заявление от 20 января 1921 года.

явления обвинения и без допроса, я был переведен в Москву и заключен во Внутреннюю тюрьму О<собога> О<тдела> ВЧК. Здесь мне был сделан допрос, по характеру которого я мог понять, что поводом ареста в Рыбинске служил какой-то донос. 28 дек<абря> 1920 г<ода> я был освобожден из-под ареста, но с обязательством невыезда из Москвы. С тех пор я остаюсь в Москве в крайне тяжелом положении, будучи оторван от моих научных работ, от места службы, от средств существования. Если до сих пор положение было сколько-нибудь терпимо, вследствие перерыва работ в Университете, то в настоящее время, по минованию Рождественских каникул и началом нового семестра в Университете, быть без дела в Москве для меня необыкновенно тягостно.

Покорнейше прошу Политический Красный Крест ходатайствовать перед О<собым> О<тделом> ВЧК о снятии с меня обязательства невыезда из Москвы, о разрешении моего переезда к месту службы в Петроград и о скорейшей выдаче моих документов, вещей и денег.

Профессор Петроградского Университета и Член Петросовета рабочих и служащих Петроградского Университета <...>¹.

ПКК² — в ВЧК³

«<...> Профессор физиологии Петроградск<ого> Университета Алексей Алексеевич УХТОМСКИЙ, освобожденный из тюремного поддела О<собога> О<тдела> ВЧК 28/XII – 20 г<ода> 31/XII (или 2/I) подал в комендатуру О<собога> О<тдела> ВЧК заявление, в котором просил выдать ему отобранные у него в комендатуре, в день его привода туда в первых числа декабря 1920 г<ода>, вещи: серебрян<ные> часы фабрики Буре, связка 5-ти ключей от квартиры и лаборатории, бумажник, портмоне, — вручив одновременно квитанцию о принятии от него УХТОМСКОГО указанных вещей.

Несмотря на то, что со времени подачи им означенного заявления проходит уже почти месяц, вещей этих он до сих пор получить не может.

Ссылаясь на изложенное, Полит<ический> Кр<асный> Кр<ест> просит сделать распоряжение о выдаче А.А. УХТОМСКОМУ взятых у него вещей <...>⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 260. С. 71. Автограф.

² Заявление от 27 января 1921 года.

³ Начальнику Следственного Отдела при Президиуме ВЧК Фельдману.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 260. С. 72. Машинопись.

ШАХОВСКАЯ А.Д. — в МПКК

1. Фамилия, имя, отчество	Шаховская Анна Дмитриевна.
2. Где содержится (тюрьма, кор. кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.)	Бутырская тюрьма, Пугачевская башня, кам<ера> 7.
3. Возраст, национальность ...	31 год ¹ , русская.
4. Семейное положение...	Девуца, на иждивении мать 60 лет.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Моск<овские> Высш<ие> Женские Курсы. Внешкольница.
8. Профессия	Внешкольница.
9. Место постоян. жительства	Дмитров <...>.
10. Чем занималась до 1917	Учительница <...>.
12. Чем занимался перед арестом	Заведующая Музеем Дмитровск<ого> Края <...>.
17. Когда арестован	20 ноября 1920 г<ода>.
18. Где арестован	В Дмитрове.
19. Когда доставлен в Москву	20 ноября 1920 г<ода> <...>.
20. По ордеру какого учреждения арест.	МЧК.
21. Повод к аресту	Неизвестно.
22. Кто еще арестован по этому делу	В.А. Рыжов, Ф.Т. Максимов, Г.Н. Рубцов, Н.Д. Осипов, Е.П. Анурова, А.Н. Соколова.
23. В чем обвинение	Не предъявлено <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Допрос, учиненный 23 ноября 1920 г<ода> имел политический характер. Были заданы следующие вопросы:

1). Знакома ли я с предъявленными мне воззванием и не участвовала в редакции (отвечала, что не знакома);

2) Объяснить выражение в письме, где говорилось о зашифрованных донесениях (ответила, что это шутка);

3) Когда познакомилась с А.А. Рыжовым и другими кооператорами Дм<итровского> Союза Кооп<ераторов> и др<угими> лицами (ответила, что с работниками Дм<итровского> Союза познакомилась по службе в 1918 г<оду>»².

¹ Родилась 20 июля 1889 в имении Рождествено Московской губ. Княжна.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 295. С. 22. Автограф.

О ШАХОВСКОЙ А.Д.¹ — в ПКК²

«<...> 20 ноября с<его> г<ода> арестована в г<ороде> Дмитрове родная дочь моя, заведующая музеем Дмитровского края, находящемся в ведении Наркомпроса, Анна Дмитриевна Шаховская. До настоящего времени она не допрошена, и все попытки узнать о том, что вменяется ей в вину, остаются без результата. Дело о спекуляции, к которому она формально привлечена, конечно, никакого отношения к ней не имеет. Уверенный, что дело немедленно выяснится, и она будет освобождена, я до сих пор не возбуждал вопроса о свидании. В настоящее же время прошу исходатайствовать мне разрешение на свидание <...>»³.

О ШАХОВСКОЙ А.Д.⁴ — в МЧК⁵

«<...> Прошу разрешить деловое свидание с заключенной в Бутырской тюрьме Анной Дмитриевной Шаховской, арестованной в Дмитрове 20-го ноября с<его> г<ода> по ордеру МЧК.

Мотивы: Анна Дмитриевна Шаховская заведует музеем Дмитровского Края. С ее арестом временное заведование музеем легло на меня. За это время находилось много весьма важных дел, которые без ее совета и указания я разрешить не могу, как-то: составление годового отчета за 1920 г<од>, работа научных сотрудников музея, вопросы постановки хозяйственно-счетной части и др<угое> — а потому очень прошу Следственную Комиссию не отказать в моей просьбе. Разрешение на свидание прошу вручить представителю Красного креста <...>»⁶.

На заявлении секретарем ПКК написано: «Дело передано в Московский Ревтрибунал, куда и надо обращаться со всеми ходатайствами. 6/III – 21 г<ода>».

По делу Дмитровского Союза в феврале 1921 года была арестована и сестра А.Д. — Наталья Дмитриевна Шаховская-Шик.

¹ Заявление отца Анны Дмитриевны – Шаховского Д.И. Князь Шаховской Дмитрий Иванович, родился в 1861 в Царском Селе. Окончил ПУ. Филолог, литератор. Видный земский деятель в Ярославской губ. Депутат 1-й Государственной Думы. Член ЦК партии кадетов. Май-июль 1917 – министр социального призрения Временного правительства. 26 июля 1938 – арестован. 14 апреля 1939 – приговорен к ВМН. 15 апреля расстрелян.

² Заявление от 25 декабря 1920 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 295. С. 26-27. Автограф.

⁴ Заявление Коробовой Зинаиды Павловны, сотрудницы Дмитровского музея.

⁵ Заявление от 1 февраля 1921 года.

⁶ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 295. С. 23. Автограф.

ШАХОВСКАЯ-ШИК Н.Д. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Шаховская-Шик Наталья Дмитриевна.
2. Где содержится	Бутырская тюрьма, Полицейская башня.
3. Возраст, национальность ...	30 лет ² , русская, русское подданство <...>.
7. Грамотен или нет ...	Грамотна. Высш<ие> Жен<ские> курсы.
8. Профессия	Преподаватель Инст<итута> Народн<ого> образ<ования>.
9. Место постоянного жительства	Сергиев Посад, Красюковка, дом Корниловой.
10. Чем занимался до февр. рев.	Литерат<урная> работа и преподавание.
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г.	С сент<ября> 1917 г<ода> культ<урно>-просв<етительская> работа в Дмитров<ском> Союзе кооперации.
12. Чем занимался перед арестом	Чтение лекций в Инст<итуте> Нар<одного> образ<ования>.
13. Занимал ли какую-либо должность	Члена Правления Серг<иевского> ИПО <...>.
15. Партийность до революции	Беспарт<ийная>.
16. Привлекалась ли ранее...	Не привлек<алась>.
17. Когда арестован	7/II.
18. Где арестован	В Москве <...>.
20. По ордеру какого учред.	МЧК.
21. Повод к аресту	Написание очерка о деятельности Дмитров<ского> Союза.
22. Кто еще арестован по этому делу	Правление Дмитров<ского> Союза кооператоров.
23. За кем числится	МЧК.
24. Когда, где и кем допрошен	8/II в МЧК следователем Кальмейером.
28. Есть ли родные в Москве	Отец Дм<итрий> Ив<анович> Шаховской <...>.
25. В чем обвинение	В контрреволюционной агитации» ³ .

¹ «Опросный лист» заполнен 16 февраля 1921 года.

² Шаховская Наталья Дмитриевна, родилась 1 сентября 1890 в Ярославской губ. Княгиня.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 295. С. 21. Автограф.

По ходатайству ПКК сестры были вскоре освобождены.

Анна Дмитриевна продолжила работу в музее, с 1921 (?) — проживала с матерью¹ в Сергеевом Посаде, преподавала в техникуме. 15 мая 1928 — арестована, 13 июля 1928 — приговорена к 3 годам административной высылки, в 1930 — по ходатайству ПКК освобождена, работала в Московском Геологическом Бюро вместе с музеем Дмитровского края, с 1932 — в Московском Геологическом Тресте. Зимой 1934 — вновь арестована, благодаря заступничеству академика Вернадского В.И. освобождена. Работала научным сотрудником отдела стройматериалов на Всесоюзной строительной выставке, с 1938 — секретарем-референтом академика Вернадского В.И. С 1945 — организатор и заведующая музея Вернадского В.И. в Институте геохимии и аналитической химии. С января 1957 — на пенсии. 22 января 1959 — скончалась в Москве.

Наталья Дмитриевна с мужем² проживала в Сергеев Посаде, в семье было пятеро детей. С 1928 — проживала на ст. Томилино Казанской ж.д., с 1931 — после ухода мужа на покой, в Малоярославце. Занимались переводами, писали книги. В их домовый церкви тайно совершались богослужения. После осуждения мужа проживала с семьей в Малоярославце, работала по договорам московских издательств, член Союза Писателей. 20 июля 1942 — скончалась в больнице Московского туберкулезного института.

Шик Михаил Владимирович в 1926 — арестован и выслан на 3 года в Туркестан, где был посвящен во иерея. С 1928 — после освобождения служил в храмах Москвы, в 1931 — ушел за штат. Жил в Малоярославце. 25 февраля 1937 — арестован как «участник контрреволюционной монархической организации ИПЦ». Приговорен к ВМН и 27 сентября — расстрелян.

¹ Шаховская Анна Николаевна.

² Шик Михаил Владимирович.

Дел. №

Анкету принял

Павловский *Юрий Александрович* 14/30 дня 1921.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ МОСКОВСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА. 104

1. Фамилия *Шереметьева* имя, отчество *Анна Сергеевна*.
2. Где содержится (тюрма, мор. нам. лагерь; Ч. К. и т. д.) *В Новинской земской тюрьме, камере № 12.*
3. Возраст, национальность, подданство *33 года, Русская.*
4. Семейное положение и кто находится под следствием, арестован, где находится *Вдова.*
5. Не болен ли чем? *Открыт Склерозом и некардитом*
6. Заболел в тюрьме или до ареста *До ареста*
7. Грамотен или нет, и где учился и кончил курс *В Кембриджском Университете, по курсу на Конинский секретарь Рос. Хр. Союз. Союз За. Москва, Соболье, пл. 12. № 26.*
8. Профессия
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес *Секретарем Моск. Христианского Кружка, Курсы, Секретарством Моск. Христианского Союза.*
10. Чем занимался до февральской революции.
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г.
12. Чем занимался перед арестом
13. Занимал ли какую-либо должность по выборам, какую и где *Нет.*
14. Средний месячный заработок перед арестом.
15. Партийность до октября 1917 г. (ответ по желанию)
16. Привлекался ли когда-нибудь раньше по политическим делам, когда в чем обвинялся, чем окончились те дела *Неопределенно. Поощрения от Союза по мере надобности. Бепартийна*
17. Когда арестован по настоящему делу
18. Где арестован
19. Когда доставлен в Москву
20. По ордеру какого учреждения арестован *В. Ч. К.*
21. Повод к аресту
22. Кто еще арестован по этому делу *Принимает участие в решении вопросов организации. Сейчас живут в Москве Союз За. Матвеевский, Гибаринский, Смирнов и Силин. Последний два уже отпущены. — За В. Ч. К.*
23. За кем числится
24. Когда, где и кем допрошен *Никем, нигде, ни разу.*

1921 год

«3 ноября 1921 года вышло постановление Президиума ВЦИК об амнистии бывшим рядовым солдатам армий Колчака, Деникина, Врангеля, Савинкова, Петлюры, Булат-Балаховича, Перемыкина и Юденича, а также белой армии Миллера, действующей в пределах Архангельской губернии. В то же время было сделано разъяснение, что акт амнистии и последующие дополнения к нему не распространяются на тех добровольцев, которые вступили в ряды белых армий сознательно, преследуя цели защиты своих классовых интересов и буржуазного порядка. Такие добровольцы лишаются избирательных прав»¹.

«22 августа (1921) в Петрограде и в Кронштадте около 300-350 лиц командного состава Балтийского флота были вызваны в фильтрационную комиссию, а затем они были арестованы и разосланы в разные провинциальные тюрьмы, затем некоторые из них были освобождены, некоторые переведены в Москву в Бутырскую тюрьму и дело это еще не закончено»².

«Много труда, притом же совершенно бесполезно, было потрачено Юридическим отделом ПКК на розыскание бывших белых офицеров, отправленных в июле и августе 1920 г<ода> из Москвы в Архангельскую губ<ернию>. Это были, главным образом, офицеры и чиновники военного ведомства, арестованные при регистрации офицеров летом 1920 г<ода> на Кавказе и Донской области. В Москву они прибыли в июле и августе 1920 г<ода> и тогда же были отправлены в Архангельскую губ. <...> В сентябре 1921 г<ода> была получена из Главного Управления Принудительных Работ справка, что там имеются специальные списки белых офицеров, содержащихся в концентрационных лагерях. По соглашению с Главным Управлением была откомандирована служащая ПКК, которая сравнила составленный ПКК список разыскиваемых офицеров, содержащий около 400 фамилий, со всеми этими специальными списками, но, к сожалению, отыскать хотя бы одного разыскиваемого ей не удалось.

После этого запросы стали направляться, главным образом, в Архангельскую Губернскую Чрезвычайную Комиссию и Архангельское Управление концентрационных лагерей. На некоторые запросы получались ответы, что разыскиваемые в лагерях Архангель-

¹ Собр. Узак. 1921, № 74, ст. 611.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 48. С. 6. Машинопись.

ской губ. не значатся, но на большинство запросов вовсе не было ответов <...> Тогда были составлены и поданы в ВЧК пробные запросы относительно 14-ти лиц, относительно коих имелись более или менее подробные сведения о том, что они были в Архангельской губ. (главным образом, в Холмогорском концентрационном лагере), откуда имелись от них письма. Ответа ни на один запрос не последовало <...>»¹.

Переписка по «делу Таганцева»²

«По секрету: в Питере открыт новый заговор. Участвовала интеллигенция. Есть профессора...»³; «Прошу срочно информировать о раскрытой вами белогвардейской организации...»⁴; При разработке дела раскрытой вами организации при допросах обратите внимание на получение подробных сведений о связях допрашиваемых...»⁵; «Тщательно проверьте связи Таганцева, не идут ли они к бывшим участникам Тактического центра в Москве...»⁶; «Таганцева и других важных делу лиц направьте в Москву под усиленным конвоем по миновании следственных надобностей. Не производите расстрелов по делу Таганцева без санкции ВЧК»⁷; «Таганцев — кабинетный ученый и мыслил свою организацию теоретически... Таганцев и его группа находили возможным объединиться с лицами буржуазной ориентации и социалистами далекого будущего, признавая за основу программы сохранения советского строя».⁸

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 48. С. 4-5. Машинопись.

² Дело «подпольной Петроградской Боевой Организации», ставящей целью свержение советской власти, было сфабриковано ГПУ как акция устрашения. Руководство организацией приписывалось видному ученому географу, профессору Горного института Владимиру Таганцеву. По этому делу было арестовано более 200 человек, в августе 1921 года были расстреляны 61 человек.

³ Из записки Ленина Кржижановскому от 5 июня 1921 года.

⁴ Из телеграммы Агранова от 6 июня 1921 года.

⁵ Из телеграммы Менжинского.

⁶ Из телеграммы Менжинского и Артузова от 10 июня 1921 года.

⁷ Из телеграммы Уншлихта и Артузова от 20 июня 1921 года.

⁸ Из доклада по результатам расследования «дела Таганцева».

1 сентября 1921 года в газетах было опубликовано официальное сообщение «От Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. О раскрытии в Петрограде заговора против Советской власти». Далее утверждалось о раскрытии и ликвидации «нескольких боевых контрреволюционных организаций на территории Петрограда, Северной и Северо-Западной областей Республики. Объединенные и спаянные общими организационными связями и тактическим объединением своих зарубежных центров, эти белые организации представляли собой единый заговорицкий фронт, подготовлявший вооруженное восстание в Петрограде...».

В конце приводился расстрельный список более 60 имен, и среди них:

ЛАЗАРЕВСКИЙ Н.И., профессор	— расстрелян,
ТИХВИНСКИЙ М.М., профессор	— расстрелян,
УХТОМСКИЙ С.А., князь, скульптор	— расстрелян.

О ЛАЗАРЕВСКОМ Н.И.¹ — в МПКК

1. Фамилия, имя, отчество	Лазаревский Николай Иванович.
3. Возраст, национальность, подданство	Русского подд<анства>, правосл<авно-го> вероисп<оведания>.
4. Семейное положение	Женат <...>.
8. Профессия	Профессор Петрогр<адского> Университета. Помощник ректора.
9. Место пост. жительства...	Петроград, Мойка, 31/33 <...>.
12. Чем занимался до 1917	Профессор. Чтение лекций.
13 Занимал ли какую-либо должность по выборам	Помощник ректора Университета <...>.
15. Партийность до окт. 1917 г.	Ни в какой партии не состоял. Никогда не привлекался.
16. Привлекался ли когда ...	13 декабря 1919 г<ода>.
17. Когда арестован	В Петрограде на своей квартире <...>.
18. Где арестован	17-го или 18 дек<абря>.
19. Когда доставлен в Москву	По ордеру из Москвы от ВЧК.
20. По ордеру какого учрежд.	Неизвестно <...>.
21. Повод к аресту	Узнать, где находится, устроить передачу, деньги переведены Ек<атерине>
О чем ходатайство	Ив<ановне> Муравьевой.

На «Опросном листе» запись секретаря ПМКК: «Освобожден». В июне 1921 — вновь арестован и привлечен к следствию по «делу Таганцева».

¹ «Опросный лист» заполнен кем-то из преподавателей университета.

О ТИХВИНСКОМ М.М.¹ — в МРКК

1. Фамилия, имя, отчество	Тихвинский Михаил Михайлович.
3. Возраст, национальность ...	Русский. 52 лет <...>.
8. Профессия	Профессор химии.
9. Место пост. жительства...	Петроград <...>.
12. Чем занимался до ареста	Преподаванием <...>.
17. Когда арестован	26 июня 1921 г <ода>.
18. Где арестован	Петроград <...>.
19. О чем ходатайство	Выяснить, где находится, организовать передачи.

ОБ УХТОМСКОМ С.А.² — в МПКК

1. Фамилия, имя, отчество	Ухтомский Сергей Александрович ³ .
2. Где содержится	Переведен из Петрограда.
3. Возраст, национальность ...	34 г <ода>. Русский.
4. Семейное положение	Женат <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Петроградский университет и Академия в Париже.
8. Профессия	Скульптор.
9. Место постоян. жительства	Петроград, Морская, 14 <...>.
12. Чем занимался до ареста	Скульптор ⁴ <...>.
О чем ходатайство	Просьба узнать, куда направлен <...>.

Из показаний Таганцева: *«Сергей Александрович ничего не знал об организации... После долгих убеждений мне удалось добиться от него статьи по музейному делу — строго фактической и объективной».* Эта статья и стала основанием расстрела Ухтомского С. А.

¹ «Опросный лист» заполнен Фроловым Василием Ильичем в сентябре 1921 года.

² «Опросный лист» заполнен Варварой Васильевной Петровой 2 сентября 1921 года.

³ Князь.

⁴ Был ассистентом Художественного отдела Русского Музея.

О ВОЛКОНСКОМ Н.Н.¹ — в ПКК²

«<...> Прилагая приговор Революционного Трибунала от 21 октября 1921 г<ода>, прошу Политический Красный Крест содействовать по делу сына моего Николая Николаевича Волконского. А. Волконская <...>»³.

«ПРИГОВОР

<...> Московский Ревтрибунал в публичном заседании под председательством тов<арища> Лаврова и членов Трибунала т<оварищей> Деклицкого и Дубровина от 21 октября 1921 года, рассмотрев дело по обвинению гр<ажданина> Волконского Николая Николаевича, 25 лет, быв<шего> князя, в том:

1) что он, в целях сокрытия своего настоящего имени и звания, приобретал за плату подложные документы;

2) с января 1918 года по 15 февраля с<его> г<ода> скрывал свое настоящее звание и жил по подложным документам;

3) в течение того же времени уклонялся от призыва в ряды Красной Армии, к каковому подлежал как быв<ший> офицер.

Ревтрибунал, проверив материалы предварительного и судебного следствия, заслушав показания обвиняемого, ПОСТАНОВИЛ: предъявленные Волконскому обвинения считать ДОКАЗАННЫМИ и ПРИГОВОРИЛ: ВОЛКОНСКОГО Николая Николаевича, он же БАРШЕВ Прокопий Иванович, — ПОДВЕРГНУТЬ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В ЛАГЕРЬ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ СРОКОМ НА ПЯТЬ ЛЕТ, но, принимая во внимание, что преступление было совершено до 7-го ноября 20 года, на основании акта об амнистии к 3-й годовщине Октябрьской Революции, срок наказания сократить ему на две трети <...>»⁴.

На заявлении — помета секретаря: «Освобожден по амнистии 17 ноября 1921 г<ода>. 15/VII–22 г<ода>».

¹ Волконский Николай Николаевич, родился в 1896. Окончил реальное училище. С 1916 – на фронте офицером. 15 февраля 1921 – арестован в Тюмени, 12 мая отправлен в Москву и заключен в БТ.

² Заявление от 9 ноября 1921 года заполнено Волконской Анастасией Андреевной, матерью Николая Николаевича.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 180. С. 74. Автограф.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 180. С. 76. Машинопись.

ГАРДИНИ-ЗЫБИНА Е.П.¹ — в МПКК²

1. Фамилия, имя, отчество	Гардини-Зыбина Елена Петровна.
2. Где содержится	О<собый> О<тдел> ВЧК, кам<ера> 52.
3. Возраст, национальность ...	21 г<од>. Русская.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении	Сын 2 л<ет> в Самаре у матери Зыбиной <...>.
7. Грамотен или нет ...	Институт в Киеве.
8. Профессия	Сестра милосердия.
9. Место пост. жительства ...	Самара.
10. Чем занимался до февр. рев.	Училась <...>.
12. Чем занимался перед арестом	Состояла сестрой в гарнизон<ной> амб<улатории> <...>.
16. Привлекалась ли раньше...	Нет.
17. Когда арестован	В марте 1921 г<ода>.
18. Где арестован	В Самаре.
19. Когда доставлен в Москву	5-го апреля 1921 г<ода>.
20. По ордеру какого учрежд.	Сам<арская> Губ<ернская> ЧК <...>.
22. Кто еще арестован по этому делу	В.Е. Дивинская, Г. Ковалевский, Кирпус и 9 человек <...>.
23. За кем числится	О<собый> О<тдел> ВЧК.
25. В чем обвинение	Противосоветская к-р агитация с вооруженной силой <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Муж Гардини, офицер при Колчаке, расстрелян по указанию следоват<еля> Брауде в Томске.

Гардини жила в Самаре с ребенком, участвовала в организации помощи заключенным-контрреволюционерам и помогла 16 побегам.

Обвинение в этом пункте не отрицала. Обвиняется в участии в военной организации, предана членом своей организации Шараповым. Нуждается в передачах»³.

¹ «Опросный лист» заполнен кем-то из родственников.

² «Опросный лист» был зарегистрирован в МПКК 18 июня 1921 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 189. С. 67. Автограф.

ГОЛИЦЫН А.В.¹ — в МПКК

«<...> Через три дня по занятии Батумской области кавалерией т<о-варища> Жлобы, 23 марта, в дом отца моего Влад<имира> Алексеевича Голицына в с<еле> Цихис-Дзири, где живет вся семья отца уже много лет, занимаясь обработкой плантаций чая, бамбука и мандарин, всего до 2½ десят<ин> (с чего мы и живем), явился начособпоста 3-го отдел<е-ния> Особ<ого> отд<ела> XI армии т<оварищ> Матросов, который произвел обыск без предъявления ордера и объяснения причин и арестовал всех взрослых мужчин в доме (отца, брата моего С.В. Голицына и меня). В тот же вечер мы были доставлены на особ<ый> пост 2, где нам было предложено написать свою “характеристику” (с начала службы до ареста). С особ<ого> поста 2-го мы в конце марта были доставлены в 3 отд<еление>, где нас допросили. Допрос заключал в себе сведения характеристики. Как в характеристике, так и на допросе следователя я сообщил, что я с августа 1919 по июнь 1920 г<ода> вкл<ючительно> служил в Добровольч<еской> арм<ии> по мобилизации, в Батумской миссии работа производилась по морской части и в декабре 1919 года был в Новороссийске в командировке (и ушел со службы при первой возможности, т<о> е<сть> после приказа Главкома: «офицеров, желающих ехать в Крым, отправить, не желающих, уволить»). Как до службы, так и после я безвыездно жил и работал в селе Цихис-Дзири). 3 отделение передало нас Особ<ому> Отд<елу> XI армии, который без допроса передал нас Полномочному Представителю ВЧК на Кавказе в Ростов, последний опять же без допроса направил нас в ВЧК в Москву.

Ввиду того, что служил я по мобилизации, по своему желанию остался служить в Батуме и, следовательно, не участвовал активно в войне и бросил службу, как только представилась к этому возможность, прошу оказать возможное содействие для скорейшего разбирательства дела и освобождения меня из-под ареста. А.В. Голицын»².

ГОЛИЦЫН С.В.³ — в МПКК ⁴

«<...> В тот же вечер мы были доставлены на особпост 2, где на вопрос мой, в чем меня обвиняют, т<оварищ> Матросов ответил мне: «Да вас ни в чем обвинять и не будут». С особпоста 2 мы в конце марта

¹ Голицын Алексей Владимирович, родился в 1898. Окончил МКК, с мая 1917 — служил военмором, после 1918 — проживал с родителями в имении Цихис-Дзири под Батуми, занимался сельским хозяйством.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 189. С. 135. Автограф.

³ Сергей Владимирович Голицын, родился в 1897 году.

⁴ «Опросный лист» заполнен 11 июля 1921 года.

были доставлены в отдел, где впервые нас допросили. Допрос, к удивлению моему, свелся на сообщение мною следователю своих биографических сведений (учился в Морск<ом> Корп<усе>, служил на крейс<ере> «Баян» до окт<ября> 1917 г<ода>, после в Штабе Кавфронта в Тифлисе, в Генштабе Респ<ублики> Грузия до авг<уста> 1918 г<ода>, когда вышел в отставку и уехал в Цихис-Дзири, где все время работал на земле вплоть до дня ареста) <...> Ввиду того, что я никогда ничего общего с антисоветской работой не имел, считаю все происшедшее сплошным недоразумением и прошу оказать мне возможное содействие для скорейшего освобождения. С.В. Голицын»¹.

По распоряжению местных властей Владимир Алексеевич Голицын вскоре был освобожден и сразу же скрылся. 3 августа 1921 — Юридическая Комиссия ПКК обратилась в Президиум ВЧК с ходатайством об ускорении производства следствия по делу братьев Голицыных. На этом ходатайстве — помета секретаря ПКК: «Приговор им объявлен. На 2 года в лагерь. Спр<авка> из ВЧК. 19/X 21 г<ода>»².

Братья А.В. и С.В. Голицыны были отправлены в Ново-Песковский концлагерь. 23 февраля 1922 — Юридическая Комиссия ПКК направила ходатайства в Московский губернский отдел юстиции и начальнику следственной части при Политуправлении. В пересмотре их дела было отказано: «Дело пересмотрено Зеньковым, и ходат<айство> об освоб<ождении> отклонено (спр<авка> ГПУ 2/VI — 22 г<ода>).

ПКК — ГОЛИЦЫНЫМ³

<...> 4 /III с<его> г<ода> Красным Крестом получена из ГПУ справка следующего содержания: «Предположение их, что они арестованы по подозрению за принадлежность к роду князей Голицыных, лишены основания. Повод к аресту: отец-генерал был агентом англичан и ездил с поручениями к Деникину или Врангелю и скрылся. Сами они были агентами Добрармии, служили в Добрармии и принимали участие в группе батумцев, оказывавших содействие Добрармии. Приговор пересмотрен и оставлен в силе <...>»⁴.

В 1926 — Алексей Владимирович Голицын находился в ссылке. 23 апреля 1929 — освобожден с разрешением свободного проживания.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 189. С. 123. Автограф.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 189. С. 126. Машинопись.

³ Заявление от 8 марта 1922 года.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 189. С. 133. Машинопись.

КРОПОТКИН И.А. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество Кропоткин князь Иван Алексеевич.
2. Где содержится (тюрьма, кор. кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.) Бутырская тюрьма, коридор 11-й, камера 43-я.
3. Возраст, национальность ... 49-ть лет; русская; русское.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении, арестован, их возраст Женат; больная совершенно жена, бабка старше 80-ти лет и 2 больные родственницы <...>.
7. Грамотен или нет ... Окончил Пажеский корпус в 1893 г<оду>.
8. Профессия Военная, хозяйственн<ый> администр<а-тор>.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес Москва, Старая Басманная, д<ом> 25, кв<артира> 16.
10. Чем занимался до фев. рев. Служил во 2-й Запасн<ой> Автороте².
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г. Старш<ий> оф<ицер> и командир той же роты.
12. Чем занимался до ареста Делопроизводитель НКПС <...>.
16. Привлекался ли когда-нибудь раньше по политическим делам, когда, в чем обвинялся... Отбыл тюремное заключение с 1918-го г<ода> 31-го мая до 2-го февр<аля> 1919 г<ода> по подозрению в контрреволюции.
17. Когда арестован по настоящему делу с 23-го на 24-ое июня с<его> г<ода> в ночь (1921-го г<ода>).
18. Где арестован На квартире <...>.
21. Повод к аресту Оговор при опросе другого (Шокина).
22. Кто еще арестован по этому делу Соловьева-Даненберг Ек<атерина> Пет<ровна>.
23. За кем числится За ВЧК <...>.
25. В чем обвинение В укрывательстве белогвардейца при помощи фал<ышивых> документов.
26. Есть ли приговор Нет <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

- 1) Допрашивали меня насчет того, выдал ли я подложное удостоверение на другое лицо.
- 2) Получил ли записку на имя Георгия Николаевича от Соловьевой.

¹ «Опросный лист» заполнен 7 июля 1921 года.

² До 1917 – офицер 5-го Драгунского Каргопольского полка, с 1918 – командир Кабардинского полка.

3) Получил ли я с Шокина деньги 200 тыс<яч>.

О 1-м. Я сознал<ся в> выдаче мною документа с печатью совсем другого учреждения, но не того, где служу.

О 2-м. Я ответил, что записку без подписи получил через незнакомого женщину и передал Шокину, но удостоверить почерк Соловьевой я не мог и за ее почерк не признал.

О 3-м. Сообщил, что 200 тысяч получил <...>¹.

Благодаря ходатайству ПКК Иван Алексеевич вскоре был освобожден, но на свободе оставался недолго.

О КРОПОТКИНЕ И.А.² — в ПКК³

<<...> В ночь с 25 на 26 апреля с<его> г<ода>⁴ комиссаром активного отделения ОГПУ по ордеру № 448 был арестован муж мой Иван Алексеевич Кропоткин. Покорнейше прошу Вашего ходатайства об освобождении мужа моего на основании: 1) Во-первых, муж мой человек больной, имеющий 8 ранений и 6 контузий; 2) В политику не вмешивался, занятый все время службою в Москусте в качестве агента, развившего молочные продукты; 3) У нас крайне тяжелое материальное положение, я лично уже 5 месяцев не встаю с постели, больна туберкулезом, перитонитом и парализованы ноги, о чем могу представить удостоверения врачей пункта и диспансера; 4) Муж мой с октября м<еся>-ца 1922 г<ода> состоит по назначению МОНО⁵ казенным опекуном 4-х сирот, детей крестьянина, которые живут у нас на иждивении мужа, и на содержание их мы ниоткуда ничего не получаем.

В настоящее время, с арестом мужа, положение нашей семьи безвыходное, я не имею возможности не только лечиться, но и содержать казенных детей, имущества никакого уже нет, жить нечем, а единственный кормилец семьи арестован <...>.

Прошу принять во внимание все изложенное и помочь нам. Муж ни в чем невиновен, при обыске ничего взято не было, ни в партиях, ни в организациях он никогда не состоял, сомнительных знакомств не имел, и у нас никто не бывал <...>⁶.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 203. С. 88. Автограф.

² Письмо Екатерины Ивановны, жены И.А. Кропоткина.

³ Письмо от 10 мая 1925 года.

⁴ 1925 года.

⁵ Московский отдел народного образования.

⁶ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 71. С. 134. Автограф.

КУСКОВА–ПРОКОПОВИЧ Е.Д. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Кускова-Прокопович Екатерина Дмитриевна.
2. Где содержится (тюрьма, кор., кам. лагерь, ЧК и т.д.)	Сначала в Особом Отделе, сейчас Бутырская тюрьма, Карантин, камера 9.
3. Возраст, национальность ...	50 л<ет> ² , русская, русское <...>.
7. Грамотен ...	Да, Брюссельский университет. Бельгия.
8. Профессия	Писательница ³ .
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Москва, Арбат, 2-й Мал<ый> Николопесковский пер<еулок>, д<ом> 4, кв<артира> 2.
10. Чем занимался до февр. рев.	Писательством <...>.
12. Чем занимался перед арестом	Комитет Помощи Голодающим ⁴ и Техникум кустарной пром<ышленности> при Главпрофобре <...>.
16. Привлекался ли когда-нибудь раньше по политическим делам, когда, чем кончилось	Неоднократно при самодержавии и только один раз при Сов<етской> вл<асти> ⁵ . Дело окончилось ничем. Сидела 3 недели.
17. Когда арестован	27 августа ⁶ .
18. Где арестован	На собрании Комитета Пом<ощи> Гол<одающим> <...>.
21. Повод к аресту	По-видимому — слишком активное содействие Советской власти в деле помощи голодным.

¹ «Опросный лист» заполнен 17 октября 1921 года.

² Родилась в 1869. В 1892 — член народнической группы в Саратове. С 1897 — в партии РСДРП, через год исключена из партии. В 1905 — избрана в ЦК партии кадетов, но отказалась присоединиться к ним.

³ С мужем писала социологические, экономические и статистические работы. Увлекалась масонством.

⁴ В 1921 году в России для оказания помощи голодающим работало несколько международных комитетов, включая комитет Международного Красного Креста во главе с Ф. Нансеном, известном полярным исследователем. По инициативе М. Горького в России были организованы два комитета: государственный комитет, возглавляемый Л. Каменевым, и общественный комитет, среди организаторов которого были известные либерально-демократические деятели С.П. Прокопович, Е.Д. Кускова, Н. Кишкин. Общественный комитет просуществовал более месяца и 27 августа был закрыт (по письму В.И. Ленина от 26 августа), а его члены арестованы, заключены в тюрьму, а позднее отправлены в ссылку.

⁵ Критиковала большевистский переворот.

⁶ 1921 года.

22. Кто еще арестован ...	Все члены Комитета.
23. За кем числится	За ВЧК <...>.
24. Когда, где и кем допрошен	Никем и ни разу за все семь недель.
25. В чем обвинение	В высшей степени интересуюсь знать, иметь ответ на этот вопрос. Мучительно не знать <...>.
28. Есть ли родные в Москве (адрес...)	Муж ¹ (арестован). Больше родных здесь нет <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

По существу дела могу высказать лишь предположения. Комитет был учрежден согласно декрету ВЦИК. Действовал исключительно и сугубо легально, понимая всю ответственность за взятое на себя дело. В виду отказа ВЦИКа выпустить за границу делегацию Комитета, а без ее работы работа Комитета была бы бессмысленна и создавала бы лишь параллелизм с Комиссией ВЦИК (Комиссия Помощи Голодающим), Комитет решил 27-го августа закрыть свои действия. На этом моменте и произошел арест. Дальше ровно ничего не знаю. В Особом Отделе мне было предложено написать ответ на 8 или 9 письменных вопросов, что я и сделала. Не знаю, кто мой следователь и в каком положении мое дело.

Подпись Е.Д. Кускова–Прокопович»².

Благодаря ходатайству ПКК и заступничеству Фритьофа Нансена Екатерина Дмитриевна была освобождена. В конце мая 1922 — вместе с мужем она выехала за границу. Сначала обосновались в Берлине, потом переехали в Прагу, затем — в Женеву. Муж продолжал писать в эмиграции о русских экономических проблемах, считался серьезным специалистом. В 1955 — скончался в Женеве. Екатерина Дмитриевна много публиковалась в эмиграции и до конца жизни пользовалась серьезным влиянием в левых эмигрантских кругах. 22 декабря 1958 — скончалась в Женеве.

¹ Прокопович Сергей Николаевич, родился в 1871 в Царском Селе. В 1899 — окончил Брюссельский университет. Вступил в партию РСДРП за границей. В 1904 — присоединился к партии кадетов, избран в состав ЦК. В 1917 — министр промышленности и торговли во Временном правительстве, затем — министр продовольствия. С 1918 — профессор МГУ. В 1921 — вошел в Комитет помощи голодающим.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 202. С. 76. Автограф.

МАКСИМОВ Н.С. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Максимов Николай Сергеевич.
2. Где содержится	В Московской тюремной больнице за ВЧК.
3. Возраст, национальность, подданство	51 год ² . Украинец. Гражданин РСФСР.
4. Семейное положение и кто находится на иждивении, арестован, их возраст	Многосемейный. Жена — 44 года, сыновей три: 22 л<ет>, 20 л<ет> и 17 л<ет>, дочь 18 л<ет> и внук 1½ г<ода>, все были на моем иждивении <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Грамотен. Окончил Николаевскую Академию Генер<ального> Штаба и курсы бухгалтерии.
8. Профессия	Военспец Ген<ерального> Шт<аба>. Агроном. Литератор.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Батумская область, Батумский уезд Кистринская вол<ость>, м<стечко> Цихис-Дзири.
10. Чем занимался до февральской революции	Ком<андир> 198 п<олка> на германском фронте ³ .
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г.	Нач<альник> див<изии> и нач<альник> шт<аба> 58 п<олка> 13 р<оты>, командир XXXIV армии ⁴ .
12. Чем занимался перед арест.	Чернорабочий садовод и сторож <...>.
16. Привлекался ли когда-нибудь раньше по политическим делам, когда, в чем обвинялся, чем окончились те дела	В Грузии за сношение с сов<етской> Рос<сией> по полит<ическим> делам, оправдан с лишением права выезда по вызову за получением ассигнованных денег. В армии Деникина за сношение с Сов<етской> Рос<сией>.
17. Когда арестован	23 марта 1921 г<ода>.
18. Где арестован	В м<естечке> Цихис-Дзири.
19. Когда доставлен в Москву	14 июня 1921 г<ода>.
20. По ордеру какого учрежд.	Без предъявления ордера.
21. Повод к аресту	Неизвестно. Вероятно, донос.

¹ «Опросный лист» заполнен 2 августа 1921 года.

² Родился в 1869. Кадровый офицер царской армии в чине полковника.

³ С апреля 1917 – в чине генерала.

⁴ С 1918 – начальник Особого отдела при штабе Кавказского фронта.

22. Кто еще арестован по этому делу	Отец и сыновья ген<ерала> Голицына, проф<ессор> Головин. Члены Донского Войск<ового> круга — 11 ч<еловек> и Афанасьев.
23. За кем числится	За ВЧК <...>.
25. В чем обвинение	Не знаю. Вероятно, на основании двух моих арестов.
26. Есть ли приговор	Не имеется <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Надлежит сдать многомиллионную отчетность по делам демобилизации и ликвидации всех государственно служащих бывших Кавказских фронтов и воен<ного> Округа как последнему представителю русских интересов в Закавказье и на территории Грузии в особенности. До 20 октября 1920 числился за штатом русской армии с правами Ком<андира> отд<ельной> армии и был лишен права выезда из пределов Грузии — в административном порядке, особенно в июне 1920 г<ода> за сношения с русским полномочным консулом в Батуме, товарищем Зверевым. После этого заболел тяжелой формой тропической малярии, а затем — в январе 1921 по 19 марта — брюшным тифом, когда и был арестован на четвертый день со дня разрешения “встать”. Н. Максимов»¹.

Приговорен за «службу в царской армии» к 2 годам концлагеря. Отправлен в Ново-Песковский лагерь, позднее переведен в Покровский лагерь. В июле 1922 — освобожден досрочно. Проживал в Москве, служил в ГУВУЗе. В 1924 — уволен из армии в бессрочный отпуск в чине комдива. Проживал в селе Цихис-Дзири (Аджария), работал черноработчим на культурных плантациях Черноморья. В 1927 и 1930 — арестовывался за «антисоветскую агитацию», но вскоре освобождался без предъявления обвинения.

20 марта 1931 — вновь арестован в селе Цихис-Дзири, отправлен в Тифлисскую тюрьму. Осенью приговорен к 10 годам тюремного заключения. В декабре по ходатайству ПКК приговор был заменен на 3 года ссылки в Казахстан. Отправлен в Алма-Ату.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп 1. Д. 217. С. 67. Автограф.

МЕЗЕНЦЕВ А.И.¹ — в МПКК

1. Фамилия, имя, отчество	Мезенцев Александр Иванович.
2. Где содержится (тюрьма, кор. кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.)	Бутырская тюрьма, кор<идор> № 12, кам<ера> № 57.
3. Возраст, национальность ...	28 лет ² , русский.
4. Семейное положение	Холост. Сестра 20 лет <...>.
7. Грамотен или нет ...	Окончил Киевское военное училище.
8. Профессия	Военный ³ .
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Г<ород> Казань. 17-е Пехотные Команд<ирские> Курсы.
10. Чем занимался до февр. рев.	Был на позиции — офицер ⁴ .
11. Чем занимался в 1917 г.	Затем 1 год в армии Колчака ⁵ .
12. Чем занимался перед арестом	Штатный преподаватель 17-х Пехотных курсов в Казани <...>.
16. Привлекался ли когда-нибудь раньше по политическим делам, когда, в чем обвинялся	Привлекался за пребывание в армии Колчака ⁶ . Отбывал наказание в Кожуховском концлагере.
17. Когда арестован	29-го сентября 1921 года.
18. Где арестован	В г<ороде> Москве, в здании ВЧК <...>.
21. Повод к аресту	Неизвестно.
23. За кем числится	За ВЧК <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

«<...> Александр Иванович Мезенцев, штатный преподаватель 17-х Пехотных Командных Курсов в г<ороде> Казани, после перенесенного тифа получил месячный отпуск и приехал на поправку в г<ород> Москву к сестре. Ввиду голода в Казани и расстроенного здоровья он решил устроиться в г<ороде> Москве и с этой целью пошел в ГУ ВУЗов. Там он получил назначение на должность заведующ<им> Мобилизационным отделением. Так как он был (больше года тому назад) раньше в армии Кол-

¹ «Опросный лист» заполнен Андреевым В.М., мужем сестры А.И., 22 декабря 1921 года.

² Родился 23 июня 1892 в Симбирске. Отец, штабс-капитан, имел личное дворянство.

³ Окончил Симбирский кадетский корпус, в 1912 – Киевское пехотное училище, в 1917 – Академию Генштаба.

⁴ 6 августа 1912 – подпоручик 196-го пехотного Инсарского полка, с 25 апреля 1916 – штабс-капитан 336-го пехотного Челябинского полка, получил личное дворянство.

⁵ С марта по сентябрь 1919 – начальник разведотдела в штабе южной армии.

⁶ В ноябре 1919 – арестован за службу у Колчака, вскоре освобожден. 4 февраля 1920 – арестован, 27 февраля приговорен к заключению в концлагерь, но в сентябре освобожден.

чака, то без согласия ВЧК на эту должность он не мог быть утвержден, то он, получив в ГУ ВУЗе все нужные бумаги, секретную перепись и аттестаты, отправился с открытой душой в здание ВЧК сам. Это было 29-го сентября с<его> г<ода>. По неизвестным причинам для него самого и для нас он был там арестован. Сначала его продержали во внутренней тюрьме ВЧК 10 дней, затем перевели в Бутырскую тюрьму. До 9-го ноября допроса не было никакого, а в этот день, как я узнала из его письма, был произведен допрос, чисто биографический. Обвинений никаких ему не предъявлено до сих пор, хотя уже скоро три месяца, как он в тюрьме <...>¹.

ПКК² — в ВЧК

«<...> Содержащийся в Бутырской тюрьме Александр Иванович МЕЗЕНЦЕВ, арестованный 29-го сентября с<его> г<ода> в Москве, в помещении ВЧК, при наведении служебной справки, обратился к Московскому Политическому Красному Кресту с просьбой возбудить ходатайство об ускорении производства следствия по его делу.

По его словам, он был арестован в помещении ВЧК, куда явился для наведения справки о том, не имеются ли со стороны ВЧК каких-либо препятствий к назначению его на должность Начальника Мобилизационного Отделения ГУ ВУЗа, причем при аресте ему было указано, что он задержан за службу у Колчака. Однако, со времени своей службы у Колчака, МЕЗЕНЦЕВ уже 2-й год служит на ответственных должностях в Красной Армии»³.

7 февраля 1922 — Мезенцев А.И. был освобожден. Проживал в Москве, работал преподавателем гимнастики в школе. 22 апреля 1932 — арестован по обвинению в том, что, «систематически вел антисоветскую агитацию против мероприятий партии и Советской власти». 22 июля 1932 — освобожден с лишением права проживания в Московской и Ленинградской областях сроком на 3 года. С 1935 — проживал в Московской области, работал счетоводом на плодкомбинате им. Бадаева. 28 августа 1937 — арестован по обвинению «в высказывании террористических намерений по адресу руководителей партии ВКП(б)»⁴. 17 октября 1937 — приговорен к ВМН. 27 октября расстрелян.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп 1. Д. 216. С. 114. Автограф.

² Заявление от 2 января 1922 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп 1. Д. 216. С. 116. Машинопись.

⁴ ГА РФ. Ф. 10035. оп. 1. Д. 20728. С. 27. Машинопись.

МУРОМЦЕВ Н.Д. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя , отчество	Муромцев Николай Дмитриевич.
2. Где содержится (тюрьма, кор. кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.)	Таганская пересыльная тюрьма, камера № 350 ² .
3. Возраст, национальность ...	29 лет, великорос, российское.
4. Семейное положение	Женат; жена 26 лет и сын 8 лет.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Кончил 8 к<лассов> гимназии, учительские и сельскохозяйственные курсы. Учился в Петроградском университете. Окончил Николаевское Кавалерийское училище.
8. Профессия	Учитель, сельский хозяин. Инструктор кавалерии.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Гор<од> Верный, Семиреченской области, Нарымская ул<ица>, 51.
10. Чем занимался до февр. рев.	Служил на военной службе <...>.
12. Чем занимался перед арестом	Был в резерве комсостава при Штабе Туркфронта ³ , по долж<ности> нач<альник> Всеобуча <...>.
1	4 марта 1921 г<ода>.
7. Когда арестован	В гор<оде> Ташкенте.
18. Где арестован	5 апреля 1921 г<ода>.
19. Когда доставлен в Москву	Арестован без всякого ордера.
20. По ордеру какого учрежд.	Служба в Белой армии.
21. Повод к аресту	Арестовано много офицеров <...>.
22. Кто еще арестован	

29-го марта 1920 года, согласно договора с частями Красной Армии, т<о> е<сть> 3-ей Туркестанской дивизии, при сдаче Копальского гарнизона на Семиреченском фронте, подписанного делегатами обеих сторон и утвержденного командующим Турфронта товарищ<ем> Михаилом Фрунзе, мы перешли на сторону Красной Армии. Нам была, согласно договора, дана полная свобода и прощение всего, что кем-либо сделано против Советской власти. Кроме этого еще была амнистия 1-го мая 1920 г<ода>. После этого мы все служили в Красной Армии, а после, 4 марта, нас арестовали и высылают за службу у белых <...>⁴.

¹ «Опросный лист» заполнен 8 апреля 1921 года.

² Числился за Вятским концлагерем.

³ Туркменский фронт.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 215. С. 92. Автограф.

НЕРАДОВСКИЕ¹ — в МПКК²

«<...> Арестована я при обыске в общежитии Стройсибири по Армянскому пер<еулку>, д<ом> 14, где прожила с сестрой с 22 февраля по 4 марта. 14 февраля приехали из Крыма, где прожили почти 4 года. Последнее время служили в Управлении постройки ж<елезно>- д<орожной> ветки от Сторень до Бешуйских каменноугольных копей. С приходом в Крым Советской власти была регистрация всего населения, в г<ород> Бахчисарай, где было наше Управление, была направлена из Симферополя Особая Комиссия для регистрации населения г<орода> Бахчисарая и служащих нашей постройки. Мы все проходили через нее, у нас в Управлении была специально для нас присланная Комиссия. При регистрации некоторые из сослуживцев были задержаны Комиссией и арестованы. Мы с сестрой и некоторые из сослуживцев приняли в арестованных участие, т<ак> к<ак> некоторые из арестованных были в тяжелом положении, т<ак> к<ак> не имели ни знакомых, ни родных. Мы носили им пищу, и от них получали обратные записки. Некоторые из записочек у нас завалились, и при обыске в общежитии они у нас были отобраны. Из-за этих записок ведется расследование, какое отношение мы имеем к арестованным сослуживцам, и за что арестованы наши сослуживцы. Теперь нас обвиняют в том, что у нас было что-то общее с арестованными, и в Крым о нас послана справка. До конца расследования этого дела нас оставляют в Новинской тюрьме. Уже седьмая неделя, как мы арестованы, платье, белье и обувь изорвались, и вообще сидеть без всякой вины страшно тяжело. Ведь вся наша вина заключается только в том, что мы делали передачи нашим сослуживцам, которые были в таком же тяжелом положении, как теперь очутились мы <...>»³.

На «Опросном листе» — пометы секретаря ПКК: «Объявили голодовку»; «М.Л. Винавер. Гражданка ШЕРЕМЕТЕВА просила навести у Вас справку по делу сестер НЕРАДОВСКИХ».

¹ Нерадовская Ариадна Ивановна, родилась в 1899. Окончила Коломенскую гимназию, служила счетоводом в волостном управлении, с мая 1920 — статист Уводстроя. Нерадовская Лидия Ивановна, родилась в 1897. Окончила Коломенскую гимназию, в сентябре 1919 — поступила в Таврический университет. С мая 1920 — секретарь Уводстроя.

В феврале 1921 — сестры приехали в Москву, поступили на работу в Стройсбирь. 5 марта 1921 — арестованы после обыска в общежитии и заключены в Новинскую тюрьму.

² «Опросные листы» заполнены 17 апреля 1921 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 223. С. 60. Автограф.

ОБОЛЕНСКИЙ В.В. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Оболенский Всеволод Владимирович.
2. Где содержится	Бут<ырская> больница.
3. Возраст, национальность ...	17 л<ет> ² , русский <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Учился дома, раньше в Петрограде в гимназии <...>.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Имение «Саяны» около Алушты, Крым <...>.
17. Когда арестован	Сентябрь 21 г<ода>.
18. Где арестован	В имении.
19. Когда доставлен в Москву	9/II – 22 г<ода>.
21. Повод к аресту	Отъезд за границу (побег).
22. Кто еще арестован по этому делу	Мать ³ , сестра ⁴ , тетка ⁵ , двоюродная ⁶ сестра ⁶ <...> ⁷ .

Всеми Оболенскими были заполнены «Опросные листы» и переданы в МПКК. 15 февраля 1922 — их родственница Феодосьева Софья Константиновна сообщила в ПКК о заболевании в тюрьме сыпным тифом матери и дочери.

ПКК — в ПРЕЗИДИУМ ВЧК

<<...> Родственница находящихся в Лефортовской тюремной больнице гр<ажданок> Ольги и Ирины Владимировны ОБОЛЕНСКИХ и Екатерины Николаевны ВИНБЕРГ обратилась к Московскому Политическому Красному Кресту с просьбой возбудить ходатайство о разре-

¹ «Опросный лист» заполнен 13 февраля 1922 года.

² Родился 25 декабря 1903 в Москве. Отец, князь Владимир Андреевич Оболенский, был видным земским деятелем, членом ЦК партии кадетов.

³ Оболенская Ольга Владимировна, родилась 11 марта 1869. Отец — крупный землевладелец. Окончила Бестужевские женские курсы в Санкт-Петербурге. С 1896 — замужем за князем Владимиром Андреевичем Оболенским, в семье родилось семеро детей: Александра, Ирина, Андрей, Сергей, Всеволод, Лев, Людмила, Наталья.

⁴ Оболенская Ирина Владимировна, родилась 25 июля 1898 в Пскове. Училась на курсах. После революции жила с семьей в имении «Саяны». 9 февраля 1922 — отправлена в Москву и заключена в Лефортовскую тюрьму, позднее переведена в тюремную больницу.

⁵ Екатерина Николаевна Винберг. Получила высшее образование. Вышла замуж за Винберга Анатолия Владимировича, в семье было две дочери.

⁶ Нина Анатольевна Винберг, родилась в 1902. Студентка университета.

⁷ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 181. С. 18. Автограф.

шении допустить к ним для консультации приглашенного с воли врача, причем объяснила, что они обе заболели тифом в очень серьезной степени.

Сообщая изложенную просьбу на усмотрение Следственной Части, Московский Политический Крест таковую поддерживает и просит об ее удовлетворении <...>¹.

12 мая 1922 — мать и дочь Оболенские, а также мать и дочь Винберг были освобождены под подписку о невыезде.

ПКК — в ПРЕЗИДИУМ ВЧК²

«<...> Гр<аждаину> ОБОЛЕНСКОМУ предъявлено обвинение в попытке уехать без надлежащего разрешения за границу. Все арестованные вместе с ОБОЛЕНСКИМ по тому же обвинению лица освобождены из-под стражи.

Принимая во внимание: 1) что согласно постановления Президиума ВЦИК от 6/II с<его> г<ода> “об упразднении ВЧК и ее иных органов” содержание под стражей не должно продлиться более 2 месяцев, если не имеется разрешения Президиума ВЦИК на дальнейшую изоляцию заключенного и 2) что ОБОЛЕНСКИЙ лишен свободы уже 8 месяцев — Московский Политический Красный Крест ходатайствует об освобождении ОБОЛЕНСКОГО <...>³.

На заявлении — секретарем ПКК записано: «Оболенский и Винберг освобождены (Спр<авка> из ГПУ 30/V – 22 г<ода>»).

В 1925 — вся семья эмигрировала во Францию. Всеволод Владимирович стал скульптором. 20 сентября 1966 — скончался в Обители Покрова Пресвятой Богородицы. Ольга Владимировна скончалась в Тулоне 5 июля 1938 года. Ирина Владимировна вышла замуж за археолога Зандрока Е.Ю. в 1926 году. В 1987 — скончалась в Париже.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 181. С. 20. Машинопись.

² Заявление от 15 мая 1922 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 181. С. 22. Машинопись.

ПЕРХУРОВ А.П.¹ — в МПКК²

«<...> 19/V – 21 я был арестован у себя квартире в Екатеринбурге во время выполнения данной мне из учреждения спешной работы и доставлен в Екатер<инбургское> Губчека, где от меня потребовали показаний о каком-то заговоре в Екатеринбурге. во главе которого я, якобы, состоял. Не имея ни малейшего представления о существовании какого бы то ни было заговора, а тем более не имея никакого доказательства, я, несмотря на примененные ко мне репрессии, никаких иных сведений дать не мог. Насколько мне известно, следствие выяснило, что фактических данных, подтверждающих существование заговора и моей причастности к заговору — нет.

Во время последних допросов в июне-июле м<еся>це мне был задан вопрос — “не был ли я в 1918 г<оду> в Ярославле во время восстания”. На это я дал утвердительный ответ сразу и затем подробно изложил в письменном показании все, что знал относительно этого восстания и той цели, которую я в нем играл³. Все это было написано мною в Екатеринбурге и с тех пор меня не допрашивали, если не считать двух вызовов меня в Екатер<инбургское> Губчека, где со мной беседовали и записывали с моих слов представители советской власти, фамилии которых я не знаю. В Москве из Бутырск<ой> тюрьмы один раз вызывали в ВЧК, но вернули обратно без допроса.

8/X-21. Бутырская тюрьма. В Ярославск<ом> восстании я командовал силами повстанцев и руководил обороной города <...>»⁴.

Привлечен к следствию как «руководитель Ярославского восстания». В августе 1923 — приговорен к ВМН и расстрелян.

¹ Перхуров Александр Петрович, родился в 1876 в Тверской губ. Окончил КК, ВУ и НАГШ. Кадровый офицер-артиллерист царской армии, с 1914 — на фронте командиром Сибирской артбригады в чине капитана, с июля 1915 — полковника. В марте 1917 — командир арtdивизиона, в октябре представлен к производству в чин генерал-майора, но приказ не вступил в силу. В 1918 — преподаватель артшколы, в 1920-х — служил в штабе Приуральского ВО.

² «Карточка арестованного» заполнена 8 ноября 1921 года.

³ В июле 1918 — руководитель восстания в Ярославле. После разгрома прорвался через окружение, перешел фронт и соединился с армией Колчака. В 1919 — произведен там в генерал-майоры, именовался Перхуров-Ярославский. 11 марта 1920 — во время Сибирского «Ледяного похода» с отрядом сдался в плен красным партизанам. В Екатеринбурге был освобожден. Работал в штабе Приурво.

⁴ ГА РФ. Ф. 8419. Оп 1. Д. 233. С. 90. Автограф.

ПКК¹ — в ВЕРХТРИБУНАЛ²

«<...> Содержащийся в Бутырской тюремной больнице студент 1-го Московского Университета Николай Михайлович ПОЛИВАНОВ обратился к Московскому Полит<ическому> Красному Кресту с просьбой возбудить ходатайство об отмене постановления Коллегии МЧК от 4 августа с<его> г<ода> по его делу.

По заявлению гр<ажданина> ПОЛИВАНОВА он был арестован 11-го июня с<его> г<ода> по ордеру МЧК в Москве за антисоветскую агитацию, выразившуюся в том, что на собрании студентов в Университете он заявил, что роспуск студентов вызван не продовольственными затруднениями, а какими-то другими соображениями, и предложил студентам возвратить Москоммуне их продовольственные карточки. Будучи признан виновным в этом, ПОЛИВАНОВ постановлением Коллегии МЧК, состоявшимся в несудебном порядке и без вызова обвиняемого, был присужден к удалению из среды студентов и к высылке в Архангельскую губ<ернию> на 2 года, ввиду того, что он, как бывший прокурор и дворянин, не может чувствовать симпатию к Советской власти и при удобном случае готов повредить ей. Не отрицая факта выступления своего на студенческом собрании, ПОЛИВАНОВ объясняет, что он никакой антисоветской агитации не вел, а только высказал свое мнение. ПОЛИВАНОВ состоял членом Президиума Московского Университета по выбору студентов 3-х факультетов, и это обстоятельство обязывало его выступать на собрании студентов, созванном для обсуждения вопроса о роспуске студентов <...>³.

На ходатайстве ПКК о приостановлении отправки Поливанова Н.М. в Архангельскую ссылку — помета секретаря ПКК:

«8/IX – 21 г<ода>. Секретарь Тарасова по телефону на мой запрос ответил, что докл<адная> зап<иска> Кр<асного> Кр<еста> по делу Поливанова оставлена без ответа».

¹ Заявление от 1 сентября 1921 года.

² Верховный трибунал при ВЦИК.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп 1. Д. 237. С. 108. Машинопись.

О ПОТЕМКИНЕ М.Н.¹ — в МПКК²

«<...> Удивляюсь, что дело приняло исключительно серьезный характер, как Вы сообщаете. Когда меня и свидетелей допрашивал следователь, то сказал, что мой муж будет отпущен, а тут мною была получена от Вас, что Вы навели справку, и муж мой подвергнут высшей мере наказания — какой, не поясняется. Прошу очень узнать Вас все подробно и сообщить мне подробно. Пишу Вам четвертый раз, но ответа не последовало. Если задержка с моей стороны, что с меня нужно взыскать за справку, то прошу сообщить, моментально вышлю. С 15-го января не имею вестей от мужа, но знаю, что до 15-го февраля был жив <...>»³.

К письму были приложены два письма А.А. к мужу с просьбой к сотрудникам ПКК передать их по назначению.

«Дорогой мой Мишурка!

Пиши, родной, дай о себе весточку. Успокой меня. Крепко целуем тебя. Здоровы все. Не получаем от тебя с января никакой весточки. Да хранит тебя Боженька. Твоя жена»⁴.

«Три месяца не знаю о тебе. Ответ одно слово, и я успокоюсь. Навести справки о тебе никак не удастся. Детишки крепко целуют. Будь здоров да хранит тебя Боженька. Целую»⁵.

МПКК — ПОТЕМКИНОЙ А.А.⁶

«<...> Моск<овский> Полит<ический> Красный Крест уже 2 раза сообщал Вам, что муж Ваш Михаил Николаевич Потемкин по постановлению О<собого> О<отдела> ВЧК приговорен к высшей мере наказания, какой приговор приведен в исполнение. Тем не менее, Вы в 3-й раз запрашиваете о судьбе вашего мужа, прося разъяснить, что означает высшая мера наказания. Как ни грустно сообщать такие печальные факты, Кр<асный> Крест вынужден разъяснить, что высшая мера наказания есть расстрел»⁷.

¹ Из Петрограда пишет жена М.Н. – А.А. Потемкина.

² Письмо от 11 апреля 1921 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 319. С. 100. Автограф.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 319. С. 107. Автограф.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 319. С. 97. Автограф.

⁶ Письмо от 12 апреля 1921 года.

⁷ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 319. С. 98. Машинопись.

О РАЕВСКОМ А.И.¹ — в МПКК²

«<...> 25 сентября 1921 года по Новинскому бул<ьвару>, д<ом> 36, кв<артира> 5 была устроена засада, куда попала тетка арестованного студента Лесотехнического института (только накануне прибывшая из Рязанской губ<ернии>), Артемия Иванов<ича> Раевского, кот<орый> со своим родственником Владимир<ом> Николаев<ичем> Философовым 26-го утром зашли за ней, причем последний (В.Н.Ф.), не будучи знаком с живущими в квартире, не вошел, а ждал внизу. Солдаты его вызвали и обоих арестовали, а 27 препроводили в комендатуру ВЧК по ордеру № 19. Неделью об них справлялись, но никаких справок не могли получить, передачу не принимали и только 4 октября выяснилось, что они в Бутырской тюрьме.

Прошу Политический Красный Крест войти в положение без вины страдающего молодого человека, котор<ый> с 15 лет тяжелым физическим трудом содержал семью, последнее время был школьным работником в с<еле> Гаях Данковс<кого> у<езда> Рязанской губ<ернии> <...> Он прошел нолевой семестр и, работая неустанно, поступил в Лесотехнический институт. Теперь занятия его прерваны из-за того, что он зашел за родственницей и попал в засаду <...>»³.

На «Опросном листе» — помета секретаря ПКК: «Засада МЧК у Осоргина, с которым у него ничего общего».

В ноябре 1921 — Раевский А.И. был освобожден с подпиской о невыезде. В августе 1929 — арестован по групповому делу «контрреволюционной монархической организации». Приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен в СЛОН. После массового расстрела заключенных сошел с ума, и был отправлен в психбольницу имени Краснушкина, где и был обнаружен сестрами, но уже без ноги. В марте 1931 — находился на экспертизе в Институте имени Сербского, в июне разрешено свободное проживание. В 1934 — по ходатайству Пешиковой Е.П. выехал с сестрой к родным в Лондон. Руководил здесь церковным хором. В середине 1960-х — скончался в Лондоне.

¹ Раевский Артемий Иванович, родился в 1902. Студент 1-го курса Лесотехнического института, был также аккомпаниатором в Пролеткульте.

² «Опросный лист» заполнен Философовой В.Д., тетей А.И., 5 октября 1921 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 241. С. 129. Автограф.

УНКОВСКИЙ К.А.¹ — в ПКК²

«<...> 22-го августа сего 1921 г<ода>, придя утром на службу в Морскую Академию, я получил распоряжение явиться к 2 часам дня в Морскую Фльтрационную Комиссию, помещающуюся в Петрограде в казармах 21-го Балтийского Флотского Экипажа на Благовещенской площади. Точно выполнив это распоряжение, я там, совместно со 196, тоже явившимися из разных учреждений Морского Комиссариата военными моряками, был задержан. На следующий день явка военных моряков в Филтрационную Комиссию продолжалась, и всего там было задержано свыше 300 человек. В ночь с 23 на 24 августа все задержанные были препровождены на Николаевский вокзал и эшелонами отправлены в Москву. На станции Москва нас пересортировали по вагонам для дальнейшей отправки в различные губернские тюрьмы. Я, совместно с 21 военмором, был препровожден в г<ород> Ярославль, где и заключен в одиночном корпусе Ярославского Дома лишения свободы в Коровниках. В этой тюрьме ко мне также, как и к остальным, задержанным одновременно со мной военморам, был применен режим политических заключенных. В октябре 1921 года я был отправлен из Ярославля в Москву в ВЧК, на Лубянку, где просидел до 11 октября, и позднее препровожден в Бутырскую следственную тюрьму, где сейчас и нахожусь.

В настоящее время пошел 4-й месяц со дня моего ареста, и ни одного раза меня никто не допрашивал, и обвинения мне никакого не предъявлено, несмотря на то, что я уже из Бутырской тюрьмы подавал об этом заявление в ВЧК. Полагая, что я задержан по ошибке, и беспокоясь, что обо мне забыли, прошу Политический Красный Крест не отказать навести справки о моем деле, если таковое существует, и настаивать на моем освобождении или о предъявлении мне обвинения <...>³.

В ноябре 1921 — освобожден. В конце 1920-х — вновь арестован, приговорен к 3 годам ссылки на Урал. 17 марта 1932 — переведен в Нижне-Волжск, на работу по специальности. 5 сентября дано свободное проживание.

¹ Унковский Константин Александрович, родился в 1878. В 1898 – окончил МКК, с 1899 – участник полярной экспедиции, в 1904 – на броненосце «Петропавловск» лейтенантом, при гибели судна спасен, с 1905 – занимал командные должности. В 1914 – в отставке в звании капитана 2-го ранга. Технический директор завода электромеханических сооружений. В сентябре 1918 – арестован, через полторы недели освобожден.

² Заявление заполнено 28 ноября 1921 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 260. С. 86. Автограф.

УХТОМСКИЙ А.А.¹ — в МПКК²

1. Фамилия, имя, отчество	Уфимский Епископ Андрей.
2. Где содержится (тюрьма, кор... лагерь; Ч.К. и т.д.)	Бутырская тюрьма, 3-ий кор<идор>, 18 камера.
3. Возраст, национальность, подданство	48 лет ³ , русский. Российский подданный <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Кончил курс в Московской Дух<овной> Академии ⁴ .
13. Занимал ли какую-либо должность по выборам, какую и где	Избран с 1918 г<ода> старообрядческим епископом для единоверцев села Сатки Уфимской еп<архии> ⁵ .
17. Когда арестован	28 февр<ая> 1921 г<ода>.
18. Где арестован	В г<ороде> Омске.
19. Когда доставлен в Москву	5 ноябр<я> 1921 г<ода>.
21. Повод к аресту	Церковная Проповедь ⁶ <...>.
25. В чем обвинение	Предъявлено обвинение в организации Крестьянского Союза, до очевидности ни на чем не основанное <...>.

Мое “преступление” состоит в том, что я в церкви проповедь ска- зал, что слово крестьянин происходит от слова христианин, а слово ли- тургия филологически значит рес-публика. Поэтому я продолжаю счи-

¹ Ухтомский Александр Алексеевич.

² «Опросный лист» заполнен 11 ноября 1921 года.

³ Ухтомский Александр Алексеевич, родился в 1872 в селе Вослома Ярославской губ. Князь.

⁴ В 1895 году. 2 декабря 1895 – пострижен в мантию с именем Андрей. 6 декабря 1895 – рукоположен во иеромонаха. Преподаватель в Казанском Духовном училище. В 1897 – инспектор Александровской миссионерской семинарии в Осетии, активный просве- титель осетин. В 1899 – возведен в сан архимандрита. Миссионер среди татар и дру- гих волжских народов. 4 октября 1907 – хиротонисан во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии. С 25 июля 1911 – епископ Сухумский, с 22 декабря 1913 – епископ Уфимский и Мензелинский.

⁵ С 1918 – член Сибирского Соборного совещания, руководитель духовенства армии Колчака, в 1919 – вышел из состава правительства Колчака. В феврале 1920 – аресто- ван в Новониколаевске, но в ноябре был освобожден после своего заявления о лояль- ности к большевикам.

⁶ Епископу Андрею были предъявлены также его статьи, написанные в 1918 году в га- зете «Заволжский летописец»: *«В Совете рабочих и солдатских депутатов пропове- дуют равенство и любовь, и там же стоят 50 солдат со штыками наголо. Если уж проповедовать любовь и равенство, то уж с голыми руками, без штыков, по крайней мере, со священным Писанием на устах. Со штыками в руках и пустыми головами – вот каков русский социалист»*.

тать мой 8-месячный арест досадным недоразумением. Я считаю нужным сказать, что я просил у Сибирского Революционного Комитета утверждения Устава Союза Ревнителй Свободы религиозной пропаганды без различия исповеданий. Сибирский Ревлюционный Комитет оказал мне исключительное доверие и утвердил мне этот прекрасный Союз для деятельности по всей Сибири, а не только по горькому Омску, как я просил. Я стоял в январе-феврале 1921 года на точке зрения Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, который в сентябре сего года начал устраивать инославные религиозные коммуны (Прошу устроить мне свидание с Бонч-Бруевичем, Пречистинский бульвар, Наркомзем); на той же точке зрения стоит и Уфимский Губернский Исполнительный Комитет, который весной 1920 года утвердил Устав Союза Приходских Советов. В этих двух Союзах можно прекрасно трудиться в создании религиозных коммун на почве этического социализма. Но Омская Губернская ЧК моим арестом все разрушила; впрочем, представитель этой ЧК лично мне 16 апреля сказал, что я ни в чем не “виноват”, что он “завтра меня освободит”...

В Омской тюремной больнице, заразившись цынгой на почве постоянного недоедания, я все-таки написал новый православный катехизис (вместо Филаретовского), выясняющий принципы христианского социализма. Прошу Красный Крест принять эту брошюрку и издать ее или в пользу голодающих, или для усиления собственного фонда. А мне прошу помочь — чем возможно. Мое освобождение — это элементарное требование справедливости. Андрей, Епископ Уфимский»¹.

22 февраля 1922 — епископ Андрей был освобожден и вернулся в Омск. В августе был оправдан на суде, вернулся в Уфу, где 24 февраля 1923 — вновь арестован и отправлен в Москву. В марте приговорен к 3 годам ссылки в Среднюю Азию. 3 мая, перед отъездом в ссылку, епископ Андрей посетил приемную ПКК, оставив Екатерине Павловне записку:

«+ Дорогая Екатерина Павловна!

Приходил от всей души поблагодарить Вас за любовь и внимание Ваше ко всем страждущим и ко мне грешному. Простите, что не могу ожидать Вас. Грешный богомолец Андрей, епископ Томский и Уфимский <...>².

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 260. С. 95. Автограф.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 8. С. 84. Автограф.

ОБ УХТОМСКОМ А.А.¹ — в ПКК

«<...> По постановлению Коллегии ГПУ от 1923 г<ода> 24 февраля Епископ Андрей Ухтомский был выслан в Туркестан в г<ород> Ташкент на 3 года. По приезде в Ташкент 24 мая 1923 г<ода> он пробыл на свободе 1,5 недели, а потом был арестован, под арестом пробыл 1 м<есяц> и 1 неделю и выслан в г<ород> Теджен Туркменской волости, в Теджене он был после 3-х месячного пребывания на свободе опять арестован и направлен вторично в г<ород> Ташкент. В Ташкенте он содержался под арестом с 5/XI 1923 по 14/XI 1924. 14 ноября 1924 г<ода> он телеграммой от Моск<овского> ГПУ был затребован в Москву, куда и прибыл 17 ноября с<его> г<ода> и был с вокзала направлен в ГПУ. Ташкентское ГПУ и Туркменский Прокурор на вопрос, за что арестован Еп<ископ> Андрей Ухтомский, отвечали, что обвинений ему политических нет, но под стражею содержится по “особым соображениям”². Прошу Вас выяснить дальнейшую судьбу Еп<ископа> Андрея Ухтомского <...>»³.

17 ноября 1924 епископ Андрей был вывезен в Москву, где вскоре освобожден. После смерти патриарха Тихона не признал местоблюстительских полномочий митр. Петра (Полянского). Был запрещен им в священнослужении, но не признал этого. Летом 1927 — арестован в Уфе⁴. 8 июля 1927 — приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан. Отправлен в Кзыл-Орду, где продолжал проводить тайные пострижения

¹ Письмо Романовой А., приемной дочери епископа Андрея от 22 ноября 1924 года.

² 22 ноября 1924 — еп. Андрей обратился к Патриарху Тихону с воззванием, в котором были такие строки: «Сотни пастырей по явно ложным доносам, по явной клевете арестованы, остались верны своему долгу и томятся в ссылках и тюрьмах. Что же сделали вы, Ваше Святейшество, для оздоровления церковной жизни? Общий голос епископов и мирян: за год не сделано ничего. Вы окружаете себя архиереями, неизвестными даже для их собственной паствы; Вы по-прежнему не знаете никакой программы устройства церковно-общественной жизни; и по-прежнему вся ваша деятельность выливается в торжественное богослужение».

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 43. С. 68. Автограф.

⁴ Из «Обвинительного заключения»: «В последнее время по всему Союзу начали распространяться в большом количестве экземпляры переписанные на машинке и писанные от руки письма «О церковной общественности» еп. Андрея Ухтомского. В этих письмах Ухтомский говорит о необходимости возвращения для Святой Руси к тем общественным порядкам, которые были заведены дедами и прадедами. Что ломать эти порядки — безумно, что новая общественность и государственность, завезенная из Германии, для русского народа губительна. Безбожная власть иногo и не могла создать, по его мнению. Русский народ сам должен спасти себя. Для этой цели он должен объединиться без различия классов и сословий вокруг церковно-приходских советов».

монашества и посвящения священников. Тогда же выступил против митрополита Сергия (Страгородского)¹. 17 октября 1928 — арестован в Кзыл-Орде по обвинению «в антисоветской агитации». 18 января 1929 — приговорен к 3 годам тюремного заключения. Отправлен в Ярославский политизолятор, откуда 2 октября 1931 — был освобожден с запрещением проживания в Сибири, на Урале, в Башкирии на 3 года. Проживал в Москве, где 14 апреля 1932 — был арестован и привлечен к следствию по групповому делу Московского «филиала» Истинно-Православной Церкви. 7 июля 1932 — приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан. Отправлен в Алма-Ату.

УХТОМСКИЙ А.А. — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Буду писать не о себе. Хочу писать о погибающих детях и боюсь. Боюсь всего!

Помогите! Помогайте. Каждый кусок хлеба может спасти на день-два хоть кого-нибудь. Пришлите сюда Серафимовича посмотреть, что здесь делается. Повторяю: я боюсь писать, но вызовите мою сестру...

Представьте себе, что меня здесь обокрали, а я вот не могу написать Вам, кто это сделал. Это будет почти преступление, так это фантастично. Вообще, такого безнадежного ужаса жизни я еще не встречал...

Помогите же! Помогайте же! Берегите каждый кусок хлеба! Не бросайте ни крошки! Все шлите нам. Этими крошками мы будем спасать погибающих. И — честное слово! — ни одной крошки из таких святых крошек я сам не съем <...>³.

В начале января 1934 — епископ Андрей был переведен в поселок Сузак (в 120 км от железнодорожной станции Туркестан).

¹ Из памфлета «О радостях митрополита Сергия», написанного епископом Андреем: «Какие же выводы мы можем сделать из всех радостей митрополита Сергия? Вот какие. Да, он бесспорно человек ученый и даже неглупый; и тем он опаснее. Канонически его пребывание у церковной власти вполне не может быть оправдано. Нравственно, как руководитель духовенства, он тоже вполне неприемлем, как человек вполне беспринципный. И последний вывод, ответ на вопрос: где правда? Этот последний вывод такой: правда там, где нет митрополита Сергия, где нет ничего подобного обновленческому предательству».

² Письмо от 29 декабря 1933 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1078. С. 26-27. Автограф.

ОБ УХТОМСКОМ А.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Вы, Екатерина Павловна, неоднократно помогали Александру Алексеевичу Ухтомскому, который является 2-м моим отцом почти с 7-ми летн<его> возраста (1-ый отец при царск<ом> правит<ельстве> в 1906 г<оду> был сослан в Сибирь), поэтому вместо его и пишу Вам я; он сам не стал Вас еще раз беспокоить и, будучи совершенно больным, подчинился своей тяжелой участи и уехал. Когда Вы ему в начале этого года прислали телеграмму о том, что он остается в Алма-Ате до окончания срока высылки, то я решила съехать к нему, т<ак> к<ак> он сильно был болен и просил меня хотя в тяжелый момент его жизни не побояться и приехать. Помня, что он мне в детстве, еще будучи слабым ребенком, не дал мне не только подвергнуться тяжелой участи голода, но и дал мне возможность пройти среднее образование, я после долгой разлуки, будучи сама уже инвалидом III группы (я врач), решила поддержать его в последние годы его жизни и приехала в Алма-Ату. Чистосердечно говорю, что несмотря на все тяжести, которые пришлось пережить моему отцу-воспитателю, я никогда не имела на сердце горечи против власти, которая его этому подвергает, а, наоборот, буду убеждена до конца, что, если бы он очутился волею судьбы во власти противоположного лагеря, да еще под гнетом духовн<ой> власти, то безусловно подвергся бы более тяжелой участи, чем сейчас. Таков, очевидно, его жизненный удел!

Но вот тяжелое совпадение, я приехала, а его вскоре же куда-то выслали. Я крайне удручена мыслью, что его высылка из Алма-Аты как будто связана с моим сюда приездом. Работая честно и преданно на медицинск<ом> посту в Сов<етском> Союзе, я искренне заявляю, что близость больного старого отца не только не помешает мне, но чувство благодарности за разрешение даст мне силы с большей энергией и преданностью отдаться своему долгу.

На основании всего вышеизложенного я решила беспокоить Вас, Екатерина Павловна, своей глубокой сердечной просьбой — не откажите выхлопотать мне документ, что я, как его приемная дочь-воспитанница, имела бы право беспрепятственно жить около него последние годы его жизни <...>³.

¹ Письмо от Лидии Алексеевны Куприяновой, духовной дочери еп. Андрея.

² Письмо от 10 января 1934 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1078. С. 23-24. Автограф.

УХТОМСКИЙ А.А. — ПЕШКОВОЙ Е.П.¹

«<...> Мною получено в совершенной исправности от Вашего имени три посылки: две от 21 января с <его> г <ода> с хлебом-мукою и одна от 27 янв <аря> — с бельем. Все три были за одним номером — 2331.

От всей души приношу Вам за них глубочайшую благодарность; земно Вам за них кланяюсь <...>»².

«<...> Когда я получил Вашу муку — я не удержался от слез... Здесь я переживаю такой ужас жизни, которого я еще нигде не чувствовал. Ничего не может быть страшнее, как страдания беспомощных детей. А этих страдальцев у нас целый город!

В “Дет-Доме” дети у себя дома по ночам отмораживают себе ноги!.. Стоимость хлеба-муки — 6 руб <лей> фунт! Продуктов дополнительных никаких нельзя достать ни по какой цене вследствие полного их отсутствия. И параллельно с этим САМО-дискредитация власти совершенно неприятная. Нигде с 1919 года никого подобного здешним губернаторам я не видал....

Поэтому — при собственных своих горестях и при созерцании неимоверного горя других я испытываю страшные душевные мучения... Я готов быть не СЕК-сотом³, а самым открытым сотрудником ГПУ, чтобы говорить правду тем, кто хочет ее слушать. Правда. Спасти хоть одну жизнь. Я это пишу совершенно серьезно <...>»⁴.

В марте 1934 — епископ Андрей вновь был арестован, вывезен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. 14 мая 1934 — приговорен к 3 годам тюремного заключения. Отправлен в Ярославский политизолятор, где 27 марта 1937 — был приговорен к 3 годам ИТЛ без права переписки (на выписке о приговоре запись — «отправить в лагерь в Рыбинск»). 3 сентября 1937 — приговорен к ВМН. 4 сентября расстрелян в Ярославской тюрьме. В 1981 — прославлен в лике свв. Новомучеников и Исповедников Русской Православной Церкви Зарубежом.

¹ Письмо от 6 февраля 1934 года.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1078. С. 30. Автограф.

³ Секретный сотрудник ГПУ.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1078. С. 28-29. Автограф.

УХТОМСКИЙ К.Э.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Настоящее письмо — первое за 1½ года моего одиночного заключения, и пишу я его именно Вам, потому что в это тяжелое для меня время Вы — единственный в Москве человек, которому я могу признаться в своем положении. Не знаю, что дальше со мной будет, но сейчас мне очень тяжело.

Было и хуже еще, но в другом роде: иногда я смотрел на себя, как на обреченного и ни о чем уже не заботился. Но сейчас, оставленный в живых, я должен бороться с холодом и болезнью. <...> Поэтому та обычная, так называемая “четверговая”, Ваша помощь в виде ½ сотни папирос и проч<ее> была для меня далеко не лишней, помимо ее чисто морального влияния на психику узника-одиночки. Теперь она почему-то прекратилась, и я прошу Вас восстановить мои “четверговые” полочки, пока я сам “восстанавлиюсь” <...>»³.

<12 марта 1923>

«<...> Уезжаю с благодарной и почтительной памятью о вас и прошу верить, что если когда-либо мне суждено будет принять участие в деятельной жизни — Ваш образ и Ваша роль в облегчении чужих страданий будут для меня, как и для многих других, вероятно — живым примером и заветом добра.

В этом именно смысле просили меня передать вам, “наша” многоуважаемая и дорогая Екатерина Павловна, уехавшие в Архангельск ссыльные свой привет Вам. Исполняю это полномочие Ник<олая> Ивановича Бутурлина⁴, Александра Львовича Эюс⁵, Некрасова (кубанская группа) и 11 моих земляков-донцов. От лица всех их и от себя — низкий Вам благодарственный поклон <...>»⁶.

Находясь в заключении в Вятской тюрьме, писал статьи о нравственном очищении и покаянии в тюремном журнале. Статьи попались на глаза А. Вышинскому и... больше князь не написал ни одной строчки.

¹ Князь Ухтомский Константин Эрастович, родился в 1870. Окончил КК и НАГШ. Кадровый офицер царской армии, с 1914 — на фронте, ранен. С 1918 — в Кубанской группе БА. 28 июня 1921 — арестован как «организатор восстания на Дону», 31 октября отправлен в Москву и заключен в БТ.

² Письмо от 10 февраля 1923 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 4. С. 186. Автограф.

⁴ Кадровый офицер царской армии, с 1914 — на фронте, с 1918 — в Кубанской группе БА. В 1922 — арестован, в марте 1923 — отправлен в Архангельский лагерь, в мае 1924 — в СЛОН.

⁵ Кадровый офицер царской армии, с 1914 — на фронте, с 1918 — в Кубанской группе БА. В 1922 — арестован, в марте 1923 — отправлен в Архангельский лагерь.

⁶ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 4. С. 328. Автограф.

ШЕРЕМЕТЕВА А.С. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Шереметева Анна Сергеевна.
2. Где содержится (тюрьма, кор. кам.; лагерь; Ч.К. и т.д.)	В Новинской женской тюрьме, камера № 12.
3. Возраст, национальность ...	53 года ² . Русская.
4. Семейное положение...	Девушка <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	В Кембриджском Университете, но курса не кончила.
8. Профессия	Секретарь Рос<сийского> Хр<истианского> Студ<енческого> Союза.
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	Москва, Собачья площ<адка> 12, кв<артира> 26.
10. Чем занималась до февральской революции	Секретарем Моск<овского> Христианского Кружка курсисток с 1912 года <...>.
17. Когда арестован	В ночь с 3-го на 4-ое марта 1921 г<ода>.
18. Где арестован	На квартире <...>.
21. Повод к аресту	Принадлежность к религиозной организации.
22. Кто еще арестован	Четверо мужчин, членов Союза.
23. За кем числится	ВЧК.
24. Когда, где и кем допрошен	Никем, нигде, ни разу.
25. В чем обвинение	К<онтр>-Р<еволюция>.
26. Есть ли приговор по делу	Нет <...> ³ .

23 июля 1921 — в ППК обратилась за помощью Анастасия Сергеевна Шереметева, сестра А.С. Благодаря ходатайству ППК Анна Сергеевна была освобождена. В 1924 — вновь арестована, 6 июня выслана на 3 года в Калугу⁴. С 1927 — освобождена из ссылки с ограничением проживания (-6) и поселилась с сыновьями Борисом и Юрием во Владимире (Е.П. Пешкова помогла ей, так как сыновей, как ссыльных, не брали на работу). В 1949 — скончалась там.

¹ «Опросный лист» заполнен 17 апреля 1921 года.

² Родилась 29 августа 1773 в имении Михайловское Подольского уезда Московской губ. Фрейлина императрицы Марии Федоровны. Вышла замуж за Сабурова Александра Петровича, офицера-кавалергарда, действительного статского советника; сибирского губернатора, с 1916 — губернатора Петрограда.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп 1. Д. 272. С. 104. Автограф.

⁴ Вместе с ней в Калуге была ее дочь Сабурова Ксения Александровна (1900).

ЩЕРБАТОВ Н.С. — в МПКК¹

1. Фамилия, имя, отчество	Щербатов Николай Сергеевич.
2. Где содержится	ВЧК.
3. Возраст, национальность ...	68 лет, русский <...>.
8. Профессия	Археолог-ученый.
9. Место постоянн. жительства	Москва.
10. Чем занимался до февр. рев.	Директор Истор<ического> Музея.
11. Чем занимался в 1917	Директор Истор<ического> Музея.
12. Чем занимался до ареста	Завхоз Ист<орического> Музея <...>.
17. Когда арестован...	25 июня ² .
18. Где арестован	Берсенев<ская> набереж<ная>, дом Археолог<ического> об<щест>ва.
19. Когда доставлен в Москву	12 Октября 1919 г<ода>.
21. Повод к аресту	Арест дв<ояродной> сестры в г<ороде> Смоленске.
25. В чем обвинение	Контрревол<юция>.
26. Есть ли приговор	Нет <...> ³ .

14 мая 1921 — в Смоленске была арестована семья Щербатовых: мать, две дочери, семнадцатилетний сын Дмитрий и тетя. Обвинялись в «участии в контрреволюционном заговоре». Позднее женщины были освобождены, а Дмитрий был отправлен в Холмогорский лагерь.

3 октября 1921 — Николай Сергеевич Щербатов был освобожден благодаря ходатайству ПКК. Групповое дело о «контрреволюционном заговоре» было прекращено, но племянник его, Дмитрий Щербатов, не был освобожден, и о нем никаких известий не было. Николай Сергеевич обратился к Пешковой Е.П. с просьбой выяснить судьбу своего племянника, к этому времени было уже известно, что в ноябре 1921 — Дмитрия вывезли из Архангельского лагеря, но в Москву он так и не прибыл.

На запрос ПКК из ОГПУ пришел ответ, который и был сообщен семье: «Щербатов Д.С. с 23/XI по 23/XII 1921 г<ода> находился на излечении в Вологодской уездной больнице⁴, затем был переведен в губернскую больницу, где в конце 21 г<ода> скончался»⁵.

¹ «Опросный лист» заполнен 1 июля 1921 года.

² 1921 года.

³ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 276. С. 17. Автограф.

⁴ Дмитрий Щербатов по дороге в Москву заболел сыпным тифом, осложненным нефритом.

⁵ ГА РФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 276. С. 50. Машинопись.

1048 28
Т.о.

Глубокоуважаемая
Екатерина Павловна,
Милеев Вам, офицер, иль-
нурь благодарности и уваже-
ние о получении Вашего по-
дарка, и кувшину, пожел-
нось написать Вам эти
строки.

Когда я получил Ваш
пору, - я не удивился,
отъ сего... Здесь в пред-
варе такой ужасно много,

1048 LL

В. Политический Красный
Крест.

гражданству М. Винавду.

Спешу известить Вас,
что посланная на мое имя
денги за №2331 от 8 дек. с.
г. я благополучно получил.
- Благодарю - Приношу Вам
глубочайшую благодарность
за внимание.

Андрей Уматович

29 дек. 1933.

Н. отн. Сурак.

1922 – 1934
ГОДЫ

«Некоторая тревога в профессорском и литературном мире наблюдается в последнее время и в Москве: ждут каких-то массовых арестов, высылки. Эта осведомленность контрреволюционного лагеря указывает на то, что проводившийся нами метод опрашивания представителей заинтересованных центральных ведомств и отдельных ответственных товарищей об известных им кругах антисоветских деятелей привел к тому, что необходимая в подобных случаях строгая конспирация была нарушена и при дальнейшей проволочке в проведении операции последняя ни для кого не будет неожиданностью и вовсе не даст необходимых результатов. Следует отметить также и то, что профессура разъезжается на летние каникулы.

Ввиду этого представляется крайне необходимым спешное проведение намеченной операции, о чем мы доводим до Вашего сведения¹.

«Мы не можем старую интеллигенцию заставить думать, как мы, но мы ее заставим работать для нас...»².

«Все дела, касающиеся выселения помещиков, передавать в Комиссию т<оварища> Смидовича с последующим внесением на рассмотрение секретариата ВЦИК»; «Все дела, связанные с выселением помещиков из принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйств и рассмотрение протестов о выселении должно быть закончено до 01.05.1926»³.

«<...> 1. Установить по Союзу ССР единую паспортную систему на основании положения о паспортах.

2. Ввести единую паспортную систему с обязательной пропиской по всему Союзу ССР в течение 1933 г<ода>, охватив в первую очередь население Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Одессы, Минска, Ростова-на-Дону, Владивостока...»⁴.

¹ Записка И.С. Уншлихта И.В. Сталину от 22 июля 1922 года. Лубянка: Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД, январь 1922 – декабрь 1936. М., Материк, 2003, с. 40.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1163. С. 197.

³ ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 42. Д. 64. Л. 32.

⁴ Из Постановления ЦИК и СНК от 27 октября 1932 года. Без грифа «Секретно». Сост. Кузнецов. Минск. БГЭУ. 1997. С. 45-46.

ОБ АНЦИФЕРОВЕ Н.П.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.

«<...> Позволяю себе обратиться к Вам с просьбой помочь, насколько это возможно, в деле Николая Павловича Анциферова³, арестованного 22 сего апреля². Я позволил себе беспокоить Вас по этому делу ввиду совсем особых обстоятельств, заставляющих просить о скорейшем разборе этого дела.

Жена Анциферова находится в последней стадии туберкулеза, и, по отзывам врачей, ее пользующих, вопрос может идти о неделях, а не о месяцах. Положение ее настолько тяжело, что ее выписали из той санатории, где она лечилась, как совершенно безнадежную. При этом у них двое детей 8 и 5 лет, тоже страдающие детским туберкулезом в тяжелой форме.

Н.П. Анциферов является автором печатных трудов, в том числе “Душа Петербурга”, “Петербург Достоевского”, “Хрестоматия города” и др.^{<...>} С начала революции Н.П. Анциферов работает в Политпросвете, где, насколько мне известно, пользуется репутацией прекрасного и лояльного работника, и ряд ответственных работников Политпросвета, где он состоит и в методической комиссии, готов дать для него самые подробные отзывы <...>»⁴.

Н.П. Анциферов был приговорен к 3 годам ИТЛ и в августе отправлен в Кемь. В июне 1930 — арестован как «участник к-р организации». Срок заключения увеличен на 1 год, отправлен в СЛОН. Летом 1931 — арестован по делу «Академии наук», приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен на Белбалтканал. Осенью 1933 — освобожден, вернулся в Ленинград, с 1934 — работал в водном отделе Коммунального музея в Москве, с 1936 — в Литературном музее. Осенью 1937 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен на Дальний Восток. В конце 1939 — освобожден, вернулся в Москву, работал в Литературном музее, с 1944 — кандидат филологических наук. 2 октября 1958 — скончался.

¹ Письмо Р. Тройницкого от 1 июня 1929 года.

² Анциферов Николай Павлович, родился 30 июля 1889 в имении Софиевка Уманского уезда Киевской губ. Получил домашнее воспитание, учился в гимназии с 5-го класса. В 1915 — окончил историко-филологический факультет ПУ, оставлен на кафедре всеобщей истории. Преподавал в частной гимназии, в реальном училище. С ноября 1917 — служил в Публичной библиотеке, с 1918 — преподавал также в Тенишевском училище и историю в Педагогическом институте. Принимал участие в религиозно-философских кружках «Вторник» и «Воскресенье». В начале 1925 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Новосибирск-Омск. Летом 1925 — освобожден, благодаря ходатайству ПКК.

³ Как участник «контрреволюционной монархической организации “Воскресенье”».

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д.398. С. 4. Автограф.

О БАЗИЛЕВИЧАХ¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> 19-го января 1931 года органами ГПУ был произведен обыск в квартире, где проживала я со своими дочерьми, Зинаидой и Екатериной Базилевич. При обыске ничего обнаружено не было и ничего не изъято. По окончании обыска дочерям было предложено явиться в ГПУ 23-го января, что они и выполнили и уже больше домой не вернулись, так как были арестованы.

В период содержания их под стражей в гор<оде> Ленинграде до 13-го мая им не было предъявлено никакого обвинения и лишь 13-го числа им объявили, что по постановлению ГПУ они подлежат ссылке на 3 года и через день они были отправлены в ссылку³. На последнем свидании дочери рассказали, что во время допроса их спрашивали о наших трех знакомых, кот<орые>, будучи еще детьми, бывали у нас в доме, а теперь один из них Скрягин с начала революции служил в Красной Армии, а Сарафанов и Березин служили в гос<ударственных> учреждениях Ленинграда. Все они бывшие офицеры старой армии, снятые с учета, и поэтому мы, правда, изредка принимали их у себя. Вот это все, о чем спрашивали в ГПУ моих дочерей, не предъявляя лично им никакого обвинения.

Обе мои дочери, Зинаида и Екатерина, имеют долголетний трудовой стаж школьных работниц; первая работала с 1906 года, а вторая с 1910 года. Любя это дело, они всю свою жизнь посвятили школьной работе, относясь крайне добросовестно и честно к своим обязанностям по службе, они всецело и исключительно были заняты ею. Служа в последнее время в качестве преподавательниц в советских школах, они обе заслужили полное уважение и любовь и со стороны администрации, так и со стороны профсоюзных организаций школ, принимая активное участие в общественной жизни. Таким образом, вся их жизнь является на виду, и ничем с политической стороны они не опорочены.

Состоя на их иждивении, имея 72 года от роду и оставшись глухая, без всяких средств к существованию, я обращаюсь вторично к Вам, Екатерина Павловна, не откажите в просьбе обездоленной старухе-матери, окажите содействие в сокращении срока наказания или освобождении дочерей моих <...>⁴.

¹ Базилевич Екатерина Николаевна и Зинаида Николаевна. Письмо матери Базилевич Веры.

² Письмо из Ленинграда от 11 февраля 1932 года.

³ На самом деле приговорены к 3 годам концлагеря и отправлены в Вишерлаг.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 772. С. 112. Автограф.

БАРКЛАЙ де-ТОЛЛИ А.В.¹ — КАЛИНИНУ М.И.²

«<...> 1924 года, декабря 10-го дня, мне был объявлен приговор, вынесенный Особым Совещанием Коллегии ОГПУ, спустя почти 5 месяцев со дня вынесения такового, т<о> е<сть> от 18-го июля 1924 года, в обвинении меня по ст<атье> 60 Уголовного Кодекса, причем за все время моего заключения в ДПЗ с 11-го апреля, т<о> е<сть> за 8 месяцев, я не нахожу причин, кои могли вызвать применение ко мне столь тяжелой статьи 60 УК, в которой я считаю себя совершенно невиновным, и приговор вынесен мне несправедливо, который оскорбляет меня, как честного труженика, отдавшего все свои лучшие силы и годы на пользу революции и государства.

Дабы объяснить Вам все то, что я мог сделать преступного по отношению к Республике, я принужден описать вкратце всю свою жизнь и коснуться родичей.

Родился я в 1891 году в Курляндской губернии, в семье не только богатой, но даже не зажиточной, что можно видеть из геральдики, где прадед мой, тот полководец русской армии, что был в 1812-13-14 г<одах> Барклай де-Толли Михаил Богданович, умер почти в нищете, имея перед страной заслуги (боевые). Дальше род продолжался в таком же бедном состоянии, а отец мой тащил семью только личным заработком, а не был каким-либо помещиком или промышленником. Когда наступил возраст для начала моего образования, я был определен на казенный счет в гимназию, которую и окончил в 1907 году. Будучи в последних классах гимназии, в 1905 году я принимал активное участие в революционной работе в дни борьбы, распространяя литературу в скверах, вокзалах и конках, а также хранил и передавал борцам бомбы. Всем этим снабжали меня и давали инструкции универсанты. В этой работе я был замечен, но явных улик не было, но на одной из вспышек против администрации гимназии за мой проступок я был (конечно, распоряжением администрации, т<ак> к<ак> был казеннокошным) выпорот, получив 15 розог. Когда прошла революция, я снова отдался науке и так окончил гимназию с золотой медалью. В 1909 году я был намерен поступить в Москву в Сельско-Хозяйственную Академию, куда меня не приняли, объяснив, что опоздал, что повторилось также в Ленинградском Политехникуме, после чего я поступил в Рижский политехникум, куда и был принят. Много позже я узнал, что мест в столичных в<ысших> у<чебных> заведениях для меня нет за 1905 год. Когда началась

¹ Барклай-де-Толли Антоний Викторович. Князь. Внучатый племянник полководца.

² Заявление от 11 декабря 1924 года.

сдача студентов в солдаты, я, чуя, что та же участь постигнет и меня (т<ак> к<ак> всех, имеющих какое-либо отношение к революционерам до 1908 года, правительство сдавало в солдаты, как простых рядовых нижних чинов), я сам решил отбыть воинскую повинность и отправился в Дагестанскую область, где и был принят в Дагестанский полк вольноопределяющимся в 1910 году. Там я сошелся во взглядах и подружился с вольноопределяющимся латышом Стрикер, с коим принял, по кавказскому обычаю, братское крещение, т<о> е<сть> один другому передал свою фамилию. Сделано это было официально, и таким образом я стал Барклай де-Толли (Стрикер). Этот мой друг погиб в Персии, где полк был в 1912-14 г<одах>.

Русско-германская война застигла меня в полку по дороге из Персии к месту квартирования полка тем же солдатом, и таким образом вместе с полком отправился в новый поход на Карпаты, где и был ранен в 9 рваных ран в сентябре 1914 года, таким образом, в силу сложившихся обстоятельств, я прослужил солдатом 4 года. По излечении я окончил (экстерном) Пажеский корпус 6 января 1915 г<ода> и был произведен в офицеры в гвардии Кирасирского полка, куда на службу не мог идти, т<ак> к<ак> не было средств для службы в гвардии и отправился на фронт в прежний Дагестанский полк, где и дослужился до чина ротмистра, имея все боевые награды. После второго отравления газами мое состояние здоровья крайне пошатнулось, я занял должность завхоза полка и вместе с полком участвовал в походе Корнилова на Ленинград в 1917 году, будучи вне строя на хозяйственной должности.

Революция 1917 года застала меня в полку на фронте; в организациях полка я был активным работником и все время занимал место секретаря полкового комитета. Под Ленинградом в 1917 году, когда приехали из Совета Раб<оцх> и Солд<атских> Депутатов представители, и стало ясно, на что идут войска, я один из первых противился походу и агитировал за уход войск от столицы, предвидя безыдейную жертву людей, в результате чего войска были отведены, а Туземный корпус был отправлен на Кавказ. По дороге туда я заболел и оттуда больной решил достичь Ленинграда, дабы найти свою старуху-мать — это мне стоило многих мытарств: на Дону был Краснов, на Украине Скоропадский, и, странствуя по Украине, Польше, Латвии и Эстонии, — я достиг гор<ода> Ямбурга (теперь Кингисеппа). До Ленинграда было недалеко, но объявленным красным террором я был мобилизован в Красную гвардию 18-го февраля 1918 года и с тех пор безвыходно и честно служил в Красной Армии до момента моего ареста, прослужив таким образом почти 6½ лет.

В Красной гвардии, в партизанском отряде тов<а>рища Окулова, дабы не иметь нареканий со стороны окружающих, я носил только одну часть своей фамилии Стрикер. За время службы в Красной Армии я побывал на многих фронтах гражданской войны, принимая активное участие как в строю, так и на административно-хозяйственных должностях и кроме благодарности от начальников ничего не имел, не будучи даже ни разу подвергнут дисциплинарному взысканию.

Был под Уральском, затем под Купянском, участвовал в ожесточенных боях в должности командира кавалерийского дивизиона, когда город переходил из рук в руки, там попал в плен к белым и после 6-ти дневного пребывания у них, когда эшелон с дивизионом направлялся в Чугуев в концлагерь, под моим руководством поезд был остановлен, дивизион выгрузился, освободившись от сопровождавших нас казаков, и в полном составе, в числе 683 человек, с полным вооружением и конским составом был мною выведен и снова принял боевое крещение на подступах к Воронежу, где на одной из переправ дивизиона через Дон в сентябре месяце впласть я простудился, заболел воспалением легких и эвакуирован, последовательно перенес воспалением легких, сыпной возвратный тиф, дизентерию и малярию. Я снова вернулся в армию, почти живым трупом, был назначен на хозяйственную должность по состоянию здоровья и отправлен в Карелию в 43 дивизию в 1920 году.

Дивизия перебрасывается в Ленинград, и здесь при составлении списков и необходимости указать службу в старой армии я, для точных о себе сведений, представил послужной список старого полка и начинаю именоваться механически полной фамилией. Ни своего звания, ни происхождения я не скрывал, и окружающие знали, кто я, а тогда в 1918 году я назвался частью фамилии не по каким-либо преступным замыслам или ради самосохранения, а только лишь потому, чтобы не вносить в окружающую среду неудовольствие <...>. В 1923 году, в апреле месяце, я получил назначение в Легкий Артдивизион X дивизии, где и началась моя мирная служба — выписываю семью... Проходит почти год и 11/IV-24 меня арестовывают, и я вот уже 8 месяцев сижу в ДПЗ, испытывая нужду и оскорбления за свою службу революции в течение 6½ лет, не видя за собой никакой вины, и тут еще получаю административную ссылку в Сибирь на 3 года¹, и в то же время моя семья остается в крайне бедственном положении. И за что? За то, что я сын своего отца <...>².

¹ 12 января 1925 — отправлен из Новониколаевска в Богучанское под Туруханском.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 65. С. 17. Автограф.

О БАРЫШЕВЕ М.С.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«Уважаемая Екатерина Павловна!

Будьте добры, сообщите приговор по делу моего мужа, Барышева Михаила Сергеевича³, который был арестован 13 декабря 1930 года и сидел в Новосибирском ГПУ до 20 февраля 1931 г<ода>, а 20 февраля был переведен в ИТД⁴ № 1 при Новосибирске же, а из ИТД 3-го марта был взят с вещами обратно в ГПУ. На наводимые справки 4-го, 5-го и 6-го марта в ГПУ ничего определенного не сообщали, а 7-го марта сестре мужа сказали, что он расстрелян, а мне, т<o> е<сть> жене, через 4 часа сказали — выслан в конц<ентрационный> лагерь, как будто бы в Соловки на три года; сестре же 8-го марта сказали: выслан в Туруханский край на 5 лет. Говорил это все один и тот же комендант ГПУ, а когда сестра сказала, что ей он же сообщал о смертном приговоре, так он говорит, что это получилась ошибка.

Дальше я подавала заявление на имя того следователя, кто вел дело, он тоже сказал, что расстрелян, и прокурор сказал то же самое, т<o> е<сть> расстрелян. Между прочим, вещи его не отдают, и вот уже шестой месяц не дают мне и справку о смерти его, то говорят, это зависит от центра, то начнут кормить завтраками. Ничего определенного не могу добиться, и эти хождения уносят последнее здоровье, оно у меня очень неважное.

Уважаемая Екатерина Павловна, сообщите, если можете; я Новосибирскому ГПУ не верю, так как меня четырежды обманули — расстрелян, выслан в Соловки, в Туруханский, в Москву. Добивалась, за что или в чем обвиняется, не говорят. Говорят, что по 58 ст<атье>, п<ункт> 12. Он бывший белый офицер, говорят, только не за прошлое, а настоящее, но, между прочим, как будто бы настоящего, по-моему, не было, я, как жена, знала его очень хорошо как человека и как гражданина сов<етского> государства, и отношение его к сов<етской> власти, он отдавался весь делу, где он ни работал, везде его ценили, дорожили им. Года три назад был он заведующим детской коммуны “Пчельник” в с<еле> Буграх, в 4 верстах от Новосиб<ирска>, то эта коммуна гремела на весь округ, так было хорошо поставлено дело, что лучшего желать нельзя, а сколько он потратил энергии.

¹ Письмо от жены Михаила Сергеевича Барышева – В.Я. Барышевой.

² Письмо от 10 июля 1931 года.

³ Барышев Михаил Сергеевич, родился в 1887.

⁴ Исправдом.

И вот, после всего этого, я не могу смириться с мыслью, что он оказался таким большим государственным преступником, что его даже расстреляли, что только расстрел мог спасти государство от такого мерзавца, если он им на самом деле был; ведь тогда он в отношении семьи в несколько раз <больше> мерзавец, ведь у меня 3-ое детей. Нет, не был он им; и мне кажется, не могло этого ужасного случиться. Тут что-то другое, и мне кажется, что я сейчас нахожусь в заколдованном мире, где мне никто правды не скажет.

Да! Может быть, я живу самообманом...

Екатерина Павловна, Ваше сообщение, т<о> е<есть> какой приговор, будет для меня закон, что бы не случилось, буду тогда свою жизнь строить по-новому <...>»¹.

ПКК — БАРЫШЕВОЙ В.Я.²

«<...> В ответ на В<аше> обращен<ие> сообщаю, что справки о деле В<ашего> мужа БАРЫШЕВА Мих<аила> Серг<еевича> получить не удалось. На передачах в Бутырск<ой> тюрьме он не числится. Пришлите заявлен<ие> на имя ОГПУ с запросом о приговоре и его местонахождении, указав, где и когда он был арестован и когда был увезен из Новосибирска. Заявлен<ие> мы передадим и о результате Вас уведомим»³.

После получения ответа из ОГПУ стало известно следующее — Михаила Сергеевича Барышева, действительно, не расстреляли, он был приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь и отправлен в деревню Амбары Колташевского района Томского края, работал там заведующим молочно-товарной фермы.

9 августа 1937 был арестован по групповому делу «контрреволюционной кадетско-эсеровской организации». 22 сентября 1937 — приговорен к ВМН. 4 октября расстрелян.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 585. С. 145. Автограф.

² Письмо от 21 ноября 1931 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 585. С. 142. Машинопись.

О БАСАРГИНЕ П.Н.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Умоляю сообщите, где находится инженер-химик Павел Николаевич Басаргин с Динамитного завода им <ени> Петровского, ст <ан-ция> Петровенька бывшего Луганского округа. Арестован 22/XI-30 года, до 4/IV-31 был в Сталино, после 4/IV-31 выслан в Артемовский допр³, и с тех пор не имею никаких сведений, в июле 28/VII-31 получила из Артемовского допра ответ, что Павел Басаргин отправлен в “Северный край”».

Умоляю Вас, сообщите по адресу “Красный Луч. Горно-Спасательная станция, Капитолине Михайловне Басаргиной”.

Раньше, до обращения к Вам, куда ни обращалась, встречала глухую стену: или нет такого, или не скажем. Помогите — скажите, где наш муж и отец: у меня двое детей, сын 16 лет и дочь 13 лет, — просят вас также, сообщите. Помогите <...>⁴.

<3 марта 1932>

«<...> Я Вам уже писала раз. Неделю назад, но боюсь, что мое письмо то пропадет, пишу другое. Умоляю сообщить, где мой муж Павел Николаевич Басаргин <...> На мою телеграмму Допр ответил, что Павел Басаргин отправлен в Северный край. И вот уже 15 месяц, а со дня исчезновения 11 месяц ничего не знаю.

Прошу, помогите, Вы можете. Нигде ничего не говорят <...>⁵.

<31 марта 1932>

«<...> Умоляем, правду, только правду. Мне упорно говорят, что он не вредитель, но по его халатности произошло несчастье, что он ко мне не вернется. Что это значит? К чему загадки? Мне нужна правда. Я знаю себя и его. Если его нет, то совершено преступление. Но это не может быть, они жестоки, но справедливы.

Умоляю, не томите, всё-всё, всю правду полностью. Вас умоляет не жена, а гражданка. Я должна знать, я имею право знать, что случилось с одним из верных честных работников Советской страны <...>⁶.

¹ Письмо жены Капитолины Михайловны Басаргиной.

² Письмо от 13 февраля 1932 года.

³ Дом предварительного заключения.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 2. Д. 740. С. 282. Автограф.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 2. Д. 740. С. 277. Автограф.

⁶ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 2. Д. 740. С. 279. Автограф.

ПОМПОЛИТ — БАСАРГИНОЙ К.М.¹

«<...> В ответ на Ваше обращение сообщаю, что мы Вас уже уведомляли 13/III – 32, что о местонахождении мужа П.Н. БАСАРГИНА запрошено. По получении ответа Вас уведомим»².

<22 июня 1932>

«В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, Павла Никол<аевича> БАСАРГИНА нет в живых с 5/IV-31 г<ода>»³.

БАСАРГИНА К.М. — ПЕШКОВОЙ Е.П.⁴

«<...> Вы мне сообщили в июне м<еся>це 31 года, что его нет в живых, согласно Вами полученной справки от кого-то. Но он жив, тов<арищ> Пешкова, иначе бы меня так не преследовали и в Донбассе, и здесь на родине. Меня не раз снимали с работы, в глаза говорили — “нам таких не надо, у которых муж вредитель”, а на справке не писали “по сокращению штатов” или “на временной работе”, [а] после меня брали других. Сына снимали с учения в ФЗУ Дебальцево как сына раскулаченного <...> Сыну не давали справку о соцположении, требуя в Горсовете сказать, где твой отец, но почему мы знаем. Я боюсь запрашивать, т<ак> к<ак> говорят — за это лишают права голоса. Месяц не давали справку сыну, посылали искать пом<ощника> начальника милиции, чтобы узнать у него, что за человек мой сын <...>».

Помогите, тов<арищ> Пешкова моим детям. Я жить хочу, работать. Если нельзя нам работать, то пусть расстреляют, но так изводить, издеваться нельзя в советской стране. Помогите, помогите, умоляю Вас. Где наш отец? Он жив, обязательно жив, ибо иначе нас не преследовали бы. Разыщите нам его, помогите нам жить и работать. Помогите скорее во имя правды, справедливости в советской земле <...>»⁵.

¹ Письмо от 26 апреля 1932 года.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 2. Д. 740. С. 278. Машинопись.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 2. Д. 740. С. 281. Машинопись.

⁴ Письмо от 20 декабря 1934 года.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 2. Д. 1122. С. 1-2. Автограф.

БЕЛЕНЬКОВ Д.И.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Прежде всего прошу извинить меня за то, что я из больницы Вам не написал ни одного письма и не поблагодарил за Ваше предупредительное внимание к моему тяжелому положению. Дело вот в чем — в субботу перед страстной неделей меня из 7-й палаты начальник, явившись с двумя помощниками и пятью надзирателями, с искаженным бешенством лицом, обращаясь ко мне, процедил сквозь зубы: “Я перестрелял в Крыму такой сволочи, как Вы, пять тысяч человек, а потому не позволю, чтобы в этой больнице белогвардейцы ругали коммунистическую партию и советскую власть; сегодня же возбужу ходатайство о пересмотре Вашего дела, сам буду свидетелем на суде и сам помогу расстрелять Вас”. После такого злобного монолога он отдал своей свите опричников короткий приказ: “В третий изолятор!”

Меня быстро доставили по адресу и вкинули к двум сифилитикам. Двери день и ночь закрыты, дышать приходилось испарениями от частых промывок, спринцеваний и уколов этих полусгнивших трупов. Благодаря нашему врачу, объявившему резкий протест начальнику, по ее требованию через пять суток сифилитиков от меня забрали, а на их место ко мне в изолятор перевели из одной камеры 7-го изолятора Абрамова, страдающего сильными припадками эпилептика. И вот с этими людьми, нет, уж лучше сказать, в этом аду, мне пришлось встречать и праздновать Пасху. У Абрамова начинается припадок, а у буйно помешанного под впечатлением этого припадка приступ бешенства; дверь день и ночь закрыта, и я сам с одной рукой вот с ними должен был быть в этом аду до тех пор, пока от усталости и напряжения не засыпал. Если бы не вмешательство и не протест нашего доктора Тамары Исаевны Ельевич, категорически потребовавшей моего перевода обратно в 7-ю камеру и поставившей этот вопрос перед начальником ребром, этот кошмар продолжался бы. Не нахожу слов восхищения перед геройством доктора, ведь в ее условиях это большое геройство и величие души, и не имею возможности ее благодарить, а потому прошу вас, многоуважаемая Екатерина Павловна, если возможно, увидеть ее и поблагодарить за все изложенное мной.

Не думайте, пожалуйста, что на этом и кончилась история провокации, нет. 26-го апреля главное управление мест заключения запроси-

¹ Беленьков Дмитрий Иванович, родился в 1898 в Курске. Кадровый офицер царской армии. Летом 1921 — арестован по групповому делу «контрреволюционной военной организации на Северном Кавказе». Приговорен к ВМН.

² Письмо из Бутырской тюремной больницы от 23 мая 1923 года.

ло отношением за № 7710, могу ли я следовать в Петроградскую изоляционную тюрьму. Как видно, перемена Вятского централа на Петропавловскую крепость — следствие возбужденного ходатайства начальником. Но врачом сообщено, что сейчас является необходимым для скорейшего лечения моей руки производство хирургической операции. Не правда ли, вот пощечина, так пощечина по офицерскому и чекистскому самолюбию?! Теперь он меня совершенно оставил в покое и даже больше этого, избегает меня. Не откажите выяснить вопрос перемены места моего заключения и причины этого факта.

Поделившись с Вами своими горестями и издевательствами над мной, я прошу мне помочь собрать материал нашего дела (процесс князя Ухтомского № 337). Прежде всего не откажите, если можно достать из суда Воен<ой> Коллегии Верх<овного> триб<унал>а копии обвинительного заключения и приговора за подписью и приложением установленной печати, а также речь прокурора Васильева, а потом газеты “Известия”, № не помню, кажется, четыре с ноября 1921 года.

После того, как в Ростове-на-Дону была в подвалах Особого отдела расстреляна последняя группа из двух с половиной тысяч преданных на расстрел — за жизнь его — князем Ухтомским¹, а его самого по этой реке крови перевезли в Москву и поместили во внутреннюю тюрьму ВЧК, снабжая его портвейном и тортами, после чего он на суде сам заявил это, почувствовал себя гражданином свободной страны. Мне эти материалы сейчас больше чем необходимы, так как я сейчас пишу историю процесса. Необходим № “Правды” от 3/I-1923 года.

Меня обрадовал запрос Полины Львовны Калашниковой и то, что они теперь будут иметь возможность знать — где я и что со мной. Дополнительно к тому, что я написал на обороте Вашего отношения, прошу сообщить, что я по статье 60 УК приговорен к высшей мере наказания, по ст<атье> 66 — к высшей мере наказания, а по совокупности приговорен — “расстрелять, как упорного злостного контрреволюционера, не обнаружившего ни малейших признаков раскаяния и не желавшего ни на предварительном, ни на судебном следствии содействовать раскрытию преступления, амнистий ВЦИКа не применять”.

Да, я было и забыл — сообщите мне, было ли что в печати за границей о нашем процессе? Если было, то где и что? Для моей работы это очень важно.

В конце письма разрешите еще раз благодарить Вас, многоуважаемая Екатерина Павловна, просить извинить меня и напомнить, что уже

¹ Ухтомский Константин Эрнестович.

стали пускать больных на прогулки, а я не хожу, если Вы имеете возможность, то не откажите прислать гимнастерку и брюки.

Будьте здоровы, целую Вашу руку. Д. Бельников.

Я хотел бы прочитать: “Записки графа Витте” и “Мемуары фельдмар<шала> Гинденбурга”»¹.

БЕЛЕНЬКОВ Д.И. — во ВЦИК²

«<...> Протестуя против произвола, издевательств и подлой наглой провокации в изоляторе “Кресты”, вынудившей меня в мае 1924 года голодать четырнадцать суток, я просил ВЦИК заявлением от 30-го мая избавить меня в дальнейшем от продолжения произвола и издевательств и повторения провокаций. В ответ на это заявление Главное Управление Местами Заключений отношением от 17-го сентября 1924 года за № 15503 предписало Начальнику Ленинградского изолятора “Кресты” отправить меня в Вятский Исправдом, но Начальник изолятора “Кресты”, продолжая содержать меня в продолжении восьми месяцев после этого распоряжения в одиночном заключении, совсем не думал исполнять его. И только после неоднократных запросов <...> я был отправлен в Вятку. По прибытии в Вятку 9 мая меня заключили не в Исправдом, а в Изолятор, где и отбываю наказание до сего времени <...> А потому, находясь в настоящее время в таком положении, как в мае месяце 1924 года, я, протестуя против постановления Губраспредкомиссии, являющегося продолжением грубого произвола и издеательства, также, как и 20 мая 1924 года, вынужден был сегодня в 2 часа дня объявить ГОЛОДОВКУ <...>»³.

29 ноября 1925 — из Ленинградского отделения ПКК пришло сообщение Пешиковой Е.П. о том, что Бельников Д.И. голодает уже 20 дней в Вятском изоляторе, требуя улучшения режима. Юридическая Комиссия ПКК обратился в ГПУ с заявлением, в котором просили выяснить ситуацию с голодающим заключенным. Обращение ПКК сразу же изменило ситуацию в Вятском изоляторе, о чем подробно написал позднее Бельников Д.И.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 8. С. 87-90. Автограф.

² Заявление от 9 ноября 1925 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 65. Л. 78-79. Автограф.

БЕЛЕНЬКОВ Д.И. — в ПКК¹

«<...> Голодовку я снял только после того, как получил телеграмму из Москвы. Вот ее точный текст:

“Изолятор, заключенному Дмитрию БЕЛЕНЬКОВУ.

Вятка — Москвы.

Советую голодовку прекратить, постараюсь сделать, что возможно. Зампред<седателя> Верх<овного> Суда Союза Васильев-Южин”.

Не мог сообщить Вам потому, что был и сейчас есть очень слаб. Кроме же этого, самой главной причиной моего молчания было следующее: после пятнадцати суток голодовки, которые я голодал в одиночке № 6, меня перевели в больницу, палата № 20, где доктор назначил мне питательную клизму, от которой я категорически отказался, на что доктор Поленов (осужденный рецидивист, здесь отбывает заключение) пригрозил мне применением насилия. И действительно, на шестнадцатые сутки голодовки явился сам начальник изолятора Дудин с шестью дежурными надзирателями и под руководством этого заключенного, доктора Поленова, набросившись на меня, стали поворачивать лицом вниз, срывая с меня кальсоны. Протестуя против этого кошмарного насилия, я, собрав свои последние силы, стал кричать и биться. Начальник изолятора Дудин, чтобы не дать мне кричать, навалился мне на голову и своими руками зажимал мне рот. Клизмы я, оказав сопротивление, ставить так и не дал, зато эта борьба с шестью здоровыми людьми окончательно подорвала мои силы и здоровье.

На другое утро после этого грубого насилия губ<ернским> инспектором мест заключения была мне объявлена под расписку телеграмма от Глав<ного> Упр<авления> мест заключения, которой предписывалось мое личное дело направить в Москву. Хотя мои силы совершенно были подорваны, я его предложение снять голодовку <...> отверг и только на семнадцатые сутки, получив телеграмму из Верх<овного> Суда Союза, ее прекратил <...>»².

С 9 по 25 ноября 1925 — Беленьков Д.И. вновь голодал в Вятском изоляторе, после чего был переведен в Курскую тюрьму. В 1928 — находился в ссылке в Архангельске, потом переведен в Вологду, а с октября 1929 — работал на строительстве Архангельского комбината. 17 августа 1937 — арестован за «контрреволюционную агитацию». 15 сентября 1937 — приговорен к ВМН. Расстрелян.

¹ Письмо от 2 декабря 1925 года.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 65. Л. 86. Автограф.

О БЕЛЯВСКОМ В.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Просить о пересмотре дела я не буду, т<ак> к<ак> на все письменные оправдания, находящиеся в деле, следственными властями ГПУ значения не придано, самый тяжелый период следствия прожит, теперь осталось только сидеть и ждать конца срока. Новый пересмотр дела только вызовет новые сердечные волнения и припадки грудной жабы. Я прошу Вас лишь об одном — поддержать его ходатайство о применении к нему 458 ст<атьи> Уг<оловного> Проц<ессуального> Кодекса. Из его писем и из личного свидания я вынесла впечатления крайне тяжелые. Камеры так забиты заключенными, что ночью совершенно нечем дышать, нет на полу места для ноги, чтобы выйти в коридор и вздохнуть воздухом через оконную решетку. Ночью туловища, ноги, руки — все переплелось, и люди копошатся, как черви. Насекомые заедают. Пища скудная с 300 гр<аммами> хлеба, и я не могу поддержать питанием больного мужа, потому что сама голодаю, да и он находится от меня в 90 верстах. При таких условиях неизлечимая болезнь, грудная жаба, может привести лишь к одному печальному концу. Я прошу вас поддержать просьбу моего мужа. Это единственный выход из его тяжелого положения<...>»³.

БЕЛЯВСКИЙ В.А. — к ДЕМЬСКОМУ И.Ф.⁴

«<...> Сегодня 8 мес<яцев> и 9-й мес<яц>, как я сижу в Симф<еропольском> Крымизоляторе, приговоренный на 3 года лишения свободы по ст<атье> 58-10. Арестовало меня ГПУ в Ст<аром> Кр<ыму>, произвело обыск и нашло письмо сына, адресованное моей жене, когда он был мобилизован белыми. В этом письме он просит передать мне поклон, т<ак> к<ак> я дома тогда не жил. Этого было достаточно. Началось с ложного доноса некоего К., который с 24 года точил на меня зубы за выявление стоимости его имущества, что я сделал по распоряжению Горсовета, где я тогда служил. И на собраниях, и на чистках, и у Прокурора он добиться ничего не мог и поэтому придумал этот вечно пьяный человек послать на меня донос, что я на базарах произношу противосоветские речи. Никогда я на базаре не бываю, а говорить я совершенно не способен публично. Но... этого было довольно.

¹ Белявский Владимир Андреевич, родился в 1869.

² Письмо Белявской Е.А., жены В.А., от 23 марта 1931 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 612. С. 18. Автограф.

⁴ Иван Фелицианович Дембский, знакомый В.А.

Началось собирание сведений. Сексот З. показала, что я говорил ей о преимуществах заграничных кинокартин, сексот А., бывший пристав, показал, что я читал статью о занятии КВЖД китайцами и “с вос-торгом”, потом еще пришили каких-то лиц, о которых я не имею представления, и в результате — 3 года. Все 3-х летники и выше должны быть сосланы, и я жду этой ссылки со дня на день. Куда бросит судьба — не знаю. Подавал заявление в Москву, в Особую Инспекцию по делам ОГПУ, с просьбой или досрочно освободить меня, или выслать скорее на основ<ании> 458 ст<атьи> У<головного> Код<екса>, как страдающего грудной жабой, но ответа до сих пор нет <...>.

Обыватель, укрываясь в своей безответственности, сводит свои сче-ты, с кем хочет. Не обидно бы перетерпеть от человека в полном смыс-ле этого слова, но ведь это бывший стражник старого времени, само-гонщик, вечно полупьяный. Никаких свидетелей он привести не мог. Я ссылался на то, что при Врангеле я спас от мобилизации 25 человек, выдав им документы, спасавшие их от фронта против большевиков, но на все эти доводы мне говорили одно: “Нас это не касается”, — хотя эти люди живы и находятся в Старом Крыму налицо. На хату наложили громадные налоги, дом никто не покупает, жену лишили хлеба, словом — все напасти. Неужели пришла крышка? Во всяком случае, если от-правят на север, скажу жене, чтобы бросила все и ехала ко мне, а иначе с голоду подохнет.

Так вот, как обстоят дела, дорогой мой. Как дела Ваши, как здоровье супруги и детишек? В Симф<ерополе> страшная дороговизна, ничего на базаре нет, столовки закрываются, и еще нас кормят, как фабричных рабочих. В Ст<аром> Кр<ыму> дело обстоит не лучше, и счастье Ваше, что вы перебрались в Центр РСФСР, где скорее можно пропитаться. Ос-тался я должен Вам 2 р<убля>, и их когда-нибудь пришлю. Зубной врач в Ст<аро>-Кр<ымской> больнице тоже сексотка и фигурирует в моем деле. Словом, люди исподличались до ужаса. Отец идет на сына, сын на мать, брат на брата, и все затем только, чтобы заслужить расположение власть имущих и замаскироваться самому. А что у него-то, подлеца, на душе? Целую вас, мой дорогой. Ваш В. Белявский»¹.

Это письмо была передано Пешиковой Е.П. с сопроводительным письмом самого Дембского И.Ф., в котором тот писал о Белявском как об «интеллигентном человеке, на энергии которого держалась добрая часть культурной работы города»².

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 612. С. 22-25. Автограф.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 612. С. 21. Автограф.

О БЕНУА Н.Н.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Только что узнала, что Вы взяли на себя великое доброе дело — оказание помощи несчастным ссыльным и их близким, к числу последних принадлежу и я.

Муж мой, б<ывший> полковник конной артиллерии, 8 октября 1930 г<ода> был выслан из Житомира в Томск на “вольное поселение”, без всякого суда, без определения срока ссылки, вплоть “до особого распоряжения”. 4 апреля м<есяца> пр<ошлого> года он содержался в заключении при Томск<ом> ГПУ, затем в октябре ему разрешили перейти на частную квартиру и обязали работать в сапожной мастерской; в марте же м<есяце> с<его> г<ода> его перевели из Томска, “погнали” за 250 верст, пешком по снегу, в новостроящийся совхоз-комбинат Западно-Сибирского Краевого Управления на реке Галке. В течение почти 3 мес<яцев> я не могла списаться с мужем вследствие полного отсутствия средств сообщения весной с этим глухим уголком тайги.

Наконец, 24 июня получили первую весточку от 25 мая. И тут же записку неизвестного лица, котор<ый> сообщает, что муж мой неожиданно арестован и увезен, неизвестно куда.

Вы — женщина с добрым и чутким сердцем, можете понять весь ужас моего положения, мои нравственные страдания: не знать ничего о близком человеке, думать, что он в крайней нужде (я знаю, что у него, судя по пришедшему письму, не было ни гроша, ни продуктов), что он оборван, голоден, и по всей вероятности, лишен возможности что-либо сообщить о себе — думать об этом — пытка. Я не буду Вас утруждать своими жалобами. Итак, прошу извинить мне мож<ет> б<ыть> лишнее многословие.

Беру только на себя смелость обратиться к вам с горячей просьбой — помогите мне разыскать моего бедного мужа, если это в пределах Вашей возможности <...>»³.

В ответ Юридической Комиссией ПКК было предложено Софье Евгеньевне прислать заявление на имя ОГПУ с запросом о Николае Николаевиче Бенуа, которое было обещано передать по назначению и о результатах ее уведомить.

¹ Николай Николаевич Бенуа. Письмо его жены, Софьи Евгеньевны Бенуа.

² Письмо от 8 июля 1931 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 580. С. 259-260. Автограф.

О БИАНКИ В.В.¹ — в ППК²

«<...> Мы, Ленинградские писатели, ходатайствуем о нашем товарище, Виталии БИАНКИ, сосланном на 3 года в Уральск. С 1922 года он был предан исключительно своей литературной работе, которая поглощала все его силы. Путем большого, неустанного труда он создал свой собственный стиль в наиболее ценной области детской литературы — в области художественного изображения мира животных. Критика горячо приветствовала Виталия Бианки, как русского Сеттона Томпсона, и выражала уверенность, что когда талант этого молодого писателя созреет, он даст классические образцы прозы этого рода, которая до сих пор была представлена почти исключительно переводами и компиляциями. Общественная полезность работ Виталия Бианки была признана современной педагогикой, о чем свидетельствуют сочувственные отзывы в газетах и сборниках. Список изданий, в которых перечислены одобрительные отзывы о книгах Вит<алий> Бианки, см<отри> ниже.

Виталий Бианки вел в детском журнале “Ленинградской Правды” постоянный отдел “Лесная Газета”, а в сборнике Госиздата — отдел “Лесная Станция”. С тех пор, как он сослан в Уральск, в детской литературе образовался пробел, который невозможно заполнить. Для того, чтобы продолжать свою работу, В. Бианки нужно постоянное общение со специалистами, педагогами и учеными. А также, как зоологу-орнитологу, ему необходимо наблюдать мир животных той полосы, изучение которых составляет его специальность.

Просим в интересах малолетних писателей, освободить В. Бианки досрочно. О том, что за последнее время он всецело отдался литературе, свидетельствует большое количество написанных им за это время книг и брошюр: “На великом морском пути”, “Лесные разведчики”, “Первая охота”, “Росянка — комариная смерть”, “Мурзук”, “Кукушенок”, “Кто чем поет”, “Чей нос лучше”, “Чьи это ноги”, “Лесной домик”, “Однодневки”, “Сборник рассказов”, “По следам”, “Лягушонок”, “Снежная книга”, “Сова”, “Охотник на взморье”, “Лесная газета”, “Ас-кыр”, “Рыбий дом” и пр<очее>.

Виталий Валентинович Бианки арестован 5 декабря 1925 года в Ленинграде; переведен в Москву 30 декабря того же года. Приговорен по постановлению Особого Совещания ОГПУ от 29/I-26 г<ода> к ссылке на 3 года в Уральск.

¹ Бианки Виталий Валентинович.

² Заявление передано в сентябре 1926 года.

Согласно постановлению препровожден 12/II-26 г<ода> за свой счет в Уральск.

Подписали: А. Аничкова, Вяч<еслав> Шишков, М. Толмачева, М. Борисоглебский, Марк Басанин, М. Бекетова, П.Я. Заволокин, Мих<аил> Казанков, Ек<атерина> Леткова, Елена Данько, И. Сазонов-Михайлов, Евг<ений> Замятин, М. Слонимский, Мих<аил> Зощенко, Б. Жидков, О. Форш, Ник<олай> Никитин, П. Щеголев, Илья Груздев, С. Маршак, Наталия Крандиевская, Т.А. Богданович, Алексей Толстой, Федор Сологуб, О. Капица, В. Калицкая, Н. Тихонов, Е. Шварц <...>¹.

К заявлению был приложен перечень журналов, бюллетеней и указателей, где печатались статьи и рецензии на книги Бианки В.В.

Благодаря ходатайству писателей и помощи ПКК Бианки Виталий Валентинович был вскоре освобожден и продолжил свою литературную работу. В марте 1935 — вновь был арестован как «бывший белый офицер и эсер», позднее освобожден с ограничением проживания (-6) и получил предписание властей в двухдневный срок выехать из Ленинграда. 25 марта 1935 — обратился в ПКК с просьбой ходатайствовать об изменении приговора и временной отмене высылки из Ленинграда, пока будет решаться этот вопрос, приложив к заявлению свою подробную автобиографию.

«Автобиография»²

Бианки (-Беянин) Виталий Валентинович.

За границей никогда не был.

Род<ился> в 1894 г<оду> в семье старшего зоолога Зоологич<еского> Музея Академии Наук. Род мой из Итальянской Швейцарии. В Россию переселился мой прадед. Отец перешел в российское подданство за несколько лет до моего рождения. Как видный ученый, в 1914-м или 15-м году получил статского советника и с ним — личное дворянство.

В конце 1916 г<ода>, будучи студентом, я был мобилизован и к 1917 г<оду> выпущен прапорщиком. Служил в 1-й бат<арее> 1-го див<изиона> 1-й Зап<асной> Тяж<елой> Арт<иллерийской> бригады в Детском (Царском) Селе. В мае 1917 г<ода>, под личным влиянием прапорщика Вик<тора> Вик<торовича> Соколова, записался в

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 205. С. 19. Машинопись.

² Автобиография отправлена в ПКК в конце марта 1935 года.

партию С<оциал>-Р<ево-люционеров>. В дальнейшем В.В. Соколов стал членом Военной Комиссии П<артии> С<оциал>-Р<еволюционеров>. Т<ак> к<ак> я был при нем, то вынужден был выполнять его поручения, при организации “демонстрации защиты Учредительного Собрания” я дежурил при одной военной части (в ротах, названия части не помню). Мне было поручено вывести эту часть на улицу. Но солдаты отказались выйти, — и тем моя роль была исчерпана. Летом 1918 г<ода> со своей частью выбыл на Волгу. Во время крестьянского восстания в Самарск<ой> губ<ернии> был приставлен к тяжелым орудиям, пригодность которых должен был гарантировать.

С этого момента я понял, что активно содействую явной контрреволюции (в Сибири уже были отряды Дутова и прочих атаманов) — и резко порвал с П<артией> С<оциал>-Р<еволюционеров>, даже со своим другом, В.В. Соколовым (впоследствии убитом семеновцами на оз<ере> Байкал). При Колчаке жил на нелегальном положении под фамилией Белянин. Летом 1919 г<ода> был мобилизован в Колчаковскую армию, скрыл свое офицерство, пошел рядовым (был писарем в артиллер<ийском> парке), бежал при первой же возможности. Жил в Бийске.

С момента прихода на Алтай советской власти объявил свою настоящую фамилию (с тех пор в документах значусь как Бианки-Белянин). Печатаюсь с 1923 г<ода> под своей фамилией. Выпустил около 60-ти детских книг, многие из которых значатся в школьных программах, больше 30-ти моих книг переведены на другие языки<...>¹.

К автобиографии был приложен список вышедших к этому времени книг и статей в различных журналах.

ПКК — БИАНИ В.В.²

«<...> В ответ на В<аш> запрос сообщаю, что, согласно полученной из НКВД справке, высылка из Ленинграда Вам будет отменена, — ввиду чего послано извещение о разрешении Вам проживания в Ленинграде до пересмотра дела»³.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1334. С. 160. Автограф.

² Письмо от 10 апреля 1935 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1334. С. 163. Машинопись.

БРУСИЛОВА В.И.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

В августе я писала Вам из Надвоицах о моей переброске на материк и моей работе в Надвоицком лазарете. Тогда же после многих лет мне удалось связаться с дядей, проф<ессором> Серг<еем> Андр<еевичем> Котляревским³ (Арбат, Плотников пер<еулок>, д<ом> 13, кв<артира> 1), и я получила первую открытку. Но с тех пор, 14/IX, меня снова перебросили на Морсплав (г<ород> Кемь, 9-е отделение ББК⁴, 3-й спец<и-альный> лагпункт). Отсюда я уже дважды писала дяде, но боюсь, что с таким трудом установленная связь с волей снова оборвалась.

Несмотря на преимущества материка, я неоднократно просила — устно и письменно — о возвращении меня в Соловки, принимая во внимание длительность моего срока, отсиженные годы, состояние здоровья и более устойчивые и культурные бытовые условия острова, но до сих пор все это тщетно.

В Морсплаве работы по специальности — медсестрой, или хотя бы канцелярские — нет, а физические работы мне не под силу. Сейчас я вторую неделю лежу в лазарете с осенним обострением туберкулезного процесса и острым малокровием, что в значительной мере является результатом тяжелых пережитий последнего года.

Материально мне сейчас очень трудно, т<ак> к<ак> уже много месяцев я не работаю и так<им> образ<ом> лишена минимального лагерного заработка; посылок и денег, как я Вам писала, почти не получала, кроме того, что очень редко доходило от Вас (последняя — прошлой осенью в Соловках).

Очень просила бы Вас при помощи моих родственников, друзей и бывших шефов по литературной и переводной работе — Юджин Лайонне, московский корреспондент “Юнайтед Пресс”, инженер Гаррингтон Эмерсон, Нью-Йорк, <неразб.>, Жорж Лефевр, Париж, редакция “Ле Журналь” — организовать мне посылки по адресу Морсплава, который я указала выше. Никаких хлопот о смягчении участи прошу не пред-

¹ Брусилова Варвара Ивановна, родилась в 1899 в Москве. Невестка генерала Брусилова А.А. Проживала в Москве, работала переводчицей. В 1929 – арестована по групповому делу, приговорена к 10 годам концлагеря. Отправлена в Соловецкий лагерь особого назначения, где работала медсестрой в больнице.

² Письмо от 24 октября 1934 года.

³ С.А. Котляревский был заместителем обер-прокурора Синода. Один из лидеров партии кадетов, с 1917 — товарищ министра по делам религии Временного правительства.

⁴ Беломоро-Балтийский Комбинат.

принимать — просила бы только Вашего ходатайства об отправке меня на Соловки до закрытия навигации — для этого теперь, кажется, нужна санкция Москвы, и об указаниях из Центра о работе по специальности — последнее мне было обещано III отделом ББК при вызове меня из Соловков в июле этого года. Если это возможно, очень хотела бы получить переводную работу, литературную, которую я могла бы вести и на больничной койке, и в свободное от лагерной работы время с тем, чтобы не терять окончательно своей квалификации и знания языков, и одновременно урегулировать материальный вопрос, который сейчас стоит у меня очень остро — мне нужно все — от обуви, платья, белья, усиленного питания — до денег и курева включительно. Думаю, что это не встретило бы препятствий со стороны органов ОГПУ и III отдела ББК.

Когда немного восстановятся физические силы, думаю, что при условии любимой медицинской работы, при нормальных условиях лагерной жизни, я сумею сохранить моральную и физическую бодрость на остающуюся вторую половину моего срока. О прожитых в заключении годах я не жалею; они морально дали мне больше, чем отняли, несмотря на огромную усталость.

Тяжелее всего мне безвестность и тревога об оставшихся на воле, ибо сам по себе лагерь не так и не тем страшен, как это кажется со стороны, до сих пор, за малым исключением, мне всегда и всюду было хорошо морально, и среди товарищей я меньше ощущала свое одиночество, чем на воле.

Кроме дяди, адрес которого я Вам сообщила, очень просила бы Вас сообщить обо мне Варваре Самаркиной <...>.

Всем моим друзьям шлю привет; жива, относительно здорова, бодрости душевной не теряю, на судьбу не жалею.

Вам, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, приношу горячую благодарность за моральную и материальную поддержку, которую Вы мне оказывали, и прошу извинить, что снова Вас беспокою. Жду Вашей весточки. Искренне Вас уважающая Брусилова»¹.

Несмотря на ходатайство ПКК в переводе Варвары Ивановны Брусиловой на Соловки было отказано.

14 марта 1937 — арестована в Медвежьегорском районе. Обвинялась «в ведении антисоветской агитации». 2 сентября 1937 — приговорена к ВМН. 10 сентября расстреляна.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1078. С. 5-6. Автограф.

ВЕРХОВСКИЙ П.В.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Дело, к которому я был против своей воли механически при-
метан, произошло в Ростове-на-Д<ону> целых два года тому назад. Если
и тогда я не имел никакого основания ему сочувствовать, а тем более
содействовать, то за эти два года я потерял уже всякую связь и с г<оро-
дом> Ростовом и с теми кругами, которые знали меня по моему обще-
ственному положению и хотели использовать в своих целях. Предостав-
ленный самому себе, я не искал возврата к старому, а поставил себе в
жизни совсем другие цели. Трижды арестованный по этому делу и триж-
ды отпущенный на свободу за недостаточностью улик, я поступил, нако-
нец, 11 июля 1922 г<ода> в Центральный Институт Труда и нашел себе в
его работе полное удовлетворение. Я стал сотрудничать в нем вполне
искренно, не только ради заработка и поддержания семьи, но по убежде-
нию в том, что по своей предшествующей образовательной подготовке я
могу быть действительно полезен в области научной организации труда,
имеющей в настоящее время огромное значение для восстановления про-
изводительных сил России. Моя работа в Институте была настолько ус-
пешной и так своеобразно поставлена мной, что после моего последнего
ареста 7 октября 1922 г<ода> в Институте не нашлось для меня замести-
теля, и порученное мне дело до сих пор ждет моего возвращения <...>».

Центр<альный> Инст<итут> Труда, успевший уже оценить меня,
как своего сотрудника, 15 февраля с<его> г<ода> возбудил ходатайство
о моем помиловании³. Но дело казалось еще слишком свежим и при том
решенным Верховным Трибуналом, поэтому тогда М.И. Калинин поло-
жил на просьбе ЦИТа лишь такую резолюцию: “В Главное Управление
принудительных работ. Прошу изыскать какие-либо возможности исполь-
зования проф<ессора> Верховского П.В. в Институте Труда. Председ<-
атель> ВЦИКа М. Калинин. 15/II 23”. На основании этой резолюции
заведующий ЦИ Труда А.К. Гостев был у т<оварища> Ширвиндта и после
некоторых переговоров в середине апреля создал в Таганской тюрьме
Опытную станцию Института по обследованию постановки промышлен-

¹ Верховский Павел Владимирович, родился 31 декабря 1879 в Петербурге. Окончил юридический и исторический факультеты ПУ, в 1902 – Духовную Академию. Возглавил кафедру церковного права Варшавского университета. Доктор юридических и исторических наук. После 1918 – профессор Донского университета и настоятель собора в Ростове-на-Дону. 12 июля 1921 – арестован как «участник белогвардейского заговора», 8 декабря отправлен в Москву. 21 сентября освобожден. В 1922 – вновь арестован, 23 июня освобожден, с июля работал в ЦИТ.

² Письмо из Таганской тюрьмы от 17 мая 1923 года.

³ 2 января 1923 – приговорен к 10 годам концлагеря. Отбывал наказание в одиночке Лефортовской тюрьмы, позднее переведен в Таганскую тюрьму.

ного труда в тюремных мастерских с точки зрения научной его организации. В настоящее время, в качестве инструктора ЦИТа, я произвожу порученное мне обследование <...> Я хорошо понимаю, что как бы мало я ни был в действительности виновен по делу, имеющему уже двухлетнюю давность, с моим приговором нужно считаться. Но, как видно по целому ряду примеров, в осуществлении приговоров действует не только принцип законности, но и принцип целесообразности, в силу которого судьба многих осужденных очень скоро видоизменяется к лучшему, если они принадлежат к социально полезным элементам. Вот этой-то целесообразности в отношении себя я и не вижу. Если бы я был так виновен и так чужд направлению современной жизни, то я не отпускался бы на свободу уже 3 раза <...> С 12 июля 1921 г<ода> до сего момента я уже пробыл в заключении 16 месяцев с лишним, значит понес уже не малое наказание. Мои материальные и домашние дела пришли в полное расстройство. Под влиянием пережитого у жены возобновился легочный процесс, хорошо залеченный в юности. Дети (девочка 15 и 4 л<ет>, мальчик 12 л<ет>) неработоспособные учащиеся, требуют больших забот <...>¹.

<17 мая 1923>

«<...> Я нахожусь в большом затруднении в деле организации моих научных трудов, по которым за 21 мес<яц> тюремных скитаний очень соскучился. Как сотруднику последнее время Центрального Института Труда, мне хочется ввести здесь теоретический курс по Научной организации труда с семинарскими занятиями в кружке заключенных. Но мне не хватает даже основных книг. Хотелось бы также продумать и изложить вытекающие из нового научного взгляда на человека выводы в области учения о преступлении и наказании, рациональной организации мест заключения, уголовного процесса и вопроса о профпригодности целого ряда интеллигентских профессий. Но и для этого нет книг и, как я ни бьюсь, не могу их достать. Поэтому я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы нашли возможным приобрести или достать для меня следующие книги² <...>»³.

В марте 1924 — лагерь заменен принудработами с лишением в правах. Проживал с семьей в селе Всехсвятское под Москвой, служил в ЦИТе. В 1935 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Карлаг, позднее переведен в Соликамск. В декабре 1942 — освобожден из лагеря и выслан в Ишим, где в 1943 — скончался.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 8. С. 103-105. Автограф.

² Далее идет перечень из 18 наименований научных изданий.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 8. С. 103-105. Автограф.

ВИТТЕ-СОМОВА И.С.¹ — в ПКК²

« <...> Находясь в совершенно безвыходном положении, решила обратиться к Вам с просьбой о помощи. Краткие сведения:

Я — дочь графа Витте³, им удочеренная от связи его с дочкой Барта Каульбарса, ее имя Альбина Ивановна, она умерла в родах, и после ее смерти меня, по просьбе отца моего Витте, приняла в семью свою гр<аждан>ка Гречко, в этой семье я и провела детство. Воспитывалась у них в г<ороде> Витебске и в Витебске вышла замуж за инженера Сомова. В 24 году я проходила курс кино-артисток⁴. Была арестована⁵ вместе с мужем и сослана в Соловки уже из Москвы.

В Соловках отбывала наказание 3 г<ода> 4 мес<яца>, затем из Соловков сослана в Сибирь⁶. В январе 28 года переслана по этапу в Енисейск. Из Енисейска была переведена в Красноярскую тюрьму. Из Красноярской тюрьмы меня послали в сумасшедший дом, откуда после госпиталя освобождена и сейчас выпущена на свободу и получила разрешение жить в Красноярске. К Красноярску опять привязана на 3 года.

Мне от роду 23 года.

Ко дню освобождения я выяснила, что все мои родные и, вообще, другие умерли. Муж умер в Соловках в 1927 г<оду> в октябре. Еще до ареста я слышала, что старик-генерал Каульбарс, мой дед, жив и живет в Париже, что с ним сейчас, я не знаю. Брат мой, Виктор Сергеевич Витте, я думаю сейчас в Берлине служит в консульстве.

Результат моих скитаний по тюрьмам и этапам, включая и сумасшедший дом таков, что я сейчас в Красноярске стала нищенкой — никакой одежды, никакой обуви, ни капельки денег. Из ГПУ получаю 6 р<ублей> 35 коп<еек> в месяц. Вот все, что я имею. Красноярское ОГПУ, видя мое безвыходное положение, дало мне право мечтать о выезде за границу. Но я сама совершенно беспомощная, полубольная, голодная, голая, что могу сделать? Прошу Ваш комитет протянуть мне руку помощи. Даже не могу сейчас сказать, какую помощь, скажу только, что сейчас я на улице Красноярска голодная и голая. Ночую из милости у уголовников. Войдите в связь с моим братом в Берлине или, если жив Каульбарс в Париже. Не дайте мне погибнуть в столь молодые годы. Революция застала меня в 12 лет, что я видела, что я знаю, кроме

¹ Ирина Сергеевна Витте-Сомова.

² Письмо от 4 апреля 1928 года.

³ Дочь Витте Сергея Юльевича.

⁴ На сцене проходила под фамилией Вольская.

⁵ 3 мая 1924 — арестована в Москве и приговорена к 3 годам концлагеря.

⁶ 22 июля 1927 — приговорена к 3 годам ссылки в Сибирь.

тюрьмы, этапа и т<ак> д<алее>. Кому я могу и чем быть вредна? Считаю, что делать *tabula rasa*¹ из прошлого просто “вредная привычка”, от которой на одиннадцатый год революции можно и избавиться <...> Обвинение, мне предписанное — это ст<атьи> 58-3, 4, 6. Ни смысла, ни духа этих обвинений не знаю и не понимаю. Трудиться умею и буду. <...>»².

<8 декабря 1929>

«<...> Что же касается материальной помощи, то я вынуждена Вам повторить, что я раздета на 50° сибирском морозе, без теплой одежды, существую благодаря временной помощи добрых людей, которые сами нуждаются, и я каждый день рискую быть обреченной на голодную смерть и на смертельную простуду, у меня обморожены ноги, каким-то чудом я жива еще. Я ходила 2 зимы в ситцевой кофточке, даже без ваты, в башмаках рваных, даже без галош, о моей нужде знает весь город.

Мое здоровье подорвано, и результаты заявления будут бесполезны, если я буду на здешнем кладбище или буду не в силах ехать зимой 300 верст в летней одежде и без гроша денег.

5½ лет я не беспокоила Вас ни единой просьбой, но силы покидают меня, и опять я прошу Вас до отъезда отсюда поддержать меня высылкой денег, так как работы я не могу теперь достать себе, немедленно выслать мне меховую одежду, пока я еще жива, иначе поздно будет, нельзя в Сибири зимой быть раздетой <...>»³.

9 июля 1930 — Витте И.С. получила посылку с теплыми вещами.

<26 января 1931>

«<...> Разрешите прислать Вам мой родной кино-сценарий. Страшно трудно жить в Сибири. Работать не дают. Живу на счет добрых людей. Еще раз обращаюсь с просьбой. Я Вам посылаю исторический кино-сценарий <неразб.>, перешлите его за границу. А мне пришлите денег. Я все продала, что у меня было <...>»⁴.

На письме — помета секретаря ПКК: «1) Выезд за гран<ицу> ей не будет разрешен. 2) Свой кино-роман может послать по почте в Совкино <...>. 3/IV».

¹ Пустое место, чистая доска. — Прим. сост.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 231. С. 5-6. Автограф.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 398. С. 44-45. Автограф.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 630. С. 77. Автограф.

ВОЙТКОВСКИЙ Н.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Был арестован я 13/XII-28 года и все время до прибытия к месту ссылки в Тобольский бывший, ныне Остяко-Вогульский округ, находился под стражей — до 2-го сентября 1929 года, т<о> е<сть> в течение 9 месяцев³. Все время пребывания в ссылке я работал по мере здоровья своего, несмотря на слабые физические силы мои, в качестве дроворуба, заготавливая дрова для пароходства и для учреждений. Здесь же в ссылке здоровье мое окончательно подорвано: ибо, вследствие моей бедности, и не имея материальной поддержки извне, так как у меня нет зажиточных родственников, приходилось работать в плохой одежде и рваной обуви <...> Тяжелые ли условия, в которых пришлось провести 9 месяцев заключения под стражей до прибытия в Сибирь, вечная тоска по родной любимой семье, тревога за них, оставшихся на родине буквально без всяких средств к жизни, вызвали тяжкую сердечную болезнь, часто жестоко мучившую меня и неуклонно приближающую меня к могиле, что я сознаю прекрасно и уже не строю никаких иллюзий о возможности излечения <...> Я осмеливаюсь Вас беспокоить — в чем душевно прошу простить меня — просьбою оказать мне величайшую милость и, если возможно, хлопотать о скорейшем разрешении мне выезда из холодного, сурового климата Сибири <...>»⁴.

О ВОЙТКОВСКОМ Н.А.⁵ — ПЕШКОВОЙ Е.П.⁶

«<...> Я так исстрадалась и измучена за эти 3 года постоянной нужды, великого горя, тяжелого непрерывного труда: ведь надо было прокормить семью в 6 душ дома, да еще помочь и мужу на чужбине. Я умоляю Вас — помогите мне и силою Вашего влияния верните мне мужа из места дальней ссылки. Мне совестно, я бы не смела тревожить Вас своею просьбой, но я уже окончательно выбилась из сил в постоянной борьбе за кусок хлеба, при вечной тоске по любимому мужу, в вечной тревоге за его жизнь <...>. И только одна дума, одна мысль, одно стремление: если ему суждено скоро умереть, то пусть это свершится

¹ Войтковский Николай Александрович, родился в 1893 в Томске. Студент Технологического института. В 1920 — арестован в Омске как офицер армии Колчака. 23 декабря 1920 — освобожден из тюрьмы, дело прекращено.

² Письмо от 14 декабря 1931 года.

³ В селе Реполово.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 840. С. 16-17. Автограф.

⁵ Николай Александрович Войтковский. Письмо жены Елены Николаевны.

⁶ Письмо от 4 января 1932 года.

здесь, около меня, чтобы нам умереть вместе <...> Слишком я люблю своего мужа, уважаю его бесконечно, уважения и любви он заслуживает безусловно: это кристально, безукоризненно чистый и честный человек вообще, в отношении же меня он является спасителем и благодетелем моим. Еще в 1910 году он вырвал меня из семьи моей, где моя родная мать издевательски жестоко обращалась со мною, где готовили мне замужество с богатым стариком. Тогда, когда в тогдашнем обществе царили предрассудки, рознь и презрение различного фасона «господ»-дворян и интеллигентов к беднякам, крестьянам, муж мой порвал со всем своим кругом и женился на мне, неграмотной крестьянке: ради меня он порвал со всеми своими родными, восставшими против брака нашего и лишившими его — тогда 20 летнего юношу — средств к жизни, средств для продолжения образования, благодаря чему очень способный и даровитый юноша — мой муж — остался без законченного образования, и вследствие этого и раньше, и потом не мог устроиться на вполне обеспечивающем содержании. Женившись на мне, муж мой развил во мне любовь к знанию, научил мыслить, открыл глаза на все происходящее в мире, вложил отвращение ко всякой низости и подлости, он воспитал меня и заставил в конце концов уважать меня и тех, кто прежде с насмешкою и презрением смотрел на меня, даже своих родных, за это моя любовь, уважение и благодарность ему безмерны.

Лишенные материальной поддержки своих, тогда довольно зажиточных родителей, после женитьбы мы страшно бедствовали, натерпелись и голода, и холода, пока кое-как лишь в 1914 г<оду> муж устроился на постоянную службу в акцизе, хоть и с маленьким, но все-таки постоянным жалованьем. Но недолго продолжалось наше спокойное житье. Проклятая война в 1915 году оторвала от меня моего мужа: он был призван и до 1918 г<ода> переносил всевозможные скитания военного, и это тогда, когда саму военщину глубоко ненавидел. А затем настал период гражданской войны, и от участия в боях стоило невероятных трудов ему уклониться. Затем начался голод, толкнувший его пожертвовать собой ради спасения от голодной смерти семьи <...> Вам известно, много ли надо, чтобы оклеветать “попа” — и вот начался кошмар для него, для меня, для детей. Его от нас взяли в тюрьму, а потом увезли за тысячи верст, разлучили нас, разбили нашу тихую семейную жизнь и радость <...>»¹.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 840. С. 20-21. Автограф.

ВОЛКОВ Г.К.¹ — во ВЦИК²

«<...> В декабре 1918 года по ложному доносу я был обвинен в контрреволюционной деятельности, за что мне грозил расстрел. Благодаря условиям революционного времени и тому, что личность моя (как бывшего офицера-прапорщика) делала это обвинение вероятным, я не считал достаточной защитой лишь свое убеждение в моей невинности и бежал из дому с места моего постоянного жительства (г<ород> Ядрин Казанской губ<ернии>). Ошибочность обвинения была со временем выяснена властями, но я уже не мог быть поставлен в известность относительно этого. Я в октябре 1918 г<ода> на Волго-Бугульминской ж<елезной> д<ороге> был, как офицер, задержан белыми и направлен в часть. С этого момента и до осени 1922 г<ода> я находился в рядах белых. В начале 1923 г<ода> я прибыл в Харбин, где сейчас и проживаю. Пребывание в Харбине избавило меня от давления военной дисциплины, от соприкосновения с тенденциозно настроенной средой и дало возможность живого общения с людьми из России (совершенно новой для меня России, о существовании которой я и не подозревал). Я стал получать письма с родины. Получил известие, что власти убедились в ошибочности обвинения, предъявленного мне в 1918 г<оду>. Избавившись от какого-то гипноза последних лет, я увидел, что на том ложном пути, который я оставил, меня удерживала какая-то инерция, сообщавшаяся от окружавшей массы, и полная неосведомленность или, что еще хуже, злостное искажение властей о происходящем в России. Сейчас я пришел к оценке своего поведения последних лет, как поведения преступно-ошибочного по отношению к народу и власти, ведущей его новыми путями. У меня появилось стремление загладить свои ошибки честной работой и жизнью на родине в строгих рамках законности. Я прошу о прощении мне невольных ошибок и проступков, на которые меня толкнула не злая воля, а несчастное стечение обстоятельств, от меня не зависевших, и о разрешении вернуться мне в Москву или на место жительства в г<ород> Ядрин Казанской губ<ернии>, где я обязуюсь немедленно явиться к надлежащим властям. Нравственное право ждать положительного разрешения моей просьбы дает мне то, что мое прошлое не запятнано ни службой в контрразведке, ни отдачей распоряжений о расстрелах или порках, или проведением таковых в исполнение, а также участием в карательных экспедициях или отрядах, или других подобных преступных деяниях. До подачи сего прошения я

¹ Волков Глеб Константинович.

² Письмо от 28 сентября 1923 года.

зарегистрировался у Особоуполномоченного в Особом районе Восточных провинций Китая и возбудил ходатайство о восстановлении утраченных мною прав гражданства <...>¹.

Секретарем ПКК записано: «Волков Глеб Конст<антинович>. Заявление отца и копия его личн<ого> заявл<ения> подана Калинин у 29/XI пересм<отрены> в ГПУ. Просьба разр<ешить> вернуть ся. Был в Сиб<ирской> бел<ой> арм<ии>».

Ниже — другим почерком: «Амнистирован <неразб.> ЦИКа. Сын врача из Казани, кот<орый> лечил Льва Ник<олаевича>² и Ал<ексея> Макс<имовича>³ в 1901-902 г<одах>».

В углу письма — рукой Пешковой Е.П.: «Удовлетворено. Приехал домой. Е.П.».

ВОЛКОВ К.В.⁴ — ПЕШКОВОЙ Е.П.⁵

«<...> Вся душа переполнена благодарностью к Вам за помощь в деле возвращения моего сына. Я и моя жена, Клавдия Владимировна, измучились за эти бесконечные 5 лет за его судьбу, и теперь в Москве решается основной вопрос нашей жизни, так как не хватает уже сил жить с такой тяжестью на душе. И это — тем более, что бегство моего сына и его логические последствия в своей основе лишены какой бы то ни было политической окраски. Если Вы читали его и мое прошение, то я пишу совершенно откровенно — там нет ни капли “спасительной” лжи или тактических умолчаний.

Я всю жизнь — 26 лет — служил не правительствам, а народу, за что в 1907 г<оду> попал в тюрьму, а в 1918 г<оду> очутился перед угрозой расстрела, спасением от которых я обязан только счастливой случайности. Никакой хозяин не наказывает свою лошадь до подрыва ее сил. Мучительная боль за сына также подрывает мою работоспособность, а каждый год моей хирургической работы дает Советской России вместо 800 калек — 800 здоровых работников <...>»⁶.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 39. С. 54. Машинопись, подпись — автограф.

² Лев Николаевич Толстой.

³ Алексей Максимович Горький.

⁴ Константин Васильевич Волков, отец Г.К.

⁵ Письмо из Ядрина от 2 января 1924 года.

⁶ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 39. С. 51-52. Автограф.

ГАГАРИНА А.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> В тяжелую минуту моей жизни я рискую обратиться к Вам с настоящим заявлением и просить выслушать меня.

Я освобождена 26/III-32 с лишением права проживания в Ленин-гр<адской>, Москов<ской>, Харьков<ской> обл<астях> и пограни<чных> районах. Находилась в заключении 9½ мес<яцев> и в Тифлис была препровождена в числе других арестованных из Сухума. Следователем мне была предъявлена ст<атья> 58-10. Я уроженка Кур-ской губ<ернии>, мой отец юрист и всю свою жизнь работал. Умер, состоя юрисконсультom Совпрофа Абхазии и членом законодат<ельной> комиссии при СНК Абхазии. Моя урожденная фамилия Логофет. Замужем я была всего 4 года, мой покойный муж тоже курянин, человек без средств, работал в земстве. Во время Германской войны, призванный как запасной, он был ранен и контужен в спину, следствием чего явилось тяжелое заболевание <...> По состоянию своего здоровья он совершенно законно в 1918 г<оду>, кажется, осенью, выехал в Кисловодск, я же с ребенком оставалась в Курске, где служила в Угро. При занятии Курска белыми я на 3-й день выехала к мужу и оставалась в Кисловодске до момента переезда в Теберду по совету врачей из-за слабых легких и начала туберкулеза у сына. Из Теберды я с семьей переехала в Абхазию. При переезде мы были ограблены, я ранена в голову, муж убит — это было при меньшевистской власти, со мной были и мои родители. При установлении Советской власти в Абхазии мой отец получил службу, и только с этого момента <мы> смогли существовать, ибо найти работу при меньшевистской власти было невозможно. Будучи ограбленная до нитки, с больным ребенком на руках, я пережила самое тяжелое время. При Советской власти я смогла стать на ноги, сын был принят в школу, и только Сов<етской> власти я обязана, что не погибла окончательно. У меня нет близких родных, и после смерти отца я являлась единственной работницей в семье. У меня больная, беспомощная старуха-мать, 67 лет, и больной легкими сын 18 лет, остались в Сухуме без всяких средств к жизни. Мальчик работает монтером и, конечно, не может учиться. Он вырос и воспитан в духе советского строя.

Главной причиной моей высылки, очевидно, было письмо старого знакомого нашей семьи по Курску — чл<ена> Кур<ского> окр<ужного> суда А.Х. Ворзарь. Будучи переведен в Курск в бытность мою еще

¹ Гагарина (урожд. Логофет) Александра Александровна.

² Письмо от 3 апреля 1923 года.

гимназисткой, он, несмотря на свои годы (старше моего отца), благодаря исключительным чертам своего характера — оригинальности старого холостяка, старался быть с молодежью и зачастую быть даже смешным, что не мешало ему быть редко порядочным и благородным человеком. Узнав от своих знакомых, что я овдовела и живу с больным ребенком в Сухуме, что я очень нуждаюсь, он написал мне и прислал 20-ть дол<ларов> через Госбанк, это было в 1928 г<оду>, сопровождаемые злополучным письмом, в котором он меня просил сообщить о получении и писал о родственнице, проживающей возле Парижа, описав, кто она такая, как живет, объяснив, что письма лучше идут через Румынию. Я ответила открыткой, просила не беспокоиться и также не писать мне о людях, мне неизвестных и чуждых. Долгое время от него не было известий, но после смерти отца он прислал мне еще 30-ть дол<ларов> и затем стал присылать мне ежегодно для сына 20-ть дол<ларов>. Я далека была от мысли, что это глупое письмо сможет быть истолковано не в мою пользу. Что из себя представлял Ворзарь, я просила следователя навести справку в Курске. Я пострадала за болтовню старого оригинала, сама же ни на одну минуту не чувствуя себя виноватой. Мои клятвы, мои уверения, что я ничего подлого никогда не позволила бы в отношении Советской власти, конечно, не были приняты во внимание — ко мне нет доверия, я в полном отчаянии. Находясь в заключении 9½ месяцев, я жила исключительно на 25 р<ублей>, которые получала за работу в цехе, теперь, освобожденная, я очутилась форменно на улице, для того, чтобы доехать до Краснодара, я заняла в Тифлисе, ибо из дома мне ничего прислать не смогли. Моя мать лежит тяжело больная. Здесь в Краснодаре я нахожусь без угла, без службы, куда ни обратишься, не хотят слушать, и без гроша денег. Мое положение ужасно. Если бы я была преступницей, то я бы не рискнула беспокоить Вас своим заявлением. Я подала заявление о помиловании и разрешении вернуться в Сухуми, считая себя виноватой только в том, что после получения этого письма я должна была прекратить переписку, которая и была, если таковую можно назвать перепиской, раз в год. Нужда больной матери и сына заставили меня даже принимать 20-ть дол<ларов>, т<ак> к<ак> и это являлось для меня помощью <...> Умоляю Вас войти в мое положение и помочь мне советом и Вашим ходатайством перед ЦИК ССР о разрешении мне вернуться в Сухум <...>»¹.

¹ ГА РФ.Ф. 8409. Оп. 1. Д. 773. С.178-179. Автограф.

О ГАГАРИНЕ А.А.¹ — ЕНУКИДЗЕ А.С.²

«<...> Сын мой, Андрей Андреевич Гагарин³, был арестован в Ленинграде у себя на квартире в ночь с 25 на 25-е апр<еля> прошлого 1930 г<ода>, и вот уже скоро 15 мес<яцев> как находится в заключении, ныне в Бутырском изоляторе в Москве, что лишает семью единственного кормильца⁴.

Убедительно прошу ЦИК СССР при рассмотрении его дела принять во внимание научные и общественные заслуги его отца, моего покойного мужа, проф<ессора>-инж<енера> А.Г. Гагарина, его заслуги признанные в свое время Влад<имиром> Ил<ичем> Лениным, выдавшим ему в 1920 г<оду> в этом удостоверение с собственноручной подписью (под № 850).

Будучи первым директором Политехнического Института, муж мой неоднократно выручал из тюрьмы и ссылки многих будущих молодых революционных деятелей, студентов Института, и своим ходатайством спас от смертной казни тов<арища> Фрунзе, за что сам пострадал от царского суда.

Сын мой наследовал исключительную трудоспособность отца и, если ему будет возвращена свобода и возможность работать, имея при себе жену и малолетних детей, то полезность его труда для социалистического строительства удесятелится, и это выведен из крайне тяжелого материально положения нашу семью, которая никогда никакой вины против советской власти не имела М.Д.Г.»⁵.

¹ Заявление Марии Дмитриевны, матери А.А., от 8 июля 1931 года.

Гагарина Мария Дмитриевна (урожд. княжна Оболенская), родилась 26 сентября 1864 в Петербурге. Получила домашнее воспитание. Муж князь Андрей Григорьевич Гагарин, инженер-артиллерист (скончался в январе 1921). В семье было шестеро детей. В 1910-е — организатор «Новой художественной мастерской», в 1917 — художественной колонии в имении «Холомки» под Порховом. В декабре 1918 — арестована за «контр-революцию», в январе 1920 — освобождена. В январе 1934 — выкуплена старшими сыновьями и выехала за границу. Жила в Стейт-Колледже (Пенсильвания). Написала воспоминания. 23 октября 1946 — скончалась.

² Енукидзе Амель Сафронович, секретарь Президиума ЦИКа.

³ Князь Гагарин Андрей Андреевич, родился 23 мая 1886 в имении «Холомки». Окончил гимназию и МАУ, с 1911 — служил в лейб-гвардии Конной артбригаде, с ноября 1912 — подпоручик, с августа 1914 — на фронте, с 1915 — поручиком. 11 января 1922 — арестован, 14 июля освобожден. 8 августа 1928 — арестован, приговорен к 2 годам концлагеря и отправлен в лагерь. Освобожден по амнистии (?).

⁴ Арестован, возможно, по делу С.Г. Таманцева.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 625. С. 76. Автограф.

О ГАГАРИНЕ А.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.

«<...> Положение наше становится прямо безвыходным; вот уже 15 месяцев, что Андрей арестован, и что семья его лишена единственного кормильца и находится на моем иждивении. Я положительно выбилась из сил и начинаю даже падать духом. Если только была бы надежда, что его выпустят! Но если его сошлют и лишат возможности надолго содержать при себе семью, то положение наше станет катастрофическим. После появления в газетах речи т<оварища> Сталина² у меня появился луч этой надежды, и я решилась снова обратиться к А.С. Енукидзе <...>»³.

О ГАГАРИНЕ А.А.⁴ — ВИНАВЕРУ М.Л.⁵

«<...> Очень благодарю Вас за извещение относительно моего сына и хочу сообщить Вам, что с тех пор в его судьбе произошло значительное изменение. Во-первых, он приехал к нам сюда с удостоверением из ОГПУ, что он освобождается из-под ареста просто без всяких оговорок или условий и никакого приговора он вообще не получал. Затем в ВСНХ, куда он обратился после выхода из ОКБ, ему предложили на выбор три службы: 1) в Москве; 2) в Донбассе и 3) в Сибири в Кузнецстрое. Он предпочел последнее, т<ак> к<ак> там ударная стройка, интересное дело по его специальности и приличное содержание. Кроме того ему забронировали его ленинградскую квартиру. Он совершенно здоров, выглядит прекрасно и уже уехал на место новой службы. Как видите, все окончилось вполне благополучно, и мне остается только поблагодарить Вас и Екатерину Павловну за участие <...>»⁶.

В середине 1930-х — Андрей Андреевич проживал в Сталинске Кемеровской области, работал заведующим проектной группой на Кузнецком металлургическом заводе. 28 июня 1937 — арестован как «руководитель штаба диверсионно-повстанческой организации, готовившей вооруженное восстание против советской власти». 9 июля 1937 — приговорен к ВМН. 18 июля расстрелян.

¹ Письмо Марии Дмитриевны Гагариной от 27 июля 1931 года.

² 23 июня 1931 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 625. С. 74. Автограф.

⁴ Письмо Марии Дмитриевны Гагариной.

⁵ Письмо от 20 декабря 1931 года.

⁶ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 625. С. 67. Автограф.

О ГАГАРИНОЙ В.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Я, бывшая сестра милосердия, взяла на себя миссию — ходатайствовать перед ПКС об оказании помощи для заключенной Гагариной Валентины Александровны³, главным образом — теплой одеждой и обувью, так как она должна оставаться совершенно раздета и разута, без самых необходимых вещей <...>».

Из прошлого ее я мало что знаю. Знаю, что она княжна. Сиротка. Жила и воспитывалась в детстве у богатой родни. В революцию ей было 14 лет, и с первого же года революции она вместе со своими родными не выходила из каких-то жутких, темных, путаных историй. От нас она ничего не скрывала, не врала, но просто не умела ничего рассказать путем, а, если что и говорила, то все это было как-то непонятно и дико.

Так, напр<имер>, болтала, что в год революции была присуждена к расстрелу, и что за малолетство ее Сов<етская> власть помиловала и только посадила на 10 лет в тюрьму. И что в тюрьме она с разными бабами просидела только три года, а потом ее выпустили под надзор полиции.

Я с ней познакомилась в 24-м году у общих знакомых-старичков, которым она оказывала бесчисленные услуги и скрашивала их жизнь своей беззаботной жизнерадостностью. А они за это, по бедности своей, ничем не могли ее отблагодарить и только скудно кормили, чем питались сами.

Меня она очень интересовала. Я не могла понять, как юная хорошенькая девушка может прозябать в такой страшной безысходной нищете, не имея ни дома, ни каких-либо своих вещей, только то, что было на ней?! Хотя это единственное платьишко на ней, туфельки и жакетка всегда имели какой-то шикарный вид и сразу же изобличали в ней породу!

Потом каким-то чудом она получила комнатку. Мы — ее друзья — подарили ей кто, что мог: я — матрац, другие — подушку, тазик, кувшин, примус и кастрюльку. Подаркам она очень радовалась, хозяйничала, держа все в порядке.

Мечтала, что когда-нибудь выслужится и получит право работать, зарабатывать и будет жить человеком!

И — вдруг — мы узнаем, что Валя исчезла! Арестована!..

¹ Заявление написано Евгенией Александровной Сулимовой.

² Письмо от 2 ноября 1930 года.

³ Родилась в 1902 году. 22 июня 1922 — освободилась из Московской женской трудовой колонии.

Прошел год. Прихожу однажды к своим, и мне говорят: “Вообрази, Валя наша нашлась!” Ее видела сестра Варя. Она была в красном платочке на голове, в серой юбке и блузе и сказала, что она отбывает будто принудительные работы на Курской железнодорожной станции, где она служит чернорабочей, обмывает вагоны и получает за это жалование. А когда отбудет наказание, то реабилитирует себя окончательно и будет уже полноправная гражданка СССР. Обещалась к нам зайти и все рассказать. Мы пожалели ее, что она на черной работе, обрадовались и ждали ее. Но вдруг узнаем, что она арестована опять, и ее увезли очень-очень далеко.

Прошло около года... Старички получают от нее письмо... очень упавшее духом и на ее нрав не похожее... Прощается она со всеми нами и пишет, что теперь уж ей никогда Москвы не увидеть и что в проклятии своем уверовала и молится! И сообщила адрес¹. Старички всплакнули. Сказали, что писать не будут — боятся, как бы в знакомстве с нею не пострадать и им... Я взяла адрес и написала ей очень большое письмо. Закидала ее всевозможными вопросами и, прося ее на все мне подробно ответить. Письмо мое — дошло. Она сейчас же отправила мне это письмо, которое прилагаю.

Прошел месяц, два... Я ждала, что она все объяснит, как обещалась. Но — объяснений никаких не последовало... И вдруг сегодня получаю от нее прилагаемую открытку.

Сегодня же я пошла на ее квартиру — узнать о вещах ее. Встретила меня ее бывшая хозяйка квартиры, очень честного вида, симпатичная старушка. Сказала, что у нее цело и хранится только примус и кастрюлька, остальное — сначала ГПУ комнату запечатали, а потом пришли, сняли печати и все вещи передали домоуправлению, и дворник все это стащил в сарай и бросил все на мокрую землю у стены, где все уже давно сгнило и истлело... К дворнику я и не пошла, считаю бесполезно.

Я решила обратиться к Вам. Описать Вам все, как можно яснее, и просить Вашей помощи... Обращаюсь к Вам — не как к власти имущей, а как женщина — к женщине.

Пожалейте несчастную девчурку. Согрейте ее бедное тельце, мерзнувшее во льдах Ледовитого океана! Не найдется ли у Вас, при личном Вашем распоряжении, чего-либо теплого: одеяла? тулупа крестьянского? чулок? пары белья? Ведь у нас ничего нет! Попытаться соорудить посылочку, уделивши кое-что от себя? Но боюсь, что такая, мало полез-

¹ Она находилась на Соловках, на Попов-острове.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 603. С. 70-73. Автограф.

ная посылка и в такую даль — может стоять больше, чем вся моя месячная пенсия?! Нет ли у Вас возможности отправить тючок как-нибудь бесплатно?! <...>»².

<27 ноября 1930>

«<...> Взяла на себя миссию быть ходатайницей перед Вами о глубоко несчастном существе, молодой девушке 27 лет, Валентине Александровне Гагариной. Она находится в далекой ссылке (адрес ее на конверте письма). Помочь человеку в ее положении мы — кучка ее друзей, о которых она упоминает в своем письме — ничем не в силах. Кучка друзей ее состоит из самых горьких, ничем не обеспеченных бедняков и очень древних по возрасту, из которых я — самая юная (68 лет) и самая обеспеченная: имею пенсию военного инвалида в 20 руб<лей> в месяц!

Гагарина — исключительно доброе и отзывчивое существо, созданное скрашивать жизнь людей, у которых в жизни — все в прошлом и решительно ничего, кроме глубокой старости, болезней и могилы — в настоящем и будущем...

Кто ее знал, те благословляют ее за те минуты ласки и тепла, которые она распространяла одним своим появлением.

И это-то милое создание сейчас погибает в далекой ссылке.

Кто только видал ее и знал, тот никак не может поверить, чтобы эта милая девушка, почти ребенок — могла совершить какое-либо преступление. И — в особенности, преступление против Сов<етской> власти, перед членами Правительства, перед которыми она просто благоговела!

В Рыкова — была даже отчаянно влюблена, и большой ее печалью было, что он мало доступен народу, мало и редко, когда она могла на него взглянуть и слышать его. За каждого, отдельного члена Правительства, она готова была каждому горло перегрызть при малейшем неодобрении действий Наркомов <...>»¹.

В 1930 — освобождена из ссылки с ограничением проживания. Жила в Краснодаре. 21 июня 1933 — разрешено свободное проживание. Поселилась в Абхазии, работала секретарем. В 1935 — арестована, 5 сентября 1935 — приговорена к ВМН. Расстреляна.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 603. С. 74. Автограф.

ГАЛУШКИН Н.И.¹ — в ПРЕЗИДИУМ ВЦИК²

«<...> Постановлением Сальского Окружного ОГПУ, состоявшемся в апреле месяце 1930 года, я, после 2½ месячного заключения без пищи и без прогулок на свежем воздухе, больной старик 65 лет, признан виновным в агитации и присужден к высылке в г<ород> Архангельск, в распоряжение ГПУ сроком на 10 лет, куда немедленно и отправлен, не дав мне возможности взять необходимую теплую одежду, обувь, белье, и без всяких средств.

После 11 суток путешествия в самых тяжелых условиях, почти без пищи и воды, меня, наконец, доставили в Архангельск 22 апреля и поместили в барак, где находятся несколько тысяч таких же высланных. Здесь тоже я не имел продовольствия, и приходилось покупать хлеб на рынке самого плохого качества по 1 руб<лю> за кило, о других же продуктах питания по случаю их дороговизны и думать не приходиться, это мне не доступно, несмотря на то, что по состоянию здоровья хорошее питание мне было необходимо.

Через неделю после нахождения моего в холодном бараке, при сырой и холодной погоде (мороз доходил до 15 градусов), меня с другими погрузили в товарный вагон, где по случаю мороза и холода я совсем заоченел в своей легкой одежде и обуви, и в таком виде доставили на станцию Обозерскую, откуда мы прошли лесом верст пять, и я помещен в барак № 42. Здесь зимою устроены новые бараки, в количестве 60, из жердей, крытые мерзлой землей, у большого озера; местность сырая, и бараки тоже; земляной изрытый пол бараков промерз так, что устроенные здесь в бараках примитивные печи только дымят, а тепла не дают нисколько, везде сырость, холод, нигде обогреться и обсушиться; в каждом бараке помещается до 200 человек, а всех ссыльных здесь до 8000 в одном только Обозерском пункте, покрытых тучами паразитов; смертные случаи стариков и детей здесь обычное явление почти каждый день, и медицина бессильна помочь <...>.

Здесь я должен заметить, что ни в Архангельске, ни здесь не дают почти никакого продовольствия, дано раза два за неделю по 1 фун<ту> хлеба черного и черствого и воды со стоячего озера с настоем, как чай, от осыпавшихся листьев леса — и больше ничего. <...> все обречены на медленную мучительную смерть <...>»³.

¹ Николай Иванович Галушкин. Следователь, мировой судья, земской начальник.

² Заявление от 5 мая 1930 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 520. С. 27-28. Автограф.

О ГИЗЕТТИ А.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.

«<...> До меня дошли вести из Москвы, что муж мой, Александр Алексеевич Гизетти², арестованный в Ленинграде 15/IX 30 г<ода> и содержащийся в ДПЗ, высылается в Среднюю Азию. А.А., имея партийное прошлое (б<ывший> с<оциал>-р<еволюционер>) и слывя в качестве идеолога за “одиозную” фигуру с Октябрь<ьской> революции, все 13 л<ет> был исключительно культурным и научным работником. Кому надлежит знать, об этом прекрасно знали; и арест его, бесспорно, рассматривается как мера предупредительная, а не наказующая. Вот это обстоятельство и, кроме того, чрезвычайно трудное личное и семейное положение (брошенные литературные работы и дряхлая больная мать 77 л<ет>) дают мне право обратиться к Вам с просьбой, не сочтете ли Вы возможным запросить власти: 1) о разрешении ему возвращения домой, хотя бы на несколько дней, для приведения в порядок своих семейных и литерат<урных> дел и 2) о замене этапа самостоятельным путешествием на место ссылки <...>»³.

О ГИЗЕТТИ А.А.⁴ — ВИНABЕРУ М.Л.

«<...> Вот уже целый месяц прошел, как его увезли, и семья не может нигде узнать, что с ним и где он. Вы представляете себе, в каком положении его семья — две старухи и беспомощная жена — какие мысли бродят в их головах, какие страхи обуревают их. В самом деле, ведь если он до сих пор в пути или уже прибыл на место, он мог бы уже десять раз написать о себе, между тем от него нет никакого известия. Поневоле три женщины думают, что он мог и заболеть, и лежит где-нибудь<удь> беспомощным. Поэтому единственная надежда на Вас <...>»⁵.

В феврале 1931 — Гизетти А.А. был выслан в Коканд, позднее — в Ташкент. В начале 1933 — арестован, 28 июня приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. 20 января 1936 — освобожден, проживал в Куйбышеве. В 1938 — арестован, вывезен в Москву и заключен в Таганскую тюрьму. 17 июня 1939 — освобожден.

¹ Письмо от жены А.А., Елены Гизетти, от 3 февраля 1931 года.

² Гизетти Александр Алексеевич, родился в 1884 в Петербурге. Литератор. С 1907 — член партии эсеров. С 1924 — читал доклады на философско-литературные темы в «Вольной философской ассоциации». 5 ноября 1924 — арестован, заключен в ДПЗ, но вскоре освобожден. В 1929 — арестован, вновь освобожден.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 565. С. 75. Автограф.

⁴ Письмо написано Прибытковым А., знакомым семьи Гизетти, 6 марта 1931 года.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 565. С. 87-88. Автограф.

О ГОЛИЦЫНЕ В.М.¹ — в ПКК²

«<...> В ночь со 2-го на 3-е апреля был арестован муж мой, Владимир Михайлович Голицын, 27 лет, художник. Работал он в Госиздате по иллюстрированию детских книг, в редакции “Молодая Гвардия”, где давал рисунки в журналы: “Пионер” и “Знание – Сила”. Кроме того работал в Кустарном музее, котор<ый> большое количество его работ послал в Париж на выставку “Изящных искусств” в 25-м году, где его работы удостоились 2-х золотых и 1 серебряной медалей. Отбывал воинскую повинность во флоте. Совершил путешествие по Северному Ледовитому океану, на Новую Землю с экспедицией “Плавморбина” с 1920 по 1922 год³. В начале 1923 г<ода> женился; имеет одного ребенка и ожидается в июле месяце 2-ой. С конца 1922 г<ода> живет безвыездно в Москве, усиленно работая, чтобы содержать семью. В 1925-м году⁴ был арестован в мае месяце и через месяц выпущен, без предъявления обвинения. Безусловно никакой контрреволюцией никогда не занимался и относился лояльно к советской власти»⁵.

По ходатайству ПКК Владимир Михайлович через месяц был освобожден. В 1929 — семья была выселена из Москвы. Поселились в селе Котово под Москвой, в июле 1931 — переселились в Дмитров. В октябре 1933 — арестован на квартире Алексея Львовича Бобринского, также арестованного. В апреле 1934 — приговорен к 3 годам ИТЛ условно⁶. Вернулся в Дмитров, работал художником на дому. 23 октября 1941 — арестован⁷. 27 мая 1942 — приговорен к 5 годам ИТЛ. Отправлен в Свияжлаг, где работал художником. 6 февраля 1943 — скончался в лагере от пеллагры.

¹ Голицын Владимир Михайлович, родился 30 декабря 1901 в имении Бучалки Ефремовского уезда Тульской губ. Князм. У родителей были имения в Тульской, Орловской и Московской губ. В 1918 – окончил гимназию, проживал с семьей в Богородицком Тульской, работал художником в газете «Рассвет», затем в уездном отделе печати Богородицкого. С 1920 – проживал в Туле, работал художником в Губотделе печати.

² Письмо Елены Петровны Голицыной, жены В.М.

³ Именно знакомство с участниками экспедиции, норвежцами и англичанином, а также с секретарем английской миссии, дало основание обвинять «в шпионаже».

⁴ Был арестован как «социально-опасный элемент».

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 140. С. 122. Автограф.

⁶ Обвинялся «в подготовке террористического акта над одним из руководителей ВКП(б) и советского правительства». Виновным себя не признал.

⁷ Обвинялся «в антисоветских настроениях и высказываниях».

ДАНЗАС Ю.Н.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Я получила почтовый перевод от 9/XII за № 3726, за который приношу глубокую благодарность. С тех пор в моей жизни произошла глубокая перемена: 8-го января я освобождена из лагеря “в чистую”, т<о> е<сть> без ограничения местожительства. К сожалению, я не могу этим воспользоваться за неимением где-либо пристанища родных или близких людей. Я вначале даже растерялась, куда деваться. Решила пока остаться здесь; благодаря присланным Вами деньгам, я подыскала себе помещение с большим трудом, так как здесь комнат нет или они слишком для меня дороги. Нашла, наконец, приют у одной доброй женщины, занимаю угол в ее комнате, совместно с ее ребенком, двумя стариками и целым выводком кур, плачу за это 20 р<ублей> в месяц, и это по здешним ценам недорого! Чтобы иметь хоть какой-нибудь заработок, пристроилась пока счетоводом в местной лесной конторе, на жалование 110 руб<лей> в месяц, но это — временная работа. Стараюсь не терять бодрости духа, так как, несмотря на совершенно разбитое здоровье, голова еще свежа, и я еще вполне трудоспособна для всякой умственной работы. Но в общем мое положение весьма незавидное, и решила написать Алексею Максимовичу с просьбой устроить меня на какую-нибудь работу, где угодно, но по возможности в лучших климатических условиях. Быть может он не откажет в предоставлении мне какого-нибудь литературно-научного заработка в какой-нибудь редакции или признает возможным рекомендовать меня на какую-нибудь должность в одной из санаторий или Домов ученых: лишь бы было помещение и стол при минимальном окладе. Простите, что беспокою Вас просьбой передать Алексею Максимовичу это ходатайство, на случай, если мое письмо к нему не дойдет, так как не знаю его адреса и пишу

¹ Данзас Юлия Николаевна, родилась в 1879 году в Афинах. Получила домашнее воспитание. Изучала историю и философию в Сорбонне, занималась научной работой в Париже и в Риме. С 1907 — фрейлина императрицы. Автор двух книг. С 1916 — доброволец Оренбургского казачьего полка, участвовала в боях, награждена Георгиевскими крестами. После 1918 — заведующая отделениями филологии и инкунабул в Публичной библиотеке Петрограда. Преподаватель истории Англии и Франции в Педагогическом институте. Заведующая Домом ученых. 17 ноября 1920 — перешла в католичество. 25 марта 1922 — пострижена в монахини с именем Иустина, вошла в общину Св. Духа. В ночь с 17 на 18 ноября 1923 — арестована в Петрограде по групповому делу русских католиков. 19 мая 1924 — приговорена к 10 годам тюремного заключения. Отправлена в Иркутский изолятор, весной 1928 — переведена в СЛОН, а в 1931 — в Белбалтлаг. В январе 1932 — досрочно освобождена по ходатайству М. Горького. Осталась работать в лагере вольнонаемной (на ст. Медвежья Гора).

² Письмо от 18 января 1932 года.

ему наугад в Москву. Мне ужасно стыдно беспокоить Вас такой слезницей, но Вы были так добры ко мне в самые безвыходно-тяжелые для меня времена, что быть может не откажете теперь в Вашей помощи для какого-нибудь устройства моей жизни. С этой надеждой прошу Вас еще раз принять уверение в моей вечной признательности. Ю. Данзас»¹.

ДАНЗАС Ю.Н. — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Теперь у меня на очереди вопрос о том, чтобы как-нибудь отсюда выбраться, так как устроиться здесь хорошо в смысле заработка не представляется возможным, жилищные условия ужасны, а климат для меня совершенно непереносим. Я кое-как дотянула до конца зимы, так как никуда не могла двинуться в моем рваном полушубке и прочих зимних лохмотьях, а теперь уже скоро можно все это бросить и устремиться налегке куда-нибудь на юг. С этой целью я бережно сохранила присланные Вами 100 рублей и еще скопила несколько десятков рублей на проезд. Контора, где я пока работаю, ликвидируется к 1 мая, и мне хотелось бы сейчас же уехать, т<о> е<сть> немедленно после майских праздников <...> Мне безумно хотелось бы при отъезде отсюда остановиться на несколько часов в Москве (от поезда до поезда) и попытаться Вас повидать лично. Считаете ли Вы это возможным? Буду ждать от Вас весточки с мучительным нетерпением.

Живу сейчас только перечитыванием дорогого письма от брата³, на которое не решаюсь ответить по явной безнадежности такого предприятия, хотя сердце разрывается от порыва высказать ему свою любовь, которая умрет только со мною <...>»⁴.

В 1934 — Юлия Николаевна Данзас выехала в Германию, с 1935 — проживала во Франции. Вступила в орден Св. Доминика, но вскоре поняла, что жизнь в монастыре не для нее. С осени 1935 — сотрудница доминиканского центра изучения России «Истина» в Париже. Писала статьи для журнала «Истина». Автор нескольких книг. С 1939 — проживала в Риме, где 13 апреля 1942 — скончалась.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 728. С. 75-76. Автограф.

² Письмо от марта 1932 года.

³ Яков Николаевич Данзас, проживавший в Германии, выкупил Ю.Н. за 20 тысяч франков. По воспоминаниям его сына, возвращал этот долг в течение многих лет.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 728. С. 77-78. Автограф.

О ДОБРОВОЛЬСКИХ В.И. и А.И.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«Тетя Е.П. Пашкова!»³

Я к вам обращаюсь с великой просьбой. Нашего отца выслали. Мама совершенно больна. У нее 3-я стадия туберкулеза, она лежит в больнице. Доктора говорят что если ей дать питание то она может еще не много прожить. Но она не служит и о питании не может быть и разговора.

Нас двое я и сестричка, мне 12 лет а сестренке 9 лет. Мы пока мама придет из больницы живем у соседей. У нас никаких родственников нет. Была одна тетя папина сестра которая нам хоть немножко помогала но ее тоже выслали. Мама может умереть и мы останемся на произвол судьбы. Папа нас взять не может потому что он в концлагере. Умоляем вас помогите нам.

Наш папа после революции был красным командиром в Харькове, в школе червоних старшин и потом служил. Аристовали его 17 октября 1930 г<ода> а выслали 9 апреля 1931 г<ода> в Киеве. Выслали совершенно не ожидано без объявления приговора в концлагерь.

Его адрес сейчас уральская область, Красно-Вишерск лагерь — 6 рота⁴. Владимир Иванович Добровольский.

А тетю аристовали тоже в Киеве и выслали на вольную высылку на 3 года. Адрес: Кома область, Усть кулом. Александра Ивановна Добровольская.

Умоляем вас как либо помочь нам чтобы папа мог взять нас к себе. Ляля и Галя Добровольские наш адрес г<ород> Киев. Андреевская ул<и-ца> 11 кв<артира>»⁵.

На письме — запись Пешковой Е.П.: «Пошлите продовольств<ен-ную> посылку Е.П.».

¹ Добровольский Владимир Иванович и Добровольская Александра Ивановна.

² Письмо из Киева от дочерей В.И. и А.И. Добровольских – Гали и Ляли Добровольских от 6 мая 1931 года. Письмо школьник приводится полностью и без исправления грамматических ошибок.

³ В письме неправильно написана фамилия Е.П. Пешковой.

⁴ Вишерлаг.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 802. С. 183. Автограф.

О ДОЛГОРУКОВЕ П.Д.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Только что написала Вам личное поздравление, как приходится писать Вам по делу, — как представительнице Красного Креста. Ко мне обратились родственники князя Павла Долгорукова³ с просьбой написать Вам и просить Вас дать справку, правильны ли сведения, распространяемые эмигрантскими газетами об аресте его в России и т<ак> д<але>. Они просят Вас навести справку, есть ли кто-нибудь около него, кто о нем заботится, и, если нет никого, как организовать ему помощь, можно ли послать деньги Кресту. Не можете ли также сообщить, грозит ли ему суд, и, если да, есть ли у него защитник. Очень буду Вам признательна за исполнение этой просьбы его родственников. От себя могу только прибавить, что вне моего понимания стоит, зачем эти люди таскаются в Россию, подвергают опасности себя без всякого дела и смысла, — не пойму! Его родственники говорят, что его заела тоска, и только.

Простите за то, что согласилась передать Вам эту их просьбу. Приглашаю Вам вырезку из газеты. Правда ли все это?

Екатерина»⁴.

На письме помета секретаря ПКК: «Запр<осить> КРО».

Весной 1927 — Павел Дмитриевич Долгоруков был вывезен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму как заложник. После убийства на Варшавском вокзале монархистом Борисом Ковердой посла советской России П.Л. Войкова (10 мая 1927 года), бывшего одним из участников убийства царя Николая II с семьей и уничтожения их останков, Павел Дмитриевич Долгоруков в числе 20 заложников был расстрелян 9 июня 1927 года.

¹ Письмо Екатерины Дмитриевны Кусковой-Прокопович.

² Письмо от 28 декабря 1926 года.

³ Долгоруков Павел Дмитриевич, родился в 1866. Князь. Политический и общественный деятель. Ветеран среди руководителей земства. Один из основателей партии кадетов. 28 ноября 1917 — арестован вместе с кадетскими лидерами. В 1920 — после освобождения эмигрировал за границу. Написал там воспоминания «Великая разруха», изданные в Мадриде. Дважды, переодетый рабочим, пересекал границу Советской России. В 1926 — во время второй поездки был предан, в Харькове арестован, содержался в Харьковской тюрьме.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 118. С. 1-2. Автограф.

О ЗАМЯТНИНЕ Л.¹ — в ОГПУ²

«<...> ЗАЯВЛЕНИЕ

Нас трое малолетних³. Мама умерла в 1920 году. Отец — потрясенный смертью мамы — пошел в священники, и вот он — единственный наш кормилец в ночь на 25-е декабря 1926 года был арестован и по сие время находится в камерах заключения Томского Окр<ужного> ГПУ. Мы остались одни и без средств к жизни, а всем нам нужно в школе учиться. Арест отца является следствием каких-то беспричинных подозрений к нему, как исполняющему обязанности личного секретаря старо-канонического Томского архиепископа Дмитрия Беликова. Между тем, его работа у архиепископа протекала в открытой переписке архипастыря со своими пасомыми, преподании им благословений на принятие для служения того или иного клирика, наставлений по делам веры и церковной практики — в абсолютной несоприкосновенности с политикой <...> Наш отец с января 1914 года был в Симбирске на гражданской службе Государственного Коннезаводства, но еще до поступления на службу по коннезаводству управляющим Симбирской Госуд<арственной> Конюшни, он с 1909 года состоял кандидатом, а в 1912 году окончил стаж специальной подготовки коннозаводских служащих при Хреновском Госуд<арственном> конном заводе в Воронежской губернии. После кратковременного пребывания на фронте в 1916 году назначен в Сибирь управляющим вновь строившегося конного завода “Кузнецкий разводник”, где и прослужил время переворотов февраля, октября 1917 г<ода> и Сибирских событий 1918 года — все время с 1916 по апрель 1919 года бессменно. Это обстоятельство явно свидетельствует, что он, как сумевший удержаться на ответственном посту управляющего в смутное время, действительно имел хорошие отношения с рабочими завода и окружающим “Кузнецкий разводник”, по преимуществу бедным, переселенческим крестьянским населением. С 1-го апреля 1919 г<ода> был назначен по мобилизации во 2-ю Сибирскую Ремонтную Комиссию по покупке лошадей как специалист-коннозаводчик, с последующим назначением Председателем 3-й Сибирской Ремонтной Комиссии. Будучи в полном смысле аполитичен, никогда он и не думал идти вразрез с Властью Народа, той Властью, которая стоит на страже

¹ Замятнин Леонид. Заявление от имени его детей напечатано кем-то из взрослых.

² Заявление от 10 февраля 1927 года.

³ Мария, Ирина и Елена Замятнины, дети священника Леонида Замятнина.

прав и интересов трудового крестьянства и рабочих. Еще служа в старой армии с 1902 года, после участия в Японской войне он решительно уклонился от служения в войсках на усмирении и, когда кавалерийские полки были привлечены к полицейской службе при забастовках, в это время он выехал в Германию и, возвратясь из заграницы, перевелся в Финляндию, где его последующая служба проходила (в условиях, сходных с заграничной командировкой) с 1906 по 1914 год. Что касается до его убеждений, — то с 1910 года, после перенесенных потрясений, в своем внутреннем мирозерцании резко уклонился в сторону религиозной настроенности, всецело захватившей его и усилившейся со временем до полного влияния на всю его жизнь и деятельность, с той поры сознательно направленной во имя братской любви на благо народа. И когда в 1920 году нас постигло несчастье, — умерла наша мама, отобрали все наше имущество, нас троих малолеток взяли в сельский приют, — в этот момент он и принял сан священника. И так, фактически давно уже служащий чисто гражданского ведомства, он принял сан по давно уже сложившемуся убеждению, а не по какому-нибудь расчету, и принял сан с ведома и разрешения Советской Власти в лице начальника Штаба красных войск Западной Сибири, товарища Акулова. И после служил он в деревне, но нередко встречал со стороны глухо провинциальных местных агентов недоумения, — почему, с каким расчетом он, бывший офицер, принял сан священника? И эти подозрительные недоумения вызывали применявшиеся к нему репрессии, в которых страдали мы, его трое детей малолетних, на глазах наших он был арестован, а мы, неповинные сироты, страдали, оставаясь без отца и без призора, как остаемся и в настоящее время. Видя, что в глухих местах будет тоже неразбирательство в его положении, и дабы избежать тех беспримерных переживаний, какими страдали мы при его аресте, он перебрался в Томск, предполагая найти в окружном городе более человеческое отношение, а также встретить в Окр<ужном> ГПУ лиц, могущих разобраться как в его направлении, так и во всей его деятельности, и вместе с тем, имея основную цель — дать нам, детям, возможность спокойно учиться <...>»¹.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 169. С. 150-151. Машинопись.

ЗУБКОВСКАЯ С.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Как Вам известно, моя родина — Бессарабская губ<ерния> — находится с 1918 г<ода> в руках Румын<ии>; они не пропускали корреспонденции ни из России, ни в Россию. Моя мать сильно мучилась этим, не получая известий от меня. Я воспользовалась предложением архивариуса К.А. Илелена финской миссии в Ленинграде и через него препроводила письмо маме самого частного, невинного характера; я писала маме, что мне живется хорошо (между тем, я голодала, п<отому> ч<то> приходилось содержать моего младшего брата А<лександр>ра Стюарт и 2-х двоюродных братьев Влад<имира> Дм<итриевича> и Николая Дм<итриевича> Стюарт, томившихся в ДПЗ с 16/VI до 11/II-1920, когда их расстреляли), что я не нуждаюсь и что, как только получу разрешение, приеду к ней. Через 6 недель Илелен привез ответ; мама умоляла меня беречь себя и, лишь только представится возможность, приехать к ней. Меня арестовали в Лен<ингра>де 10/VI 1927 г<ода>, держали до 5/IV 1928 г<ода> (притом был всего один допрос 13/VI и 18/VII мне представили обвинение о “шпионаже в пользу Финляндии и нелегальной связи с монархическими деятелями за кордоном”, я никогда такими делами не занималась, даю Вам честное слово). Следователь обвинил меня в получении секретных военных дан<ных> от генштабистов и в передаче их за границу. Наглая, возмутительная ложь! Я занималась военными переводами с англ<ийского>, немецк<ого> и франц<узского> языков для диссертации и ученых трудов моего мужа, преподавателя военных наук в Ленингр<адских> военн<ых> академиях, Евгения Павловича Ильина. Моего мужа прекрасно знают т<оварищ> Подвойский, правой рукой которого по Всеобучу был мой муж, и С.С. Каменев, для которого муж написал свой последний труд “Артиллерийское сопровождение”. Муж ученый, много трудов написал, провел территориальную систему Всеобуча и т<ому> п<одобное>, кроме 3 Академий преподавал военизацию в Полит<ехническом> институте и университете, был в секции ученых, в Историч<еском> О<бщест>ве. Вся вина его в том, что он потребовал моего освобождения 19/VII 1927 г<ода>. Его тут же на Гороховой арестовал следователь, препроводил в ДПЗ, посадил его в подвал, в котором несчастный провел 10 дней, потом около 8 месяцев в ДПЗ, и 11/IV 1928 г<ода> отправили его в ссылку в Казахстан на 3 года с зачетом предвар<ительного> заключения без амнистии и обжалования¹. Мой

¹ Зубковская (урожд. Стюарт) Софья Александровна.

² Письмо от 19 ноября 1928 года.

приговор такой же, но на Урал². За что такой ужас, такая несправедливость? Муж окончил Лазаревский Институт восточн<ых> языков первым и старую Академию Генер<ального> Штаба по I разряду, всю жизнь трудился. Я окончила Бессарабскую 8 кл<ассную> гимназию и прослушала курс истории и литературы в Париже в Сорбонне. Знаю 5 иностр<анных> языков — франц<узский>, англ<ийский>, немецк<ий>, румынский и итальянский. Я пианистка и певица; была сестрой милосердия Кауфмановской общины 5 лет. Преподавала иностр<анные> языки в ФЗУ “Кр<асной> Газеты” 4 последние года, а до этого иностр<анные> яз<ыки> в Высшей школе связи. Служила последние 10 лет делопроизв<одителем>, секретарем, счетоводом, все время состояла в союзе³. И последнее время, кроме военных переводов, писала технич<еский> перевод с немецк<ого> яз<ыка> по наборному делу. Мы с мужем обедали в 11-12 ч<асов> ночи, целый день работали, зачастую и ночи. Не посещали ни театров, ни кино, ни концертов, не имели свободного времени. И наша трудовая честная жизнь привела нас на скамью подсудимых. Кошмар! Мы оба настолько больны и пострадали, что не вынесем этой пытки, этой несправедливости вопиющей. Мы никогда не участвовали в антиправительственных организациях, никогда не занимались политикой. Мы интересовались лишь наукой. Я дочь ученого — мой отец работал под руководством проф<ессора> Мечникова и Ковалевского, был д<окто>ром естественных наук и философии; учредил в Бессарабии о<бщест>во садоводства и плодоводства, выстроил известную Костюженскую больницу для 2000 умалишенных, музеев в Кишиневе, работал в земстве. Его несчастная младшая дочь — я, мучается в ссылке безвинно!

Умоляю Вас, добрейшая Екатерина Павловна, заступиться за нас и исходатайствовать нам, если не освобождения или амнистии, то нашего соединения. Мы не вынесем разлуки, а я этого сурового климата <...>»⁴.

18 октября 1928 — С.А. Зубовской разрешено было приехать к мужу. 30 октября Е.П. Ильин вынужден был срочно выехать в Кустанай. В апреле 1929 — ПКК ходатайствовал о применении к ним амнистии, но в июле того же года был получен отказ.

¹ Отправлен в Кызыл-Орду, работал научным секретарем отделения Госплана.

² Отправлена в село Уват Тобольского округа.

³ Имеется в виду профсоюз.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 228. С. 246-248. Автограф.

ИСТОМИН М.И.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Жена даже завидует мне, арестанту, находящемуся на “полном” госснабжении (<неразб.> камера, сверхпитательный тюремный паек в 1/10 нормальных калорий, решетка, <неразб.> и проч<ие> прелести). Выходит так, что лучше в тюрьме сидеть, чем быть на воле, живя в Москве в сыром, вонючем подвале, в углу у водомера, и за этот угол пьяного дворника с матерщиной платить необходимо 10 руб<лей>. Положение моей семьи поистине ужасное. Жена и дочь, ни в чем неповинные беспомощные существа, эти советские мученики, ждут меня, как избавителя от их страданий и мук. Ждут, когда я приеду в Сибирь на т<ак> н<азываемое> “вольное” поселение, выпишу (на какие средства?) их к себе и буду заботиться о них. Я тоже этого хочу, но вот что надо принять в соображение. Сибирь это обширная область с гиблыми местами (глушь Норильского, Туруханского края), куда 3 года скачи — не доскачешь. Есть в Сибири и такие места, где можно сносно жить, лечиться, трудиться и учиться (города Новосибирск, Бийск, Барнаул, Минусинск, Канск, Алтай, Кузнецк). Какая у меня гарантия, что, если я, больной, измученный инвалид труда, приеду в Новосибирск в распоряжение ПП ОГПУ, то меня зашлют “к чертям на кулички” в гиблое, глухое место Норильского или Туруханского края?

Жена моя писала со слов Ваших, что Московское ГПУ будто бы обещало разрешить мне поселиться в городе, но не в Казани, а именно в Сибири. В каком городе? И чем подкреплено реально это обещание? Согласитесь сами, Екатерина Павловна, что я, поверив этим обещаниям, отправлюсь этапным порядком в Сибирь, т<о> е<сть>, вернее, меня погонят этапом, погонят больного, измученного, без гроша в кармане в Сибирь. Приеду я в Новосибирскую тюрьму и, когда буду заполнять анкету, то укажу, что мне писала жена, а жене говорила Екатерина Павловна, что Московское ГПУ им обещало (!) оставить меня в городе, даже не могу указать, в каком именно городе “обещали” меня оставить на “вольном” поселении. Естественно, что мне могут сказать: “Обещанного, говорят, 3 года ждут, ну, а так Вам, гр<ажданин> Истомин, осталось 1½ года, то вы ждите обещанного 1½ года, а пока что собирайтесь в дальнейший этап для следования к месту нашего Новосибирского назначения, этак тысяч за 1½-2 верст от Новосибирска в далекие места Норильского или Туруханского края”. А я буду лепетать: “Я больной, жена и дочь беспомощны, должны жить со мной, я должен лечиться,

¹ Истомин Михаил Иванович.

² Письмо из Казани от 18 февраля 1928 года.

дочь учиться, вот у меня врачебные свидетельства и справки, а главное, платоническое обещание ОГПУ оставить меня в городе, а не в глухой деревне”. Я очень сомневаюсь, чтобы Новосибирское ГПУ вяло моим мольбам и поверило “обещаниям” Московского ГПУ, и более уверен, что, не вникая ни на болезни, ни на семейное положение, ни на возраст, — ушлет меня туда, откуда нет возврата, и куда семья не сможет приехать <...>

Поэтому я Вас убедительно прошу, Екатерина Павловна, выхлопочите реальный документ, который пришлите мне сюда или копию его, а подлинник (необходимо) для сведения и руководства отправить в Новосибирск <...> После (выхлопотания) получения этого разрешительного документа помогите моим, ни в чем неповинным мученицам (жене и дочери), получить бесплатный проезд к своему кормильцу <...>»¹.

ИСТОМИНА А.Т.² — ПЕШКОВОЙ Е.П.³

<<...> Пишет Вам жена ссыльного Михаила Ивановича Истомина. Прошу Вашей помощи, Екатерина Павловна. Устроить меня куда-нибудь на службу, совершенно безразлично на какую. Я осталась совершенно без всякой материальной поддержки, с ребенком, положение мое ужасное, из квартиры меня выселяют за неплатеж, сижу с ребенком в нетопленном помещении, не имею, на что купить дров. Все, что имела какое барахло, продала и больше продавать нечего. Муж сейчас находится в Казани, голодает, он уже Вам тоже писал об этом, и помочь я ему совершенно не могу <...> Прошу еще раз, Екатерина Павловна, помочь мне, чем только Вы можете, иначе мне грозит с ребенком голодная смерть <...>»⁴.

По ходатайству ПКК Михаил Иванович в сентябре был отправлен в Бийск. В 1930 — освобожден с ограничением проживания (-6) и поселился с семьей в Тамбове. 5 января 1935 — арестован, приговорен к заключению в лагерь и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Жена обратилась в ПКК — ходатайствовать о переводе его в Дмитлаг.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 236. С. 307-308. Автограф.

² Истомина Антонина Терентьевна.

³ Письмо из Москвы от 10 января 1928 года.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 236. С. 317. Автограф.

О КЛОПОВЕ П.И.¹ — ВИНАВЕРУ М.Л.²

«<...> В августе 1930 г<ода> Колл<егия> ОГПУ вынесла решение выслать моего мужа на 10 лет в концлагерь. Мой муж Петр Иванович Клопов, кадровый морской офицер, дворянин, служил в 20 году у белых. Выступал во время гражданской войны против СССР, был арестован за это и был осужден Ревтрибуналом морским на 20 лет условно. Тут же был выпущен из тюрьмы и назначен командиром подводной лодки, т<ак> к<ак> мой муж кончил подводные классы, во время царской войны плавал на подводной лодке. Командиром подводных лодок он прослужил несколько лет, но благодаря слабому здоровью (туберкулезу) он ушел с военной службы и перешел на завод [имени] Марти в Николаеве в качестве сдаточного командира, заведующ<им> плавучими средствами и начальником такелажного цеха. Служил мой муж там 9 лет 11 месяцев безукоризненно честно и добросовестно, о том я могу достать, если это будет нужно, сколько угодно справок и отзывов <...> Прошло уже больше года, и на заводе ему замену не могут найти; он был, как все говорят, большой специалист своего дела. Я не знаю, за что мой муж получил эти десять лет концлагеря теперь, но уверена, что только потому десять лет, так как раньше он имел условно 20 лет осуждения <...>».

11-го августа 1930 уполномоченный IV отд<ела> особ<ого> отд<ела> ОГПУ Владимир Сергеевич Рябинкин дал мне свидание с мужем у себя в кабинете, тут же мне сказал, что следствие выявило, что я ни в чем не виновата, что он меня выпустит, и нет ли у меня к нему просьбы. Я просила его разрешить мне жить с мужем, куда его не сослали, даже в концлагерь, он мне обещал и сказал: “Если мы сошлем Вашего мужа на остров Соловки и назначим на какой-либо из маяков по специальности, то Вы можете вместе с ним жить”. Сперва мой муж был сослан в Мурманск. Сейчас же с ноября месяца находится на Соловках на каком-то маяке <...>»³.

3 апреля 1931 — Петр Иванович Клопов был вывезен из Соловков в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму⁴.

¹ Письмо от Клоповой Альбертина Генриховна, жены Петра Ивановича.

² Письмо от 23 февраля 1930 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 622. С. 211-213. Автограф.

⁴ Возможно, привлечен к следствию по групповому делу «контрреволюционной офицерской организации на Украине» в рамках операции «Весна» и осужден.

КЛЮЧАРЕВ В.С.¹ — ВИНABЕРУ М.Л.²

«<...> 12-го мая был отправлен на Урал целый поезд ссылаемых из Крестов и со Шпалерной³. С пути муж прислал мне 4 откр<ытки>, и последняя, что я получила, была со ст<аницы> Кунгур от 19-го мая <...> Муж мой Владимир Сергеевич Ключарев, 51 года, с 1900 служил в артиллерии, был на Японской войне, в 1909 г<оду> назначен был строевым офицером в Констант<иновском> Артилл<ерийском> Училище. Во время войны командовал батареей под Черновицами, а весной 1917 г<ода> был вызван обратно в Училище на должность командира батареи. В Окт<ябрьскую> революцию в 1917 г<оду> муж был командиром бат<ареи> в чине подполковника. Еще не было Красной Армии, когда в здании бывш<его> Конст<антиновского> Училища были сформированы курсы бойцов: сначала 7-ми дневн<ые>, потом 6 нед<ельные>, перешедшими потом в 8-9 месячн<ые> курсы подготовки командиров-артиллеристов. И с самого начала муж, опытный строевой начальник, руководил строевым обучением, с 1919-1920 г<ода> стоял во главе курсов, а с преобраз<ованием> курсов в 3-х годичн<ую> Школу пом<ощником> начальника по строевой части в 1-й Артшколе, с 1922 г<ода> шт<атным> преподавателем и оставался в этой должности до осени 1930 г<ода>, когда был переведен шт<атным> препод<авателем> военной дисциплины в Химико-Технолог<ический> Институт <...> Умоляю Вас откликнуться на мою просьбу — 23½ года мы прожили с мужем душа в душу, почти 3 месяца ничего не знаем друг о друге и 9 месяцев в разлуке. А тут еще от приехавших из Перми услышала о сыпном и брюшном тифе среди сосланных на Сев<ерном> Урале <...> У меня трое детей и племянник, и первым вопросом каждого, вернувшегося с работы или учения — есть ли письма от папы? Последний месяц только глазами спрашивают <...>»⁴.

«<...>⁵ Просьба разыскать и сообщить <...> Какова бы ни была правда — она лучше этой неизвестности и тревоги за близкого человека и своей полной беспомощности <...>»⁶.

¹ Владимир Сергеевич Ключарев. Письмо жены Евгении Дмитриевны Ключаревой.

² Письмо от 7 августа 1931 года.

³ 3 ноября 1930 – Ключарев В.С. был арестован по делу «Ленинградской контрреволюционной военной организации» в рамках операции «Весна». В мае 1931 – приговорен к 3 годам ИТЛ.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 567. С. 119-121. Автограф.

⁵ Письмо от 10 сентября 1931 года.

⁶ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 801. С. 152. Автограф.

КНЯЗЕВ Л.М.¹ — в ПКК²

«<...> 24 апреля с<его> г<ода> я был арестован по распоряжению Костромской Чрезвычайной Комиссии в г<ороде> Костроме, где я с женой проживал с 1-го окт<ября> 1917 г<ода>, будучи всему городу известен, как бывший в 1902-1905 г<одах> Костромским губернатором. Никаких с чьей-либо стороны на себя нареканий не вызывал и безнедоимочно платил все виды налогов, что на мой бездоходный с осени 1917 года бюджет ложилось тяжким бременем, вызывая продажу самых необходимых домашних вещей. Причин ареста мне объявлено не было, но, судя по вопросам, мне при аресте предложенным, я могу сделать одно заключение, что арест мой связывается с имевшим в октябре 1905 года, в бытность мою еще Костромским губернатором, случае избиения базарной толпой учащейся молодежи, демонстрировавшей на Сусанинской площади, а также с известным расстрелом Ленских рабочих в апреле 1912 года в бытность мою Иркутским генерал-губернатором.

Избиение на Сусанинской площади не было заранее организованным и предупреждено мерами малочисленной Костромской полицией не могло быть, так как полиции со стороны демонстрантов не было дано знать о намерении собраться для демонстрации на Сусанинской площади, день для этого был выбран неудачным, так как был большой базар, на который съехалось много крестьян, в общем не сочувствовавшим демонстрантам и к тому же к этому времени успевшим напиться, многие допьяна. Речь одного из демонстрантов на памятнике Сусанина, в которой, между прочим, говорилось о ненужности царской власти, вызвала злобу одного из крестьян, который сшиб оратора с пьедестала памятника, а весьма легкомысленный выстрел в воздух, сделанный каким-то учеником, был сигналом, привлечшим всю публику к месту происшествия, и началась дикая расправа над молодежью. Тотчас же городской голова Ботников, случайно проезжавший мимо, приехал ко мне, и я немедленно с ним же приехал на площадь, где лично оттаскивал жертвы из рук крестьян, грозивших уже разгромом и поджогом дома, в котором скрывались демонстранты. Вызванная мною рота солдат оцепила дом и заградила прилегающие к площади улицы, так что буйство было локализовано и в течение не более двух часов прекращено. Жертвами стал один юноша-семинарист, убитый, и несколько девушек, изби-

¹ Князев Леонид Михайлович. В 1872 – окончил Училище Правоведения, служил следователем, товарищем прокурора, прокурором в Витебске и Варшаве. С 1896 – губернатор Тобольска, с 1901 – Вологды, с 1902 – Костромы, с 1910 – генерал-губернатор Иркутска.

² Письмо отправлено из Бутырской тюрьмы 5 июня 1923 года.

тых до крови, из числа которых, конечно, многие удостоверяют, что благодаря моему лишь заступничеству они избегли больших насилий. Форменное пальто мое было испачкано в крови жертв, которым я помогал.

Что касается Ленского события, то к несчастному случаю расстрела я совершенно не причастен. Вызванный по делам службы в Петербург, я во второй половине февраля 1912 года выехал из Иркутска в то время, когда о Ленской забастовке не было еще и речи. Началась она, сколько помню, 27-го февраля, о ней я узнал уже на 2-3 день моего приезда в Петербург от представителя Ленского Товарищества, заявившего мне, что на место выезжает главный управляющий Белозеров и местный правительственный инспектор-инженер Тульчинский, что сколько-нибудь угрожающего характера забастовка, протекавшая до конца в полном порядке даже после расстрела, не имела, и руководство действиями чинов жандармского корпуса принял лично директор Департамента Белецкий, действовавший, как стало мне известно по возвращению моем в 1-х числах мая в Иркутск, помимо Иркутского губернатора, пользовавшему по закону в отсутствии Генерал-Губернатора края полнотою власти Губернатора <...>.

Скажу лишь, что, вступивши в управление обширным краем в конце сентября 1919 года и отвлеченный последовательно работой по борьбе с чумой, с большой силой перекинутой с границы в Забайкальскую область, затем обзором отдаленных каторжных тюрем, строящейся Амурской дорогой в пределах Генерал-Губернатора трудом каторжных, строящейся Енисейской губернии перевальной через Саянский хребет горной грунтовой дорогой, которой правительство придавало особое значение экономическое и стратегическое и возложило на мою ответственность, я только на навигационный период 1912 года мог назначить поездку в Ленский золотопромышленный район, о положении которого в делах Генерал-Губернатора я не нашел сведений, которые требовали бы моего немедленного в первую очередь действия.

Но может быть причиной моего ареста только голый факт занятия мною более 20-ти лет административных должностей, тогда какое же возможно оправдание <...>»¹.

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 58. С. 12-13. Машинопись.

КОМАРОВСКИЙ В.А.¹ — в ОГПУ²

«ЗАЯВЛЕНИЕ

<...> 26-го апреля 1925 года я был арестован³ в гор<оде> Сергиеве и после двухмесячного пребывания в заключении в Московской Бутырской тюрьме, постановлением Коллегии ОГПУ был выслан на Урал сроком на 3 года.

По профессии я художник-живописец, а в Сергиеве был сотрудником музея. Не обладая никакими материальными средствами, я имею семью, состоящую из жены и трех малолетних детей, проживающих в гор<оде> Сергиеве и материально от меня зависящих, а в настоящее время бедствующих.

Между тем я проживал по назначению Уральского ОГПУ в Ишиме, не имел возможности зарабатывать по своей профессии и принужден для своего пропитания заниматься летом малярной работой и зимой писать вывески, от чего я в настоящее время имею настолько маленький заработок, что не имею возможности ни выписать семью к себе, ни посылать ей материальную помощь. Переезд семьи в Ишим представляется невозможным еще и по состоянию здоровья моей младшей дочери, т<ак> к<ак> климат Ишима был бы для нее губительным, а также вследствие острого квартирного кризиса.

Ввиду вышеизложенного обращаюсь к Коллегии ОГПУ с ходатайством о замене мне высылки на Урал разрешением проживать в одном из городов России “минус шесть”, что дало бы мне возможность соединиться с семьей и зарабатывать на жизнь работой по своей профессии.

Влад<имир> Комаровский <...>»⁴.

¹ Комаровский Владимир Алексеевич, родился 8 октября 1879 в Петербурге. Граф. Отец был хранителем Оружейной Палаты. Окончил гимназию в Ялте и три курса юридического факультета ПУ, затем учился в Академии Художеств. С начала 1900 – участник выставок «Нового общества художников в Петербурге». Дважды ездил в Италию и в 1909 – во Францию. С 1913 – вместе со Д.В. Стеллецким расписал иконостас храма преп. Сергия на Куликовом Поле. С августа 1914 – уполномоченный отряда Российского Земского Союза по организации лазаретов в Тифлисе. С 1917 – проживал с семьей в усадьбе Самариных «Измалково», работал учителем рисования в начальной школе. С 1923 – работал художником в Комиссии по охране памятников Троице-Сергиевой Лавры. В 1922 – арестован, но через 2 месяца освобожден.

² Письмо от 9 июля 1926 года.

³ Арестован как «участник контрреволюционной организации».

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 124. С. 94. Автограф.

О КОМАРОВСКОМ¹ — в ОГПУ²

«<...> Государственная Третьяковская Галерея присоединяется к ходатайству, возбужденному еще в прошлом году Музейным Отделом Главнауки перед Коллегией ОГПУ о возвращении находящегося в ссылке в Ишиме Владимира Алексеевича КОМАРОВСКОГО, как художника, деятельность которого могла бы быть использована Галереей.

В.А. Комаровский до 1918 г<ода>, не состоявший ни на государственной, ни на частной службе и занимавшийся исключительно живописью, после революции состоял учителем рисования в школе I ст<упени>, а затем занимал должность сотрудника по исполнению художественных работ при Сергиевском Историко-Художественном Музее <...> Галерея присоединяется к ходатайству Музейного Отдела о возвращении Комаровского, к тому же уже почти отбывшего половину назначенного ему срока, так как ему было зачтено предварительное заключение.

Возвращение Комаровского именно теперь имеет особенное значение для Галереи по следующим причинам: после последовавшей в текущем году реорганизации и начинающейся полной перевески, Галерея должна приступить к широкой издательской деятельности. Учитывая значение Галереи и ее авторитет среди самых широких слоев населения, ее издательство должно явиться популяризатором искусства, причем естественно должно быть обращено особое внимание на внешность изданий, художественная форма которых поможет осуществлению целей издательства. Как раз в этом деле Комаровский мог бы в случае его возвращения оказать значительную пользу <...>»³.

В мае 1928 — Владимир Алексеевич был освобожден с ограничением проживания (-6). Поселился с семьей в Жаворонках под Москвой, работал художником по договорам. Расписал храм Св. Софии на Софийской набережной Москвы-реки. В 1931 и 1934 — арестовывался, но через 2-3 месяца освобождался. В сентябре 1937 — арестован по групповому делу⁴. 3 ноября 1937 — приговорен к ВМН. 5 ноября расстрелян на Бутовском полигоне.

¹ За Комаровского В.А. ходатайствовал Щусев А.В., председатель временного Правления Государственной Третьяковской галереи.

² Ходатайство от 16 июля 1926 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 124. С. 93. Машинопись.

⁴ Арестован как «участник контрреволюционной монархической организации церковников, последователей ИПЦ».

О КОПЕЙЩИКОВЕ Д.И.¹ — в ПКК²

«<...> Я не могу понять, за какую вину он так жестоко наказан! Перед советской властью он ни сном, ни духом не виноват; но, если бы и была за ним какая-ниб<удь> неумышленная вина, слишком жестоко наказывать так зверски старика, которому и жить-то осталось немного. Да и наказан не один он, а и я, так как мучаюсь, страдаю тоже, неизвестно за что: ведь мы прожили с ним 42 года, не разлучаясь, и, помимо душевного страдания за него, мне нечем жить, мне 64 года, и я работаю, не покладая рук, получаю жалованья 64 р<убля> и пенсию 20 р<ублей>, на моих руках больная старуха, родственница, и муж, которого я не могу оставить без помощи. Его из Маджен перевели за 6 километров от Усть-Сысольска в затон “Красный Водник” леспромкома на дровозаготовки, живут в палатках до сих пор, спят на сырой земле, едят раз в день из общего котла. Муж голодает, а письма, даже спешные мои, не доходят, 3 посылки пропали, а чего они мне стоили, и, наконец, в ночь с 23-го на 24 сент<ября> его обокрали: во время его сна из-под головы вытащили саквояж со всеми его необходимыми вещами, и вора не нашли, да и как найти, когда он, тоже незаконно, находится в партии уголовных, кот<орых> высланы из разных концлагерей, а мой муж прямо из Ленинграда, из тюрьмы на Шпалерной, и в приговоре ему было сказано, что он приговорен к высылке на поселение в Северный край, и объяснили ему, что между Вологдой и Архангельском и что работа по его специальности будет. Тоже самое и мне сказал особоуполномоченный, и вдруг оказалось, что его угнали с ворами в Зырянский край, автономная область Коми. Там требуется знание зырянского яз<ыка>, чтобы поступить куда-ниб<удь> на работу <...> И вот я Вас умоляю, придите на помощь, мне не дойти до прокурора республики, и я не прошу уж больше о пересмотре дела или об его освобождении, я молю только облегчить его положение, взять его из этой партии уголовных, перевести в какое-ниб<удь>, если нельзя в город, то в селение, но только русское, чтобы он мог найти работу себе по силам, а он все умеет делать. Я боюсь сойти с ума, потому что я не знаю, что делать, куда обратиться, где искать справедливость. Помогите. У меня никого нет, были два сына, убиты в немецкую войну 19 и 18 лет <...>»³.

¹ Копейщиков Дмитрий Иванович, родился 25 сентября 1861. Полковник царской армии. 31 января 1931 – арестован. 27 апреля выслан в Зырянский край.

² Письмо его жены Марии Копейшиковой от 5 ноября 1931 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 605. С. 321-322. Автограф.

О КРАСОВСКОМ В.П.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Обращаюсь к Вам с великой просьбой. Мой сын, 17-ти летний юноша, Виктор Красовский, 31/18 августа с<его> г<ода> поехал в Киев на несколько дней.

Ему очень хотелось поступить в Инхоз, куда поехали некоторые его полтавские товарищи. 4/IX — получилась от него телеграмма о том, что он здоров и скоро приедет. Но с тех пор мы не получали от него никаких вестей. По слухам, он был арестован в Киеве и препровожден в Лукьяновскую тюрьму. В Киев мы послали несколько пар белья для передачи ему в тюрьму, но не знаем, получил ли он белье, так как вчера 28/IX — нам сообщили, что Витя в Москве, и что никто больше о нем ничего не знает.

Поэтому я обращаюсь к Вам с убедительной просьбой — не откажите мне в Вашем внимании и помогите мне отыскать моего мальчика и окажите ему материальную поддержку <...>.

Почему он арестован — я положительно не понимаю. Возможно, тут какое-нибудь недоразумение. Только в начале августа он окончил общеобразовательную школу. В Полтаве он все время усиленно занимался науками, чтением и, кроме того, давал уроки, так как я с апреля м<еся>ца очутился без работы <...>»³.

КОРОЛЕНКО С. — ПЕШКОВОЙ Е.П.⁴

«<...> Обращаюсь к Вам с очень большой просьбой. В Киеве арестован семнадцатилетний мальчик Виктор Красовский (из Полтавы). Вскоре получилось известие, что его отправили в Москву, но и теперь еще не удалось установить точно, где он.

Родные и мы, близко его знающие, очень беспокоимся.

Сделайте величайшую услугу, сообщите, пожалуйста, в Москве ли он. Его отец ждет этого известия, чтобы приехать и хлопотать о сыне. Буду Вам бесконечно благодарна. Уважающая Вас С. Короленко <...>»⁵.

В октябре ПКК сообщил отцу Виктора Красовского, что тот находится в Бутырской тюрьме.

¹ Письмо из Полтавы от П.И. Красовского, отца Виктора Красовского.

² Письмо зарегистрировано в ПКК 2 октября 1923 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 28. С. 107-108. Автограф.

⁴ Письмо зарегистрировано в ПКК 3 ноября 1923 года.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 28. С. 191. Автограф.

О КРУЗЕ Е. Б.¹ — Е.П. ПЕШКОВОЙ²

«<...> Жили мы во Владивостоке тридцать лет, имели собственный дом, и муж мой³ при царской власти служил в Войсковом Правлении Уссурийского Казачьего войска в должности председателя этого Правления в чине генерал-майора (последнее время). Во время февральской революции должность свою сдал выборному председателю, вышел в отставку и больше не принимал никакого участия в государственных делах, ограничиваясь ужением рыбы в бухте “Золотой Рог” для своих личных потребностей и для потребностей своей семьи. Дом давал нам доход небольшой, жили мы скромно, налоги за дом все уплачены до 1932 г<ода>. В начале 1932 г<ода> (17 января) у нас был назначен обыск, мужа моего арестовали. 14-го февраля 1932 г<ода> мне лично было заявлено от ГПУ, что муж мой высылается этапом, осужден на 3 года высылки⁴, имущество конфисковано, и я должна 14-го февраля выехать из Владивостока в Новосибирск, куда прибудет и мой муж; выехать должна на свой счет, на сборы дано было три дня и из конфискованного имущества, замкнутого в комнате, не разрешили взять даже сапоги мужа-старика, сапоги, которые муж ценил, как разношенную обувь, это была чувствительная обида <...> Из Владивостока я выехала 14-го февраля в Новосибирск, имея на дорогу очень ограниченное количество денег, а из Новосибирска нас направили в Томск и там поместили в распределительный лагерь, и дальше отправили в деревню Поздняково, куда мы и приехали 7-го апр<еля> вместе с мужем. За это время мы натерпелись очень много <...> В марте 1933 меня освободили “за окончанием срока высылки”, а мой муж остается адм<инистративно>-ссылным <...>»⁵.

«Автобиография»⁶

В 1880 году, увлеченный романами Майн Рида и других писателей-натуралистов, имея за плечами 19 лет, по выпуске из Александровского военного училища в чине хорунжего Амурского казачьего войска, я отправился на Дальний Восток в качестве пионера, чтобы принять участие в заселении пустынного в то время Южно-Уссурийского Края,

¹ Евгений Борисович Крузе. Письмо написано Серафимой Ивановной Крузе.

² Письмо от 2 февраля 1934 года.

³ Евгений Борисович Крузе, родился в 1860 в Усть-Каменогорске.

⁴ 2 февраля 1932 – приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1131. С. 142-143. Автограф.

⁶ Автобиография Евгения Борисовича Крузе отправлена 19 февраля 1934 года.

где и остался служить и трудиться по мере сил на пользу почти подневольного казачьего населения в течение около 40-а лет. Сначала в строю в качестве Н<ачальни>ка учебной команды и инструктора по употреблению введенной на вооружение винтовки Бердана, а затем в Управлении вновь образованного Уссурийского Казачьего войска, преобразованного в Войсковое Правление коллегиального состава, ведавшее хозяйственно-культурной жизнью казачьего населения. Состоя из председателя, двух советников и нескольких специалистов, оно работала как будто бы неплохо, образовав к 1917 году миллионный войсковой капитал, дав населению вместо 6-ти школ более 60-ти, поставив врачебную и ветеринарную части, раньше почти совершенно отсутствовавшие, облегчив непосильное бремя населения по отбыванию им военной повинности с высылкой сыновей в строй на собственном коне, имея все снаряжение, обмундирование и шашки собственные <...>.

Я, бывший председатель войскового правления, подал прошение об увольнении со службы и получил отставку с приличной пенсией, но не получил из нее ни копейки, так как по большевистской оценке служил не войску, а царскому правительству.

И вот теперь я, 73-х летний больной инвалид с престарелой верной подружкой моей, не оставившей меня, несмотря на предоставленную ей свободу, влачим жалкую участь изгнанников, ютясь в отведенном углу крестьянской избы. Живем на средства бедной нашей дочери, добываемые тяжелым трудом в ущерб здоровью и интересам ее собственной семьи. Получали так же небольшую помощь от сына, гражданина США, но кризис, постигший эту страну, обезоружил его самого, как безработного с семьей на руках в 4 человека. Кстати, почему он оказался в Америке, вместо того чтобы работать на своей родине? Да, тоже помешало клеймо “бывший офицер”, как чуждый элемент он был выброшен из Д<альне>-В<осточного> Университета накануне окончания и уехал получать диплом инженера в Соед<иненные> Штаты <...>. На этом кончаю эту грустную и тяжелую, скучную писанину в некоторой надежде, что она может послужить высшей прокуратуре в оценке деятельности некоторых органов, привыкших стрелять из пушек по воробьям и давить неповинных ни в чем божьих коровок <...>»¹.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1131. С. 148-149. Автограф

О ЛЕРХЕ П.К.¹ — в ПКК²

«<...> Позволю себе обратиться к Вам с запросом — не согласитесь ли Вы принять на себя заботы по делу ЛЕРХЕ Петра Карловича, административно высланного в село Каргасок Томской губ<ернии>, 25 верст за Нарымом.

Окончив Училище Правоведения, Лерхе состоял при Суде, а затем был назначен в распоряжение Мин<истерства> Вн<утренних> Дел по Деп<артаменту> Полиции. Последние годы своей свыше чем 30-летней службы Лерхе занимал пост Вице-Директора этого департамента, причем заведовал Финансовой Частью. Одновременно последние годы Лерхе, состоя Членом Совета Мин<истерства> Вн<утренних> Дел, заведовал делопроизводством Сопровождающего по административной высылке и в этом деле проявил в пользу политических большую гуманность, что могли бы подтвердить некоторые из бывших ссыльных. После Февр<альской> революции Лерхе был арестован, но через день освобожден А.Ф. Керенским, заявившим Лерхе, что арест произведен по его распоряжению во избежание для Лерхе возможных в эти дни эксцессов, между тем ему — Керенскому — известно, как много внимания Лерхе проявлял к улучшению быта ссыльных.

С февраля 1917 г<ода> Лерхе служил последовательно в Правлении Петербургского Общества Страхований, 1-й Детской Столовой и в Управлении Мурманской жел<езной> дороги. Признанный в начале 1925 г<ода> Экспертной Медицинской Комиссией инвалидом 2-й категории, Лерхе, по слабости здоровья, покинул службу и жил случайными работами по статистике и переводам, а также продажей небольшой, оставшейся у него квартиры и имущества. 2 месяца до ареста Лерхе получал ежемесячную пенсию в 15 р<ублей>.

В апреле 1925 г<ода> Лерхе был задержан во время “засады” на квартире его многолетнего знакомого Путилова, которого он посещал раз-два в год. По заполнению анкеты Лерхе был освобожден. Однако в июне он был арестован, но менее чем через 2 недели освобожден. Ему инкриминировалась утайка в ряде анкет правильного указания о своей дореволюционной деятельности и своего соц<иального> положения (в анкете на квартире Путилова он дал правдивое показание). Я полагаю однако, что неправильные сведения в анкетах могут быть вменены в вину почти всем гражданам Ленинграда за годы 1918-1921/22. По словам Лерхе, нар<одный> следователь высказал предположение, что в

¹ Письмо написано Михаилом Исидоровичем Гессенем, адвокатом П.К.

² Письмо от 2 марта 1926 года.

худшем случае Лерхе будет выслан из Ленинграда без права жительства в “шестерке”.

В сентябре 1925 г<ода> Лерхе был вторично арестован и 24 сентября выслан на 3 года в Ново-Николаевск, но оттуда его отправили в Томск, а затем в Каргасок. Из полученного мною на этих днях письма Лерхе усматривается, что в Каргасоке он оставлен до выздоровления (выпав из саней на лед, он повредил почки), предполагается же отправить его в глубь тайги, в малое село в 25 верстах от Каргасока.

Из прилагаемой при сем копии медиц<инского> свидетельства Губсоцстраха вполне ясно усматривается, что суровый климат далекого севера Сибири, особенно малярийных тундр, не только безусловно вреден, но и опасен для жизни Лерхе, 68-летнего старика. Тем не менее, невзирая на ряд хлопот Лерхе на всех этапных пунктах от ДПЗ в Ленинграде до Дома Заключения в Томске и мое ходатайство на имя Губпрокурора в Ленинграде (пересланное им Прокурору ГПУ в Москве т<о-варищу> Катаньяну от 19/X-26), — эти ходатайства оставлены без уважения, и этапное передвижение продолжалось около 3 месяцев.

Тяжелое этапное передвижение, особенно переезд свыше 500 верст на лошадях, на дровнях, из Томска в Каргасок в сильные морозы, без специальной одежды, с ночевками на голом полу, к тому же при недостаточном питании, — все это расшатало и без того слабый старческий организм Лерхе <...>. Вышеизложенное я сообщаю исключительно на основании моих бесед с Лерхе и писем его с дороги. До 1916 года я не был знаком с Лерхе и только в этом году я познакомился с ним, когда обратился к нему за содействием в освобождении моего сына Сергея, арестованного за пропаганду на заводах, и встретил с его стороны весьма отзывчивое отношение <...>.

Если сообщенных мною сведений о Лерхе для вас недостаточно, прошу не отказать поставить меня в известность, какие дополнительные данные Вам желательно получить, и я не замедлю получить таковые от Лерхе.

В случае Вашего любезного согласия взять в свои руки хлопоты о смягчении участи старика Лерхе и о его возвращении в Ленинград, а в крайности о поселении его в городе, благоприятном в климатическом и др<угих> отношениях для его здоровья, — прошу сообщить мне условия вашего гонорара <...>»¹.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 125. С. 5. Машинопись, подпись — автограф.

ЛИНДРОТ Л.Н.¹ — в ПАРТКОМ²

«<...> Вы слышали все выступления, которые характеризовали меня как антисоветский элемент. Я не знаю причин, побудивших выступавших товарищей, совершенно для меня неожиданно, сделать такие необоснованные выводы. Это обвинение настолько ошеломило меня, что, не говоря о том, что я лишен способности нормально работать, прошло несколько дней, прежде чем я собрался с мыслями написать вам все это.

Я никак не могу примириться с сознанием того, что вся моя работа за два года в Академии и до нее свелась к тому, что я стал антисоветским человеком.

Я вырос и получил воспитание в семье интеллигента, который с первых дней Советской власти стал честно работать на пользу рабочему классу. Отец, будучи артиллерийским офицером, с первых дней Октяб^{рьской} Революции вступил в ряды Красной Армии, командовал артиллерийскими частями, причем непосредственно участвовал в операциях на Карельском фронте. Затем преподавал на командных курсах. После демобилизации, работая по финансовой линии, он опять рекомендовал себя как честный и преданный работник <...>.

В такой обстановке, участь в это время в Советской школе, я не мог получить в свое воспитание ни одной антисоветской капли. После окончания школы, на конструкторских курсах и службе в Советских учреждениях (Проектгражданстрой, Гипрогор) я находился в здоровой советской среде, работая и по общественной линии. Мне кажется, что и все мое пребывание в Академии с осени 32 года никак не может оправдать этих обвинений. С первого же года, идя по академической успеваемости одним из лучших студентов, я выполнял всевозможную общественную работу честно и добросовестно, ни разу не уваливая и не отказываясь от нее. <...> Все это и мое поведение в повседневной жизни, где я был всегда откровенен и прямодушен и не имел ни с кем скверных товарищеских отношений, свидетельствует о том, что моя работа в Академии никак не могла выработать во мне антисоветские тенденции.

По существу, к чему сводятся обвинения, на которых основывается моя антисоветская оценка?

Обвинение первое: в том, что я во время чтения постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома об отмене хлебных карточек в конце одного из

¹ Линдрот Лев Николаевич, родился в 1901. Отец полковник царской армии. Студент Академии Художеств. В декабре 1934 – арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и в марте 1935 – отправлен в лагерь..

² Заявление от 20 декабря 1934 года секретарю парткома Академии Художеств.

пунктов после слов “мука и крупа” вместо слов “и тому подобное” я срифмовал и бросил слова “и прочая требуха”. Это была простая шутка, которую все так и поняли, включая и выступавших товарищей. Иначе почему они тогда же не сделали мне замечания? Обвинение же это сформулировано таким образом, что получилось впечатление, что я этим словечком охарактеризовал все постановление. Я не только ценю всю политическую важность этого постановления, но буквально на себе буду испытывать удобство этого мероприятия, т<ак> к<ак>, живя один, задерживаясь работой по вечерам из-за прикрепления к одной булочной, я зачастую не успевал купить хлеб.

Во-вторых: не называя фамилии, мне было предъявлено обвинение в том, что я халтурю в аудитории во время занятий, на это уже ответил профессор (фамилия неразборчива), который случайно задержавшись в аудитории после занятий, видел, как я делал срочную работу, надпись на альбоме проекта Института Рентгена, который вечером же должен был быть отправлен в Москву тов<арищу> Бубнову.

Совершенно странное обвинение было в “неслучайности” посещения меня неким Гуровичем. Гурович посещал не меня, а деканат, и в отдельности привязывался к разным лицам, в том числе и к профессорам. Гуровича я знаю только потому, что, когда я работал в Проектгражданстрое, туда поступал работать Гурович, но, проработав несколько дней, обнаружив странность характера, разговоров и действий, был уволен. Впоследствии было выяснено, что он душевно больной. Как бред сумасшедшего мною воспринималось все, что он говорил. Никаких других отношений с этим больным человеком у меня не было и нет.

Я слишком был ошеломлен тогда, на производственном совещании, всем этим, что не запомнил мелких нападок и обвинений, но я твердо уверен, что они все же были недостаточны для обвинения меня в антисоветском настроении. Я отнюдь не хочу сказать, что я абсолютно безгрешен. Возможно были какие-либо ошибки и у меня, но почему же они остались в свое время не замечены, не разъяснены мне? Почему вдруг сейчас свился какой-то ужасный клубок необоснованных, неверных и обидных обвинений? Почему я, два с лишним года считавшийся нормальным студентом, вдруг обнаружил антисоветские настроения?

Вот поэтому у меня к Вам большая искренняя просьба <...>. Уделите немного времени на выяснение этого дела, потому что тяжело жить и работать, имея на себе тяжесть такого обвинения. Лев Линдрот»¹.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1324. С. 98-99. Автограф.

О ЛОЗИНСКОМ М.Л.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Муж мой — Лозинский Михаил Леонидович, главн<ый> библиотекарь Публичной Библиотеки и литератор-переводчик с уже многолетним стажем {главные его работы за последние годы по заказам Московского и Ленинградского ГИЗа и Изд<ательства> “Академия” были: переводы “Гамлета”, “Тартюфа”, ряда стихов Гете и двух его юношеских пьес (вошли в юбилейное изд<ание> сочинений Гете), автобиография Челлини (изд<ательство> “Академия” готовит сейчас второе издание, т<ак> к<ак> первое очень быстро разошлось), Цвейга, Ромен Роллана (роман “Кола Брюньон”)} — был арестован 20 марта 1932 г<ода> и обвиняется, как мне дали справку, по 11 п<ункту> 58 ст<атьи>. В один день с ним были арестованы две его бывших ученицы (М.Н. Петерсен и Т.М. Владимирова), а за 10 дней тоже его бывший ученик М.Д. Бронников: учились они у М.Л. Лозинского в 20-22 г<одах> в семинарии по технике стихотворного перевода, организованного при Доме Искусств; семинарий состоял из 6-8 лиц. Занятия прекратились в 1923 г<оду> за недостатком времени у руководителя. Главной работой был коллективный перевод сонетов франц<узского> поэта Эредиа, на издание которых в 1931 г<оду> был заключен с издательством “Академия” договор; для поправки и окончательной отделке стихов к печати участники собирались 2-3 раза у нас дома осенью 1931 года. Почему был арестован Бронников я не знаю, но поводом для ареста моего мужа после Бронникова послужили шуточные стихи участников семинара, где под разными символическими и шуточными прозвищами воспевались участники работ и их руководитель: стихи эти были взяты у Бронникова среди других его бумаг. Символические шуточные непонятные прозвища и намеки могли возбудить подозрение: когда мой муж в 1927 г<оду> в числе 8 человек, служащих Публичн<ой> Библиотеки, был арестован, то как раз часть этих же стихов, взятых при обыске, возбудила недоумение и ряд вопросов следователя, но объяснения М.Л. Лозинского его вполне удовлетворили, т<ак> к<ак> муж был отпущен через две недели без обвинения.

Муж мой, перегруженный служебной и литературной работой, ведет очень замкнутый образ жизни, и сама мысль об участии его в какой-либо организации совершенно невероятна и недопустима для всех, хоть немного знающих его: вся его работа у всех на виду <...>»³.

¹ Лозинский Михаил Леонидович, родился в 1886.

² Письмо его жены Татьяны Лозинской, из Ленинграда от 18 июня 1932 года.

³ ГА РФ.Ф. 8409. Оп. 1. Д. 717. С.5. Машинопись, подпись — автограф.

О МАЕВСКИХ¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> До 17-го года мы жили в Хабаровске, затем переехали во Владивосток. Сына же оставили в Хабаровске, чтобы он закончил там учебный год, он был в V-ом классе. Долго я не имела от него известий, наконец, узнаю, что его в Хабаровске нет и неизвестно, где он. После безуспешных поисков и справок мы узнали, где он, поехали с мужем и привезли его обратно в ужасном виде. Оказалось, что товарищи, такие же юные мальчишки, как он, соблазнили его бежать, поступить в отряд какой-нибудь³ и вести интересную жизнь, полную приключений, и более интересную, чем учение в реальном училище. Конечно, Майн-Рид и подобные приключенческие рассказы сыграли тут немалую роль. Сын был бесконечно счастлив, что мы вырвали его из той обстановки, куда он попал случайно, где так настрадался, зато это отбило у него всякую охоту к каким бы то ни было организациям. Вскоре мы его отправили опять продолжать учиться в Хабаровске. Вот вся его вина. И можно ли судить и наказывать почти 30-летнего человека за то, что он сделал мальчиком. Ведь это больше чем десятилетняя давность. Наконец, он служил в Красной Армии, ничем там себя не скомпромитировал, должны были и это учесть. Суд над моим мужем и сыном был негласный, а судила какая-то тройка. Какую же можно ожидать справедливость от подобного негласного суда. Когда я хотела писать в Москву, мне определенно сказали, что Москва им не указ, и что у них власть на местах. И вот эта волна прокатилась по всему Владивостоку. Не было дома, где бы не было арестованных. Вся интеллигенция трудовая была арестована, масса инженеров, докторов и т<ак> д<але>. Много погибло в заключении, т<ак> к<ак> арестовали даже больных. А расстрелы?? Какое право имеет человек убивать себе подобного, да еще вдобавок безоружного человека? Подлее этого ничего быть не может. Природа дала жизнь человеку, она и отнимет ее <...>»⁴.

¹ Маевский Михаил Петрович. Получил высшее образование по специальности биолог. Работал научным сотрудником в Академии Наук во Владивостоке. 26 декабря 1931 – арестован с сыном как «участники контрреволюционной организации».

Его сын, Маевский Петр Петрович. Окончил юридический факультет университета во Владивостоке. 25 декабря 1931 – арестован с отцом как «участники контрреволюционной организации». Обвинялся в «антисоветской агитации».

² Письмо Анны Александровны Маевской, жены М.П., от 10 февраля 1934 года.

³ Сына обвиняли в том, что он был в отряде Семенова.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 1163. С.129-130. Автограф.

О ЛУТОВИНОВЕ А.Н.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Муж мой, Александр Николаевич Лутовинов, владеет в Алушке дачей из 6 комнат, приносящей по исчислению Фининспекции 300 руб<лей> в год, в действительности же и того меньше. Семья наша состоит из 6-ти душ, из них — мать моя, старуха 74 лет, муж — туберкулезный больной и трое детей в возрасте от 11 до 7 лет, и кроме того, я нахожусь в ожидании четвертого (беременность 7 мес<яцев>). В виду малой доходности имущества, средством к нашему существованию являются частные уроки, которые даю я (я окончила Высшие женские курсы в Киеве), зарабатывая с трудом для пропитания семьи, но при дороговизне жизни в Крыму на средства эти можно владеть лишь жалкое существование. В настоящее время из-за обладания дачей мужа моего, а также и меня, как его иждивенку (что является нелепостью, т<ак> к<ак> не он меня, а я его содержу и всю семью), лишили права голоса, что повлекло за собой невозможность ни мне, ни мужу моему получить службу; кооператив лишает нас, “лишенцев”, права приобретать продукты, а главное — хлеб, в частной же продаже хлеб бывает по 65 к<опеек> кило, и то далеко не всегда, что нам не по средствам. Все жалобы мои и мужа моего на незаконное лишение права голоса до сих пор остаются без рассмотрения и ответа (Симферопольским окружным избиркомом), создавшееся же положение грозит нам всем буквально голодной смертью, а потому я решилась просить Вас придти на помощь нашему семейству.

Жаль детей, душа болит за них, невинных страдальцев... Мы с мужем люди тихие, робкие, забытые жизнью и в полном смысле слова “неудачники”, — таким людям нет нигде места в жизни; и мы бы охотно ушли из нее, но как быть с детьми?

С настоящей просьбой обращаюсь к вам не только, как к председательнице Красного Креста, но и как к лицу, причастному к литературному миру, так как муж мой и дети (по женской линии) являются единственными правнуками великого писателя русского Ивана Сергеевича Тургенева, мать которого была Варвара Петровна Лутовинова.

Положение наше настолько тяжелое, что мы в настоящее время уже голодаем, не имея возможности приобретать продукты на частном рынке; денежных сбережений у нас нет, запасов продуктов — никаких; вещей или движимого имущества для продажи нет вовсе никаких. Многие “лишенцы”, даже находящиеся в значительно лучшем положении,

¹ Письмо Марии Андреевны Лутовиновой, жены А.Н. Лутовинова.

² Письмо от 17 апреля 1929 года.

чем мы, стали получать по 200 грамм хлеба, нам же и в этом отказано на том основании, что мы “имеем возможность приобретать продукты на частном рынке”. И никто не желает отнестись к нам справедливо, объективно рассмотреть вопрос о нашем материальном положении. Происходит это от того, что в прежнее время здесь же в Алушке жили четыре тетушки моего мужа, которые были значительно состоятельнее нас, но от которых мы абсолютно не зависели материально. Еще в 22-м году все они умерли от голоду, но память о них сохранилась, и мы страдаем, нося ту же фамилию.

Крайняя нужда и действительный призрак голодной смерти для семьи моей заставляет меня беспокоить вас своей горячей просьбой придти нам на помощь по мере сил, посодействовать восстановлению нас в правах голоса, на что мы имеем полное основание, а также дать нам возможность приобретать продукты наравне с прочими гражданами. Лично я — дочь бедной гувернантки, с 14 лет даю уроки, получила образование на свои личные трудовые деньги; кроме горя и нужды не имела ничего в жизни. Как дочь мещанина, к тому же полунищего, была гонима при царском режиме; оказалась гонима и теперь по каким-то роковым стечениям обстоятельств. Умоляю Вас помочь нам. Все, излагаемое мною, могу подтвердить документально, в случае необходимости <...>.

P.S. Считаю необходимым добавить, что муж мой состоял на Советской службе 4 года, а я 2 года; уволена по сокращению штатов. М. Лутовинова»¹.

3 мая 1929 — на письме М.А. Лутовиновой было записано: «Лишение избир<ательных> прав, если оно связано только с владением дачей с доходом ежемесячно 300 р<ублей>, — незаконно. Дело это вне компет<енции> ППЗ, но т<ак> к<ак> здесь заинтересованы внуки Тургенева, считаю, что нужно как-то помочь: сделать выписку из письма и направить в Общество любит<елей> Росс<ийской> словесности при МГУ с препров<одительным> отношением, в котором просить, чтобы Об<щест>во содействовало восст<ановлению> изб<ирательных> прав родственникам Тургенева. Лутовиновой сообщить, чтобы она срочно обжаловала действия местного Исполкома и Центр<альной> Губ<ернской> Комиссии при ВЦИК с приложением документов. Сделать все это от имени лично Пешковой-Винавера».

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 327. С. 205-206. Автограф.

О МАКУШИНЕ С.П.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Большая нужда и тяжелое горе заставили меня написать Вам эту просьбу. Оставшись без папы и мамы, с одной моей 70 летней бабушкой, терпя голод и холод и не имея возможности дальше жить так, я обращаюсь к Вам, как к родной матери, за помощью. 31-го июля 1926 года арестовали моего папу, который являлся единственным кормильцем нашей семьи.

До этого времени мы жили спокойно, не зная забот. Семья наша состояла из папы, мамы, бабушки и меня. Когда-то, будучи еще гимназистом, папа дружил с одним товарищем Шумилиным, и я уже смутно помню, как, читая газету, папа прочел, что генерал Шумилин возвращается из заграницы, и что ему устроена была шумная встреча. Больше я ничего-ничего не помню.

Теперь, совсем еще недавно, Шумилин пришел к нам. Но в каком виде. Грязный, оборванный, он был похож на нищего. Его привел к нам папиной родной сестры муж. Папа, конечно, не узнал его, но, когда узнал, что он Шумилин, папе было приятно видеть его, как товарища по гимназии. Они начали вспоминать прошлую жизнь, детство. Шумилин пробыл у нас часа два. Уходя, он просил папу дать ему хоть какое-нибудь место: дворником, уборщиком, — только чтобы иметь кусок хлеба. И папа, будучи заведующим Мореходным училищем, обещал дать ему место. Но сделать ничего не смог, потому что, как я помню из разговоров, у него документы были генерала. Больше мы его не видели, он говорил, что едет в Цимлянскую станицу.

Года через два Шумилин опять приехал к нам, но уже не в таком, как прежде, виде. Он поправился и был хорошо одет. Пробыл он у нас часа 1½. Мы тогда еще обедали во дворе при всех. Во время обеда Шумилин говорил, что он только приехал из-за того, что хотел посмотреть на Валичку, т<о> е<сть> на меня. И уехал. Больше мы его не видели.

Приблизительно недели через две арестовали моего папу и, как я слышала, его обвиняют в укрывательстве контрреволюционера, генерала Шумилина, за что и присудили к 5-ти годам ссылки на Соловецкие острова.

Тогда мама стала работать. Зарабатывала она деньги тем, что ходила по домам шить, но этого заработка нам не хватало, и мы часто голодали. От горя и тяжелой работы мама вскоре заболела, и тут начались

¹ Макушин Спиридон Петрович.

² Письмо Макушиной Валентины, дочери С.П., от 11 февраля 1928 года.

более тяжелые дни. Мама с температурой сидела на кровати и шила, чтобы не дать нам голодать. Два года горя и работы, и последние силы изменили ей, и она получила туберкулез легких.

С октября месяца 1928 года мама находится в Новочеркасске в Первой советской больнице, а мы, т<о> е<сть> я — 13-ти лет, и бабушка, 70-ти лет, остались совершенно одни. За это время мы продали комод, письменный стол, воротник меховой и др<угие> вещи, и, когда последние деньги мы истратим, я не знаю, что мы вынуждены будем делать. За все три месяца я была у мамы всего три раза. Мой приезд сильно волновал ее, она плакала о нас и о папе. Мысль о том, что нас ждет очень плохой конец, ни на минуту не оставляла ее, она все слабеет и слабеет. И если только силы совсем покинут ее, она покинет нас навсегда. Единственное, что еще может спасти ее — это немедленное возвращение папы.

Ради того, что я абсолютно гибну, и ради моей больной мамы верните моего папу, может он своей лаской и уходом снова поставит ее на ноги. Екатерина Павловна, спасите нас и сделайте все возможное для освобождения моего папы. Каждый день его дальнейшего пребывания вдали от нас грозит полной гибелью всем нам.

Зовут моего папу Спиридоном Петровичем Макушиным, находится он в гор<оде> Кеми, на Поповом острове, в пересыльном пункте. Вместе с этой просьбой я посылаю Вам справку о том, что мама действительно находится в больнице, и другую справку о том, что мне 13 лет, и что я еще ни к какой работе не способна.

Валентина Макушкина.

Живу я в г<ороде> Ростове-н<а>-Д<ону> по Сенной улице, № 251»¹.

На письме — рукой Пешковой Е.П.: «Переговорить в К<онтроль-но>-Р<аспределительном>О<тделе>. ЕП. 11/II».

Ниже — записано секретарем ПКК: «Отк<азано>».

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 405. С. 189-190. Автограф.

МЕНДЕ А.Н.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

“От адм<инистративно> высланной
медсестры Алевтины Николаевны Менде
Мурманск<ой> Окр<ажной> больницы

<...> Я была арестована 18/ХІІ – 32 г<ода>, якобы, за укрывательство бывшего генерала-прокурора Михаила Константиновича Менде, брата умершего уже 8 лет [*назад*] моего мужа. Прошу Вас убедительно прочесть мое заявление.

Я совершенно не бывала у него и даже не знала и до сих пор не знаю, где он жил, т<о> е<сть> адрес его. И не знала, что надо донести о его пребывании в Ленинграде, и не знала, что он скрывается. Только в 1927 г<оду>, когда умер мой муж, я зашла в тот же день к его разведенной жене сказать о смерти, чтоб та передала брату. Застав случайно его там, я сказала: “Михаил Константинович, ваш брат умер”. Его бывшая супруга остановила меня, сказав, что его зовут Федор, а я не придавала этому значение, в то время мне было не до того, да и все меняли имена и фамилии. Я так говорила и на допросе следователю. Он же написал, что я как будто бы знала. И когда он мне прочитал, то я не хотела подписывать. Он сказал: “Все равно заставлю Вас”.

Неужели я добровольно в 1917 г<оду> пошла на фронт, вступая добровольно в красные отряды, в тяжелые отряды, пробыв самый тяжелый восточный фронт, и была контужена в голову, была обморожена, что указывает документ приложенный. Нервно припадочная с 1920 г<ода> по 1932 г<од>, не отдыхая с фронта, совершенно голая, так как во время трехлетнего пребывания моего на фронте все мои вещи пропали в складе в Ленинграде, я работала в военных госпиталях, имея еще на руках больного мужа и мать-старуху, мужу было 64 года, а матери 78. Немного оправившись, я была арестована. Комнату мою отобрали, и мать моя живет у больной сестры и брата. Спасла немного одежды, а остальное продали и растеряли.

Прошу Вас убедительно похлопотать или ради моих заслуг простить меня по незнанию, или разрешить мне съездить на 2 недели в

¹ Менде Алевтина Николаевна, родилась в 1883 году в Петербурге, в семье чиновника. Начала работать с 12 лет. С 1918 – вышла замуж, проживала в Петрограде, работала медсестрой в школах и пионерских лагерях. 18 октября 1932 – арестована по обвинению «в укрывательстве бывшего генерала-прокурора Михаила Константиновича Менде». 9 декабря 1932 – приговорена к 3 годам ссылки. Отправлена в Мурманск, где работала сестрой в Окружном Здравотделе.

² Заявление от 14 августа 1934 года.

Ленинград, взять кое-какие вещи, а то мать сейчас очень слаба, и все остальное погибнет.

Отец мой был бедный чиновник в Ленинграде, в Академии художеств получал 40 р <ублей>, нас было 7 детей, я с 12 лет работала и училась, видела страшную нужду, голодала, только 35 лет вышла замуж в 1918 г <оду>. Муж мой был уже в отставке, с 1914 г <ода> больной, был педагогом, а с 1922 г <ода> получал пенсию как педагог, так что я все время жила трудом и служила последнее время в школах сестрой <...> Еще раз прошу похлопотать о досрочном освобождении или решении мне выехать на 2 недели в отпуск в Ленинград взять вещи <...>»¹.

ЛАРИОНОВ И.С.² — ПРОКУРОРУ³

«<...> В 1932 г <оду> в Ленинграде органами ОГПУ был выявлен и задержан некий старик Менде Мих <ашл> Конст <антинович>, бывший военный судья, проживавший под фамилией Александра с целью сокрытия своего бывшего генеральского военного звания.

По этому делу я, состоявший в то время в должности пом <ошника> уполномоченного Управления погр <аничной> охраны ПП ГРПУ в ЛВО был привлечен в качестве обвиняемого по ст <атье> 58 п <ункт> 12 УК, т <о> е <сть> в укрывательстве вышеуказанного Менде <...>.

Никогда и нигде не участвуя в какой-либо к <онтр>-революционной организации или группировке и признавая себя виновным лишь в непростительном для меня, как сотрудника ОГПУ, легкомыслии оказания некоторой материальной помощи голодным старикам, вышеуказанному Менде и его жене Бессоновой, приходившейся мне двоюродной сестрой, помощи, оказанной исключительно из чувства жалости к голодным старым людям, я возбудил ходатайство о пересмотре моего дела⁴ <...>»⁵.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1146. С. 122. Автограф.

² Ларионов Иосиф Сергеевич. 18 октября 1932 – арестован по обвинению «в укрывательстве бывшего генерала–прокурора Михаила Константиновича Менде». 9 декабря 1932 – приговорен к 10 годам ИТЛ. 21 февраля 1933 – отправлен в Свирский лагерь. Его жена Ларионова Александра Сергеевна «за укрывательство» выслана на 3 года в Костромю.

³ Прокурору при Верховном Суде по надзору за органами НКВД. Заявление от 28 апреля 1935 года.

⁴ 22 мая 1934 – приговор заменен на высылку в Севкрай на оставшийся срок.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1311. С. 66. Автограф.

МИХАЙЛОВ В.Д.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«...» В заседании своем от 28 ноября 1929 г<ода> Верховная Коллегия ОГПУ, заслушав дело по обвинению меня по 58-13 ст<атье> УК, определила признать меня “виновным в означенном преступлении и выславать в Северный Край на 5 лет”³. Вменяемое мне в вину преступное деяние заключается в том, что я 7-го октября 1907 г<ода> (уже прошло несколько <сроков> давностей и амнистий), состоя в должности Товарища Прокурора Вятского окружного суда по Котельническому участку и проживая в то время в г<ороде> Вятке, — присутствовал по распоряжению своего непосредственного начальника — местного губернского Прокурора, в качестве представителя от прокурорского надзора, при приведении в исполнение приговора Казанского Военно-окружного суда над несколькими (2-мя или 4-мя, не помню) осужденными за ограбление почты революционерами, т<о> е<сть> якобы, состоя при царском строе ответственным работником, активно боролся с Революцией.

Как уже объяснял я ранее при своем допросе, так подтверждаю и в настоящее время, что в действительности не только активным, но и вообще борцом против Революции я никогда не был, политических дел, как участковый Товарищ Прокурора Окружного суда (а не бывшей Судебной Палаты, прокуратура коей занималась политическими делами), я никогда не вел и не возбуждал, и революционеров ни в чем не преследовал и не притеснял, а в качестве представителя прокурорского надзора при исполнении приговора я лично присутствовал 7-го октября 1907 года лишь вследствие письменного предписания своего Прокурора, не исполнить какового я, как служащий, во всяком случае не мог, как приказание своего непосредственного начальника, не рискуя сам за отказ быть преданным суду, а затем и быть выгнанным за пределы губернии.

¹ Михайлов Владимир Дмитриевич, родился в 1869. В 1892 — окончил юридический факультет Казанского университета. С октября 1917 — секретарь Загса, член Окружного народного суда, юрисконсульт треста. С 1919 — делопроизводитель Приуральского Артиллерийского Управления РККА, следователь и член Совета полковых судей Приуральского округа. С июля 1921 — после демобилизации служил в Вятке на железной дороге, затем там же счетоводом, с 1923 — в Окружном суде, с 1924 — юрисконсульт и управделами в Госторге. С 1927 — юрисконсульт при Центральном Управлении ТПО.

² Письмо из села Усть-Кулом Коми области от 27 ноября 1931 года.

³ Арестован 6 июня 1929 года. В феврале 1930 — отправлен в Архангельск, где служил статистиком в парходстве, на лесной бирже, в леспромхозе и Севстрое. 9 мая 1931 — с группой заключенных отправлен в Кергомью (Коми), где работал на сплаве и на лесоповале. Дважды отказывался от физических работ, за что подвергался арестам. В августе переведен в село Усть-Кулом, где не мог устроиться на работу как ссыльный.

Кроме того, я должен отметить, что должность Товарища Прокурора Окружного суда ответственной и самостоятельной никогда не была, так как он работал всецело по указанию Губпрокурора, не предпринимая самостоятельно по своей инициативе никаких действий по службе, что отчасти подтверждается и нашей Российской Конституцией, где указано, что лишаются избирательных прав Прокуроры бывших Окружных судов и Прокуроры и Товарищи Прокуроров Судебных палат. Лишь эти лица прокурорского надзора возбуждали и вели политические дела, а, следовательно, и могут в действительности считаться активными борцами против Революции, а не Товарищи Прокуроров Окружных судов.

Сам лично к революционерам того времени (1905-1907) я относился весьма сочувственно и гуманно, вследствие чего на меня даже был написан в 1906 году, во время службы моей Товарищем Прокурора по Яранскому участку, местным уездным исправником Вятскому Губпрокурору донос, за что и был сделан мне выговор с последующим затем лишением меня права заведовать местами заключения в г<орде> Вятке, что обычно входило в круг обязанностей проживающего в г<орде> Вятке Товарища Прокурора Котельнического участка.

Прокурорская деятельность вообще мне была не по душе и не по характеру, а пошел я на должность Товарища Прокурора лишь для дальнейшего продвижения в члены Окружного суда и в прокурорском надзоре служил всего не более “5” лет, перейдя первоначально в уездные члены, а затем в рядовые члены Коллегии Окружного суда по гражданскому отделению <...>.

Из выданного мне в г<орде> Архангельске личного удостоверения было видно, что выслан я в Северный Край на 3 года <...> Деяние мое, повлекшее за собою высылку в Северный Край, не было проявлением с моей стороны какой-либо личной моей ненависти к начинавшему в то время революционному движению, а являлось лишь исполнением служебных обязанностей должностного лица царского времени и свидетельствовало лишь о слабости моей воли, как не сумевшего категорически отказаться от исполнения приказа своего начальника, которому я не сочувствовал <...>»¹.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 621. С. 169-172. Автограф.

МОРОЗОВ П.П.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> 21 июня 1927 г<ода> (Войковский набор³) я был арестован в Л<енин>граде, где проживал с рождения, заключен в ДПЗ до 27 июля, когда по постановлению Особого совещания при ГПУ был направлен в Соловки на 3 года с обвинением по 58 ст<атье> п<ункт> 6, о чем имеется справка прокурора Владимирова, выданная моей жене. В Кемском распределительном пункте, что около г<орода> Кем, переименованном позднее в I отд<еление> СЛОН, где я провел почти три года, занимая должности делопроизвод<ителя>, завед<ующего> денежным столом экспедиции УСЛОНА, разъездного артельщика-кассира I Отд<ела>, мне были уже присвоены пункты 5, 10, 11, 13 ст<атей> 58 <УК> и ст<атьи> 84 <УК>, так как я оказался включенным в группу лиц, совершенно мне неизвестных раньше по делу № 811. Почему и как у меня оказались еще эти пункты, мне неизвестно, а тем более применение ст<атьи> 84, о нелегальном переходе границы, когда я со дня начала русско-германской войны никуда из России не выезжал, служил непрерывно с 1918 г<ода> на гражд<анской> советской службе, выйдя в отставку по болезни из армии в апреле или мае 1918 г<ода>.

Я, бывший генерал-майор, 4 года провел на фронте, 2 раза ранен и дважды тяжело контужен. Во время моего заключения в ДПЗ в 1927 г<оду> мне не было предъявлено никакого обвинения, я был вызван лишь раз к следователю по ошибке, и дела моего никакого тогда не было. Отбыв срок своего заключения в СЛОНе, я 27 июня 1930 г<ода> был направлен опять на 3 года в Севкрай, где и нахожусь сейчас в г<ороде> Архангельске <...>.

В первый раз за все время осуждения я позволяю себе обратиться к Вам с сердечной просьбой помочь мне, если невозможно полным освобождением (так как я не знаю за собою никакой из присвоенных мне вин перед Совет<ской> Властью), то заменой минусом моего настоящего положения. Буду глубоко Вам признателен за всякую помощь, оказанную мне <...>»⁴.

¹ Морозов Павел Павлович, родился в 1870 году.

² Письмо от 5 февраля 1931 года.

³ Массовые аресты после убийства на Варшавском вокзале 10 мая 1927 года посла советской России Войкова П.Л.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 613. С. 306-307. Автограф.

ОБ ОБОЛЕНСКОМ П.В.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Мой внук, студент IV курса Кораблестроительного факультета Ленинградского Политехнического Института имени М.И. Калинина, Петр Владимирович Оболенский, был арестован в апреле 1927 года и по постановлению³ Коллегии ОГПУ ЛВО⁴ приговорен по делу № 534-27 г<ода> к заключению в Соловецкий лагерь сроком на 5 лет (ст<а-
тья> 58 п<ункт> 5 УК).

В настоящее время уже истекла почти половина указанного приговором срока, причем мой внук в Соловках все время работает по своей специальности.

Принимая во внимание, во-первых, что до своего ареста названный внук мой все время усердно занимался учебой, в то же время, находясь в стесненном материальном положении, должен был служить, и, насколько мне известно, всегда был лояльным к Советской власти, во-вторых, при расследовании дела ему никакого конкретного обвинения предъявлено не было, в-третьих, что он уже отбыл почти половину положенного срока заключения, я усердно прошу Вас ходатайствовать перед высшими органами власти о смягчении его участи.

Смею надеяться, что, если внук мой будет досрочно освобожден, и ему будет предоставлена возможность закончить прерванную учебу, он приложит все старания к тому, чтобы в самый короткий срок окончить курс Института и проявить себя полезным работником по избранной им специальности, столь необходимой при социалистическом развитии народного хозяйства Союза.

О результате моего ходатайства прошу поставить меня в известность по следующему адресу: Ленинград, Петроградская сторона, ул. Ленина, д 8, кв 10 — Вере Дмитриевне Оболенской.

На ответ заказным письмом прилагаю марки <...>⁵.

В 1932 — после освобождения из лагеря был выслан в Оренбург, где работал инженером в областном леспромхозе. В 1937 — арестован там. 25 октября 1937 — приговорен к ВМН. Расстрелян.

¹ Оболенский Петр Владимирович, родился в 1906.

² Письмо бабушки Веры Дмитриевны Оболенской от 2 июля 1929 года.

³ От 29 августа 1927 года.

⁴ Ленинградский военный округ.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 379. Л. 22. Машинопись, подпись — автограф.

ОЛСУФЬЕВ Ю.А.¹ — в ПОМПОЛИТ²

«<...> В № 3 журнала “Безбожник” у Стайка и в № 85 “Комсомольской правды” были помещены обо мне следующие, компрометирующие меня, как советского служащего, сведения: что будто я “пристроился” в Сергиевском музее, что я “церковный деятель”, что я член Иоакимовского подворья и бывший член Церковного Собора. После этого появилось несколько статей, приблизительно повторяющих те же сведения, причем в дополнение к ним в одной из газетных статей утверждалось, что и я в числе других лиц принадлежу к черносотенству.

Мною немедленно были посланы опровержения в соответствующие органы печати, но ни одно из них не было помещено.

Утверждалось мною, что я никогда не “пристраивался”, а в 1918 году был привлечен Центром к музейной работе как специалист, что я никогда “церковным деятелем” не был; никогда членом Церковного Собора не состоял; никогда членом церковных советов не был, в частности Иоакимовского, о котором никогда не слыхал.

Окончив Петерб<ургский> университет по юридическому факультету, 2 года продолжал заниматься в университете на юридическом факультете. По окончании занятий в университете, я всепцело отдался искусствоведению, изучая искусство периодически и путем посещения не только всех важнейших российских музеев, но и большинства европейских.

Примыкая к кругам искусствоведов, группировавшихся вокруг журналов “Мир искусства”, “Старые годы”, “Аполлон”, я вошел в “Общество сохранения памятников искусства в России” и состоял председателем Тульского отделения этого общества. В качестве такового выпустил 6 выпусков “Памятников искусства Тульской губернии” (года 1912, 1913, 1914). Тем же обществом мне было предложено взять на себя наблюдение за реставрацией [храма] Василия Блаженного.

В Сергиеве я поселился до Революции с намерением предпринять серьезное научное издание «Сокровищ Тр<оице>-С<ергиевой> Лавры, до тех пор почти не изученных и художественно не изданных.

Мне это удалось сделать уже после Революции, в качестве сотрудника Госуд<арственного> Сергиевского музея, которому [изданию]

¹ Олсуфьев Юрий Александрович, родился 28 октября 1869 в Петербурге. Граф. Отец имел имение в 700 десятин в Епифанском уезде Тульской губ. Окончил юридический факультет ПУ, два года преподавал там. Изучал историю искусства, с этой целью с 1900 по 1909 – находился за границей, посетив музеи многих стран. После революции имение было национализировано.

² Письмо от 16 июня 1928 года.

мною посвящено 10 лет работы, увлекательной и интереснейшей. За эти годы мною выпущены были следующие книги:

<...>¹;

8) Целый ряд докладов по изучению сокровищ (художественных) б<ывшей> Лавры² <...>;

9) Статьи о моих работах: в “Старых годах”, в “Печати и Революции” (несколько), в “Известиях Об<щест>ва экологии” при Казанском университете, в журнале “Советское искусство” и в ряде зарубежных газет и журналов, посвященных вопросам искусства.

В Сергиевском Музее имеется отзыв франц<узского> академика университета Милле о моих трудах. Все это мне приходится выставлять, дабы показать, что мне не нужно было, как специалисту, “пристраиваться”.

В заключение скажу, что до Революции я ни на государственной, ни на общественно-государственной службах не состоял, никаких званий и чинов не имел, т<ак> к<ак> все мои интересы были направлены в иную сторону, в сторону любимого искусства.

Никогда черносотенцем не был, питал отвращение к таковому направлению; вообще, я был весьма всегда далек от политики.

Юрий Александрович Олсуфьев. Москва. 16 июня 1928.

Характеризовать мою десятилетнюю музейную работу, я полагаю, не откажется музейный отдел и Главнаука³.

В начале 30-х — проживал в пос. Ухтомское под Москвой, был старшим научным сотрудником Третьяковской галереи. В июле 1932 — в районное отделение ГПУ пришло сообщение: «Имеем сведения, что граф в Загорске имел и имеет связь с чуждой публикой»⁴.

В ночь с 23 на 24 января 1938 — арестован в пос. Михельсон Ухтомского района «за контрреволюционную агитацию и распространение антисоветских слухов». Виновным себя не признал. 7 марта 1938 — приговорен к ВМН. 14 марта расстрелян на Бутовском полигоне.

¹ Далее перечислены названия ряда книг и статей в журналах.

² Далее перечислены темы ряда докладов.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 222. С. 203-204. Автограф.

⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 23188. С. 3. Машинопись.

ОСТЕН И.Н.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«Милостивая Государыня,
глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Вы служите страждущему человечеству или великому и святому делу. Я был осужден в декабре 1925 г<ода> Череповецким Губсудом на 8 лет строгой изоляции, по ныне 58 ст<атье> п<ункт> 13 УК за участие в подавлении революции 1905 г<ода>, когда была призвана буквально вся быв<шая> царская армия, от младшего солдата до старшего генерала.

Но не все ведь начальники или бывш<ие> офицеры действовали тогда активно и проливали кровь братьев своих, и я случайно как раз был в той местности и в такое время, когда там не было никаких волнений или эксцессов, и мне пришлось действовать совершенно пассивно, без единой капли крови и действовать не оружием, а добрым словом и убеждением. Осужден я был в 62 года, совершенно больным стариком, и беспримерно жестоко, совершенно без каких-либо улик или достаточных данных. Предварительное и судебное следствие — это лишь мои персональные показания. Дело началось в 1918 г<оду> по анонимным доносам; я тогда служил в Череповоенкомате и на вопрос комиссара я ответил сразу совершенно откровенно, что в 1905 г<оду> я был на подавлении революции, куда была призвана тогда вся русская армия, я был с эскадрой Павлоградского драгунского полка. С сентября 1905 г<ода> до конца декабря того же года под Митавою и в Риге, а с начала декабря 1905 г<ода> до конца апреля 1907 г<ода> в Шавельском и Россиенском уездах Ковенской губ<ернии> — предварительное следствие началось в июне 1919 г<ода>, когда я был в заключении 7 недель, и продолжалось в июле 1924 г<ода>, когда я был в заключении 2 недели, итого 9 недель я был в заключении, до предания меня суду.

В 1925 г<оду> опять продолжились допросы в ГПУ, который получил из архива копии двух документов: письмо бывш<его> Ковенского губернатора Веревкина от 28 апреля 1907 г<ода> к командующему войсками Виленского военного округа, где Веревкин аттестовал меня, как выдающегося офицера за пребывание мое у него в губернии, но подчеркнул в письме, что действия мои были строго закономерны, военного положения тогда в Ковенской губернии не было, ибо по письму видно, что Веревкин-губернатор имел гражданский чин, а следовательно, все действия мои там могли быть только мирного характера, и, со-

¹ Остен Иван Николаевич, родился в 1863. Кадровый офицер царской армии.

² Письмо из больницы Д. Гааза в Ленинграде от 25 июня 1928 года.

гласно с инструкцией Начальника Севзапкрая, т<о> е<сть> гражданского генерала-губернатора губерний Виленской, Ковенской и Гродненской, я исполнял его предписания и я исполнял свой служебный долг.

В 1919 г<оду> я из заключения через свою жену передаю совершенно сознательно и добровольно свой служебный формуляр в ЧК, из коего видно, что в октябре 1907 г<ода> я был уволен от военной службы и в ноябре того же года я был назначен уездным исправником и пограничным комиссаром с Пруссией в тот же Россиенский уезд, где я был только 1½ года на подавлении революции. Уволен я был от службы военным начальством, очевидно, за неблестящие мои действия, коих оно не признало и уволило меня, как несоответствующего назначению, ибо, если бы оно признало мои действия выдающимися, то не уволило бы, и я бы имел много наград, т<о> е<сть> чинов и орденов, кои сыпались в то время всем, даже младшим прапорщикам, а у меня в формуляре ни одной награды не оказалось. 30-го ноября я принял Россиенский уезд, и население этого уезда вполне охотно и доброжелательно встретило меня, не помня никакого зла, коего я ему, очевидно, не сделал. Я пробыл там 4 года и, когда в 1913 году уже из Поневежского уезда я был опять уволен от службы под давлением Ковенского губернатора Грачева, известного реакционера и пьяницы, то население моего родного Россиенского уезда (делегация), узнав о моем увольнении, принудило губернатора Грачева вознаградить меня за службу ему, населению, с 1905 по 1911 г<од>. И второй документ, полученный ГПУ из архива, это копия рапорта губернатора Грачева в октябре 1913 г<ода> министру внутренних дел с ходатайством дать мне пенсию за выдающиеся заслуги в двойном размере 200 р<ублей> в месяц. Мои заслуги оценил народ, коему я служил всю жизнь на военной службе, своему брату-солдату, и на гражданской — населению 400 тысячного пограничного уезда В июле 1925 г<ода> Череповецкий, в январе 1926 г<ода> Московский, в июле 1927 и в апреле 1928 г<ода> Ленинградский Окруды разбирали дело, совершенно тождественное, бывш<их> офицеров и полицейских чиновников по подавлению революции 1905 г<ода>, и при полном наличии улики и сознания подсудимых в пролитии невинной крови от наказания их всех освободили за давностью. Всего я в заключении более 33 месяцев, из коих 20 месяцев я нахожусь в больницах <...>»¹.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 222. Л. 356. Автограф.

О ПАЛЛАДИНЕ В.В.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Измучившись вконец, дойдя до отчаяния, я решила обратиться к Вам за помощью по делу мужа. Муж мой, ветврач, просидевши в Самаре год, осужден на 3 года концлагеря “Медвежья Гора”. Я потеряла совсем здоровье, не способна ни к чему, имею на своих руках двух малышей 6-7 л, котор<ые> извели меня голодом и всеми насущными требованиями. Я одиночка — некому меня сменить у больных детей и некому раздобыть им хлеба, когда я совершенно не встаю. Значит, я не служу, и жить совершенно нечем. Материальное положение больше, чем критическое. Облигаций имею на 300 р<ублей>, котор<ые> ГПУ разрешает продать, Комсод³ не разрешает.

Я к Вам обращаюсь, к<ак> к гуманному и чуткому человеку, котор<ый> не допустит, чтобы мать своими руками задушила или отравила своих детей, ввиду безвыходности... Кормить нечем, жить нечем. Еще при муже ни одной лишней вещи не было. Теперь же продано все необходимое, дети остались голые и босые, в холоде и голоде... Вы, будучи близки великому Горькому и его матери, — поймете мое тяжелое душевное и моральное положение и поможете мне и моим малышам избежать гибели!!

Короче, я прошу 1) посодействуйте освобождению мужа или пересмотру дела его!

За ним нет ни одного реального обвинения:

I пункт — слабое руководство аппаратом (истолкован к<ак> метод вредительства). У мужа слабое руководство аппаратом было ввиду отсутствия штата (вместо 25 д<уш> муж работал вдвоем: он — врач и счетовод). Документы о просьбе центра неоднократно увеличить штат есть при деле самарского ГПУ. Муж работал честно, усердно по 20 час<ов> в сутки. В течение ½ г<ода> не имел ни одного выходного дня, а в течении 3-х л<ет> не пользовался ни разу отпуском. 12 л<ет> с 20 г<ода> работает врачом и за все время не имел ни одного замечания. Кроме того имеет заслуги перед Красной Армией — 4 года на Красном фронте и в это время был глухонемой от контузии.

II пункт обвинен<ия> — встречи с вредителями, московскими про-

¹ Палладин Василий Васильевич. Получил высшее образование по специальности ветеринарный врач. В гражданскую войну служил в РККА, на фронте был тяжело контужен. С 1922 – проживал в Самаре, работал ветеринарным врачом. Летом 1931 – арестован как «участник контрреволюционной вредительской организации».

² Письмо жены Палладиной Нины Григорьевны от 10 января 1932 года.

³ Комиссия содействия.

фессорами — это не реально. На съездах бывал официально, а знакомства и разговоров ни с кем из них не было совсем у него.

III п<ункт> — связь с врачом ветеринарн<ым> Решетовым. Никакой связи с Решетовым и не могло быть, т<а>к к<а>к Решетов давно освобожден и работает на своем прежнем месте в Оренбурге в институте. Близкие отношения с врачом Захаровым — не было близости, и Захаров не был даже арестован. Уполномоченный, ведший дело, уверяет, что мужу по его заключению дана вольная высылка. Откуда конц<лагерь> и за что? Ведь мужу объявлено, и он уже уехал на Медвежью Гору <...>¹.

О ПАЛЛАДИНЕ В.В. — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«Товарищ Пешкова! Войдите в положение 4-х погибающих жизней и спасите малышей.

Я твердо верю в справедливость. Ошибки могут исправляться. Не медлите — исполните мою и малышей просьбу — умоляю!! Нет сил и средств жить!.. Наведите справки и поспособствуйте освобождению Палладина Василия Васильевича, Самарского ветврача, работавш<его> в ВЕТЭПО (Ветерин<арная> Эпизоотич<еская> Помощь). Ведь за человеком ничего нет. Если не сможете исполнить эту просьбу, то также горячо прошу, спешно поспособствуйте об расстреле 4-х Палладиных!! г<ород> Самара Средне-Волжск<ого> края <...>³.

К письму матери приложено было письмо, написанное аккуратным детским почерком.

«Хорошая умная тетя!!!

Мы октябрюта Руслан и Людмила Палладины просим Вас помочь нам вернуть папку. Мы хотим жить не хотим умирать. Помогите нам! Ведь вы же многим помогли. Нам очень плохо без папы, да и мама слезла. Людмила 7 л<ет>, Руслан 6 <ет>⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д.392. С.103. Автограф.

² Письмо жены Палладиной Нины Григорьевны от 10 марта 1932 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 392. С. 102. Автограф.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 392. С. 103. Автограф.

О ПОЛОВЦЕВОЙ К.А.¹ — ФИГНЕР В.Н.²

«<...> Ксения³ обвиняется по ст<атье> 58, п<ункт> 11⁴. Обвинение это совершенно не подходит. Внучка Петра Алексеевича⁵ и моя дочь не может быть контрреволюционеркой, это знают все и могут подтвердить. Она не только всегда сочувствовала революции (еще когда ездила к П.А. в Лугано), но и весьма сочувствует советской власти. Единственно, в чем ее можно обвинять (если это обвинение признается) — это в большой религиозности. Но ее религия, как и других привлеченных, не имеет ничего общего с контрреволюцией. Организация (если можно так назвать) заключалась и заключается только в совместном молении и богослужении, но ведь это же нашей властью разрешается. Молились, правда, часто, много и подолгу. Властью разрешаются молебны и др<угие> службы на дому с условием не более 20-ти человек, а такого количества даже никогда и не бывало. Темами для бесед были: религия и культура, <неразб.>, догматы церкви, религиозный опыт и т<аму> п<о-добное>. Конечно, эта идеология не совпадает с советской, но все-таки никакой контрреволюции по 58 ст<атье> не заключает в себе. Гонения на церковь, конечно, тоже очень огорчали этих людей. Тем не менее моя дочь не раз говорила: “Если бы не было гонений на церковь, я непременно принадлежала бы к коммунистам”. А ст<атья> 58 говорит: “организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжение на сов<етскую> территорию вооруженных отрядов или банд”. Ну, что же тут общего с религиозностью Ксении?

Шлиссельбуржец Н. Морозов, прося у т<оварища> Менжинского об одном из заключенных, говорил, что Менж<инский> ответил, что к ним в ЧК такого дела не поступало, и затребовал все дело к себе. В настоящий момент дело обстоит так:

Нам сказали: во-1), что суда не будет, во-2), что дело должно окон-

¹ Письмо Екатерины Николаевны Половцевой, матери Ксении Анатольевны от 16 января 1929 года.

² Вера Николаевна Фигнер, почетный председатель ППК.

³ Ксения Анатольевна Половцева, родилась в 1886 (1887?). Отец был сенатором. Получил высшее образование. Художник-график, архитектор. Проживала в Петрограде, с 1915 — секретарь Совета религиозно-философского общества. С 1917 — преподавала рисование и черчение в школах.

⁴ В ночь с 11 на 12 декабря 1928 — по делу «контрреволюционной монархической организации “Воскресение”» было арестовано 14 человек: Анциферов Н.П., Аполлонская-Стравинская И.А., Арисон Т., Бахтин В.В., Бахтин М.М., Герман В.П., Дедок А.А., Корш Е.В., Мейер А.А., Половцева К.А., Смотрицкая Т.М., Смотрицкий П.Ф., Тайба-лин Г.Г., Яфа О.В.

⁵ Князя П.А.Кропоткина.

читься в конце этого месяца (Ксения арестована 12/XII-28); затем оно будет послано на заключение в Москву, и вот этот момент является важным для ходатайства. Я очень надеюсь, многоуважаемая Вера Николаевна, что Ваше ходатайство о Ксении было бы даже более существенно, нежели Соф<ья> Гр<игорьевны>¹.

Верьте моему честному слову, что ходатайствовать о Ксении Вам не совестно. Люди, подобные Ксении, могут быть скорее украшением нашего строя, а никак не врагами власти, полезные, а не вредные деятели советского режима. И потому за них просить можно и даже поручиться за них смело можно. Если Вы лично заступитесь за внучку П.А., то этим Вы оказали бы радость не мне одной, а и многим коммунистам.

Не будете ли Вы так добры поговорить об этом с т<оварищем> Менжинским? Или с чрезвычайной тройкой? Или с т<оварищем> Енукидзе. Впрочем, не мне Вам указывать, Вы сами лучше знаете, кому и что надо сказать. Смягчающим обстоятельством для Кс<ении> является еще и то, что она только недавно встала с постели. Она пролежала три месяца и не долечилась. Это обстоятельство особенно мучает меня.

Обращаюсь к Вам также с вопросом: должна ли я приехать в Москву для хлопот? Если бы это было необходимо, то я, конечно, не задумывалась бы над этим вопросом, хотя я сама никуда не поеду: у меня очень большое сердце и всякие немощи, так что я не без труда двигаюсь <...> Мне лично не тяжело просить Вас за Кс<ению>, потому что я не только горячо люблю ее, но верю в то, что она заслуживает Ваше ходатайство и никогда не посрамит Вас.

Простите еще раз и примите уважение к Вам старой, больной и несчастной матери Екат<ерины> Половцевой <...>².

Ксения Анатольевна Половцева была приговорена к 7 годам ИТЛ и отправлена в Соловецкий лагерь особого назначения. Позднее переведена в Белбалтлаг, в 1933 — освобождена с ограничением проживания (-6). Поселилась в Калинин, затем — в Калязине.

Муж К.А., Мейер Александр Александрович, как «руководитель контрреволюционной монархической организации «Воскресение»» был приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь³.

¹ Софья Григорьевна Кропоткина, жена Петра Алексеевича, тетя матери Ксении.

² ГА РФ, Ф. 8409 Оп. 1. Д. 398. С. 177-178. Автограф.

³ Остальные участники приговорены: к 10 годам ИТЛ — 1 человек, к 5 годам ИТЛ — 4 человека, к 3 годам ИТЛ — 3 человека, к 3 годам ссылки в Северный край — 4 человека.

ПРИКЛОНСКИЙ А.П.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> 2 сент<ября> 1930 г<ода> кончился назначенный мне 3-х летний срок высылки “минус 6”, но до сего времени никакого нового постановления я не получил. Последнее обстоятельство ставит меня в очень тяжелые условия в смысле заработка и вынуждает просить вашей помощи.

Я, проситель, — бывший офицер Преображенского полка Александр Петрович Приклонский, был арестован в Ленинграде 25 апр<еля> 1924 г<ода> и постановлением от 12 сент<ября> выслан в Соловки на 3 года³; затем, постановлением от 2 сент<ября> 1927 г<ода> получил “минус 6”, и с того времени живу в Костроме.

Не откажите сделать все, что признаете нужным в моих интересах, за что буду Вам бесконечно признателен. А. Приклонский <...>⁴.

<13 мая 1931>

«<...> В Вашем ответе от 23/II за № 9934 значилось, что по справке Кострома будет извещена о моем освобождении. До сего времени я ничего не получил. 10 мая я навел справку здесь. Сказали, что дело, вероятно, в Москве, и обещали сделать запрос (конечно, через Иваново). Не признаете ли целесообразным предпринять что-либо в мою пользу <...>⁵.

<10 августа 1931>

<...> Скоро исполнится год с того дня, как окончился мой срок минус шесть, но до сего времени я не свободен. Я обращался к Вашему содействию дважды: в феврале, когда получил извещение, что Кострома будет извещена о моем освобождении, и три месяца назад, когда Вам ответили обещанием повторить извещение. Является мысль, что моя высылка, как и всех, мне подобных (слышу, что не освобождают никого), окажется бессрочной. Не найдете ли Вы возможным возбудить этот вопрос в целях выяснить нашу судьбу <...>⁶.

В сентябре 1931 — освобожден, поселился в Дмитрове, работал заведующим чертежной. 23 сентября 1936 — арестован, 16 августа приговорен к ВМН и расстрелян на Донском кладбище.

¹ Приклонский Александр Петрович, родился в 1882 в Нижнем Новгороде. Получил высшее образование. Кадровый офицер царской армии.

² Письмо от 5 февраля 1931 года.

³ Работал там в канцелярии и занимался историко-археологическими изысканиями.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 612. С. 139. Автограф.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 612. С. 143. Автограф.

⁶ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 612. С. 146. Автограф.

О РАТИЕВЕ И.Д.¹ — в ПКК

«<...> Прошу Помползак не отказать передать мое заявление 1) о личном свидании с моим отцом Иваном Дмитриевичем², теткой Софией Дмитриевной и сестрой Ольгой Ивановной, находящихся в Бутырской тюрьме и высылаемых на Урал на 3 года, и 2) заявление моей бабки Ольги Михайловны о предоставлении выше поименованным жительства в городе Екатеринбурге и отпуске тетки Софии Дмитриевны домой для сборов в дорогу <...>»³.

ЛУНАЧАРСКИЙ А.В.⁴ — РАТИЕВУ И.Д.

«<...> 3) В согласии с постановлением Худож^{ественной} Истор^{ической} Комиссии Зимнего дворца от 3-го ноября с^{его} г^{ода}» объявляю:

а) Искреннюю благодарность пом^{ощнику} начальника дворц^{ового} управ^{ления} кн^{язю} РАТИЕВУ за самоотверженную защиту и охранение народных сокровищ Зимнего дворца в ночь с 25 на 26 октября 1917 г^{ода}, я также благодарю и т^{ак} д^{алее}.

4) Ввиду происшедших событий в ночь с 25 на 26 октября, прошу пом^{ощника} нач^{альника} дворц^{ового} управ^{ления} кн^{язя} РАТИЕВА обратить строжайшее внимание на внутреннюю охрану Зимнего дворца <...>»⁵.

«О Расхищении Национальных Сокровищ»⁶

«Если еще в Зимнем дворце кое-что сохранилось и уцелело от безумного вандализма, то в этом отношении оказал большую услугу комендант дворца г^{осподин} РАТИЕВ, которому выражена благодарность. Работая под пушечным и оружейным обстрелом, г^{осподин} Ратиев распорядился вынести многие ценности в более сокровенные помещения дворца <...>»⁷.

¹ Заявление Дмитрия Ивановича Ратиева, сына И.Д. от 10 июня 1924 года.

² Ратиев Иван Дмитриевич. Князь. Гвардейский офицер. В марте 1924 – арестован по групповому делу «контрреволюционной монархической организации». Приговорен к 5 годам концлагеря, позднее лагерь заменен ссылкой на Урал.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 42. С. 173. Автограф.

⁴ Из Приказа № 218 по бывшему Министерству двора от 7 ноября 1917 года.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 42. С. 175. Машинопись.

⁶ Выписка из «Петроградской газеты» за № 261 от 16 ноября 1917 года.

⁷ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 42. С. 174. Машинопись.

О СЕРГЕЕВЕ А.В. — ПЕШКОВОЙ Е.П.¹

«<...> Александр Владимирович СЕРГЕЕВ (мой муж), бывший офицер старой армии (полковник), мобилизованный Временным правительством в гражданскую войну, он в 1922 году с отрядом генерала Бакича добровольно сдался Соввласти, и из города Бийска был привезен в Ново-Николаевск (теперь Новосибирск). Заключение в ГПУ, после одиннадцати месяцев под следствием, муж был выпущен без суда, за прекращением дела и удостоверение за № 6454/С, выданное Ново-николаевским Губ<ернским> Отделом ГПУ, подтверждало его право на свободу. По выходе из ГПУ муж поступил в местный Гуфинотдел, затем в местную контору Доброфлота, где зарекомендовал себя хорошим счетным работником, пользовался доверием со стороны руководителей учреждения <...>».

Никакой политикой муж не занимался, у него было одно искреннее желание — отдохнуть от пережитого, от той кошмарной обстановки, сделавшей его больным, в которой он находился сначала на фронте 1914 года, будучи не раз ранен и контужен, затем в отряде Бакича и, наконец, в заключении почти год. Женившись на мне в феврале 1924 года, муж в спокойной семейной обстановке пробыл короткое время (только три с половиной месяца) и в конце мая 24 года был арестован. После трехмесячного предварительного заключения его в конечном итоге сослали в Приангарский край в ссылку сроком на три года. Время ссылки мы переживали в разлуке: я служила и помогала ему там существовать. За три месяца до окончания срока мужа на месте ссылки арестовывают и через Новосибирск этапным порядком направляют в Алма-Ату (быв<ший> Верный, ныне Джетысуйской области). Причина этого ареста мне с точностью не известна, но, насколько я знаю, муж привлечен к ответственности за службу у “белых” в 1918-19 годах (в частности, в армии атамана Анненкова). Его обвиняют, во-первых, в том, что, будучи начгаром ст<аниции> Сергиопольской быв<шей> Семиреченской области, он якобы творил там расстрелы и насилия, и во-вторых, — в участии в расстреле и насилии над семьей полковника Луговского на границе Китая, так называемом перевале Сельке.

Муж отрицает свою виновность, заявляя, что начгаром Сергиополя он был максимум две недели, и что власть по Сергиополю не была сосредоточена в его руках, т<о> е<сть> проходящие части мужу в строевом и оперативном отношении подчинены не были. Сергиополь в этот момент занимался отступающими из Кустаная войсками генерала Дуто-

¹ Письмо от 20 июня 1928 года.

ва и дезорганизованными частями генерала Эфтина, которые, во-первых, не были подчинены Анненкову, а, во-вторых, не считались с каким-либо начальством. Что Сергиополь вообще никакому разгрому в бытность его начгаром не подвергался, а просто жители Сергиополя, казаки, почти поголовно ушли с Анненковым в Китай, оставив для охраны домов лишь одних стариков, что и создавало картину запустения города. Что в бытность мужа начгаром никаких массовых расстрелов в Сергиополе не производилось, а обилие трупов на городских площадях, бывшее в момент вступления в город Красной Армии, объясняется тем, что в отступавших частях Дутова и Эфтина царила ужасающая смертность от сыпного тифа, причем умершие, за недостатком санитарных сил и средств, складывались кучами на площадях города.

Надо отметить, что все эти объяснения мужа нашли себе подтверждение в материалах процесса Анненкова, рассмотренного Выездной Сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР в июле-августе 1927 года в городе Семипалатинске <...>.

По второму обвинению (насилие над семьей полковника Луговского) муж говорит, что на границе Китая в армии Анненкова такой случай действительно был, судом это дело разбиралось, и были точно установлены виновники — сотник Васильев, хорунжий Шульгин, Ганага и несколько казаков. Судом они были приговорены к расстрелу. Генерал Баккич предпринял вторичное разбирательство этого дела в гор<оде> Чугучаке (Китай), которое опять-таки подтвердило непричастность мужа ни к расстрелу, ни к насилию <...> все участники насилий были зарублены белыми казаками, и спасся только один Васильев, которого казаки все-таки поймали в гор<оде> Кульдже (Китай) и уморили голодом. Как же при таких условиях мой муж мог попасть в число этих насильников и тем более избавиться от справедливого возмездия со стороны возмущенных оренбургских казаков? Все эти соображения убеждают в полной невинности мужа и по второму обвинению <...>¹.

2 ноября 1928 — Сергеева М.И. получила из ПКК письмо, что мужа ее нет в живых, а 11 ноября на свои телеграммы она получила ответы от мужа, что он жив, и от прокурора, что дело мужа направлено в Кызыл-Орду.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 269. Л. 51-52. Машинопись, подпись — автограф.

О СНЕГУРОВСКОМ П.И.¹ — в ПКК

«<...> Заявление

В.И. Снегуровской
Киев, Красноармейская, 100/5

Мой муж, военный инженер-электрик, б<ывший> преподаватель радиотехники в Военной школе связи им<ени> Калинина в Киеве, был арестован 27 декабря 1930 г<ода>².

10 июля 31 г<ода> отвезен в Харьков для отбывания наказания по приговору к 5-ти годам заключения в общих местах.

При объявлении приговора ему сказали, что с этого момента снимается строгая изоляция, и он будет работать на внутренних работах, но вместо этого он был направлен в Допр № 2, корпус 9/3, в пересыльную камеру, где находится до сего времени, как будто позабытый. Этап сменяется другим этапом, а он остается в самых антисанитарных условиях, заедаемый насекомыми, лишенный сна, отдыха и движения, так как приходится лежать или сидеть на асфальтовом полу, тесно прижавшись друг к другу ввиду того, что двигаться по плотно набитой людьми камере нет никакой возможности. Тяжесть положения его усугубляется преклонным возрастом и болезненным состоянием <...>.

Ввиду всего вышеизложенного, я умоляю оказать помощь моему мужу. Прошу Комитет помощи ходатайствовать перед Прокурором или тюремной администрацией о предоставлении самых элементарных тюремных удобств: койки для него, возможности жить в такой камере, где можно двигаться и держать себя в чистоте, и, если нельзя применить свои силы, большие знания и огромный опыт на работе по специальности, то все равно дать возможность работать.

Ведь приговор был так жесток, но не лишил его возможности работать, наоборот. Очевидно, о нем просто забыли.

В. Снегуровская <...>³.

¹ Снегуровский Павел Иванович, родился в 1891 в Киеве. Окончил КК. С 1914 – на фронте, к 1917 – в чине полковника. После 1918 – преподаватель радиотехники в ВШС.

² Арестован как «участник к-р офицерской организации в Киеве».

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 621. С. 68-69. Автограф.

ТИМОШИНЫ¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> В 1930 г<оду>, проживая в Крымской АССР, Денайкойском округе Армянского района дер<евне> Филатовка, являясь по происхождению дочерьми б<ывшего> помещика, владельца сельскохозяйственной экономией и хуторским хозяйством до 600 десятин земли, мы были вместе с родителями высланы из пределов Крымской АССР и отправлены как кулаки на добровольное поселение в Коми-Зырянскую область, Сторожевский район, д<еревня> Нившера, поселок Боровой, где и проживаем до настоящего времени. С самого начала поселения, с 1930 г<ода> по настоящий день, мы занимаемся тяжелой работой на лесозаготовках, на раскорчевке участков и других, выполнение которых лежит на нас не в порядке свободного счастливого труда, а как принудительная повинность.

Настоящим делая о себе свое жизнеописание, сообщаем, что с самых малых лет мы выполняли всегда, еще на родине, тяжелую с<ельско>-хозяйственную работу, никакого воспитательного влияния со стороны родителей мы не имели, будучи в сущности детьми в момент их жизни самостоятельным хозяйством. Родители наши, отец и мать, на месте н<ашего> поселения умерли в 1932 г<оду>. Мы остались сиротами и вынуждены страдать за родителей, в то время как, за исключением старшей сестры, которая больная, будучи еще юношами, полны жизни и желания жить, учиться и трудиться на пользу обществу, ибо мы фактически являемся дочерьми труда и хотим одного — испытать равноправного счастья на труд.

Ввиду всего вышеизложенного просим возбудить о нас В<аше> ходатайство:

- 1) О даче нам прав гражданства (избирательное право);
- 2) Вычеркнуть нас из списков кулаков, т<ак> к<ак> никакого касательства мы к ним не имеем. Просим учесть, что сам Вождь, Великий Сталин, сказал, что “дети не отвечают за своих отцов”;
- 3) Дать нам возможность выехать в ближайший культурный центр, как, например, Архангельск, где бы мы могли честно, свободно трудиться, поднять свой культурный уровень и отдать свои силы обществу и родине.

Возвращаться в Крым мы не имеем никакого желания, отвергая последнее, как место источника, давшего нам горе и страдание <...>³.

¹ Мария Петровна, 40 лет; Ксения Петровна, 26 лет; Нина Петровна, 24 года.

² Письмо от 5 октября 1936 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1465. С. 44-45. Автограф.

О ШИЛЬДЕРАХ¹ — в ПКК²

«Глубоко уважаемый Товарищ!

Есть случаи в жизни, когда человек бывает смел и, не желая быть докучливым, утруждает людей, не имея на то права. В таком положении стою я, незнакомая Вам 75 летняя старуха. Я умоляю Вас помочь мне в большом, большом горе: мой единственный близкий родственник, Владимир Александрович Шильдер, быв<ший> директор лицея и его единственный сын Михаил Владимирович Шильдер, быв<ший> лицеист, арестованы в ночь с 14 на 15 февр<аля> с<его> г<ода>, а жена старика Анна Михайловна Шильдер и ее племянница Елизавета Николаевна Клингенберг взяты в ночь с 24 на 25 февр<аля> с<его> г<ода>.

Оба старика и племянницы заключены в ДПЗ в общих камерах, Михаил же Владимир<ович> содержится в особом ярусе. Обвинения предъявлены тяжкие, и им грозит суровая кара.

Следствие закончено, отослано в Москву и ожидается скорый приговор. Нет у них никого, кто принял бы участие в их тяжелом положении. Мне указали на Вас, как на человека сердечного, доброго, отзывчивого и сильного.

Шильдер — люди честные, корректные, и я ручаюсь головой, что бесчестного поступка они совершить не могли. Молодой Шильдер отличный работник, с большим научным запасом и безукоризненно честен.

Ради всего, что Вам дорого, молю, помогите! На Вас только надеюсь, не откажите, помогите. Тут нет ни слова лжи, я стою у гроба и всю тяжкую жизнь боролась за правду и благо честных людей. Простите меня, но Вы поймете, какое отчаяние в душе дряхлой, бесприютной и совершенно одинокой и бедной старухи.

Последнее мое слово, помогите!

С полным уважением

Александра Полозова.

Ленинград, Люблинский пер<еулок>,
2/5, кв<артира> 6 <...>³.

¹ Письмо написано Александрой Полозовой, проживающей в Ленинграде.

² Письмо от 12 мая 1925 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 82. С. 68-69. Автограф.

ШИЛЬДЕР А.М.¹ — Е.П. ПЕШКОВОЙ²

«Уважаемая Екатерина Павловна!

<...> После долгого колебания решаюсь Вас беспокоить, обращаясь к Вам с покорнейшей просьбой, помочь мне советом или указанием, что мне предпринять для того, чтобы узнать о судьбе моего единственного сына Михаила Владимировича Шильдера.

В 1925 г<оду> по делу лицеистов я была приговорена к 5 годам Соловков. Муж мой³ скончался на Шпалерной до окончания дела. О судьбе сына я ничего не знаю четвертый год.

После 2-х лет пребывания в Соловках (все время была в лазарете) я была переведена на минус 6 и, вследствие полной конфискации имущества, лишенная всяких средств к существованию, выбрала Свердловск, где служит моя племянница, единственная, оставшаяся в живых близкая родственница⁴; должна побыть здесь еще около 2-х лет.

Мне 73 года, осталось жить недолго, и день и ночь у меня одна мысль, одно желание — узнать, жив ли сын и где он находится. Если Вы были матерью, Вы поймете, как я жестоко страдаю и изнемогаю от непосильного горя.

Простите великодушно тоскующей старухе причиняемое Вам беспокойство и, если найдете возможным что-либо мне посоветовать, будьте так добры сообщить по прилагаемому адресу.

С полным уважением

А.Шильдер.

Свердловск, Верхне-Исетская больница,

Анне Михайловне Шильдер <...>⁴.ПКК — ШИЛЬДЕР А.М.⁵

«<...> В ответ на Ваш запрос, согласно справке, полученной из ОГПУ, сообщаю, что Ваш сын, Шильдер М.В., был приговорен к высшей мере наказания, которая приведена в исполнение»⁶.

¹ Шильдер Анна Михайловна.² Заявление от 19 августа 1928 года.³ Владимир Александрович Шильдер.⁴ Елизавета Николаевна Клингенберг.⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 233. С. 52-53. Автограф.⁶ Заявление от 6 сентября 1928 года.

О ШИНКЕВИЧЕ Е.Г.¹ — в ОГПУ²

«<...> Прошу о возвращении гр<ажданина> Шинкевича Евгения Гавриловича из ссылки (гор<од> Сыктывкар области Коми), т<ак> к<ак> условия жизни невыносимо тяжелые для 70-ти летнего, смертельно больного старика. Там он не может найти (ввиду отказа) работы, не имеет помещения (3 дня ночевал на улице под проливным дождем), в настоящее время ночует в бараке (9 чел<овек> в маленьком бараке), где сплошь кишат насекомые. Ест только хлеб и то в ограниченном количестве, т<ак> к<ак> хлеб стоит 15 р<ублей>. Все выше-сказанное плюс надвигающиеся в скором времени морозы, доходящие до 50-60°, неминуемо приведут в скором времени гр<ажданина> Шинкевича к гибели, у которого нет вины в настоящем и вина его (если можно это считать виной) в прошлой службе по Министерству, но и в прошлом он считался самым либеральным человеком, способствуя возвращению из ссылок политкаторжан и революционеров <...> Гр<ажданин> Шинкевич никого из близких не имеет, кроме меня, его бывшей жены, и поэтому я прошу разрешения взять его на полное иждивение и ручаюсь за его полную лояльность сов<етской> власти и желание быть полезным гражданином. Его дни сочтены, а поэтому прошу дать возможность ему умереть среди близких людей <...>»³.

САМОЙЛОВИЧ Р.Д.⁴ — ШИНКЕВИЧУ Е.Г.⁵

«<...> С готовностью удостоверяю, что в 1911 году, в бытность Вашу директором департамента общих дел министерства внутренних дел Вы принадлежали к числу либеральных людей среди крупного чиновничества. В частности, в связи с исследовательской работой на Шпицбергене, Вы содействовали отмене запрета на въезд в Ленинград. При Вашем участии я был привлечен к организации экспедиции на о<строва> Шпицберген, состоявшейся в 1912 г<оду> под начальством В.А. Русанова и положившей начало русским заявкам на участки на о<ст-

¹ Шинкевич Евгений Гаврилович, родился в 1863. С октября 1919 – экономист-изыскатель железнодорожной линии Повенец-Мурманск, с мая 1921 – управделами в Институте Книговедения. С 1 апреля по 1 октября 1922 – член Бюро по исполнению мирных договоров в НКВД. До 1927 – научный сотрудник и секретарь отдела КЕПС при АН СССР. С 1929 – работал в ВАИ АН над составлением библиографического указателя.

² Письмо Липченко Александры Васильевны, бывшей жены Е.Г. Шинкевича, от 25 октября 1928 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 1471. С. 217. Автограф.

⁴ Самойлович Роман Дмитриевич, профессор и директор ВАИ АН.

⁵ Письмо от 22 октября 1928 года.

рове> Шпицбергене. В 1913 г<оду> при Вашем участии была организована вторая экспедиция на Шпицберген, под Вашим руководством укрепившая результаты первой экспедиции. В дальнейшем я продолжал деловые отношения с Вами по вопросам, касающимся севера, по которым вы работали, состоя научным сотрудником Комиссии естественных производительных сил России при Академии Наук.

Могу заверить Ваше вполне лояльное отношение к Советской власти и отметить, что всегда видел с вашей стороны искреннее желание работать на пользу Советского строительства <...>»¹.

По ходатайству ПКК освобожден, вернулся в Ленинград. В марте 1935 — выслан в Атбасар.

О ШИНКЕВИЧЕ Е.Г.² — ПЕШКОВОЙ Е.П.³

«<...> Екатерина Павловна, покорнейше прошу не отказать в Вашем ходатайстве о несчастном старике. Ему 72-й год, он смертельно болен, живет в ужаснейших бытовых условиях, валяясь на ящиках в проходной комнате, с полуоткрытой на улицу дверью, когда морозы в настоящее время достигают 35°. Медицинский персонал там отсутствует, и, когда он в обмороке упал на улице, и его принесли домой, то с трудом найденный врач оказался акушеркой — других докторов там нет.

Из прилагаемого при сем письма проф<ессора> Р.Л. Самойловича и его характеристики Шинкевича Вы поймете, что он не вреден для Советской власти и все 18 лет революции он, не щадя сил, работал на пользу строительства (о чем имеются справки, приложенные при его заявлении), а служа до революции в Мин<истерстве> вн<утренних> дел, заведывал исключительно финансово-экономической частью департамента и никогда не ведал ни жандармерией, ни охраной, ни департаментом полиции, о чем есть архивная справка историка революции Щеголева, приложенная к его заявлению <...>»⁴.

22 февраля 1936 — Шинкевич Е.Г. получил от ПКК извещение о разрешении выезда в Рыбинск.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 1471. С. 225. Машинопись.

² Письмо от Ивановой Е.М.

³ Письмо от 7 декабря 1935 года.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 1471. С. 227. Машинопись, подпись — автограф.

ШИРИНСКАЯ-ШИХМАТОВА П.А.¹ — ВИНАВЕРУ М.Л.²

«<...> Сегодня мы получили известие, что сестра моя, Павла Андреевна Ширинская, поставлена в концлагере на земляные работы. До этого она работала на кухне, куда ее перевели из прачечной, потому что норма стирки белья была ей не под силу. Она кругом больной человек. Неужели, будучи не в силах стирать — она может годиться для земляных работ.

Мама послала Вам по этому поводу заявление, но я уж без заявления просто очень-очень прошу Вас, не откажите сделать все возможное, чтобы ее от таких работ избавить. Как она ни бодрится, но все же не могла удержаться и прямо пишет — не надеется никак остаться в живых эти 5 лет лагерей, из которых прошло только два.

Не умею просить, не знаю, как лучше сделать, но если только возможно, сделайте все доступное для ее освобождения от работ. При ее здоровье это просто смерть <...>»³.

<19 апреля 1932>⁴

«<...> С тех пор получаемые мною от моей дочери сведения уведомляют меня о последующем переводе ее с одних тяжелых работ на другие, а именно: она была на лесных работах, затем стала прачкой, а теперь переведена на земляные работы. Не понимая, почему ее держат на таких работах, когда ее специальность быть сестрой милосердия, и зная, насколько ее сердце ослаблено тремя последующими тифами, когда она работала в Детском приюте, — усердно прошу Вас — нельзя ли более срочным порядком выяснить это, по-видимому, недоразумение <...>»⁵.

По ходатайству ПКК лагерь был заменен ссылкой в Секрай. Отправлена в Архангельск.

¹ Ширинская-Шихматова Павла Андреевна, родилась в 1890 в Тульской губ. Отец Андрей Александрович, князь. Окончила гимназию и курсы сестер милосердия. Медсестра в Марфо-Мариинской обители в Москве. В 1914 — пострижена в монахини в монастыре «Добрыниха». После закрытия монастыря проживала в деревне Добрыниха, работала в больнице. 4 ноября 1930 — арестована «как участница контрреволюционной организации монахинь и церковников». В феврале 1931 — приговорена к 5 годам ИТЛ. Отправлена в СЛАГ (Повенец, ст. Медвежья Гора).

² Письмо сестры — Марии Андреевны Ширинской-Шихматовой от 20 марта 1932 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 810. С. 118. Автограф.

⁴ Письмо матери Л.Г. Ширинской-Шихматовой.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 810. С. 122. Автограф.

1935 – 1936
ГОДЫ

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Данными оперативного учета УГБ УНКВД по Ленинградской области (далеко не полными) устанавливается серьезная засоренность предприятий, ВУЗов и особенно учреждений гор. Ленинграда остатками разгромленной буржуазии, крупными чиновниками быв. государственного аппарата (в том числе и полицейского), родственниками расстрелянных террористов, диверсантов, шпионов и даже видными представителями бывшей царской аристократии, генералитета и их потомством.

На оперативном учете состоит:

1. Семей расстрелянных террористов, шпионов, диверсантов, участников других к-р образований — 941;
2. Бывшей аристократии (быв. князья, бароны, графы, столбовые и потомственные дворяне) — 2360;
3. Бывших военных чинов и чиновников (бывш. генералы, полковники, чиновники министерств, генерального штаба и др.) — 1545;
4. Бывших крупных помещиков, купцов, домовладельцев и спекулянтов — 5044;
5. Бывших чинов полиции (работники Жандармского управления, охраны, тюремных учреждений и др.) — 620 <...>¹.

¹ Из «Докладной записки» П.М. Заковского Г.Г. Ягоде о «Бывших людях» от 16 февраля 1935 года за № 26092. Лубянка: Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД, январь 1922 – декабрь 1936. М., Материк, 2003, с. 613.

АГАПОВА А.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Слыша, что Вы человек очень добрый, с чуткой и отзывчивой душой, я решаюсь обратиться к Вам с просьбой, так как положение мое безвыходно: 5/IV-35 г<ода> мой зять Лев Федорович Голлербах, у которого я на иждивении, моя дочь Людмила Алексеевна Голлербах и я, Александра Алексеевна Агапова, высланы [из] города в Воронеж. 15/IV сего года зятю и дочери постановлением особого совещания высылка отменена, а мне нет. Я выслана за мужа. По происхождению я дочь учителя гимназии, мой муж дворянин, Алексей Алексеевич Агапов, много лет работал в Вольской военной школе для слабоумных и дефективных детей. Имел печатные труды, две статьи из которых, напечатанные в педагогическом сборнике в 1885 году, у меня сохранились. Последние 5 лет был заведующим учеб<ной> частью Одесского кадетского корпуса. Умер в 1912 г<оду> в чине генерал-майора. Мне 73 года, я с трудом хожу и часто не могу обходиться без посторонней помощи, и то, что я помешаю детям вернуться в Ленинград, для меня тяжелое горе. Дочь в 1935 г<оду> кончала Госкурсы по немецкому отделению и была выслана за 2 месяца до получения диплома. Внука хотели поместить в училище при Акад<емии> Художеств, у него большое дарование по отзывам всех художников. И дочь, и внук хотят учиться, и я им не дам этой возможности. Каждый день, когда ложусь спать, думаю о том, как хорошо бы не проснуться, да смерть не приходит.

Очень прошу Вас, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, похлопочите за меня, как тяжело на старости лет чувствовать себя помехой³. Надеюсь на то, что вы не оставите моей просьбы без внимания. Александра Алексеевна Агапова»⁴.

15 апреля 1936 — по ходатайству ПКК высылка Голлербах Людмилы Алексеевны была отменена, и семья вернулась в Ленинград. Александра Алексеевна Агапова осталась в Воронеже одна.

¹ Агапова Александра Алексеевна, родилась в 1861.

² Письмо от 5 мая 1936 года.

³ С 1921 – находилась на иждивении мужа своей дочери.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 1528. С.54–55. Автограф.

ОБ АЗБЕЛЕВЕ В.Н.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Мой муж Виктор Николаевич Азбелев, я и наш сын Николай 3-х лет находимся в гор<оде> Томске, куда мы были высланы 28/III из Ленинграда (-15). Официальным мотивом нашей высылки послужила фамилия мужа, но, конечно, есть еще и неофициальная сторона — это наша жилплощадь³<...>.

Хотя мой муж и принадлежит к фамилии, члены которой (братья его отца и их дети) подвергались репрессиям, все же он не может нести ответственность за всех членов этой многочисленной фамилии.

Мой муж, 54 лет, врач-микробиолог, научный работник, довольно видный специалист, имеет 28-летний стаж, ничем не запятанный ни до, ни после революции. Факт, что мы в силу бытовых условий были вынуждены жить в одной квартире с родственниками, не может быть предосудительным.

Отец мужа Николай Павлович Азбелев — преподаватель механики морского училища и морской академии, автор ряда работ по специальности, впоследствии инспектор мореходных классов, вышел в 1903 году в отставку в чине генерал-майора по адмиралтейству. С 1903 года он занимался литературным трудом, сотрудничал в журнале “Современный Мир”, где помещал ряд очерков о Японии. Он умер в 1912 году.

До 1932 года мой муж и я работали на периферии (Старая Бухара, г<ород> Серпухов и г<ород> Архангельск), где муж занимал все время руководящие должности в научно-практических учреждениях. В настоящее время он мог бы получить назначение на кафедру микробиологии в один их периферийных Медвузов (что ему уже предлагалось и раньше).

Муж подавал в прокуратуру ходатайство о пересмотре дела, он просит не о возвращении в Ленинград, а только о восстановлении в правах. Сестра его Ольга Ник<олаевна> Азбелева 9/V передала его заявление в прокуратуру и по совету Веры Николаевны была у Вас в Кр<асном> Кр<есте>, где видела и разговаривала с Винавером. Винавер обещал ей, что Кр<асный> Кр<ест> поддержит это ходатайство <...>⁴.

¹ Антонина Федоровна Хлебникова, жена Азбелева.

² Письмо от 28 августа 1935 года.

³ С 1932 — в Ленинграде, в 1934 — получили две комнаты в общей квартире.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1335. С.142-143. Автограф.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Н.П.¹ — в ПКС²

«<...> В ночь с 2 на 3 марта с<его> г<ода> ко мне на квартиру в г<ороде> Ленинграде явились сотрудники НКВД и предъявили ордер на обыск и арест меня. Ордер был выписан на Александра Павловича, между тем как меня зовут Николай. После телефонных переговоров, мне неизвестных, обыск у меня был произведен, причем ничего компрометирующего у меня не обнаружено. Я был арестован и выслан с женой в административном порядке в город Куйбышев на 5 лет. Уже в г<ороде> Куйбышеве мне было предъявлено постановление Ленинградского УНКВД о том, что я признан социально опасным, как сын надворного советника и служивший прапорщиком в армии Деникина.

С таким определением НКВД я никак не могу согласиться. Действительно, будучи поручиком военного времени, я, с объявлением Деникиным мобилизации, служил около года в штабе Астраханского Казачьего Войска старшим адъютантом по инспекторской части, но на должности сугубо канцелярской, связанной с чинопроизводством и ведением послужных списков, и никакого участия в боевых действиях не принимал, да и не мог по состоянию здоровья, ибо еще 3 августа 1915 года был тяжело ранен в грудь с переломом трех ребер.

За службу свою в белой армии я уже получил достаточный урок, просидев 8 месяцев под следствием за Ленинградской Губчека, из-под которого однако постановлением тройки был освобожден. С этого времени я упорным трудом заново перестроил свою жизнь. Выучившись театральному искусству, я все это время работал в различных ленинградских театральных учреждениях актером и помощником режиссера, активно борясь за советский театр <...>.

В 1926 г<ода> я был снят с особого учета и восстановлен во всех гражданских правах. В 1929 г<оду> женился на дочери профессора Военно-Медицинской Академии — Варлих. В 1931 г<оду> проходил через чистку соваппарата. Вообще, руководствуясь своими производственными и общественными взаимоотношениями, с каждым днем я все больше и больше чувствовал свою органическую связь с советской страной и знал, что, если у меня и было “прошлое”, то у меня есть и “настоящее”, которое я никому не отдам <...>»³.

¹ Александровский Николай Павлович. Отец, военный чиновник в чине надворного советника, оставил семью после смерти жены. С восьми лет воспитывался старшими сестрами. Окончил гимназию, с третьего класса подрабатывал уроками.

² Заявление написано в апреле 1935 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1300. С. 76-77. Автограф.

АКСАКОВА Т.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Прежде чем излагать свою просьбу, разрешите мне напомнить Вам, кто я такая, т<ак> к<ак> я не раз уже прибегала к Вашей помощи для своих близких. Я — Татьяна Аксакова, урожд<енная> Сиверс — отец мой Александр Александрович³ по делу Академии Наук был в ссылке в Туруханске, а единственный мой брат Сиверс А.А.⁴ погиб на Соловках 27/X 1929 г<ода>. Вы, наверно, помните мою belle sœur, тоже Татьяну Сиверс (Юматову)⁵, которая уехала к своему сыну.

Теперь разрешите мне в двух словах изложить Вам, что со мною случилось, и в чем я Вас умоляю помочь. Год тому назад я развелась со своим мужем Аксаковым¹, чтобы выйти замуж за Львова Владимира

¹ Аксакова Татьяна Александровна (урожд. Сиверс), родилась 25 октября 1892 в Петербурге. Воспитывалась в доме отца, с 1902 — обучалась в гимназии в Москве, с 1910 по 1913 — в Строгановском училище. Во время Первой мировой войны работала на складах Красного Креста и в военном госпитале. С 1917 — проживала в Козельске, преподавала немецкий язык в учительской семинарии, с августа 1918 — делопроизводитель на молочной ферме. С мая 1920 — после возвращения мужа проживали в Калуге, с 1927 — в Ленинграде.

² Письмо из Саратова от 25 марта 1935 года.

³ Сиверс Александр Александрович, родился в 1866 в Нижнем Новгороде. Окончил ПУ. С 1888 — служил в Главном управлении уделов (ГУУ), с 1911 — начальник Самарского удельного округа. Привлечен к работе Комитета по опеке над имуществом великого князя Михаила Александровича. С 1914 — помощник начальника ГУУ. Занимался научной работой. Нумизмат, историк, генеалог. В 1918 — арестован в связи с убийством Урицкого, вскоре освобожден. Работал в Главархиве, с 1922 — сотрудник журнала. В 1925 — издана его книга «Алфавит декабристов». 20 ноября 1928 — арестован, в мае 1929 — приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь и летом отправлен в село Ворогово Туруханского района (на реке Енисей). В июле 1933 — освобожден из ссылки с ограничением проживания (-6). Поселился во Владимире, работал статистиком, позднее переехал в Можайск. В конце 1930-х — проживал в Тарусе, с октября 1943 — работал в нумизматическом отделе Исторического музея в Москве. 24 сентября 1954 — скончался в Москве.

⁴ Сиверс Александр Александрович, родился в 1894 в Петербурге. В начале 1920-х — служил в «Моного-Лесе». 1 апреля 1925 — арестован и привлечен к следствию по групповому делу «лиценстов». Приговорен к 10 годам концлагеря без применения амнистии. Отправлен в СЛОН, где работал нарядчиком роты. В апреле 1927 — просил о переводе для дальнейшего отбывания наказания в Бутырскую тюрьму. Весной 1928 — срок приговора был сокращен на ¼. Осенью 1929 — арестован по групповому делу «участников контрреволюционного заговора». 24 октября 1929 — приговорен к ВМН. 27 октября 1929 — расстрелян (по другим данным, погиб 30 марта 1930 года).

⁵ Юматова-Сиверс Татьяна Николаевна, жена Александра Александровича. После ареста мужа приговорена к 3 годам ссылки. Отправлена на ст. Кабожа Мга-Рыбинской железной дороги, где работала мастерицей на фабрике древесной соломки в «Севзалесе». Освобождена из ссылки, вернулась в Ленинград. 20 мая 1927 — получила разрешение на свидание с мужем, но муж в это время был отправлен из Кеми на Соловки. В июле ездила на свидание к мужу на Соловки. После гибели мужа выехала за границу.

Сергеевича². Мы не успели еще оформить этот брак, когда 6 марта 1935 г<ода> я была сослана из Ленинграда в г<ород> Саратов, а Львов — в г<ород> Куйбышев. И в его, и в моем деле есть указания на вышеизложенные обстоятельства.

В настоящее время, прилагая при сем заявление В.С. Львова, убедительно прошу Вас помочь выхлопотать его перевод в мой город. Я вполне смирилась с отъездом из Ленинграда, с которым у меня уже порвалась всякая связь, и даже не подала ни одного обжалования. Но я думаю, что никому не может быть нужным, чтобы моя дальнейшая личная жизнь была настолько жестоко изломана, и чтобы всегда я была так одинока, как я одинока сейчас.

Не буду Вам говорить, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, с каким напряжением и Львов, и я будем ждать Вашей помощи, и какую большую важность в этом деле представляет тот факт, что родители Львова желают оставаться в Куйбышеве с другими сыновьями. И я убедительно прошу на них перевода не распространять (это указано в заявлении). Заранее бесконечно благодарю <...>³.

Львов Владимир Сергеевич остался в Куйбышеве, в ноябре 1937 — был арестован и осужден.

Татьяна Александровна осталась в Саратове, работала вышивальщицей и давала уроки французского языка. 3 ноября 1937 — арестована по обвинению в «антисоветской клевете». 24 декабря 1937 — приговорена к 8 годам ИТЛ. Отправлена в Локчимлаг, работала в больнице. В июле 1943 — досрочно освобождена по болезни и выслана в Вятские Поляны Кировской области, где работала в больнице. В 1955 — реабилитирована, занималась переводами. Весной 1967 — вернулась в Ленинград, занималась литературной работой. В 1982 — скончалась в Ленинграде. Оставила воспоминания «Семейная хроника», которые в 1988 — были изданы в Париже.

¹ Аксаков Борис Сергеевич. В 1914 — женился на Т.А. В семье родилось двое детей. В апреле 1918 — арестован, но вскоре был освобожден. Воевал в Белой армии, в мае 1920 — вернулся к жене, поселились в Калуге, в 1927 — переехали в Ленинград. В марте 1930 — арестован и выслан в Алма-Ату, но благодаря ходатайству ПКК из ссылки освобожден и 20 июля вернулся в Ленинград.

² Львов Владимир Сергеевич. В начале 1932 — был арестован, но через две недели освобожден. 2 февраля 1935 — вновь арестован и выслан с родителями и братьями в Куйбышев.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1352. С. 217-218. Автограф.

АНДРОСОВА А.Н. — в НКВД¹

«<...> 14-го марта 1935 г<ода> я и трое моих детей: Георгий, родившийся в 1915 году, Константин — в 1916 г<оду> и Екатерина — в 1917 г<оду>, — были выселены из Ленинграда в Тургай. В пути место назначения было переменено на село Боровское.

Не имея за собой и детьми никакой вины, для более полного освещения обстоятельств моей жизни, сообщаю следующее:

Лично я родилась в семье военного. Последний чин моего отца был генерал-майор, причем с 1907 или 1908 г<ода> он был в отставке. Умер в 1920-м году от тифа. Родилась я в 1895 году. Когда мне было 10 лет (в 1905 г<оду>), моя мать разошлась с отцом и увезла меня и 3-х младших детей с собой в Ленинград. Не имея средств содержать нас всех, оставшись без мужа, она отдала меня осенью 1906 г<ода> учиться в Смольный институт, где я пробыла до 8-го мая 1914 года. Находясь в тяжелых семейных условиях, я 15-го мая 1914 г<ода> выехала в Курскую губ<ернию> на место учительницы-гувернантки, где проработала до января 1915 года, когда вышла замуж. Таким образом, никакой связи с отцом я не имела с 10-ти летнего возраста и даже не была на его иждивении (сейчас мне 40 лет).

Вместе с мужем и детьми прожила 12 лет в деревне и 7 лет в маленьком провинциальном городке и только после смерти мужа, когда уже все мои дети учились в Л<енингра>де, вернулась туда.

В Л<енингра>де я работала и считалась хорошей работницей. Предполагаю, что выслана я за то, что у меня имеются родственники за границей, но подтверждаю, что никакой связи с ними не имела и не имею с 1915 года. Никакой переписки никогда не вела и даже не интересовалась их адресами. Нахожу поэтому, что и это не может быть мне поставлено в вину.

В своем происхождении я невиновна, а находясь на работе, я всегда честно служила Советской власти. <...> Теперь о муже:

Он был врач; по происхождению сын мелкого жел<езно>-дор<ожного> служащего. Имя моего мужа: Антоний Георгиевич Андросов. Окончил Харьковский университет в 1911 году, желая служить народу, он отказался от предлагавшегося ему выгодного места в Харьковской клинике и отправился работать земским врачом в деревню.

Проработав в деревне до 1927 года, он для дальнейшего обучения детей перебрался в г<ород> Белгород, где и умер осенью 1933 г<ода>, заразившись при исполнении служебных обязанностей брюшным тифом <...>»².

¹ Письмо Андросовой Анны Николаевны от мая 1935 года.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1318. С. 85-86. Автограф.

АННЕНКОВА А.Ф.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Дед мой Анненков И.В. был родным братом П.В. Анненкова, издателя первого собрания сочинения А.С. Пушкина, литератора, который ввиду своего либерализма не мог ужиться в царской России, а жил постоянно за границей и умер в Баден-Бадене: он был другом Огарева, Герцена, Бакунина. Был лично знаком и состоял в переписке с Карлом Марксом. Письмо Карла Маркса к П.В. Анненкову в 1847 г<о-ду>, в котором он делился с ним своими мыслями, вошедшими в его последнее сочинение, напечатано и хранится в Академии Наук.

Из нашего рода был также декабрист Иван Анненков.

Приписываемое мне звание дочери генерала-майора я также считаю неправильным, так как оно длилось всего только 5 месяцев. Родилась я в 1880 г<о-ду> в семье мелкого военного служащего Главного Штаба. Отец занимал там должность смотрителя здания, дослужился до чина полковника и перед смертью, будучи совершенно больным и не имея окончательно выслуженной пенсии, был произведен в чин генерала-майора, что ему давало право на больший размер пенсии — но получив чин в декабре месяце, в июне месяце того же 1903 г<о-да> он умер. Так что генеральство его длилось всего 5 месяцев. И, кроме того, я считаю, что каждый человек отвечает за себя <...>.

По окончании курса Александровской женской гимназии, где я получила образование, я сейчас же начала работать в Ленинградской детской беспризорности. Работала в Убежище для девочек-проституток — так как в царское время детская проституция была очень широко распространена, то работать приходилось очень много. Затем до 1917 г<о-да> работала в Управлении колоний для малолетних преступников, и, когда начался массовый саботаж, которому я не подчинилась, а перешла на работу в Отдел Народного образования в Комиссию несовершеннолетних обвиняемых <...>.

С 1920 г<о-да> — работала старшей воспитательницей во 2-м Детско-сельском Доме для трудновоспитуемых мальчиков. В 1922 году — работала помощницей заведующего детским домом для трудновоспитуемых девочек в Детском Селе. В июне месяце 1922 года была назначена заведовать Интернатом в Ленинградский экспериментальный Институт Детской Дефективности, где и работала до 20/III 1935 года <...>³.

¹ Александра Федоровна Анненкова. В 1935 — выслана с сестрой Верой в Куйбышев.

² Письмо написано 16 января 1936 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1489. С. 278. Автограф.

БАРТЕНЕВ А.Н.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Вот уже скоро 3 недели, как я испытываю со своею семьею чувство, какое, верно, испытывает ребенок, которого больно и незаслуженно наказали.

Советская власть, которой я верно и честно служил 18 лет и надеюсь служить столь же верно и преданно и дальше, не может обидеть человека только за то, что он — бывший офицер и безземельный дворянин, тем более, что я этого никогда не скрывал <...>.

И вот в ночь с 3-го на 4-е марта у меня производится 4-х часовой обыск. У меня, человека, прожившего всю свою долгую жизнь упорным трудом, ищут ценности и оружие. Ни того, ни другого, естественно, не находят, хотя дело доходит до взламывания пола. Затем меня арестовывают на 3-е суток, после чего я получаю предписание Ленинградского Управления НКВД от 10 марта № 737 покинуть со всею семьею Ленинград в 7-ми дневный срок и выехать в город по своему усмотрению (минус 15 областей).

Я выбираю гор<од> Орел и выезжаю из Ленинграда со всею семьею, бросая любимую педагогическую работу, бросая квартиру, продавая за гроши свою более чем скромную обстановку, чтобы выручить что-нибудь на дорогу, бросая, наконец, город, в котором я провел почти 48 лет <...> В НКВД мне было заявлено, что меня буквально ни в чем не обвиняют, но при этом предложили передать моему старшему брату, Сергею Николаевичу Бартеневу (60 лет), чтобы он тоже выезжал из Ленинграда. А он — участник гражданской войны и бывш<ий> Начальник Штаба IX Кубанской армии, тоже бывший офицер, как и я.

Все наши (мое, сына моего и его жены) заявления в Ленингр<адский> НКВД остаются безрезультатными. Все наши усилия доказать, что мы — честные советские работники разбиваются о слова: мы в этом не сомневаемся, но вы должны выехать, ибо идет чистка Ленинграда...

Почему эта чистка распространяется на нас?

На следующий день после Октябрьского переворота я был в Смольном и тем засвидетельствовал новой власти свою преданность. С этого дня я честно служил Советской власти и в этих же понятиях воспитал и своего единственного сына, тогда 6-ти летнего ребенка, а теперь студента V курса Академии Художеств Игоря Александровича Бартенева. Он выдающийся студент, он талантлив, как мне, его отцу, лично сказал его декан <...>.

Я, отдавший Советской власти 18 лучших зрелых лет своей жизни,

¹ Бартенев Александр Николаевич.

² Письмо из Орла от 31 марта 1935 года.

свой военный опыт и знания, я, служивший ей честно в дни ее испытаний, когда она нуждалась особенно в честных работниках, я не могу быть опасным теперь, когда советская страна стала сильной, могучей и грозной для своих врагов.

Не может Советская власть обидеть меня, честно ей прослужившего 18 долгих лет, когда я уже почти старик. Произошла ошибка, произошло недоразумение... Помогите же исправить эту ошибку всем своим авторитетом.

Советская власть карает преступников, но не своих верных и честных слуг <...>¹.

«Жизнеописание А.Н. Бартенева

Родился 6 августа 1878 года под Москвой, около ст<анции> Подсолнечной Октябрьской ж<елезной> д<ороги>, в семье отставного штабс-капитана. Отец, безземельный дворянин, служил в это время в страховом обществе “Россия”. Семья, насчитывавшая уже 4-х детей (от 2-х браков отца), как мне говорили, довольно сильно бедствовала. Мать моя была дочерью профессора Московского Высшего Технического Училища по кафедре технологии волокнистых веществ — Федора Михайловича Дмитриева, по рождению крестьянина, бывшего первым русским текстильщиком <...>.

Потеряв в 1883 году и вторую свою жену — мою мать — отец скоро женился в 3-й раз, и таким образом, когда мне минуло 11 лет, семья отца насчитывала уже восемь человек детей. Чтобы разрядить семью, старших двух сыновей: меня и брата моего, — в 1889 году отдали в Кадетский корпус, который я и окончил в 1897 году. Пробыв в закрытом учебном заведении восемь лет, не зная хорошо жизни, не имея возможности найти в обремененной детьми семье материальной поддержки для поступления в гражданское высшее учебное заведение, пришлось автоматически перейти в военное училище (Константиновское артиллерийское), где обеспечено было образование, стол и одежда. Склонности к военному делу я никогда не имел, что и подтвердится, как увидит читатель, дальнейшей моей службой: военной лишь по платью, но канцелярской по существу.

Окончив с отличием в 1900 году артиллерийское училище, я вышел в 37-ю артиллерийскую бригаду, квартировавшую в Селищевских казармах Новгородской губернии. В 1904 году я был направлен на театр военных действий, на пополнение убыли в Манджурских армиях. В

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1512. С. 193-195. Автограф.

боях под Сандепу и под Мукденом я участвовал в рядах 43-й артиллерийской бригады. Таким образом в 1905 году прекращается моя строевая служба и дальнейшая протекает исключительно на военно-канцелярских должностях в пределах Ленинграда, который был мне необходим как крупный центр, в котором я мог иметь приработок, так как после смерти в 1902 году моего отца, мы со старшим братом являлись единственными работниками в семье, состоявшей из моей овдовевшей мачехи и 5 человек детей, не считая нас с братом (самая старшая сестра была замужем). Для пополнения средств (я получал жалованья 90 руб<лей>) я начал бегать по урокам. Так продолжалось до 1910 года, братья и сестры малолетние подросли и стали зарабатывать сами.

Я мог подумать о создании собственной семьи и в 1910 году я женился. Женильба не улучшила моего материального положения, так как семья моей невесты жила исключительно на пенсию. Мне пришлось работать еще больше. Кроме уроков я начал работать в типографии военной газеты “Русский инвалид” в качестве ночного корректора, а затем и сотрудничать в этой газете и в журнале “Военный сборник”. Журнальная работа (гонорар 5 к<опеек> за строку) и педагогическая работа давали мне в общей сложности до 100 руб<лей> в месяц, что вместе с жалованием (115 руб<лей>) и составляли мою прожиточную сумму. В 1912 году родился мой единственный сын (в настоящее время студент V курса архитектурного факультета Академии художеств). В 1912 году, в связи с производством в капитаны, я окончательно отказываюсь от мысли возвратиться в строй и перехожу на чисто административно-канцелярскую работу в Главное Управление, будучи назначен сперва столоначальником, а затем помощником начальника отделения по заключению контрактов на предметы боевого снабжения для армии. Здесь, в Главном Артиллерийском Управлении, я служил вплоть до 1919 года. Здесь я встретил сперва февральскую, а затем и Октябрьскую революцию, а в 1918 году в составе этого Управления переехал вместе с Правительством в Москву <...>. Так встретил я Октябрьскую революцию и связал с нею всю дальнейшую судьбу свою и своей семьи, а в том числе и своего 6-ти летнего, в то время единственного сына.

В дальнейшем я непрерывно и честно служил Советской власти:

1. Начальником Отделения Главного Артиллерийского Управления по металлам и топливу.

2. Коммерческим директором Охтенского порохового завода (1919-1920 г<од>).

3. В рабочем батальоне рабочих Охтенского завода по обороне Ленинграда от Юденича.

4. Начальником отдела складов Окружного Артиллерийского Управления Ленинградского военного округа.

5. При учреждении рабочих факультетов я сразу вступил в число преподавателей рабфака сельскохозяйственного института и работал в нем вплоть до 1925 года, насчитывая в настоящее время многие сотни своих учеников из числа молодых пролетарских специалистов.

6. Старшим инспектором Морской Инспекции Снабжения Чрезвычайного Уполномоченного по снабжению Балтфлота (1920-1921 г<од>).

7. Начальником школы оружейных и артиллерийских мастеров ЛВО.

8. Преподавателем школ ФЗУ в течение с 1928 по 1931 г<од>.

9. Военным преподавателем Котло-Турбинного, Гидротехнического, Машиностроительного, Индустриального и Сельскохозяйственного институтов (1929-1935 г<од>).

10. Военным руководителем Детско-Сельского Сельскохозяйственного института. Таким образом я отдал Советской власти почти 18 лет непрерывной, честной незапятнанной службы, другими словами, отдал все, что может отдать честный человек <...>.

Вся моя 18-ти летняя служба Советской власти и я сам чисты, как кристалл. На моей совести нет ни одного пятна, могущего опорочить, меня как человека и как советского педагога.

В 1933 году я был арестован и, пробыв в заключении один месяц, был освобожден без единого допроса и без предъявления мне какого бы то ни было обвинения <...>¹.

В 1936 — благодаря ходатайству ПКК и своей настойчивости, Александр Николаевич Бартенев был возвращен в Ленинград вместе со своей семьей. Преподавал в Индустриальном институте.

10 октября 1937 — арестован. 11 декабря 1937 — приговорен к ВМН. 20 декабря расстрелян.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1512. С. 196-198. Машинопись, подпись — автограф.

О БЕНУА Н.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> 22 марта 1935 г<ода> мой муж Николай Альбертович Бенуа³ получил предписание срочно выехать из Ленинграда в город Атбасар с семьей. Так как на сборы нам было дано всего 4 дня, и не было времени в Ленинграде выяснять свое юридическое положение — причем, я решила во всяком случае не оставлять мужа и детей — я выехала с ними на положении высланной с тем однако, чтобы по приезде на место немедленно возбудить ходатайство о восстановлении своих прав свободной гражданки. <...> В марте месяце этого года будет год, как я отбываю наказание. Но за какой проступок? Я не знаю. За что я выслана на 5 лет в Сибирь, оторвана от близких моему сердцу людей! Меня в Ленинграде ни разу в НКВД не вызывали, ни о чем не спрашивали, никакого обвинения не предъявляли, а вот сию скоро год, и еще остается 4 года, и не могу понять, за что?»

Очевидно, вся моя вина в том, что я прожила 23 года с моим мужем. В дореволюционный период вся моя семья считали мужа исключительно честным человеком, так как тогда, несмотря на существующие в то время светские предрассудки, он женился на мне, дочери рабочего-революционера. Его политические убеждения уже тогда были резко левые. Вот почему, когда произошла Октябрьская революция, он примкнул к ней и в начале 18 года, когда вся буржуазия жила надеждами на скорое падение власти большевиков (в брошюре опубликовано в начале 18 года), он повел в Казани среди интеллигенции горячую агитацию против саботажа интеллигенции за большевистскую власть и диктатуру пролетариата. С тех пор он, как умел, отдавал свои силы строительству новой жизни и нашей Красной Армии. Целый ряд его ценных изобретений принимаются на вооружение. Особенно крупных успехов в своей работе он достиг в последние годы, когда его изобретения нашли себе применение не только в военном деле, но и в мирной промышленности (осциллограф системы моего мужа в нефтеразведке) <...>⁴.

13 февраля 1938 — Николай Альбертович был арестован в селе Володаровка по обвинению в шпионаже. 16 ноября 1938 — приговорен к ВМН. Расстрелян.

¹ Письмо жены, Серафимы Михайловны Бенуа.

² Написано 2 февраля 1936 года.

³ Бенуа Николай Альбертович, родился в 1881 в Петербургской губ. Окончил юридический факультет ПУ.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1471. С. 258-261. Автограф

БОБРИНСКИЙ А.В.¹ — ПРОКУРОРУ СССР²

«<...> Бобринского Алексея Владимировича,
проживающего в поселке Семиозерном
Актюбинской обл<асти>, ул<ица> Ленина 45.

ЗАЯВЛЕНИЕ

При высылке из Ленинграда в марте 1935 г<ода> моего отчима Ланского К.С.³ и моей матери Ланской О.Н.⁴ я был механически, как член их семьи, присоединен к ним и вместе с ними нахожусь в поселке Семиозерном.

Мне 20 лет, высылка прервала мое учение на 4 курсе радиофакультета Ленинградского электротехникума связи за 10 месяцев до полного окончания курса. Годичное пребывание в ссылке показало, что я не могу здесь найти работу не только по своей специальности, но и вообще регулярной физической работы; мои попытки поступить на работу кончились внезапным увольнением меня, как ссыльного, лишенного прав.

Ввиду изложенного и имея в виду, что я воспитан исключительно в советской школе и с прошлым моих родителей никакой связи не имею, что, по словам тов<арища> Сталина, дети не отвечают за своих родителей, я же в начале своего существования лишен гражданского права и даже права на образование и на работу, не имея вины.

Прошу вас о предоставлении мне возможности закончить мое образование по радиотехнике, а затем работать по специальности, для чего дать мне право выезда наравне с моими сверстниками, находившимися в Семиозерном с родителями и получившими по особому рас<поряжению> НКВД минус 2.

Я же не мог принять участие в их совместном ходатайстве перед правительством, исключительно ввиду того, что находился в это время на работе за пределами поселка. А. Бобринский»⁵.

¹ Бобринский Алексей Владимирович.

² Письмо от 15 февраля 1936 года.

³ Ланской Кирилл Сергеевич.

⁴ Ланская Ольга Николаевна.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1468. С. 73. Автограф.

БУЛГАКОВА Т.Н.¹ — в НКВД²

«<...> Постановлением Особого Совещания при НКВД от 20 марта 1934 г<ода> был выслан из Ленинграда в Куйбышев мой муж БУЛГАКОВ Александр Сергеевич³ и вместе с ним была выслана и я. Прошу о пересмотре моего дела, хотя даже не знаю — рассматриваюсь ли я в этом вопросе самостоятельно или являюсь чем-то вроде бесплатного приложения к мужу <...>».

С 1918 г<ода> работала все время до момента высылки с перерывом всего в 1½ года после рождения ребенка. Последние 10 лет (1925-35 г<оды>) работала непрерывно в Государственной Публичной Библиотеке (Ленинград, ул<ица> 3-го июля, 18) в должности иностранной машинистки и машинистки секретной части. Всегда работала добросовестно, во всякую поручаемую мне работу вкладывала все свои знания и силы. Через 1½ месяца после приезда в Куйбышев поступила работать на местный станкостроительный завод, где работаю и по настоящее время.

Твердо и честно могу заявить, что ничем и никогда сов<етской> власти не вредила, даже хотя бы по линии выражения недовольствия по мелким бытовым вопросам, склонностью к шептанию из-за угла и “анекдотикам” никогда не отличалась. Под судом никогда не была и вообще никаким взысканиям не подвергалась.

Принимая во внимание то, что муж мой до сих пор постоянной работы не имеет, а также и то, что состав нашей семьи (сын 12 лет и мать мужа — безрукий инвалид) — мало удачен для такой перемены обстановки — понятно, что высылка главной своей тяжестью легла на меня. Все это плюс климат Куйбышева за эти 1 г<од> 3 мес<яца> настолько подорвало мое здоровье, что в 37 лет я дошла до полуинвалидного состояния.

Казалось бы, что всякая мера взыскания, помимо карательного, должна содержать и элементы воспитательные. Я не знаю — какие цели преследовала мера, примененная к нам. Практически же получилось, что, подорвав мое здоровье физически, она не способствовала и нравственному оздоровлению, если такое по каким-то, мне непонятным причинам считалось для меня желательным. Мы сидим буквально, как ля-

¹ Татьяна Николаевна Булгакова, родилась в 1898, в купеческой семье. Окончила гимназию, училась в Политехническом институте.

² Написано 23 октября 1936 года.

³ Научный сотрудник. Выслан как дворянин. 19 октября 1935 — обращался за помощью к А.М. Горькому.

гушки в болоте. Передовая часть куйбышевцев относится к нам “осторожно”. Та же часть населения, с которой нам приходится больше всего иметь дела по жилищным условиям (большинство ленинградцев вынуждено селиться на окраинах города в поселках с частновладельческими домами), в массе своей мелко-собственнические элементы, зачастую с хулиганско-спекулянтским уклоном, беспробудно к тому же пьянствующие. Повлиять благоприятно на них мы, в силу своего положения, не можем, т<ак> к<ак> сейчас же получаем в ответ. “Уж не вам нас учить, не забудьте кто вы”, — как нам заявлял вечно пьяный хозяин дома, где нам пришлось занимать помещение.

Таким образом, у нас нет нормальной здоровой среды, нет нормальных, живых интересов. Мы опять возвращаемся к единственно доступному для нас обществу — тем же высланным ленинградцам, большинство которых к настоящему моменту почти в невменяемом состоянии, потеряв последнее равновесие со времени освобождения молодежи. С этого времени мы живем в кругу всевозможных слухов и предположений относительно своей дальнейшей судьбы.

Из всего указанного Вам понятно — в какой нездоровой атмосфере мы живем. Неудивительно поэтому, что жизнь в таких условиях (я уже не говорю о материальных лишениях) с каждым днем уносит остатки бодрости. И я пишу сейчас, пока не впала в состояние полного безразличия. Я честно работала 18 лет, т<о> е<сть> с 19-летнего возраста. Будучи хорошей работницей, я, несомненно, внесла свою долю в соцстроительство страны. Со всей еще оставшейся во мне энергией и с полным сознанием незаслуженности мною ссылки — я протестую против нее и против своего бесправного положения — прикрепления к Куйбышеву и лишения паспорта с обязательством являться на регистрацию в НКВД <...>.

Пока я начала оправляться от болезни (грипп с осложнением на сердце), как заболел тифом муж. Он не имел постоянной работы и до болезни, но сейчас отпала и надежда на какую-либо работу для него в течение продолжительного времени. Все это заставляет меня тем убедительнее просить о пересмотре дела. Мы буквально гибнем. Вместе с тем считаю необходимым подчеркнуть, что и для высылки мужа никаких причин, кроме формальных (происхождение и т<ому> п<одобное>) нам не известно.

Т. Булгакова <...>¹.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1475. С. 106. Автограф.

О БЫКОВЫХ¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> От Техника разведочного бурения
ИВАНОВА Б.В., прожив<ающего>
город Ленинград, ул<ица> Герцена
д<ом> № 4, кв<артира> 26.

З А Я В Л Е Н И Е

15-го мая 1931 г<ода>, будучи студентом Ленинградского Геолого-Разведочного техникума, я женился на студентке того же техникума Н.В. Быковой³, сохранившей в замужестве свою девичью фамилию. Поселились мы в квартире матери моей жены, Е.В. Быковой⁴, которая предоставила нам в своей квартире по ул<ице> Герцена, д<ом> № 4 отдельную комнату.

Отец моей жены, бывший подполковник дореволюционной армии и после революции Кр<асной> Армии в Моб<илизационном> Отделе, В.К. Быков⁵, имея 75 лет отроду, в нашей квартире не проживал и жил отдельно от своей семьи в продолжении уже 12 лет, не давая никаких средств содержания.

Бывшая жена Е.В. Быкова, вместе со своим вторым мужем А.К. Скарлуппе, содержали и воспитывали двух дочерей — Надежду и Ольгу, из коих Надежда, как мною уже выше указано, является моей женой.

Во время учебы мы оба получали от Техникума стипендию, на которую и жили, кроме того, летом прирабатывали на практике. По окончании в 1934 г<оду> Техникума жена моя, как лучшая студентка, была направлена в Университет продолжать учение, но ввиду серьезной болезни поступление пришлось отложить до следующего набора, и после выздоровления поступила работать в Средволгострой в Ленинграде, где за хорошую работу была выделена в ударницы, работала она в данной организации до момента высылки.

Я же после окончания Техникума был командирован на специальные геологические работы на Украину, в настоящее время работаю в УНР⁶ по своей специальности.

Таким образом жена моя, хотя урожденная дочь быв<шего> под-

¹ Письмо написано Ивановым Борисом Владимировичем.

² Заявление от 28 апреля 1935 года.

³ Быкова Надежда Владимировна.

⁴ Быкова Елена Васильевна.

⁵ Быков Владимир Константинович.

⁶ Управление Научно-исследовательских работ.

полковника, но с 11 лет уже фактически волею судьбы оторвалась от своего отца, жила отдельно от него с матерью, материально от нее не зависима, а с 1931 г<ода> живет совместно лично со мной, крестьянином по происхождению, членом ВЛКСМ.

12-го марта с<его> г<ода> постановлением НКВД высланы из Ленинграда в Иргиз и ныне находится в селе Семиозерное Актюбинской обл<асти> Е.В. Быкова, быв<ший> ее муж В.К. Быков и обе дочери их, в том числе и моя жена Надежда. Почему жена моя, занимающая с 1931 г<ода> самостоятельное соц<иальное> положение, оторвана от меня, Иванова, и механически соединена с Быковыми, матерью и отцом, представляется непонятным.

Уже из вышеизложенного усматривается, что жена моя имеет достаточное основание считать себя советски воспитанной гражданкой, окончившей Советскую трудовую Школу и Советский Техникум, восприняв ее трудовые навыки и усвоившая благородные традиции социалистического строя. Совместная ее жизнь со мною, пролетарием по происхождению и коммунистом по убеждению, еще более способствовали ее коммунистическому воспитанию.

Все это дает мне ныне, в развитии ее социалистической психологии, социальное право ходатайствовать о пересмотре дела о ее высылке и возвращении ее в г<ород> Ленинград по месту ее прежнего жительства для того, чтобы мы совместно могли посвятить свои молодые силы на служение нашей Великой социалистической родины.

Пребывание моей жены в данное время: село Семиозерное, Актюбинской обл<асти>. Б. Иванов»¹.

На заявлении Иванова Б.В. сверху от руки написано секретарем ПКК: «Тов<арищу> Пешковой». Затем запись тщательно зачеркнута, возможно, что это заявление было получено ПКК, прочтено Пешковой Е.П. и по ее указанию направлено в НКВД.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1341. С. 62. Машинопись, подпись — автограф.

ВЫСОКОСОВ П.М.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

В результате моего обращения к Вам совместно с моими родными, нами, по распоряжению из Москвы, были получены паспорта, которые в декабре 1935 г<оду> были вновь отобраны местным НКВД. Я считаю, что единственной причиной моей высылки может быть мое социальное происхождение и то, что я был вписан в удостоверение на высылку моего отца.

Так как на протяжении всей моей высылки я на правах ссыльного не имею возможности устроиться ни на какую работу и не имею никаких надежд на улучшение моего положения в Уфе, я решил обратиться с письмом о помощи к товарищу Сталину. Копию этого письма прилагаю.

Считая, что великий вождь всех трудящихся и нашей страны, сказавший, что “сын не отвечает за своего отца”, не может не обратить внимания на злоключения одного из таковых, прошу Вас со своей стороны проследить за результатом этого письма и помочь ходатайством о пересмотре моего дела.

Уважающий Вас П. Высокосов <...>³.

ВЫСОКОСОВ П.М. — СТАЛИНУ И.В.

«Глубокоуважаемый товарищ Сталин!

Обращаюсь именно к Вам с моей просьбой, т<ак> к<ак> прежние мои письма и заявления по моему делу (которое заключается в том, что я был вписан в путевку отца, который был выслан в марте 1935 г<ода> при чистке города Ленинграда в г<ород> Уфу) остались без ответов и т<ак> к<ак>, по-видимому, никто не может или, вернее, не хочет помочь мне.

Я рождения 1914 года. В 1930 г<оду> окончил 41-ю сов<етскую> труд<овую> школу в гор<оде> Ленинграде. В 1933 г<оду> окончил техникум п<утей> с<ообщения>. Непосредственно по окончании техникума поступил на Окт<ябрьскую> ж<елезную> д<орогу> в депо Ленингр<адско>-Финляндское на должность машиниста поездов (в про-

¹ Павел Михайлович Высокосов.

² Заявление от 19 февраля 1936 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1471. С. 205. Автограф.

цессе производств<енной> практики в техникуме я уже получил право управления паровозки). К своей работе я всегда относился добросовестно, что видно хотя бы из того, что моему паровозу было присвоено звание “Челюскин”.

Несмотря на мое происхождение, которого я никогда не скрывал как за время учебы, так и за время работы, меня приняли в члены ВЛКСМ (с 26/VI – 34 г<ода>).

Я полагаю, что я выслан несправедливо, т<ак> к<ак> единственной моей виной является мое социальное происхождение. Я вырос, воспитывался и работал в советской рабочей среде. Всегда честно работал, стараясь принести посильную пользу родному пролетарскому отечеству. Сам обеспечивал себя средствами к существованию и не думаю, что меня надо было превратить в ссыльного только за то, что я жил с родными. Ваши слова на съезде стахановцев-комбайнеров вселили в меня уверенность, что я имею право добиваться себе места в жизни вне зависимости от того, кто мои родители, лишь бы я честно участвовал в строительстве социализма.

Я пишу Вам не для того, чтобы меня вернули в Ленинград, т<ак> к<ак> считаю, что смогу и здесь, и везде приносить достаточную пользу, но лежащее на мне клеймо ссыльного разрушило мою жизнь. Будучи ссыльным, я не могу ни продолжать учиться, ни работать по специальности, т<о> е<сть> и мои предыдущие годы учения, и затраченные на меня государственные средства, и моя предыдущая работа пропали даром.

Будучи ссыльным, я не смогу быть конечно и членом ВЛКСМ, т<о> е<сть> в рядах передовой молодежи Союза. Т<а> к<ак> все мои попытки выяснить создавшееся со мной положение окончились ничем, и даже паспорт, выданный мне после моего заявления к т<оварищу> Пешковой, опять отнят, мне не удастся устроиться ни на какую постоянную работу даже не по специальности, т<ак> к<ак> здесь в Уфе к нам, ленинградцам, даже молодым, ничем не связанным с прошлым, относятся с предубеждением и избегают принимать на работу.

Я не знаю никого больше, кроме Вас, к кому бы я мог обратиться и ожидать скорого и справедливого решения, и прошу Вашей помощи в выяснении моего дела.

Уважающий Вас П. Высокосов <...>¹.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1471. С. 206. Автограф.

ВЫШЕСЛАВЦЕВ Н.В.¹ — в НКВД²

«<...> В марте 1935 г<ода> я, нижеподписавшийся, был вписан в обязательство моего отца покинуть гор<од> Ленинград, как член его семьи — сын. Т<ак> к<ак> ни в Ленинграде, ни в месте ссылки г<о-роде> Куйбышеве, мне, как самостоятельному лицу, персональное обвинение не предъявлено, я считаю, что подвергнут репрессии (ссылка на 5 лет) только за принадлежность к семье отца — обвиняющегося якобы в Кронштадском мятеже.

Независимо от представления моим отцом документов в НКВД, исчерпывающим образом доказывающих ошибочность данного обвинения, я решительно настаиваю на выяснении моего дела, т<ак> к<ак> считаю, что не могу отбывать наказание по обвинению, предъявленному только отцу, а не мне лично.

Мою правоту в этом вопросе подтверждают слова тов<арища> Сталина, сказанные на совещании комбайнеров: “Сын — за отца не отвечает”.

Я лично не могу быть ни в чем виноватым, т<ак> к<ак> в момент Революции мне было всего 12 лет. Окончив в 1928 г<оду> (после работы на транспорте пом<ощником> машиниста) Политехнический ин<-ститут>, я служил на з<аво>де б<ывший> “Красный Путиловец” инженером и н<ачальни>ком цеха. Последняя должность — технический директор мастерских “Ленгоснарпита”.

Сохранившиеся у меня характеристики обрисовывают мое политическое и служебное лицо.

Никогда не был под судом и следствием, не лишался избирательных прав. Из указанного видно, что я жил вполне самостоятельно и в материальном, и в семейном положении. Примененная ко мне мера наказания является вполне незаслуженной и находится в прямом противоречии с руководящим указанием Вождя народа тов<арища> Сталина.

Восстановление меня в правах и отмена ссылки даст мне возможность применить все мои знания и опыт в охватившем страну Великом стахановском движении. Окружающая меня в данный момент атмосфера недоверия, как к “ссылному на 5 лет”, и отсутствие в Куйбышеве работы по прямой моей специальности не дает мне возможности быть полноценным и равноправным участником этого исторического движения, участие в котором я вполне заслужил своей безупречной деятельностью советского инженера. Н. Вышеславцев <...>³.

¹ Николай Владимирович Вышеславцев.

² Заявление написано 6 декабря 1935 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1493. С. 141. Автограф.

ГАГАРИНА Е.В.¹ — ВИНABЕРУ М.Л.²

«Глубокоуважаемый Михаил Львович

Мое тяжелое положение заставляет меня просить Вашей помощи.

Утром 20-го марта я была арестована и после трех дней ареста я получила предписание выехать с больной сестрой³ 28-го марта в Уфу.

Обвинение я не получила, вина моя только в том, что я княгиня Гагарина. Мне 71 год, сестре 69 л⁴, она в течении 25 лет находится на моем иждивении, страдает склерозом мозговых сосудов и сердцем, большую часть лежит и не была арестована только из-за невозможности сойти самой с лестницы.

Мой служебный стаж 41 год, из них 10 л⁵ в Центральном Статистическом Ком⁶ и 31 год в I Ленинградском Медицинском Институте в должности технического секретаря, которую занимала до ареста. Зар⁷ плата 150 рубл⁸ в месяц.

Не имея ни сил, ни средств для выезда с такой тяжелой больной, умоляю Вас обратить внимание на мое положение и служебный стаж, который говорит, что жизнь моя была трудовая.

Надеюсь на Ваше ходатайство об оставлении меня в Ленинграде.

Глубоко уважающая Вас

Екатерина Гагарина

Ленинград,

Ул⁹ Красной Связи, д¹⁰ 3, кв¹¹ 17»⁴.

ПОМПОЛИТ⁵ — ГАГАРИНОЙ Е.В.⁶

«<...> В ответ на В⁷ обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, в разрешении Вам вернуться в Ленинград — отказано»⁷.

¹ Екатерина Васильевна Гагарина. Княжна. В конце 1920-х – была секретарем факультета Медицинского института.

² Письмо написано 29 марта 1935 года.

³ Варвара Васильевна Гагарина, княжна.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1311. С. 236. Автограф.

⁵ Помощь политическим заключенным.

⁶ Отправлено 7 июля 1935 года.

⁷ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1311. С. 240. Машинопись.

О ГЕЙМАН К.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> На поданные Вам 21-го апреля, во время моего пребывания в Москве, два заявления (мое и жены), я получил довольно странный, в четыре строчки ответ, датированный 28/V с<его> г<ода> за № 3460 и даже не за Вашей подписью: “Согласно полученной справке, в удовлетворении ходатайства отказано”. Что за странная справка, кто ее дал и на каком материале она построена?

Я полагаю, что здесь произошло крупное недоразумение, а потому обращаюсь лично к Вашей помощи. Моя фамилия Андреев Яков Александрович — командир РККФ³, жительство — Ленинград, ул<ица> Перовской 5, кв<артира> 128. 11/III с<его> г<ода> была выслана из Ленинграда моя жена Гейман Ксения Васильевна, которая в настоящее время (уже два месяца) сидит на ст<анции> Челкар Актюбинский в ужасных условиях: на работу, как высланную, не принимают, все дорого, здоровье совершенно подорвалось. Как туберкулезная III стадии, не может выносить жару в 40 по Реомюру. Два ее последних письма — это вопль морально и физически подавленного человека — безвинно осужденного, оторванного от мужа и готовящегося наложить на себя руки.

Очень прошу вас, во имя справедливости и человеколюбия, выяснить судьбу наших двух заявлений и вернуть мне жену.

Выслана из-за отца (полковника и дворянина), которого лишилась в 11 летнем возрасте, когда и была отдана в детский дом, где и пробыла 7 лет. Потом, по броне детского дома, работница-галошница завода “Красный треугольник”, работница-штамповщица на зав<оде> “Металлоштамп”, а далее из-за полученного на производстве туберкулеза — честный счетный работник по день высылки из Ленинграда. В день высылки из Ленинграда путевка на высылку была вручена шаблонно — даже без опроса — выявления лица человека. Из всего мною приведенного ясно видно, какая может быть дана ей плохая справка.

Полагаю, что как ее жизнь, так и моя — командира РККФ, защитника нашей великой родины, дают право на возвращение в Ленинград <...>. Андреев Я.А.»⁴.

¹ Письмо от Андреева Якова Александровича, мужа Гейман К.А.

² Написано 1 июня 1935 года.

³ Рабоче-Крестьянская Красная Флотилия.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1327. С. 48-50. Автограф.

ГОЛИЦЫНА Е.Г.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Испытав несколько раз Ваше сердечное участие в судьбе моей лично и моей семьи, позволяю себе вновь беспокоить Вас и просить Вашей помощи и защиты.

Дело заключается вкратце в следующем. Получив в прошлом году, благодаря Вашему содействию, паспорт, я проживала с семьей в Ленинграде вплоть до 14-го марта с<его> г<ода>, когда неожиданно, без всякой с нашей стороны вины и по-видимому единственно по признаку “чуждости по происхождению”, я — Елизавета Григорьевна Голицына, 75 лет, моя больная, неработоспособная дочь Елизавета Алексеевна Верховская, 44 лет и ее муж Николай Владимирович Верховский³, 57 лет, были высланы из Ленинграда в Атбасар Казахстанской области, отстоящий за 250 километров от ближайшей жел<елезно>-дорожной станции. Прибыв сюда, мы оказались в безвыходном положении. Мы совершенно больные и разбитые люди, лишенные к тому же, без всякого преувеличения, всяких материальных средств.

Что касается меня лично, то мои преклонные годы — 75 лет — сами уже указывают на мою старость и неработоспособность. Дочь моя, Елизавета Алексеевна Верховская, хотя по возрасту своему не старая — ей 44 года — является инвалидом труда и неработоспособной после 3-х перенесенных ею опасных для жизни операций (в чем у нее имеются соответственные удостоверения из ленинградских больниц). Состояние ее здоровья требует, помимо подходящих климатических условий, постоянной медицинской помощи и лечения, что является возможным лишь в культурном центре, где имеется соответствующая медицинская помощь и оборудование.

Единственно кто может, и то относительно, зарабатывать на существование семьи — это муж моей дочери, Верховский Николай Владимирович. Однако и он из-за хронической болезни сердца (грудной жабы и склероз аорты) и подверженный, как вам было известно еще в 1924 году, нервным заболеваниям, также регулярно работать не может, а если

¹ Елизавета Григорьевна Голицына. В 1879 — вышла замуж за Алексея Львовича Голицына, в семье родилось двое детей: Алексей и Елизавета. С 1925 по 1928 — находилась в ссылке. В январе 1928 — вернулась в Ленинград.

² Письмо от 16 апреля 1935 года.

³ Верховский Николай Владимирович, родился в 1879. Окончил АЛ. Служил в Министерстве торговли и промышленности, с 1918 — в Железном, затем в Доброфлоте, в начале 1920-х — помощник ученого секретаря в РАН. Весной 1925 — арестован по делу «ликеистов». Приговорен к 5 годам концлагеря (СЛОН). В августе 1925 — по ходатайству ПКК дело пересмотрено, отправка на Соловки отменена. В 1927 — освобожден из заключения, вернулся в Ленинград.

и может, то, во всяком случае, не физическим трудом. А другой работы здесь в Атбасаре найти невозможно. поэтому высылка нас в Атбасар равносильна обречению нас на голодную смерть <...> К изложенному позволяю себе обратить Ваше внимание на то, что хотя я по покойному своему мужу — Алексею Львовичу Голицыну — и имела княжеский титул, однако я сама пролетарского скорее происхождения, так как мой отец — Григорий Дмитриевич Малич — был не дворянского происхождения и состоял доктором <...>»¹.

О ВЕРХОВСКИХ² — ПРОКУРОРУ³

«<...> В марте 1935 г<ода> Николай Владимирович Верховский, жена его Елизавета Алексеевна, урожд<енная> кн<ягиня> Голицына и мать ее Елизавета Григорьевна Голицына административно высланы из Ленинграда в Атбасар на 5 лет.

Н.В. Верховский, 56 лет, бывший лицеист, был арестован в 1925 г<о-ду> и освобожден в 1927 г<о-ду> по болезни. Все имущество конфисковано, после освобождения продолжал службу в библиотеке Академии Наук, при чистке уволен по 1-й категории, еще позже лишен избирательных прав, жил с семьей в нужде. Ходатайствовал о возвращении прав в январе 1935 г<ода>, имел благоприятные относительно этого известия, но в марте был выслан <...> Человек глубоко порядочный, образованный и весьма добросовестный работник, по натуре очень мягкий.

Елизавета Григорьевна Голицына, 78 лет, урожденная Малич, сербского происхождения, дочь доктора медицины. Муж ее Алексей Львович Голицын умер в 1921 г<о-ду> на советской службе, с момента женитьбы порвал связь с родными. Был рядовым чиновником Министерства финансов и не имел никакого капитала. У Елизаветы Григорьевны был в Атбасаре удар, и она едва ходит. До марта 1935 г<ода> никаким репрессиям не подвергалась.

Елизавета Алексеевна Голицына-Верховская, 45 лет, также не подвергавшаяся до сих пор не только репрессиям, но и допросу, со времени ареста мужа работала в той же библиотеке и в ряде других учреждений, а также работала на фабрике <...> В тяжелых условиях Атбасара она страдает, помимо всего, общим упадком духа, усугубленным сознанием незаслуженного приговора.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1345. С. 41-42. Автограф.

² Виктор Эдуардович Ганнекен, гражданский муж Елизаветы Алексеевны Верховской. Заявление написано 19 декабря 1935 года.

³ Григорий Михайлович Леплевский.

Все трое настолько истерзанные люди, что не имеют даже сил просить о справедливости, между тем, в культурной обстановке Николай Владимирович явился бы исключительно ценным и добросовестным работником, о чем он только и мечтает.

Я с юности знаю и люблю Елизавету Алексеевну Верховскую. Все трое с 1925 г^{<ода>} живут моей помощью. Столь близкая связь не могла бы иметь места в случае расхождения во взглядах, мои же взгляды и отношение к современности удостоверяются непрерывной работой по специальности с проявлением инициативы и искреннего сочувствия новому строительству с начала революции <...> Существующие с юности мои близкие отношения с Е.А. Верховской дают мне право вполне согласованно с нею ходатайствовать об официальном утверждении моего с ней брака регистрацией в ЗАГСе с тем, чтобы отныне Елизавете Алексеевне Ганнекен было разрешено свободное проживание в Ленинграде (где мы родились) в обеспечении ее здоровья и моей спокойной и более продуктивной научной работы, расстраиваемой теперь настоящим положением дел. Вместе с тем я прошу о переводе Н.В. Верховского и Е.Г. Голицыной в какой-либо культурный центр поблизости, для возможности заработка и облегчения их беспримерно тяжелых условий.

Почти 30-летний мой рабочий стаж и добросовестная служба позволяют мне надеяться на исполнение моей просьбы, особенно в отношении совершенно погибающей Е.А. Я одинок и значусь пенсионером по инвалидности, однако усиленно работаю по своей специальности. Присутствие Е.А., единственно близкого мне человека, мне необходимо. Наш фактический брак всем издавна известен и не был официально зарегистрирован исключительно из-за несовершеннолетия ее дочерей, ныне окончивших образование и ставших самостоятельными <...>¹.

ХАРМС М.В.² — ПЕШКОВОЙ Е.П.³

«Напоминаю и умоляю Вас разобрать дело Верховских и Голицыной, которые ходатайствовали о переводе их в другой город, где они могли иметь работу, т^{<ак>} к^{<ак>} в Агбасаре, где они сейчас находятся, они не могут найти никакую работу и умирают форменно с голоду <...>⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1484. С. 191. Машинопись, подпись – автограф.

² Марина Владимировна Хармс.

³ Письмо от 9 сентября 1935 года.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1484. С. 195. Автограф.

ГАННЕКЕН В.Э. — ПЕШКОВОЙ Е.П.¹

«<...> 19-го декабря 1935 г<ода> на приеме у Г.М. Леплевского в присутствии Е.В. Аросевой я просил официального разрешения зарегистрировать мой давнишний фактический брак с Елизаветой Алексеевной Верховской — 45 лет, урожденной княжной Голицыной с тем, чтобы она была освобождена из ссылки, в которой находится с мужем Николаем Владимировичем Верховским и матерью Елизаветой Григорьевной Голицыной, 80 лет, и могла жить со мной в Ленинграде.

Заявление мое со всеми пояснениями и ходатайством относительно самого Верховского и Е.Г. Голицыной (Приложение № 1) было принято Г.М. Леплевским без принципиальных возражений, причем было сказано, что по получении аналогичного заявления о браке со стороны Е.А. Верховской этот вопрос будет рассмотрен и, если “на нее ничего нет”, то последует благоприятное решение примерно через месяц-полтора <...>.

В марте все трое переведены из Атбасара в Уфу, куда прибыли 17 апреля. Материальная обстановка этим в принципе улучшена, но моральные условия остаются невыносимыми. С мужем у Елизав<еты> Алекс<еевны> нет ничего общего. Кроме того, она теперь больна малярией с температурой 41° <...> Теперешнее положение ее не способствует выздоровлению. Ее 80-ти летнюю мать постиг удар.

19 апреля я послал Е.В. Аросевой просьбу сообщить результаты наших с Е.А. ходатайств, но не получил ответа. Представляя эти факты и уверенный в Вашей отзывчивости, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, и влиянии, — я прошу Вашей помощи и ускорения благоприятного разрешения наших ходатайств о моем браке с Елизаветой Алексеевной Верховской и ее возвращении в Ленинград. Я совершенно одинок и не в состоянии бездеятельно чувствовать гибель единственно мне близкого человека, не имеющего абсолютно никакой тени вины <...>»².

¹ Письмо от 5 мая 1936 года.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1484. С. 189-190. Машинопись, подпись — автограф.

ГУБИН Л.Л.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Суть дела ясна из прилагаемой при сем копии заявления. Мне 65-й год. Имею трудовой стаж свыше 40 лет. Никогда не имел ни чинов, ни орденов, ни недвижимого имущества, ни капитала.

Совершенно неожиданно для себя, 26 марта с<его> г<ода> я был выслан с женою из г<орода> Ленинграда в г<ород> Куйбышев (бывш<ая> Самара).

По приезде я и жена моя Эльвира Георгиевна Губина, тоже трудовой человек, самостоятельно работающий с 17-ти летнего возраста, получили ссыльные свидетельства, с обязательством являться на ежемесячную регистрацию. По предъявлении этих ссыльных свидетельств хозяйственники г<орода> Куйбышева не принимают на работу. Восьмой месяц я не могу найти себе постоянную работу, будучи экономистом-финансистом, плановиком и лектором экономических знаний.

Создалось совершенно невыносимое, безвыходное положение. Каким образом человек трудовой, которому Власть трудящихся близка, как самому трудящемуся, попадает в категорию социально опасных, попадает без преступления, без статьи, без повода? Неужели для этого достаточно злого, несправедливого навета, непроверенного с надлежащим беспристрастием. Или метражи квартирной площади, которую потребовалось освободить?

Я загнанный человек. Все имущество продал срочно в Ленинграде, т<ак> к<ак> должен был выехать в течение 5 дней, совершенно разорился и теперь впал в нищету и голод.

Работы здесь не дают. Я со страшным здесь клеймом — “ленинградец”. Неужели нельзя найти справедливость? <...>.

Ваша отзывчивость, Ваша справедливая помощь широко известны. Помогите мне добиться справедливости.

Я прошу затребовать мое дело из Ленинграда и пересмотреть его здесь в Москве. По возвращению в Ленинград я смогу встать на ноги, найду работу по своей специальности. В этом городе я родился и прожил всю свою трудовую жизнь.

У меня есть силы для работы, есть знания. Я не хочу быть выброшенным из жизни, хочу участвовать в общей работе.

Помогите найти справедливость, иначе здесь в Куйбышеве или голодная смерть, или Волга. Леонид Губин <...>»³.

¹ Губин Леонид Леонидович.

² Письмо из Куйбышева от 26 ноября 1935 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1507. С. 125-126. Автограф.

О ДАВЫДОВЕ Н.Н.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> В марте этого года, на меня и мою семью обрушилось несчастье. В период изоляции Ленинграда от политически неблагонадежных, моему мужу, свекрови 63-х лет, мне и нашему ребенку 3-х лет предложили выехать из Ленинграда в Среднюю Азию, в г<ород> Тургай. В тот момент, как и сейчас, я была больна и не вставала, получая пенсию как инвалид II группы. Мне была назначена повторная комиссия, которая подтвердила диагноз <...> и меня с ребенком оставили в Ленинграде.

Мой муж, Ник<олай> Ник<олай> Давыдов, 35 л<ет>, по происхождению дворянин, и в 1917 г<оду> окончил лицей, что послужило основанием к нашей высылке. Политическими вопросами он никогда не занимался и никакими преследованиями и арестами со стороны Советской Власти не подвергался. С 1916 г<ода> по 1921 служил в Красной Армии, затем по 27 работал в Госиздате, и с 27 по 30 — в “Международной книге”, и с 30 по 35 — в Банке Ленинграда <...> Кроме знания в совершенстве 3-х иностранных языков и банковской работы, мой муж не имеет никакой специальности. Находясь сейчас со свекровью на ст<анции> Челкар (Актюб<инской> обл<асти>), мой муж в течении 5-ти месяцев нигде не работает, так как там нет абсолютно никакой работы, и обречен буквально на голодное существование.

Я с ребенком, находясь в Ленинграде, не встаю с постели и живу на 63 р<убля> пенсии из страхкассы. Наши вещи распроданы при отъезде мужа. Денег нет. Моя болезнь не дает мне возможности ухаживать за ребенком, и он за последнее время совершенно одичал и оброс грязью. Муж со свекровью голодают <...>

Обращаюсь к вам с просьбой походатайствовать за моего мужа о возвращении его в Ленинград или о перемене места ссылки в город, где бы он мог работать и взять меня с ребенком к себе <...>»³.

Ходатайство ПКК не помогло, и Николай Николаевич остался в Атбасаре. 24 февраля 1942 — арестован по обвинению «в антисоветской агитации». 29 июня 1942 — приговорен к 10 годам ИТЛ. Отправлен в лагерь.

¹ Николай Николаевич Давыдов. Письмо его жены Марии Ивановны Давыдовой.

² Написано 26 июля 1935 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1325. С. 50-51. Автограф.

ДЕДИНЦЕВА Т.Н.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> 22/III с<его> г<ода> я с братом Михаилом Николаевичем Дединцевым 43 лет и матерью Лидией Петровной Дединцевой 62 лет выехала из Ленинграда по распоряжению НКВД от 17/III, последовавшим после ареста брата³.

По происхождению мы дворяне. Отец наш⁴, умерший в 1932 году, служил в армии. Последний чин его генерал-майор. С 1915 года, после полученной контузии на войне, вышел в отставку и до смерти нигде не работал, т<ак> к<ак> по состоянию своего здоровья был признан инвалидом войны и получал пенсию как от царского, так и от советского правительства. В 1930 году он был арестован и административно выслан в Северо-Двинский район, где и умер.

Брат мой, Михаил Николаевич, по образованию юрист (окончил в 1912 г<оду> Училище Правоведения), в армиях никогда не служил, а постоянно состоял на гражданской службе. За последнее время он приобрел стаж экономиста, работая на ряде крупных ленинградских заводах. Я с 1920 года имею самостоятельный заработок. Из 15-ти лет моего трудового стажа последние 10 лет я непрерывно работала на Гос<ударственном> оптико-механическом заводе им<ени> ОГПУ в должности техника-планировщика по основному материалу — оптическому стеклу (окончила двое курсов повышения квалификации при Машиностроительном Институте). С 1930 года мать проживала со мной и находилась на моем иждивении <...> Второй брат, Николай Николаевич, был в 1931 году выслан в Медвежье Гору. В 1933 году он, как ударник Беломорского Канала, был досрочно освобожден и в настоящее время работает в Ивановской области по своей профессии — пианистом <...>⁵.

Благодаря ходатайству ПКК Татьяна Николаевна была переведена в Уральск, работала плановиком. 21 ноября 1938 — арестована. 29 марта 1939 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

¹ Татьяна Николаевна Дединцева.

² Письмо от 29 апреля 1935 года.

³ Высланы в Челкар Актобинской области.

⁴ Дединцев Николай Георгиевич. С 1914 — командир лейб-гвардии Павловского полка в чине генерала, был тяжело ранен на фронте. 29 октября 1930 — арестован как «участник контрреволюционной офицерской организации». Отправлен в ссылку, где скончался.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1341. С. 79-80. Автограф.

ДЕРВИЗ В.М.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.

«<...> Обращаюсь к Вам с просьбой возбудить ходатайство перед органами НКВД о пересмотре моего дела для изменения формы и района высылки в виду особенности моей специальности, что видно из нижеследующего.

28-го февр<аля> с<его> г<ода> я был арестован, допрошен и на 4-й день освобожден без предъявления мне каких-либо обвинений.

6-го марта с<его> г<ода> мне было вручено Ленинградским НКВД обязательство 10-го марта выехать с семьей в Атбасар.

Ознакомившись с перспективами промышленного и хозяйственного развития Казахской АССР, для меня стало ясно, что иметь работу и особенно длительную — в течение нескольких лет — в этом районе почти невозможно.

Я — инженер-геолог по своей специальности; работы мои связаны со следующими главными родами строительства: 1) с крупным железнодорожным строительством; 2) с постройкой плотин и гидростанций; 3) с борьбой разного рода деформациями земной коры.

Казахстан находится по своему географическому положению, по климату, по гидрографической сети, по геоморфологическому положению в таких условиях, что все перечисленные роды инженерно-геологических работ в нем в течение ближайших лет развития иметь не могут. Я же приобрел в инженерно-геологической специальности достаточно солидный опыт и признанную оценку. Состою членом Ленинградской Секции Научных Работников за ряд моих научных работ.

Главнейшие мои работы протекали по следующим строительствам: 1) Беломорского канала; 2) по проектированию жел<езно>-дор<ожных> линий: Кизел-Пермь, Уфа-Оренбург, Кунгур-Уфа, Уфа-Магнитогорск (Перевальная через Уральский хребет), Магнитогорск-Баймак-Сары, Перевальная Кавказская от Орджоникидзе до Тифлиса, Перевальная Крымская от Симферополя до Ялты; 3) Ардонская гидростанция на Кавказе и много других работ по проектированию жел<езно>-дор<ожных> линий и др<угими> деформациями земляных масс.

По разъяснениям Ленинградского НКВД я являюсь вполне свободным гражданином, имеющим право свободного выбора работы. На деле же получилось, что получить работу по своей квалификации я не могу <...>»².

¹ Дервиз Валериан Михайлович, родился в 1879 в Петербурге. Барон. Окончил Горную Академию, работал инженером-проектировщиком.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1345. С. 63-64. Автограф.

О ДЕФАБР О.Д.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> У меня в комнате проживала Ольга Дмитриевна Дефабр, рожденная внучкой поэта О.И. Тютчева, племянница Пушкина, родственница Аксакова и Баратынского, и поныне под Москвой “Мураново”, музей-усадьба ее деда, она дочь старшего его сына Дмитрия.

Замужем она была за профессором, который служил 13 лет советской власти, 2 года тому назад умер, и вдова получала пенсию 59 руб <лей> в месяц. Влачила жалкое существование до 34 года. 20 января я взяла эту жалкую старушку, пригрела ее, обобрала вшей и промыла нарывы от грязи.

Когда она воскресла духом, то 28 марта 34 года при ОГПУ и фининспекторе отдала свой тайный сейф (по Гагаринской ул <ице>, дом 16), в котором оказались расписки по вкладам на хранение, ныне за границей, а также много акций, за которые хлопочет Кредит-бюро³, следовательно, отнеслась доверчиво и все отдала. Причем муж К.И. Дефабр был один из 5-ти революционеров, друг лейтенанта Шмидта.

6-го февраля на 7-е в ночь был произведен обыск и арест г<раждан>ки Ольги Дмитриевны Дефабр, от роду которой 67 лет, продержали три дня ее и выслали в город Астрахань, где уверяли, что она переселяемая, но не ссыльная на месте — не предъявили ей обвинения <...>.

Считая, что Ольга Дмитриевна, внучка поэта Тютчева, живя на чужой площади, принесла большую материальную помощь валютой, которая получила Россия, и не будучи вообще ни в чем виноватая перед родиной, может быть не ссыльная, т<ем> б<олее> что ей немного осталось дожить, т<ак> к<ак> она туберкулезная и нервнoбoльная, в Астрахани же она скоро умрет, это позор. Там свирепствует малярия и дуют сильные ветры, которые несутся с тучами пыли.

Пощадите ни в чем неповинную старушку, если уж т<ак> она виновата, что муж служил у царя, и если нельзя ей жить в Ленинграде, то разрешите вернуться хотя на месяц, самой продать свои пожитки, а затем проживать где-нибудь под Крымом, где климат более мягкий <...> Если разрешите ей вернуться, в чем я не сомневаюсь, и заранее земно кланяюсь, напишите мне, дабы я могла заложить шубку и выехать за старушкой <...>»⁴.

¹ Письмо написано Надеждой Алексеевной Мартыановой, приютившей Дефабр О.Д. в своей квартире в Ленинграде перед ее высылкой в Астрахань.

² Заявление от 30 апреля 1935 года.

³ При вскрытии сейфа следователь сообщил, что на нее был донос.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1341. С. 68-69. Автограф.

ДИТЕРИХС В.А.¹ — в НКВД²

«Адм<инистративно>-ссыл<ьного>
Владимира Александровича Дитерихс
(год рожд<ения> 1895)

Место жительства: Казахская АССР
Актюбинская обл<асть>, пос<елок>
Семиозерный, ул<ица> Тарана, 20.

14 марта 1935 г<ода> органами НКВД я вместе с женой Татьяной Леонидовной Дитерихс был выслан из г<орода> Ленинграда. Местом нашего жительства был назначен пос<елок> Семиозерный Актюбинской обл<асти> Казахской АССР.

До своей ссылки с 1920 г<ода> я без перерыва работал по статистике и экономике. Последняя моя должность — был в течение 5 лет начальником Бюро Статистики з<аво>да “Красный Октябрь” Спецмаштреста. В силу местных условий мне приходится или совсем не работать, или работать совершенно не по квалификации. Жена моя с 17 лет<ним> служебным стажем не имела никакой работы. Я прошу, если может быть принято во внимание, что я до сих пор никогда не привлекался к суду, не подвергался аресту и не имел никаких служебных взысканий, дать мне право переменить местожительство. Этим я получил бы возможность использовать в полной мере те знания и опыт, которые дают мой 15-ий стаж работы и высшее образование <...>³.

ДИТЕРИХС В.А. — ПЕШКОВОЙ Е.П.⁴

«<...> Считаю целесообразным отметить, что я являюсь родным братом Андрея Александровича Дитерихс⁵, сосланного одновременно со мной из Ленинграда на стан<цию> Челкар Актюбинской обл<асти>, который, согласно уведомления тов<арища> Винавер (около 15), получил минус два⁶. Если бы, при полном равенстве наших положений, я тоже получил минус два, то мы вместе могли бы выбрать один город

¹ Владимир Александрович Дитерихс.

² Заявление написано 23 апреля 1936 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1486. С. 140. Автограф.

⁴ Написано 1 марта 1936 года.

⁵ Дитерихс Андрей Александрович, родился в 1898. Получил высшее образование. Проживал в Ленинграде, работал старшим экономистом в Металлоконторе Ленсовета.

⁶ В январе 1936 – по ходатайству ПКК ссылка заменена на свободное проживание, кроме Московской и Ленинградской области (-2). 27 апреля разрешено свободное проживание по все стране.

для того, чтобы облегчить друг другу заботы о нашей престарелой матери¹. Дитерихс <...>»².

ДИТЕРИХС В.А. — ВИНАВЕРУ М.Л.³

«<...> Открыткой от 14/X 36г<ода> за № 10938 Вы сообщили, что дело мое не пересмотрено. Лишенный возможности просить кого-либо возбудить ходатайство о пересмотре моего дела, я обращаюсь вторично к Вашему содействию с просьбой передать мое заявление НКВД.

Я позволю себе остановить в этом препроводительном письме Ваше внимание на некоторые факты.

При высылке из Ленинграда мне обвинения предъявлено не было. Единственно, что можно было инкриминировать мне лично, это мою службу в качестве писаря Белой армии в гор<оде> Архангельске в 1919 г<оду>.

Я этого никогда не скрывал, это всегда было возможно проверить из тех анкет, которые я заполнял. Вы, конечно, знаете, что постановлением Президиума ВЦИКа от 20/XII-1926 была распространена амнистия на рядовых солдат Белой армии Миллера, действовавшей в пределах Архангельской губернии.

Я не скрывал также никогда своего социального происхождения, отец мой Александр Николаевич Дитерихс был отставной генерал-майор. Скончался от склероза в апреле 1918 г<ода> и похоронен в гор<оде> Детском Селе.

Если, однако, по совокупности тех или иных фактов я был признан соц<иально> опасным, то отбыв 1 г<од> и 8 мес<яцев> ссылки, я все-таки могу надеяться получить право жительства в пределах -15 или хотя бы всего Казахстана. Дитерихс»⁴.

¹ Дитерихс Варвара Викторовна, родилась в 1866. В апреле 1935 – выслана с сыном Андреем в Челкар Актюбинской области. В январе 1936 – освобождена из ссылки с ограничением проживания (-15).

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1486. С. 137. Автограф.

³ Написано 19 ноября 1936 года.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1486. С. 143-144. Автограф.

ДМИТРИЕВ В.Н.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Дмитриева Владимира Николаевича
Гор<од> Саратов, ул<ица> Кутякова,
д<ом> 26, кв<артира> 2

ПРОСЬБА

До марта месяца сего 1935 года я получал пенсию по старости (62 г<ода>) за 33-х летнюю непрерывную службу.

В марте текущего года я был выслан из Ленинграда, как пограничного города, исключительно по причине моего происхождения (потомственный дворянин), за всю жизнь под судом и следствием не был, ни арестам, ни допросам не подвергался, а также и перед высылкой.

В трудовом списке, копия которого имеется при деле, видна моя полезная и выдающаяся работа, за которую я трижды получал премии или благодарность (1930 г<од>, 1930 г<од> и 1934 г<од>). Из Ленинградского выплатного пункта я получил аттестат на получение пенсии в Саратове, однако Саратовский горсобес пятый месяц мне не выдает пенсии, ссылаясь на неполучение инструкций из центра.

Крайне нуждаясь (по возрасту) в средствах существования, а также считая свою пенсию заслуженной и которой я мог бы лишиться по нашим законам только за проступок, прошу Вашего содействия к законному и скорейшему получению мною пенсии <...>»³.

<18 сентября 1935>

«<...> Одновременно с этим письмом пишу во ВЦИК и Алексею Максимовичу [Горькому]. В газете “Правда” от 10 сентября была помещена статья Ильфа и Петрова “Отец и сын”, где положение сына аналогично моему. Однако на второй день опубликования статьи ошибка была исправлена, и “сын” получил удовлетворение.

Лишение меня пенсии я считаю такой же ошибкой и потому смело обращаюсь к Вам за помощью в надежде на Вашу отзывчивость к чужому несчастью <...>»⁴.

¹ Владимир Николаевич Дмитриев.

² Написано 29 июля 1935 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1318. С. 106. Автограф.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1318. С. 103. Автограф.

ДОН Т.П.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Решаюсь обратиться к Вам с просьбой помочь мне, т<ак> к<ак> нахожусь в исключительно тяжелом и безвыходном положении.

Я работала в Академии Наук, Ломоносовском ин<ститу>те в качестве машинистки и секретаря с 1912 г<ода> по 1934 г<од>, следовательно 22 года без перерыва, и с сентября 1934 г<ода>, с отъездом Академии в Москву, стала работать в Научно-исследовательском Ин<ститу>те Асбеста.

8 марта с<его> г<ода> я была арестована, 11-го освобождена, 12 марта с<его> г<ода> получила предписание выехать в Астрахань с матерью Ольгой Илларионовной, 78 лет. Обвинение, мне предъявленное, гласит: “Дворянка, дочь генерала”.

Мой отец был военный судья в последнее время, но т<ак> к<ак> он всегда смягчал приговоры, то в революционный период вышел в отставку, поступил на кооперативно-бухгалтерские курсы. Кончил и поступил на службу пом<ощником> бухгалтера в Стройсвирь в Ленинграде. Ни разу не был задержан или арестован и умер в 1920 году от дизентерии, находясь в должности бухгалтера. Ни имущества, никакой собственности у нас не было.

Я начала работать с 1912 года самостоятельно, а с отцом мы жили даже на разных квартирах. С 1920 года я стала содержать мать, 22 года я вела исключительно трудовую жизнь. Все директора нашего института, академики Вереман, Вернадский и даже президент Карпинский за 22 года моей работы в Академии знают меня как исключительно трудящегося человека. Я прошла чистку аппарата в Академии.

У меня нет больше никаких родных, и высылка меня с матерью в Астрахань поставила меня в безвыходное положение. Работы здесь я получить не могу и просто не знаю, чем существовать <...>³.

Татьяна Павловна осталась в Астрахани, хотя за нее ходатайствовал академик Вернадский В.И.⁴ Работала секретарем-машинисткой в Управлении речного пароходства. Весной 1938 — арестована за «антисоветскую агитацию». 26 мая 1938 — приговорена к 10 годам ИТЛ. Отправлена в лагерь.

¹ Дон Татьяна Павловна, родилась в 1891. Окончила гимназию.

² Письмо отправлено 21 мая 1935 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1333. С. 122-123. Автограф.

⁴ Знаком с ее семьей с 1908 года.

ЕВЛАМПИЕВ А.А.¹ — в ПОМГОЛ²

«<...> Обращаюсь к Вам за помощью и ходатайством перед органами НКВД о возвращении мне права проживания в г<оро>де Ленинграде. Я 24/III был принужден покинуть родной город и направиться в г<оро>д Оренбург к месту ссылки. Ссылался мой отец, а я, как принадлежность к его фамилии, или как его семья. Моим отцом я его не считаю, т<ак> к<ак> плачу ему алименты по суду и не живу с ним с 18 летнего возраста, несмотря на это любезный папаша расписался о моем выезде и вручил мне повестку, причем там был указан мой адрес неверно, т<ак> к<ак> его сказал отец, а он и сам его точно не знал. За что меня выслали, чем я виновен, разве лишь в том, что я сын отца-чиновника МВД (без чинов лишён<ого> прав), который, к сожалению, не спросил меня, где ему работать, т<ак> к<ак> меня еще не было на свете.

Отцу 84 года, и могу ли я отвечать за его деяния. Мало того, что я отвечаю, страдает и мой сын 10 лет, который уже отмечает и пишет, что дети по школе дразнят “ссылный”. За что же будет страдать мой мальчик, которому я без вины со своей стороны запятнал жизнь, и он вправе возненавидеть меня, как я своего отца.

Поймите же мою муку, муку отца и мужа, который заставляет страдать сына и жену. Испытываемые мною моральные муки ничто в сравнении с физическими, я ее не вынесу, если не получу правды, то прекращу свою ненужную жизнь, если государство рабочее не верит, значит ты лишний <...> Я взрослый мужчина со слезами на глазах умоляю, войдите в мое положение и пересмотрите решение НКВД, верните мне жизнь, я не способен в таком состоянии что-либо делать. Я должен добиться правды, не может быть, чтобы ее не было в Советской стране.

Жду Вашего ответа с нетерпением и надеждой на правду.

Адресовать ответ прошу на имя жены, т<ак> к<ак> я 4/V по распор<ажению> Оренбургского НКВД ссылаюсь в область и не знаю, где буду <...>.

Прошу извинить за неразборчивость, т<ак> к<ак> переписывал два раза, слезы душат³.

¹ Александр Александрович Евлампиев, родился в 1900 в Петербурге. Окончил гимназию, в декабре 1918 – мобилизован в РККА, служил на Кронштадтском фронте, с 1922 – после демобилизации работал бетонщиком на заводе «Баррикада», с 1923 – рабочий, потом счетовод и заведующий расчетным отделом на заводе «Севкабель».

² Заявление от 28 апреля 1935 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1341. С. 104-105. Автограф.

КАРПОВИЧ Е.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«Многоуважаемая Екатерина Павловна.

Зная про Ваше вдумчивое и доброе отношение ко всем обращающимся к Вам за помощью, решаюсь к ней прибегнуть.

Моей дочери³ всего 23 г<ода> (род<илась> в 1912 г<оду>), следоват<ельно> она выросла и училась при советском режиме. 16 лет она окончила 9-тилетку и сейчас же начала служить и продолжала учиться, причем в продолжение последних лет работала чертежником и считалась лучшей работницей, никогда никаким репрессиям не подвергалась и ни разу в НКВД ни для каких объяснений не вызывалась.

Мой муж был дворянск<ого> происхождения, но никаких чинов не имел, т<ак> к<ак>, когда я выходила за него замуж, он только что кончил ЛГУ⁴ и поступил маленьким служащим в Гл<авное> Упр<авление> Гос<ударственных> Сбер<егательных> Касс. Через год я с ним разошлась и более о нем никогда и ничего не слыхала.

Я сама дочь дворянина, но также никаких больших чинов не имевшего, т<ак> к<ак> он молодым человеком, в чине капитана, вышел в отставку и затем в продолжении последних 36 лет жизни служил Управделами на частной табачной фабрике, следов<ательно> повышаться в чинах не мог. Капитала не имел и умер в 1918 г<оду> 72 лет от роду.

Я всю свою жизнь служила (имею труд<овой> список) и на свой заработок поднимала дочь. В 1932 г<оду> должна была прекратить службу вследствие очень расстроенного здоровья <...>. Мне уже 56 лет, причем я также, как и дочь, ни разу в НКВД не вызывалась вплоть до 20/III с<его> г<ода>, когда была арестована и выслана без предъявления мне как<ой> либо статьи, а только, очевидно, за своих братьев (Резня-Рейнбот), одного сводного, другого родного, из которых одного нет в живых с 1918 г<ода>, другой бесследно исчез в 1920 г<оду>.

Выходит так, что я ответственна за своих братьев? А дочь?! Ведь это уже даже следующее поколение. Как она может быть ответственна за своих дядей, кот<орых> даже не помнит; между тем нас не только выслали, но еще даже, вопреки обещанию Лен<инградского> НКВД не лишать нас никак<их> прав, мы числимся админ<истративно> ссыльными, не имеющими паспортов⁵ <...>»⁶.

¹ Евгения Анатольевна Карпович. Выслана с дочерью в Оренбург.

² Написано 4 июля 1935 года.

³ Марианна Петровна Карпович.

⁴ Ленинградский Государственный университет.

⁵ 9 сентября 1935 года – дано распоряжение о получении ими паспартов.

⁶ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1318. С. 89-90. Автограф.

КАРЦЕВА М.А.¹ — в ПКК²

«<...> Тов<арищ> Пешкова!

Я пишу Вам просто письмом, не высылая документов, т<ак> к<ак> не знаю, будут ли они нужны, и не имею средств на лишнюю заверку копий, так как я без работы.

Я выслана из Ленинграда 12 марта 1935 г<ода> — как член семьи, вписана в документ с матерью. Я ходатайствую о полном восстановлении в правах, которых я теперь лишена, и возвращении в Ленинград. Считаю свою высылку неправильной и грубой ошибкой, так как я принадлежу к поколению, которое выросло в советской среде — а мать моя выслана за своих родителей — сама же она уже много лет работает.

Краткая биография. Отец — офицер, разошелся с семьей в 1910 году, не имеем сведений о нем с 1915-16 г<одов>, все предполагаем смерть на германском фронте. Мать — дочь дворянина, сенатора, с 1914 г<ода> регулярно работает сестрой, служащей и педагогом. Последнее место работы — Ленинград<ский> Индустриал<ьный> Институт (Сосновка, 1/3), старшим ассистентом кафедры иноязыков³ — Карцева Мария Петровна. Выслана из Л<енингра>да за родителей.

Брата нет и не было. Есть еще две старших сестры, обе высланы. Связи с заграницей не имею и не имела.

Я родилась в 1909 г<оду>. [В] 1929 г<оду> кончила Техникум Кустарной Пром<ышленно>сти (вела активную обществен<ную> работу). Послана на практику в Рязанский Губпромсоюз. Перекомандирована оттуда Техникумом в Тюменскую Коврово-Ткацкую школу инструктором [в] 1929 г<оду>, ноябре. В июле 30 г<ода> назначена зав<едующей> школой до ее ликвидации в сентябре 1931 (обществен<ная> работа: кружок по проф<союзной> линии, жен<ского> делегатск<ого> собрания секретарь, делегат окруж<ного> съезда ОСОАХ и работа в нем).

Приехав в Л<енингра>д, поступила в Ленин<градский> Машиностроит<ельный> Ин<ститу>т библиотекарем, одновременно на курсы языков ЗОТ (общ<ественная> работа: председ<атель> исполн<ительного> бюро курсов). В июле 32 перешла в Лосозот статистиком и с осени совмещала службу с учением и педагогическ<ой> работой в кружковой сети ЗОТ.

¹ Мария Александровна Карцева, выслана с матерью в Оренбург.

² Письмо от 22 мая 1935 года.

³ Кафедра иностранных языков.

Работа педагогом только с декабря 32 г<ода>. В марте 34 года поступила во 2-ю Ленин<градскую> Арт<иллерийскую> школу (Л<енинград>н, ул<ица> Воинова 41, тел<ефон> Ж2-41-62), где в июле первая из 10-ти преподават<елей> проведена в штат и назначена старшим педагогом. Ноябрь 34 г<ода>. Командир<ована> в Москву на переподготовку преподав<ателей> Воен<ных> школ.

Ни разу не имела взысканий, работала, особенно на последней работе, вкладывая в дело всю энергию, все время. Я являюсь уже третьим поколением от тех людей, за которых высылают. Я выросла в советской среде, воспитана советской школой и вне работы и активной общественной жизни для меня нет ничего. Как ребенок вписана в одну бумажку с удостоверением матери — меня не спросили ни моих взглядов, не арестовали, не допрашивали — ничего! Теперь я близка к последнему отчаянию — на работу не берут, прав всех лишена, личная жизнь испорчена и нет выхода — т<ак> к<ак> вины моей нет — следовательно, трудно просить об оправдании.

Моя высылка — грубая ошибка, потому что показывает неверие в воспитательную силу советской школы, потому что искусственно толкает меня назад — в безработицу, на жизнь с матерью, которая выросла в других понятиях и с которой у меня нет двух общих мнений, на полный отказ от личной жизни, потому что я не могу позволить своему будущему мужу сойтись со мной, лишенкой, т<ак> к<ак> он — коммунист, и это ему поставят в вину. Эта высылка приводит к тому, что я, когда<-то> энергичный человек, хороший преподаватель и руководитель (я руководила кафедрой), человек, живущий только трудом и ради него — вынуждена шататься без дела, терять силы, квалификацию и веру в будущее для себя. Я могу быть полезным человеком — неужели же у нас слишком много людей?! Ждать предписания 5 лет — это быть с пятном и на всю жизнь — а мне будет 33 года тогда!

Повторяю свое ходатайство — восстановить меня во всех правах и дать возможность вернуться в Ленинград к своей специальности. М. Карцева»¹.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1333. С. 174-175. Автограф.

КНИПЕР А.В.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Мой арест явился результатом доноса, имеющего целью убрать и меня, и мою семью из Москвы. Т<ак> к<ак> в средствах заинтересованные люди не стесняются, то я могу ожидать всего. Вы знаете меня 15 лет, Вы можете мне поверить, что после всего, что было в жизни со мной, я не очень, я не очень ею дорожу и к своей участи почти безразлична.

Но мысль о моих близких для меня мучительна сверх всякой меры. Моя сестра Елена Васильевна может, если Вы захотите узнать, в чем дело, все объяснить Вам, но моя просьба не в том. Я просила передать мужу и сыну³, чтобы они не держались за Москву. Но меня везут в Свободный; путь долог, письма идут медленно. Если они уедут, если что-нибудь случится с ними, пройдут месяцы прежде, чем я узнаю об этом.

Я прошу Вас не отказать мне в том, чтобы осведомить меня в случае, если в судьбе моей семьи произойдут изменения любого характера, ничего от меня не скрывая, не щадя меня ни в каком случае. Если я буду верить, что Вы это сделаете, я еще смогу принять свою судьбу в ее любой форме. Простите, что я пишу Вам, извинением письма может служить то, что я уезжаю, не повидав двух самых близких мне людей — моего сына и моего мужа. Я надеюсь, что Вы не откажете одной из самых старых Ваших подопечных. Еще раз благодарю Вас <...>»⁴.

¹ Книпер Анна Васильевна, родилась в 1893 в Кисловодске. Отец был композитором. В 1906 – семья переехала в Петербург. В 1911 – окончила гимназию. Занималась живописью в частной студии. Вышла замуж за военмора Тимирева Сергея Николаевича, 9 октября 1914 – родился сын. Весной 1915 – познакомилась с адмиралом Колчаком А.В. Переехала в Гельсингфорс, переписывалась с ним год. В начале 1918 – семья арестована, не раз ее выводили на расстрел. В апреле освобождена, выехала на восток, в Харбине встретила Колчака А.В., выехала с ним в Омск. Работала переводчицей отдела печати при Управлении делами. Отступала с армией из Омска, в январе 1920 – арестована, вместе с Колчаком пребывала в Иркутской тюрьме, после его расстрела освобождена по амнистии. В мае 1921 – арестована, отправлена в Москву и заключена в БТ. Летом 1922 – освобождена, осталась в Москве. В 1925 – арестована и выслана на 3 года. В мае 1928 – после освобождения поселилась в Тарусе, работала вышивальщицей в артели. В апреле 1935 – арестована по обвинению «в антисоветской агитации», приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Бамлаг.

² Письмо от 30 апреля 1935 года.

³ Муж, Книпер Севеолд Константинович, – инженер-строитель. В 1920-х – арестован в Москве, заключен во внутреннюю тюрьму, 15 июля 1922 – освобожден. Сын – Владимир Сергеевич Тимирев.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1512. С. 223. Автограф.

В мае 1935 — благодаря ходатайству Пешковой Е.П. дело Анны Васильевны было пересмотрено, и ей разрешено было свободное проживание, кроме Московской и Ленинградской областей (-2).

КНИПЕР А.В. — ПЕШКОВОЙ Е.П.¹

«<...> Сегодня я получила письмо от своего мужа, из которого узнала о том, что Вы сделали для меня.

Я хочу поблагодарить Вас за Ваше участие в моей судьбе, не знаю, что было бы со мной без Вас.

Я никогда не забуду Вашей доброты и не нахожу слов, чтобы благодарить вас — поверьте мне и так.

Искренне преданная Вам А. Книпер

19/VI — 35 г<ода>.

На всякий случай — я нахожусь в распоряжении 2-го Отделения БАМАа, Урулга <...>².

В январе 1936 — после освобождения из лагеря Anne Васильевне разрешено было приехать на три недели в Москву на пересмотр ее дела. В ноябре выехала в Вышний Волочок, затем переехала в Верею, а в начале 1937 — в Малоярославец, работала художником.

В марте 1938 — был арестован ее сын, Владимир Сергеевич Тимирев. Приговорен к ВМН. 28 мая 1938 — расстрелян.

25 марта 1938 — арестована Анна Васильевна по обвинению в «антисоветской агитации». Приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в Карлаг. Была на общих работах, затем работала художником. Летом 1946 — освобождена, проживала на станции Завидово, работала инструктором по росписи игрушек. С осени 1947 — проживала в Рыбинске, работала бутафором в театре. 21 декабря 1949 — арестована и отправлена в Ярославскую тюрьму. 3 июня 1950 — выслана в Красноярский край, позднее переведена в Енисейск. Работала лесорубом, потом маляром и художником-оформителем. В 1954 — освобождена из ссылки с ограничением проживания (-6). Проживала в Рыбинске, работала художником-бутафором в театре. В марте 1960 — реабилитирована, вернулась в Москву. 31 октября 1975 — скончалась в Москве.

¹ Письмо от 30 апреля 1935 года.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1512. С. 225. Автограф.

О КОЖИНОЙ К.М.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Тов<арии> Пешкова! Убедительно прошу Вас оказать мне помощь в устройстве моей семейной жизни. Я женат 2-ой год, половину своей семейной жизни я в ссылке и в этапе за своей женой, так как ее выслали из Ленинграда, а я сам добровольно поехал ей помогать, если бы не я, они умерли с голоду, так как ей работу никакую не дают, смотря с недоверием, оно понятно: ведь ссыльная, да еще в такое место, где нет и работы-то по ее квалификации. Ее фамилия Кожина Ксения Михайловна, педагог, ассистент преподавания английского языка, кончила фонетическую школу при Ленинградском университете, последние 4-е года до ареста работала в Институте восточных языков, была ударница, получила почетную грамоту, звание ударника, неоднократно премировалась не только за общественную работу, а за производственную также, ее портреты помещались в газетах и т<ак> д<але>».

Ее арестовали 20-го мая и, просидев 2 месяца в Ленинградском ДПЗ, заключением Ленинградской Областной Тройки был вынесен приговор — ссылка в город Мезень на 5 лет за сокрытие социального происхождения при получении паспорта в 1933 г<оду>. Ее никто никуда не вызывал, когда получали паспорта, а паспорт выдан был по справке, где она работала, и из Жакта, где она прожила в одном месте с 1929 года. По социальному происхождению она дворянка; отец имел титул князя, но отец умер до империалистической войны, она осталась без отца 11-12 лет, мать ее вышла вскоре за 2-го служащего. Вся ее идеология и сознательная жизнь сформировалась при советской власти. Она вполне советский человек, если бы она не была советским человеком и хоть сколько-нибудь в чем-нибудь против, я никогда бы не сошелся с ней и не стал строить семейную жизнь.

Моя краткая автобиография. Мокеев Георгий Михайлович, год рождения 1903. Отец рабочий Красноустьинского стеклозавода, дувальщик <...> От отца я остался у матери 2-х лет и брат 3-х лет. Мать работала в людях на разных работах. С одиннадцати лет, как и все в моем в то время положении, я поступил на 5 руб<лей> в месяц в мальчики на побегушках в главную пожарную команду Уфы <...> Я в 1924 году окончил облсовпартишколу³ 20-ти лет, с этого же времени я в комсомоле, был командирован в Белебеевский кантон инструктором по организации батрачества и, как активный комсомолец, организовывал комсомоль-

¹ Ксения Михайловна Кожина. Письмо от ее мужа, Георгия Михайловича Мокеева.

² Письмо из Сангородка Бамлага (Бутулей) от 19 июня 1935 года.

³ Областная советская партийная школа.

кие волостные и сельские комитеты <...> Мать моя умерла от разрыва сердца, когда я был в армии на персидской границе, ее схоронила партийная организация и женотдел. Для меня был большой удар, но я не был одинок, я был в своей семье, в партии. После демобилизации я поехал к себе на родину и в Уфе работал в Доме Красной армии заведующим стрелковым тиром. В конце 1927 — начале 28 г<ода> я решил поехать в большой город учиться и приехал в Ленинград, но так как не было средств, а также меня тянуло на производство, я поступил на завод им<е-ни> М.И. Калинина в 3-й токарный цех, где и работал токарем-станочником по металлу <...> последнее место моей работы это профорг крупного цеха Гидротурбинного завода, где я был бригадиром 7-го разряда, также пропагандистом. И вот, имея такой разгон с юных лет до 31 года, мне сейчас 32-й год, я выброшен за борт. 8-го сентября я исключен из партии, с работы бригадира я уволился по собственному желанию, так как должен был ехать к жене на место ее ссылки. Из партии я исключен только по той причине, что откровенно написал, на ком я женат, что жена моя выслана, и я отпуск свой целый месяц провел в этапе за ней. Надежды на ребенка рухнули, так как жена вместо летнего отдыха после изнурительной зимней работы с последним выпускным курсом коммунистического ВУЗа просидела в тюрьме, и в этапе у нее был выкидыш. Жизнь наша отчаянная, правда, я работать стал на черной работе, какая есть, теперь руковожу драм<атическим> кружком. У меня начинаются галлюцинации, бессонные ночи, меня преследует навязчивая идея кончить жизнь. Но я решил, что имею полное право хлопотать, и решил писать к Вам, тов<арищ> Пешкова. Ведь за соцпроисхождение не судят. Жена моя может приносить пользу, ее студенты кончили все хорошо и отлично, здесь она не может быть использованной, к ней отнеслись резко и неверно. Я ведь в совместной жизни ее знаю, вполне могу поручиться за ее самоотверженную работу и лояльность. Я не могу оставаться вне рядов партии, так как я должен быть в своей семье, но при таком положении я остаюсь мужем ссыльной.

Прошу Вас, убедительно проникнуться моей просьбой; реабилитировать мою жену в правах и в худшем случае, который также явится счастьем для нас, это выдать ее мне на поруки <...>»¹.

На письме — запись секретаря: «Известите, что обращаемся с ходат<аством> в През<идиум>».

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1336. С. 66-67. Автограф.

МЕЩЕРСКАЯ С.С.¹ — в НКВД²

«<...> Административно-высланной
Мещерской Софьи Сергеевны

Заявление

В ночь с 3-го на 4-ое апреля с<его> г<ода> я была арестована, а 8-го получила документ о высылке в Иргиз на 5 лет³. Вместе со мной высылалась племянница моя Кедрина Елена Александровна и ее сын Александр, 10-ти лет, проживающие вместе со мной. Кедрина Елена Александровна, вероятно, выслана была лишь как член моей семьи, так как повестки о явке на допрос ей не было вручено. Она, хотя и жила вместе со мной, но родство мое с ней дальнейшее — она дочь моей двоюродной сестры. Работала она до последнего дня библиотечным работником в инст<итуте> Академии Наук, владеет иностранными языками и там же занималась переводами. До этого она работала несколько лет на разных должностях в Карелии, в г<ороде> Кеми, вплоть до проводницы вагонов, затем она была на Нива-Строе. Сын ее был все время со мной в Ленинграде, где и посещал школу.

Сама я в данное время, с 1933 года, инвалид-пенсионерка, по профессии мед<ицинская> сестра. Окончив курсы медсестер в 1915 г<о-ду>, я все время непрерывно работала в разных леч<ебных> учреждениях Ленинграда. Со дня основания Союза сестер состояла его членом. В 1931 г<о-ду> была премирована грамотой “Ударника” как хорошая производственница. Ушла на пенсию по настоянию врачей, потеряв здоровье на попрание своей работы, так как в 1919 г<о-ду> болела сыпным и брюшным тифом <...>.

О том, что я была дворянкой, дочерью помещика, я никогда ни в одной анкете не скрывала. С 1915 г<ода>, по окончании курса медсестер, жила одна в Ленинграде.

Излагая все это, прошу пересмотреть мое дело, отменить приговор или же дать мне право выбора городов <...>»⁴.

¹ Софья Сергеевна Мещерская. Летом 1927 – арестована по групповому делу «контр-революционной организации». 2 сентября 1927 – приговорена к административной ссылке на 3 года. Проживала в Нижнем Новгороде. Весной 1928 – арестована и привлечена к следствию по старому делу. 27 июля 1928 – освобождена без предъявления обвинения. Осталась в Нижнем Новгороде, осенью 1930 – вернулась в Ленинград.

² Заявление от 23 апреля 1935 года.

³ Письмо отправлено из Темир-Тау Актюбинской области.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1345. С. 66-67. Автограф.

О МЕЩЕРСКОЙ С.С.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Прошу прощения, что смею беспокоить вас своею просьбою за гр<ажданку> Мещерскую Софью Сергеевну, высланную из Ленинграда одновременно с нами в марте 1935 г<ода>.

Насколько мне известно, гр<ажданка> Мещерская С.С. обращалась к Вам с просьбой исходатайствовать ей возможность выехать из Казахстана, где климат для нее, больного человека, вреден, причем, согласно Вашего предложения, она указала города, где бы она могла жить, а именно: Тула, Горький, Пенза, Самара или Саратов.

В настоящее время состояние здоровья гр<ажданки> Мещерской настолько ухудшилось, что она принуждена проводить все время в постели. Я имею переговоры с доктором, который заявил, что состояние здоровья ее, если она не будет иметь возможность переменить место жительства, улучшиться не может, а, наоборот, жизни ее угрожает опасность (невыносимая жара до +65½ С° днем и сильные ветра вечером и ночью, к тому же малярия, которую она здесь приобрела).

Желая оказать гр<ажданке> Мещерской <помощь>, как товарищу по несчастью, я позволил себе обратиться к вам с просьбой — не отказать ускорить удовлетворение ее просьбы о разрешении выехать из Казахстана. Третьего дня, когда я ее навещал, она, находясь в постели, со слезами на глазах заявила, что ей “так не хочется умирать здесь, а чувствую, что скоро умру”.

Об этом моем письме она не знает, а потому я очень просил бы Вас сообщить мне, может ли гр<ажданка> Мещерская рассчитывать на удовлетворение своей просьбы и если может, то когда. Известие получения ею непосредственно об отказе убьет ее раньше времени.

Льщу себя надеждой, что вы не откажете мне ответом на это письмо. Пользуюсь настоящим случаем, прошу принять уверение в глубоком уважении <...>»³.

4 ноября 1935 — Софья Сергеевна Мещерская скончалась в Темир-Тау Актюбинской области, о чем Пешковой Е.П. сообщила племянница С.С. — Кедрина Елена Александровна.

¹ Письмо от Кочетова Александра Ивановича.

² Письмо от 14 августа 1935 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1345. С. 150-151. Автограф.

МИЛЛЕР П.Н.¹ — в НАРКОМВНУД²

«<...> 7-го октября 1935 года мне предъявлены следователем НКВД тов<арищем> Гавриловым обвинения по 58-13 и 58-10 ст<атьям> УК РСФСР, обвинения, которые я не могу признать, и я должен себя реабилитировать <...>».

Мои контрреволюционные действия, по мнению следователя, заключаются в том, что я: 1) будучи чиновником царской службы в 1895-1903 г<одах>, служил в цензуре иностранных газет и журналов и занимался перлюстрацией; 2) в 1903-1905 г<одах>, будучи экспедитором (нач<альником> отделения) Гор<одской> почты Московского почтамта, продолжал свою преступную и предательскую деятельность, выражавшуюся в выдаче разной корреспонденции по требованию властей, представлении при рапортах почдиректору (моему непосредственному начальнику) прокламаций, вынимавшихся из почтовых ящиков и т.п.

Из цензуры я вышел по собственной инициативе, осознав противоречия между моими склонностями и симпатиями, с одной стороны, и теми занятиями, которые я выполнял в цензуре, с другой. Я тяготился этими занятиями и искал выхода. Во время моей службы в цензуре я стал встречаться и общаться со студентами. Один из них снимал у меня комнату, к нему приходили товарищи и между ними ныне покойный историк Михаил Николаевич Покровский. Я им носил запрещенную заграничную литературу (“Искру”, “Освобождение” и др<угие>), способствовал бесцензурному получению разных книг и проч<ее>. В эти же годы моей царской службы я стал собирать цензурные запрещенные вырезки из иностранных газет и журналов, которые впоследствии передал (уже после революции 1905 г<ода>) в Румянцевскую библиотеку <...>. Подобный поступок — выход из цензуры в те времена почитается совершенно немыслимым, так как мог повлечь за собой подозрение и преследования, и мне удалось все-таки уйти, благодаря хорошим отношениям с семьей почдиректора.

¹ Миллер Петр Николаевич, родился 28 ноября 1867 в Саратове. В 1888 — окончил АВУ. Служил поручиком в царской армии. С 1901 — главный экспедитор газеты «Русское слово». в 1905 — за участие в почтово-телеграфном союзе приговорен к 2 годам заключения и отправлен в Петропавловскую крепость. С октября 1917 — сотрудник Комитета почт и телеграфов, затем — Наркомпроса. Хранитель музея Старой Москвы. Секретарь Комиссии по изучению Старой Москвы Археологического общества. 26 августа 1920 — арестован, 17 сентября освобожден. Член Музейного отдела Моссовета, с 1924 по 1926 — научный сотрудник Коммунального музея и экскурсовод-лектор Академии Комвоспитания. Заведовал секцией «Старая Москва» и Обществом изучения памятников Подмосковья. С 1930 — проживал в Ясной Поляне, где был арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Пермь. В 1933 — освобожден из ссылки, вернулся в Москву.

² Народный Комиссариат Внутренних Дел.

Желая как-нибудь скрасить сущность моих занятий в цензуре, я считал, что этими преступлениями против службы, нарушениями ее незыблемых канонов — снабжением запрещенной литературой и т<ому> п<одобное>, я как бы оправдывал себя перед собой.

Вступил я в цензуру, не зная в точности о всех ее функциях, 40 лет назад, когда рабочий класс только что нарождался. Этот мой поступок — разрыв с цензурой, я считал гордостью моей жизни <...> Вышел я из цензуры в 1903 г<оду>, т<о> е<сть> 32 года тому назад, т<о> е<сть> тогда, когда даже движение 1905 г<ода> еще намечалось, и революционные идеи еще очень слабо проникали в массу, среди которых я жил и работал. Мой переход из цензуры в экспедиторы почтамта не давал мне никаких выгод.

Никаких сношений ни с охранкой, ни с жандармерией, ни с полицией я не имел ни по службе, ни лично за всю мою жизнь. Во всем я сносился только с почдиректором или со старшим цензором.

Представление при рапортах почдиректору находимых в почтовых ящиках — паспортов, денег, прокламаций и т<ому> п<одобное>, составляли одну из обязанностей экспедитора. Мною представлялась для отвода глаз начальства только незначительная часть прокламаций, по несколько штук, тогда как прокламации сотнями ходили по экспедиции, по рукам, посылались в мешках в отделения с корреспонденцией и в др<угие> экспедиции, разносились по домам. Я представлял по начальству только те прокламации, которые приносились ко мне моими помощниками, лично же я ни у кого прокламаций не отбирал и нигде сам их не искал, никого не ловил, ни на кого за это не доносил, и никто через меня за это не пострадал <...> Мое отношение к прокламациям, к наличию кружка, к участию в нем чиновников и почтальонов составляют нарушение действовавших законов, по которым они рассматривались бы как государственные преступления. Я шел на это, и для меня интересы появившегося тогда революционного движения были выше, чем мои собственные¹ <...>»².

28 января 1936 — отправлен в ссылку. В феврале — по ходатайству ПКК получил паспорт, что дало возможность ему устроиться там на работу. В 1939 — освобожден из ссылки. Вернулся в Москву, работал ученым секретарем в Комитете истории Москвы Института Истории АН СССР. 23 января 1943 — скончался.

¹ С октября 1905 — председатель Московского комитета Всероссийского Почтово-Телеграфного Союза, делегат 1-го съезда Союза. Член нелегального бюро Союза, участник нелегального съезда в Финляндии. Написал много статей о работе Союза.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 1506. С. 159-163. Машинопись, подпись — автограф.

НИКИФОРОВ А.А.¹ — в ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Объявление Уфимским УНКВД таких лиц <“бывших”> лишенными избирательных прав и, следовательно, лишенными прав пенсионных, а также выдача им этим Управлением удостоверений на право проживания в Уфе совершенно одинаковых с выдаваемыми осужденным за политические и даже уголовные преступления, наконец, наименование их административно-ссылными, а не высланными, — все это в совокупности создало для них совершенно невозможные жизненные условия и послужило существенным препятствием к поступлению большинства их на службу. Несмотря даже на штамп, который одно время стало ставить УНКВД о нелишении того или иного лица права работать в государственных и общественных организациях и предприятиях, организации эти и предприятия воздерживаются от приема их на службу, считая их элементом подозрительным или даже преступным. Лишь немногие из высланных, по преимуществу крупные специалисты, получили работу по специальности; даже из них некоторые, несмотря на многолетний стаж в той или иной области промышленности, принуждены были переменить свою специальность; громадное же большинство не может вовсе найти применение своему труду и, истощив средства, вырученные от спешной 3-5 дневной ликвидации своего имущества при отъезде из Ленинграда, находится в крайней нужде; среди таких лиц некоторые вынуждены нищенствовать; на почве создавшегося положения были уже случаи сумасшествия, самоубийства и даже смерти от крайнего истощения.

Действительно, высылка в том преломлении, какое дало ей УНКВД Баш<кирской> АССР, для многих, в особенности для лиц престарелых, является равносильной высшей мере наказания, медленной смертной казнью. Нельзя допустить мысли, чтобы Правительство СССР имело в виду проводить в жизнь осуществление бесклассового общества путем физического уничтожения так называемых “бывших” людей. Наоборот, есть полное основание полагать, что в данном случае имеют место перегибы, столь обыкновенные в деятельности местной власти.

Между высылкой и ссылкой существует несомненно громадная разница. Первая является лишь административной мерой, направленной против лиц, хотя ни в чем невиновных, но пребывание которых в

¹ Никифоров Александр Александрович, родился в 1866. До революции служил в Петербурге по судебному ведомству в чине статского советника, с 1926 – на пенсии. В мае 1935 – выслан с семьей из Ленинграда в Уфу на 5 лет.

² Письмо от 15 декабря 1935 года.

той или иной местности в известный момент почитается правящей властью нежелательной; вторая — ссылка представляет собой или самостоятельную репрессию за то или иное правонарушение, или дополнение к основному за него наказанию.

Приравнение лиц, высланных из Ленинграда без предъявления к ним какого-либо обвинения, лишь в порядке разгрузки от нежелательного элемента, к лицам, осужденным за конкретные правонарушения политического или уголовного характера, представляется юридически неправильным и противоречит здравому смыслу; если административная высылка подобного рода людей может еще найти себе объяснение политического характера, то наказание их за социальное происхождение, за их прошлое лишением избирательных прав не может быть оправдано никакими разумными основаниями; действительно, если обстоятельства, послужившие поводом к их высылке, не предусмотрены Конституцией СССР, как повод для лишения, то самый факт высылки, конечно, сам по себе не может стать таким поводом.

Кроме того наказание лиц, совершивших то или иное преступное деяние, предполагает, что виновные должны раскаяться в содеянном и могут исправиться; что же касается “бывших” людей, то если бы даже можно было допустить с их стороны раскаяние в своем происхождении или вообще в своем прошлом, изменить или исправить то и другое они уже никоим образом не в состоянии.

Казалось бы, все это совершенно ясно и неопровержимо, а между тем создавшееся для административно высланных из Ленинграда в Уфу весной этого года положение чрезвычайно тяжело и становится день ото дня все более невыносимым. Они нуждаются в неотложной помощи; необходимо обо всем изложенном довести до сведения высшей власти, ходатайствовать перед ней о скорейшем совершенно ясном, соответствующем общему духу советских законов и существу дела определении правового положения означенного разряда высланных и о преподании местной власти надлежащих указаний для неуклонного их исполнения.

Оказать такого рода помощь может, как мне кажется, только возглавляемое Вами учреждение, почему я решился довести о вышеизложенном до Вашего сведения, в полной уверенности, что Вы признаете возможным принять все зависящие от Вас меры к облегчению участи людей, ни в чем, кроме своего социального происхождения и бывшего положение, невиновных <...>¹.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1519. С. 87-88. Машинопись, подпись — автограф.

ПАГАНУЦЦИ Е.В.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> В апреле 1935 года я была выслана административным порядком из Ленинграда при “муже”, в качестве жены гр<аждани>на Пагануцци Николая Валентиновича³, у которого в прошлом — задолго до знакомства со мной — 10-ти месячное пребывание по мобилизации в белой армии, которую он оставил при первой возможности. Меня никуда не вызывали и ни о чем не допрашивали, прямо вписали в его путевку: “При нем 1 член семьи, такая-то”, — и обязали выехать в Агбасар (Казахстан).

С гр<аждани>ном Пагануцци я разошлась в ноябре 1934 года и должна была переехать с 4-х летним сыном в Москву, к матери, оформить же свой развод официально не успела до февраля, а в феврале, когда я пошла с этим в ЗАГС, то мне сказали, что Ленинградский ЗАГС временно ни браков, ни разводов не регистрирует.

Пока тянулись хлопоты по обмену комнат с Москвой, я проживала в одной квартире с моим быв<шим> мужем, в разных комнатах. 3-го марта он был арестован, а 12-го апреля получил направление в Агбасар, и мне пришлось выехать с ним вместе, т<ак> к<ак> меня обязали подпиской и отобрали паспорт в день отъезда.

В Агбасар мы не попали (вследствие его перегруженности), а попали в с<ело> Балкашино Карагандинской обл<асти>, где пробыли ровно 6 месяцев, совершенно не имея никакой работы оба, после чего, в результате долгих хлопот, получили разрешение выехать в г<ород> Караганду, где живем и работаем оба.

В с<еле> Балкашино в сельсовете мне сказали, что развестись официально с мужем я могу только по окончании срока ссылки — через 5 лет, да и сама я боялась это сделать, т<ак> к<ак> надеялась, что гр<ажданин> Пагануцци, как специалист, скорее может получить перевод куда-нибудь в лучшие условия и получить работу. То же останавливало меня и здесь: я надеялась через него попасть в центральную часть Союза и уехать их Казахстана.

1-го ноября 1936 г<ода> нам вместе с др<угими> адм<инистративно> сс<ыльными> было предложено выехать в г<ород> Рыбинск на работу в Волгострой, но за гр<ажданина> Пагануцци хлопотал завод, на котором он работает, об оставлении его, и с ним осталась автоматически и я, в качестве официальной его жены.

¹¹ Пагануцци Елена Вадимовна.

² Письмо от 13 февраля 1937 года.

³ Пагануцци Николай Валентинович, родился в 1899 в Костромской губернии. Получил высшее образование. Да 1935 — проживал в Ленинграде, работал инженером.

Теперь, 20-го декабря, меня вызвали в НКВД и объявили, что я должна ОДНА выехать в Новочеркасский р<айо>н, т<ак> к<ак> у них имеются сведения, что гр<ажданин> Пагануцци мне посторонний человек, а не муж. Что он оставлен пока в Караганде¹, как специалист, а я, на основании фактического развода, должна выехать в р<айо>н. После долгих хлопот и разговоров я пока оставлена в Караганде, но я не имею ни минуты спокойствия, т<о> е<сть> ехать среди зимы в 30 мороза с маленьким ребенком в глухую деревню (70 км от жел<езной> дор<о-ги>) — перспектива, действительно, пугающая. Кроме того, я просто не понимаю, чем я это заслужила: из Ленинграда меня выслали за то, что я еще числилась женой гр<ажданина> Пагануцци, из Караганды же меня хотят выслать за то, что я ему не жена.

Два года я вынуждена числиться женой человека, с которым не имею ничего общего, и жить в одной квартире, несмотря на то, что я совершенно самостоятельна и имею свой заработок. Теперь же я окончательно с ним связана, т<ак> к<ак>, если я свой развод оформлю официально, то меня, видимо, тотчас же отправят в район.

Где же логика и где справедливость?

Я родилась в 1905 году в с<еле> Сасове Тамбовск<ой> губ<ернии>, в семье служащего (отец — судебный следователь). В 1921 г<о-ду> окончила Совшколу 2-й ступени и с тех пор непрерывно работала машинисткой в разных учреждениях в г<ороде> Костроме и в Ленинграде, где жила с 1922 года.

Замуж вышла в конце 1923 года и, следовательно, НИКАКОГО ОТНОШЕНИЯ к прошлому гр<аждани>на Пагануцци иметь не могу. В живых имею только мать, которая постоянно живет в Москве и работает в Детиздате, секретарем редакции <...>.

Неужели я должна быть вечно связана с человеком, с которым фактически не живу третий год, и всю свою жизнь расплачиваться за чужие ошибки, совершенные вдобавок задолго до знакомства со мной? Неужели даже Великая Сталинская Конституция не освободить меня от этого, ничем не заслуженного унижения?! <...>»².

¹ Пагануцци Николай Валентинович, после оставления его в Караганде работал конструктором на заводе. 2 февраля 1938 — арестован как «участник контрреволюционной диверсионной организации». 8 сентября 1937 — приговорен к ВМН. В тот же день расстрелян.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1341. С. 191-192. Машинопись, подпись — автограф.

РУБИНА Н.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> 28 февраля 1935 г<ода> был арестован мой брат Рубин Владимир Александрович, проживавший вместе с матерью Анастасией Александровной Рубиной³ — мать находилась на иждивении брата. При аресте брата и матери была оставлена повестка на ее имя о явке в Оперод⁴ ЛО НКВД на допрос.

Мать была выписана только что из больницы им<ени> Мечникова (21/II 35 г<ода>) после тяжелой операции рака, и еще не могла двигаться, т<ак> к<ак> лежала, имея еще не зажившие швы на ране. Естественно, что явиться она не могла, и пришлось мне, ее дочери, жившей совершенно самостоятельно и отдельно, пойти в НКВД с ее повесткой и справкой о том, что она тяжело больна. На Фонтанке вместе с братом и матерью из-за жил<ищного> кризиса жила еще и дальняя замужняя родственница, кот<орая> в то время лежала в больнице при смерти от заражения крови при родах.

Когда я явилась в НКВД с повесткой матери — у меня проверили мои документы и попросили подождать. А через некоторое время сообщили мне, что я с матерью высылаюсь в г<ород> Атбасар на 5 л<ет>. Естественно, что я спросила — за что? Мне сказали, что брат мой тоже будет отослан в Атбасар и что он знает, и мне все расскажет. Брат мой в Атбасар не попал, а попал в Карлаг НКВД, а я с больной матерью, везя ее чуть ли не на руках, выехала в Атбасар. Долгое время я не могла добиться, за что я выслана. Потом мне сообщили, что выслана не я, а мать, как бывшая дворянка, и с нею 2 члена семьи. Из членов семьи с нею фактически только я, т<ак> к<ак> брата здесь нет, и мне в местном НКВД сказали, что его высылка в Карлаг, вероятно, ошибка, кот<орая> скоро выяснится, и он попадет сюда. На меня лично бумаг не пришло никаких, и кроме направления, по кот<орому> я ехала из Ленинграда, нигде мое имя не упоминается. Немного позже мне сообщили, что та дальняя родственница, что оставалась в Ленинграде в больнице (комсомолка) Особым Совещанием НКВД (Москва) от ссылки

¹ Рубина Наталья Александровна, родилась в 1903. Ее отец был полковником царской армии (умер от сыпного тифа в 1920). Окончила среднюю школу в Иркутске, с 1919 — певица в Иркутском оперном театре, с 1924 — в Новосибирском оперном театре, затем на радиостанции, ездила также с концертами по городам Сибири. С 1929 — проживала в Ленинграде, работала в радиопроцентре и на эстраде, с 1930 — конторщица в Бюро учета пайщиков кооператива.

² Письмо из Атбасара от 7 марта 1936 года.

³ Рубина Анастасия Александровна родилась в 1873 году.

⁴ Оперативный отдел.

освобождена <...> Видимо тут произошло крупное недоразумение — путаница, кот<орую> я и прошу Вас разобрать. Видимо брат и родственница и были теми двумя членами семьи, что приписаны к матери, но потом выяснилось, что родственница не имеет отношения, а пока это выяснялось — меня вписали чисто механически <...>»¹¹.

РУБИНА Н.А.² — ПЕШКОВОЙ Е.П.³

«<...> Моей матери сообщили из Прокуратуры, что ими приняты меры к замене ссылки на минус 15. Это было еще 14 августа, а дело начало разбираться еще 19 июля — прошло 2 месяца, а до сих пор нет никакого результата. На носу зима — а там 200 километров от жел<езной> дороги. Я обращаюсь к Вам — помогите мне, нельзя ли ускорить пересмотр дела? И, если нельзя мать мою освободить, или дать минус 15 — то не можете ли Вы помочь мне тем, чтобы выхлопотать ей разрешение на перевод в г<ород> Вышний Волочек Калининской обл<асти>. Там я могу иметь квартиру, работу и лечение, в кот<ором> крайне нуждаюсь и я, и мать. Если мать останется в Атбасаре — это означает для меня смерть, как моральную, так и физическую — в этом городке, с 2 т<ысячами> населения, без одного предприятия — абсолютно нет никакой работы, а там жить невероятно дорого из-за полного отсутствия местного топлива (кругом степь, дрова привозят за 60-100 километров — Вы сами поймете, какая цена на них). Значит, снова голод, холод, безработица. И кроме того, отсутствие лечебной помощи, единственный там врач Петров не принимает ссыльных (это по отношению к моей матери), а мне у него не лечиться из-за того, что я пожаловалась на его неправильные действия в НКВД — он готов меня угробить, а не то что лечить. Мать моя слаба и нетрудоспособна абсолютно, не может обслужить даже сама себя — я прилагаю справку из Ленингр<адского> онколог<ического> института и последнюю, из Атбасара, от комиссии, ту самую, через кот<орую> мне пришлось обратиться в местное НКВД с ходатайством, чтобы осмотрели мою мать, т<ак> к<ак> д<окто>р Петров снимал мою мать с комиссии дважды <...>»⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1468. С. 194-202. Автограф.

² Наталья Александровна Рубина, благодаря ходатайству ПКК, 2 апреля 1936 года была освобождена из ссылки, съездила в Ленинград и получила паспорт.

³ Письмо от 3 сентября 1936 года.

⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1468. С. 191-192. Автограф.

СЕБРЯКОВА В.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> По постановлению Лен<инградского> НКВД, после ареста мужа Себрякова Георгия Андреевича по ул<ице> Радищева, 32, кв<артира> 8, я должна была выехать с 4½ м<есячным> ребенком 15/III 35 г<ода> в Уфу на 5 лет без средств к существованию и до сих пор не имею работы, т<ак> к<ак> ссыльных не везде принимают, а если бы и удалось поступить, то ребенка устроить в ясли не смогу по той же причине, и все за то, что я жена дворянина, прожившая совместно 1 г<од> 11 м<есяцев>, а муж, высланный без статьи за социальное происхождение в Печлаг ст<анция> Чибью на три года, находится в лучших условиях, т<о> е<сть> он работает по специальности, за что его правительство кормит и одевает.

Я же всего этого лишена и страдаю фактически за умерших родителей мужа. Ведь тов<арищ> Ленин говорил, что “дети не отвечают за родителей”, то же самое повторяет и тов<арищ> Сталин, так зачем же я тут? <...> С 1919 г<ода>, со школьной скамьи поступила на Северо Кавказскую ж<елезную> д<орогу>, где прослужила до осени 1923 г<ода>, и выехала в Ленинград для дальнейшей учебы. В 1932 г<оду> трест направил меня учиться на промышленные экономические курсы, которых, к сожалению, не удалось окончить. Служила до момента высылки в должности счетовода-калькулятора, основная профессия статистик-экономист. Словом, после 15 летней честной работы в Советском Союзе я с ребенком выброшена на голодную смерть. Екатерина Павловна, неужели я должна скитаться административно ссыльной и погибнуть в Башкирии за то, что была женой дворянина только лишь 1 г<од> 11 м<есяцев>, в то время когда брат мой в тяжелые годы революции находился в рядах Красной Армии <...>. Я все-таки питаю надежду, что если потомственные дворяне возвращаются, то Вы, Екатерина Павловна, окажете содействие на отмену моей ссылки <...>.

Здесь не дают работать, и никто с ребенком не пускает на квартиру, живу подаанием, тогда как я могу быть полезной для Советского Союза. Преступники получают помилование, а я должна позорно погибнуть, лишив меня прав гражданства, только лишь за то, что я в 1933 г<оду> вступила в брак с быв<шим> дворянином. Пыталась расторгнуть брак и этим смыть клеймо с семьи моего отца-труженика, но и в этом мне отказали, не имея на это согласия мужа. Разве, живя в свободной стране, могут прикреплять мне мужа? <...>»³.

¹ Валентина Андреевна Себрякова.

² Написано 9 февраля 1936 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1515. С. 183-184. Автограф.

СКАЛОН Д.Н.¹ — ПРОКУРОРУ

«<...> Прошу вас пересмотреть дело о выселении меня из пределов гор<ода> Ленинграда в марте месяце 1935 года, так как не нахожу мотивов считать себя чуждым элементом.

Родился в 1911 году. С 1920 года обучался в Советской Трудовой школе, которую окончил в 1928 году. С 1929 по 1931 г<од> работал штукатуром на строительстве, после был переведен в старшие рабочие, затем в десятники, а в 1932 году работал техником-строителем.

С 1930 года я обучался в Вечернем Строительном Институте и в июне с<его> г<ода> должен был защищать дипломную работу на звание инженера-строителя. Таким образом, до полного окончания высшего учебного заведения мне оставалось всего три месяца.

Мотивами моей высылки, по всей вероятности, являлось следующее:

1. Дворянское происхождение моего отца и нахождение его за границей. Довожу до Вашего сведения, что по возвращении его с империалистической войны в конце 1917 года он прожил с моей матерью² до начала 1918 года, после чего уехал за границу. В 1922 году он прислал моей матери официальный развод, после которого в 1925 году она вышла замуж за инженера Новосельского, с которым жила вместе с 1919 года. До 1922 года и после него ни я, ни моя мать никакой связи и переписки с отцом не имели, и где он находится в настоящее время — не знаю.

2. В 1931 г<оду> я был приглашен в Особый Отдел ГПУ в ЛВО, где мне было предложено поддерживать связь, сообщая о всяких неблагонадежных действиях моих знакомых. В то время я вращался исключительно в студенческих кругах и среди своих товарищей и знакомых неблагонадежных элементов не замечал. А посему от постоянной работы отказался, но обязался всегда сообщать в ОГПУ о мероприятиях, направленных против Советской власти, если таковые мною будут открыты, считая это долгом всякого честного гражданина Советского Союза.

По словам следователя, который меня вызывал, данная работа мне была предложена с целью проверки моих отношений к советской власти. Мне кажется, что работа такого рода ни в коем случае не может доказать моих отношений к существующему строю, ибо человек, антисоветски настроенный, но желающий себя замаскировать, может спокойно заниматься данной работой. Я же всегда считал себя вполне советским человеком и ничего против Советской власти не замышлял <...>»³.

¹ Дмитрий Николаевич Скалон. В марте 1935 — выслан в Воронеж.

² Марианна Петровна Скалон.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1308. С. 112. Машинопись, подпись — автограф.

СИПЯГИН А.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> 12-го марта сего года в г<орде> Ленинграде по Ждановской наб<ережной>, в д<оме> 11, кв<артире> 10 был арестован мой отец, 15-го он был освобожден с предложением выехать 23-го этого же месяца в гор<од> Иргиз на 5 лет.

Одновременно с отцом в его путевку чисто механически, как иждивенцев, писали на тот же срок меня и мою сестру Наталью Александровну, родившуюся в 1917 году, хотя даже с нас не взяли расписки о выезде из Ленинграда.

Я родился 6/XI-1914 г<ода> в г<орде> Ленинграде, где и прожил безвыездно до сего времени. В 1930 г<оду> я окончил 196 ФЗО Петроградского района и сразу поступил на подшефный школе завод “Конструктор” в гальванический цех. В 31 г<оду> меня провели в члены ВЛКСМ (мое социальное положение при этом было всем отлично известно). В этом же году я сдал испытание в электромеханический техникум з<аво>да им<ени> Кулакова. В связи с укрупнением техникумов, в 1933 г<оду> группа, где я занимался, волилась в 1-й Лен<инградск>ий Энерготех<ник>ум, теоретический курс которого я и окончил в декабре 34 г<ода>, имея при 5-ти балльной системе среднюю отметку по 14 дисциплинам 4,8. В январе 1935 г<ода> я пошел на преддипломную практику, которую проходил в отделе диспетчеризации проектного бюро треста <...>.

Здесь, в самый разгар дипломной работы над темой диспетчерское обслуживание радицентра НКПС в гор<оде> Новосибирске, меня и постиг столь тяжелый и нелепый удар, благодаря которому я насильственно вынужден был бросить все.

Мне не дали возможности кончить свое образование, защита дипломного проекта должна была состояться 1/6-35 г<ода>, меня исключили из рядов Ленинского Комсомола, в котором я в течении четырех лет показал себя активным, дисциплинированным и идейно выдержанным комсомольцем. Меня оторвали от нормальной жизни, культуры, от столь любимого мною спорта. Да, я могу сказать, что в нем, как и во всех других видах работы, имел не худшие результаты (играл в б<аскет>б<ол> от з<аво>да “Красная Заря”, имел хорошее время по плаванью).

Неужели я, кончив Советскую школу и почти техникум, получив целиком Советское воспитание, являюсь столь большим преступником,

¹¹ Алексей Александрович Сипягин.

² Написано 18 ноября 1935 года.

хотя я до сих пор не знаю, в чем мое преступление. Если виною всему служит не от меня зависящее “неправильное рождение” от отца, лично-го дворянина и офицера, то не могу же я, здраво рассуждая, отвечать за это. Я ведь родился в сентябре 1914 г<ода>, а в 1917 г<оду> произошла Великая Октябрьская Революция, что я мог видеть и знать за это время о дореволюционном строе? Своими знаниями я обязан только Советской власти, при которой вырос и воспитался, и больше никому.

Я считаю, что не могу нести ответственности за такую связь с отцом, тем паче, что я совершенно сознательно прошел через Ленинский Комсомол и Советскую школу. Лишение меня прав продолжать работу в Комсомоле, так дико и жестоко не дать кончить образование — есть несправедливость и грубая ошибка, которую убедительно прошу Вас исправить и восстановить меня в отнятых гражданских правах.

Ведь я так близко стоял на грани полной самостоятельности и независимости от отца, зачем же сейчас нас связывать вместе, когда я бы, кончив техникум, смог бы начать самостоятельную жизнь. Необходимость кончить свое образование, иметь возможность участвовать наравне с другими гражданами в строительстве нового социалистического бесклассового общества, когда вся жизнь у меня еще впереди, по-моему, дает мне полное право просить Вас справедливо разобрать это дело и вернуть меня в оторванный Ленинград к занятиям и работе <...>»¹.

СИПЯГИНА Н.А.² — ПЕШКОВОЙ Е.П.

«<...> С самого начала сознательной жизни, т<о> е<сть> с 9 лет, моя идеология складывалась в стенах Советской школы. В 1931 году вступила в ряды ВЛКСМ, где проявила себя как активная и идейная комсомолка.

При приеме меня в Ленинские ряды комсомола было известно мое социальное происхождение, которое ни мной, ни моими родителям никогда не скрывалось. Родившись в год Великой Октябрьской революции и воспитываясь в рядах Ленинского комсомола, я не разделяла и не разделяю идеологию чуждого мне дореволюционного времени, и потому мою высылку, как социально опасного элемента, считаю происшедшей ошибкой, на которую и прошу Вас, тов<арищ> Пешкова, обратить внимание <...>»³.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1486. С. 143-144. Машинопись, подпись — автограф.

² Сипягина Наталия Александровна. Письмо от 18 сентября 1935 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1339. С. 336. Машинопись, подпись — автограф.

СОВАЖ О.К.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> 1-го апреля мою семью, меня и 2 моих дочерей выслали из Ленинграда в Уфу на пять лет. При обыске и аресте моей старшей дочери Нины Евгеньевны Соваж³ никаких компрометирующих данных не нашли, никаких вещественных документов не пришили к делу. Обвинений не предъявлено. Валюты Торгсина, переписки с заграницей у меня не было. Я имею стаж 31 год, дочь Нина — 17 лет, дочь Елизавета 14 лет — мы трудящиеся элемент, мы всю жизнь жили своим трудом, предприятий, имений, домов не имели, родных и знакомых за границей у нас не было, все 18 лет со дня Революции мы работали неустанно, строго придерживаясь и подчиняясь всем требованиям Правительства, идя рука об руку с ним. Родных у меня нет, кто бы мог мне и моим дочерям помочь. У меня есть родственники: Вице-Президент Академии Наук Владимир Леонтьевич Комаров и современная писательница Ольга Форш — они мои двоюродные брат и сестра, на их материальную помощь я рассчитывать не могу, но, если они, дети таких же отцов, как и я, если они, такие же дворяне, как я и мои дочери, имеют право на жизнь, на труд и на работу, почему я и мои дети должны быть лишены этих прав? Это обидное беспомощное положение заставляет беспокоить Вас и взывать о помощи.

Меня муж мой покинул, когда дети были совсем маленькие. 37 лет моего мужа на нашем горизонте нет, дети своего отца никогда больше не видали и не знали, моральной и материальной помощи от него никогда не имели; воспитались, образовались и выросли для труда, работы и службы Советской Власти на мои трудовые деньги. Сироты, без отца — неужели же должны страдать и отвечать за него? Две молодые жизни погибают теперь здесь без работы, без надежды возродиться к жизни и труду по своим специальностям.

Я пианистка, дочь Нина работала в Ленингр<адских> гос<ударственных> учреждениях, дочь Елизавета — пианистка, свободный художник Ленингр<адской> Консерватории, работник как музрук в Деточагах и клинике <...> здесь же работы по культурной части найти невозможно, а без паспортов совсем гибель.

¹ Ольга Константиновна Соваж.

² Письмо написано 13 сентября 1935 года.

³ Родилась ок. 1901. Отец служил ротмистром в царской армии. С 1918 — после окончания гимназии служила в Военстрое при 7-й Армии, с 1921 — работала в театре, с 1923 — изучала историю искусств, с 1925 — работала в научно-исследовательских институтах по охране памятников, с 1931 — в архивах, с 1932 — в НИИ гидротехники.

Я уж писала, что если всей нашей семье не может быть никакого снисхождения и облегчения, то я, мать, готова нести всю тягость жизни одна и остаться здесь одна, если это так необходимо, но умоляю освободить отсюда моих дочерей, которые могли бы опять в Ленингр<аде> работать <...> Муж мой умер в 19-м году, отец умер 23 года тому назад, военный, у меня родных никого нет, материальных средств нет, все продано, все прожито. Умоляю, как престарелая мать, за своих дочерей и за нашу общую судьбу. Откликнитесь, умоляю облегчить нашу жизнь <...>»¹.

ПКК — СОВАЖ О.К.²

«В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что согласно полученной справке от 29/IX-35 г<ода> за № 38563 Главным Управлением Милиции дано распоряжение о выдаче Вам паспорта в г<ороде> Уфе, а также и В<ашим> дочерям»³.

СОВАЖ О.К. — ПЕШКОВОЙ Е.П.⁴

«<...> Прочитав это заявление, Вы усмотрите в нем всю важность, безотлагательность просьбы моей, так как болезнь моей дочери Елизаветы Евгеньевны Соваж приняла форму саркомы; промедление в лечении болезни недопустимо и, согласно приложенным свидетельствам врачей, требует отправки больной а Ленинград на лечение, так как средств лечения этой болезни здесь в Уфе очень слабы. Прошу телеграфным сообщением дать ответ о результате моего ходатайства <...>»⁵.

СОВАЖ О.К. — ПЕШКОВОЙ Е.П.⁶

«<...> Получив Вашу ответную телеграмму, спешу выразить Вам мою искреннюю благодарность и признательность за Ваше содействие и хлопоты о моей семье. Дочь мою я уже отправила, приношу Вам мое глубокое уважение»⁷ <...>»⁸.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1328. С. 31-32. Автограф.

² Отправлено 29 сентября 1935 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1328. С. 24. Машинопись.

⁴ Письмо от 26 января 1936 года.

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1328. С. 23. Автограф.

⁶ Письмо от 1 марта 1936 года.

⁷ В мае 1936 – была освобождена из ссылки и старшая дочь, Нина Евгеньевна.

⁸ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1498. С. 21. Автограф.

СУРАНОВА А.Ф.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.

«<...> 7-го марта 1935 г<ода> муж мой Борис Михайлович Суранов, проживающий в г<ороде> Ленинграде (Кирочная ул<ица>, д<ом> 27, к<вартира> 5) был арестован, неизвестно по какой причине, задержан на несколько часов и был освобожден, причем сказано ему было через 2 дня явиться на ул<ицу> Воинова, 27, куда он пришел 19-го. Сказали опять прийти через 2 дня и 21-го дали ему предписание — выехать из Ленинграда в 5-тидневный срок. Муж, не зная, куда ехать, взял г<ород> Курск. Площадь была отнята, т<ак> к<ак> на его имя лицевой счет был, а я и младший сын, студент торфяного техникума, окончивший, но не успевший сдать диплом (оставалось всего 2 недели), были также выселены, как проживающие на одной площади. Когда сын пошел честно заявить директору техн<икума> о выселении отца из Ленинграда, то он закричал на него и сказал: “А-а, ты чуждый элемент, и я тебя увольняю из техникума, не дам даже справки об окончании”. Вывесил на стенде, что исключается, как вредный элемент, подумайте только, это мальчик в 20 л<ет>, чисто советское дитя, окончил трудовую сов<етскую> школу и сов<етский> техникум. И какой же он может быть чуждый, вредный элемент? Когда же сын обратился за справкой об окончании, то он дал следующую: окончил 4 курса и уволен за социальное положение. Вся карьера разбита! Зачем же он его принял 4 года тому назад? Отец был до рев<олюционного> времени кадровый офицер низкого чина, лишь поручик до германской войны, а во время войны германской за сильное ранение получил еще чин штабс-капитана, по окончании войны и по ликвидации имущества на этапе муж поступил на службу в Красную Армию, где служил до конца 22-го года и был демобилизован. С конца 22 года работал до 29-го марта 1935 г<ода> на советской службе, все время занимая разные должности. Сколько было везде чисток в эти годы, но его никогда не трогали, почему же теперь вдруг так неожиданно выселили с родины? Лишили площади и за что? Человек был известен в своей благонадежности <...> Теперь живем в чужом городе, ни души знакомых, никому не устроиться на работу, везде требуют рекомендацию, кот<орую> взять негде, и приходится голодать, т<ак> к<ак> все, что взяли с собой, продали, а больше нечего продавать, так ослабли от голода, едва ноги передвигаются <...>»².

¹ Анна Федоровна Суранова. Письмо от 19 июля 1935 года.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1310. С. 46-50. Автограф.

ТАТИЩЕВЫ Г.Г. и В.Г. — ПЕШКОВОЙ Е.П.¹

«<...> Мы, брат и сестра, Татищевы Георгий Георгиевич и Вера Георгиевна были высланы вместе со своими родителями органами НКВД в марте мес<яце> 1935 г<ода> из Ленинграда. За несколько дней до отъезда из города мать наша, Вера Алексеевна, была арестована и через 3 дня ей было предложено выехать из города Ленинграда в город Атбасар с мужем Георгием Николаевичем и детьми. О причинах высылки никто ничего не говорил. Только в ноябре месяце 1935 г<ода> наша мать получила известие, что она выслана по причине своего графского происхождения и как дочь старшего помощника пристава. Остальные же члены семьи так и остаются в неведении о причинах своей высылки. Возможно, что мы высланы потому, что мы родились в графской семье.

Но мы в этом не можем быть виноватыми, тем более, что мы по своей молодости не можем знать старой жизни, а если и слышали про нее, то это уж ничего не значило для нас, так как при настоящей власти мы добились гораздо большего, чем наши родители в свое время. Кроме всего этого надо заявить, что воспитывались мы в окружении только своих родителей, которые ничем перед советской властью себя не опорочили, со времен гражданской войны, когда отец служил в Красной Армии, по наши дни. О родственниках наших родителей мы ничего написать не можем, так как их никогда не видели.

О себе самих мы хотим написать несколько слов. Татищев Георгий Георгиевич, 20 лет. В 1931 году окончил 7-летку и поступил на завод, где окончил ФЗУ и работал модельщиком. В ФЗУ поступил в комсомол и до самого последнего момента был на руководящих постах в организации: секретарем звенячеек и политруководом. <...> Одержимый порывом борьбы за овладение техникой среди нашей советской молодежи, поступил на рабфак, который успешно окончил в 1934 г<оду> и поступил в Ленинградский Индустриальный Институт, где продолжал успешную учебу <...>. Татищева Вера Георгиевна, 18 лет. В 1934 г<оду> окончила школу 7-летку и поступила на курсы копировщиц, а потом работала копировщицей в ленинградских обл<астных> конторах “Гипродрев” и “Гипроточмага”. <...> Мы не понимаем, как мог произойти такой факт, что мы высылаемся за то, о чем мы и не думаем, и не хотим думать, так как даже наши родители не могут нам ничем похвастать из своей жизни: ни богатством, ни высокими знаниями, которых им не удалось получить при царе <...>»².

¹ Письмо от 5 декабря 1935 года.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1486. С. 167–168. Автограф.

О ТИЗЕНГАУЗЕНЕ А.Е.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Зная, что Вы возглавляете защиту политических заключенных, я обращаюсь к Вам с просьбой за своего сына, сосланного в Ухтопечорский лагерь. Я прошу посодействовать переводу его в лучшие климатические условия <...> За несколько месяцев до ареста он болел ангиной и гриппом в тяжелой форме, последствия которого не прекращались еще и в концлагере. В тех местах, где он находится, сначала с вечно мокрыми ногами, потом при морозе в 45°, у него не прекращается течь из уха, головные боли и усиливается глухота. В Сонгородок он ходит за 16 км и пока не попадет в другой климат, ничто ему не поможет. Так как я прошу о смягчении его участи, то считаю нужным сообщить вкратце его биографию.

В момент революции ему было 14 лет, он кончил в Ленинграде Тенишевское училище при Советской власти; за непригодностью был освобожден от воинской повинности и все годы непрерывно работал до 27 февраля 1935 г<ода>. Семья наша всегда принадлежала к трудовой интеллигенции, т<ак> к<ак> муж мой был инженер [Наркомата] Путей Сообщения, выстроивший не одну железную дорогу и погибший в 1920 г<оду> на постройке Бухарской ж<елезной> д<ороги>, будучи начальником работ по ее восстановлению, — он был убит бандитами, как гласит удостоверение, полученное мною в 1924 году из НКПС³. За 18 лет Революции никто из нашей семьи никаким репрессиям не подвергался <...>.

Как работник, он [сын] чрезвычайно способный, продуктивный и может где угодно принести пользу как плановик-экономист, вообще, это “универсальный работник”. Сейчас у них в лагере как раз предполагается переброска рабочей силы в другие лагеря <...>»⁴.

В 1937 — Мария Константиновна Тизенгаузен⁵ была арестована в Оренбурге. 25 октября 1937 — приговорена к 10 (?) годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

¹ Андрей Евгеньевич Тизенгаузен, родился в 1903 в Петербурге. 27 февраля 1935 — арестован, приговорен к 5 (?) годам ИТЛ и отправлен в Ухтпечлаг.

² Письмо написано матерью Тизенгаузен Марией Константиновной.

³ Наркомат Путей Сообщения.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 1486. С.81. Машинопись, подпись — автограф.

⁵ Родилась в 1873 в Петербурге. После гибели мужа проживала с сыном в Ленинграде, служила в учреждениях. В марте 1935 — выслана в Оренбург.

О ТУПИКОВЕ А.С.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Один раз Вы помогли мне в моем горе, избавили мужа от ссылки в Сибирь, поэтому опять обращаюсь к Вам за помощью в надежде, что Вы не откажете мне в возможном содействии <...> Муж арестован в 1935 году 29 января, как говорят на тюремном языке, в “Кировский набор” по ордеру № 1778 в поселке Ново-Гиреево по Нижегородской линии ж<елезной> д<ороги>. Просидел два месяца в изоляторе и 10 апреля сослан в концлагерь, содержится сейчас в Калининском лагпункте Сиблага. Срок получил весьма солидный — 5 (пять) лет. Было бы за что, я бы не протестовала, но обидно, семнадцать лет подряд отвечать за то, что мы — дети своих родителей, обучались в так называемых, “привилегированных” уч<ебных> заведениях и т<ак> д<алее>. Мужа арестовывают уже третий раз. Первый сидел в 1919-20 г<одах>, во время наступления белых, второй сидел в 1927 г<оду>, в массовый арест после убийства ВОЙКОВА, (интересно, что его в Вышнем Волочке Тв<ерской> г<убернии> обвиняли в каком-то терроре, это в нашем городишке, где каждый знает про другого, сколько раз чихнет). Теперь его схватили в третий раз после убийства т<оварища> КИРОВА. Мне удивительно, что его никогда не обвиняют индивидуально, а все бедняга мой отдувается за злодеяния прохвостов, о которых мы и знать ничего не знаем. Я могу понять, что в 1919 году можно было сажать людей без разбора, было время хаоса и беспорядка, но сейчас, когда нас уже проверяли 100000000 раз, хватать людей только потому, что у них нос кривой, по-моему, это более чем глупо и неправильно в идеологическом смысле. Но нам не дано право рассуждать, а поэтому я хочу лишь просить и искать некоторой справедливости, а т<ак> к<ак>, говорят, ее на земле не бывает, товар дефицитный <...> Очевидно, мужа забрали по доносу. По всем данным наврал на него Х, дурак первостатейный, тип, к которому очень подходит кличка отребье, да к тому же и пресловутое. Как я слышала, по Москве он известен, как низкая личность. Мы его очень недавно знаем, какой-нибудь год-полтора познакомил нас сослуживец мужа, некий У, старик, который этому негодю Х. был отцом, но он и его погубил <...>»³.

¹ Тупиков Андрей Сергеевич. Письмо его жены — Е.Н. Тупиковой из Новосибирска, куда она выехала вместе с сыном, чтобы быть ближе к мужу.

² Письмо от 18 декабря 1935 года.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 1506. С.148. Машинопись.

УРУСОВА М.М. — ПРОКУРОРУ РСФСР¹

«Копия

<...> Урусовой Марины Михайловны,
проживающей в пос<елке> Семиозерном
Актюбинской обл<асти>

ЗАЯВЛЕНИЕ

При высылке из Ленинграда в марте 1935 г<ода> моих родителей, М.Ф. Урусова² и матери моей Е.А. Урусовой, я, как член семьи, была присоединена к ним и нахожусь сейчас в поселке Семиозерном.

Мне 19 лет. Высылка прервала мое образование и не дала возможность закончить 9-го кл<асса> средней школы, вынудив выехать за 2 месяца до окончания учеб<ного> года.

Находясь в течение 11 месяцев в поселке Семиозерном, я не могу найти работы, чему, главным образом, препятствует мое положение, как ссыльной и лишенной прав. Продолжать же образование я не могу за отсутствием соответствующих учебных заведений.

На основании всего вышеизложенного прошу дать мне право выезда в город, где я смогу продолжить учиться и впоследствии работать.

Я воспитана исключительно советской школой, с прошлым моих родителей никакой связи не имею и, по словам т<оварища> Сталина, не могу отвечать за грехи своих родителей, а потому и надеюсь, что просьба моя будет удовлетворена, и я, как и многие мои сверстники, находившиеся в пос<елке> Семиозерном со своими родителями, и получившие минус два, смогу продолжать свое образование.

17/II - 1936 г<ода>.

М.Урусова»³.

¹ Заявление от 17 февраля 1936 года.

² Урусов Михаил Федорович. В 1935 – выслан из Ленинграда в пос. Семиозерный Актюбинской области как бывший дворянин.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1482. С. 263. Автограф.

ФЕДОТОВ Г.М.¹ — в НКВД²

«<...> Я родился в 1906 г<оду> в г<ороде> Хабаровске. Отец был офицер — военный инженер — в чине полковника. В 1919 г<оду>, будучи в отставке, он был мобилизован Колчаком, и с тех пор никаких сведений о нем я не имел.

Мать умерла в 1920 г<оду>.

С 1920 по 1927 г<од> я жил в г<ороде> Хабаровске, где окончил на стипендию Электромеханическую профшколу и работал электромонтером.

В 1927 г<оду> я приехал в Ленинград. Здесь работал электромонтером до 1930 г<ода>, когда поступил техником на з<аво>д “Электросила”. На з<аво>де “Электросила” я работал до 1934 г<ода>, одновременно занимаясь в Лен<инградском> Индустриальном И<нститу>те без отрыва от производства, на электромеханическом ф<акульте>те по специальности производство и монтаж электромашин, поступил туда по командировке Инж<енерно>-Тех<нической> Секции. В 1934 г<оду> я был снят с производства для окончания последнего курса и дипломного проектирования.

22 марта 1935 г<ода> я был выслан из Ленинграда в г<ород> Оренбург, за сокрытие соц<иального> происхождения при поступлении в Институт.

Считая себя виновным в том, что я обманным путем получил высшее образование, я прошу принять смягчающем вину обстоятельством мое стремление к бескорыстной учебе и росту. Живя самостоятельно с 13-тилетнего возраста и будучи воспитан советской школой, я считаю себя целиком советским гражданином и потому прошу Вашего ходатайства о смягчении условий ссылки, т<о> е<сть> о разрешении проживать и работать в городах, имеющих электромеханические заводы, как-то: Ярославле, Тамбове, ст<аниця> Баранча (не считая Ленинград, Москву, Харьков), т<ак> к<ак> только работой по специальности я могу принести реальную пользу и оправдать народные средства, затраченные на мое образование»³.

¹ Георгий Митрофанович Федотов.

² Написано 24 сентября 1935 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1339. С. 96-97. Автограф.

ШИРИНСКАЯ-ШИХМАТОВА М.А.¹— ВИНАВЕРУ М.Л.²

«<...> По окончании срока нашей ссылки здешнее НКВД отказывает дать нам справку с указаниями, необходимыми для получения паспорта (год и место рождения и соц<иальное> происх<ождение>). Я дала только справки о том, что мы отбыли срок и освобождены. Милиция требует удостоверения наших личностей, а наши метрики были изъяты еще в 1919 г<оду> при обысках ВЧК. Мы оказались в отчаянном положении, не имея возможности удовлетворить милицию и получить хоть какой-ниб<удь> вид на жительство. А НКВД представители, к которым я обращалась, говорят, что они “не обязаны давать нам такие справки”, а в частном разговоре, хотя не в шутку, а серьезно советует нам: “Вы лучше отсюда уезжайте!” Ехать некуда, средств нет, в другом городе нас тем более не пропишут, и, наконец, чем мы заслужили после ссылки официальной — предложение опять куда-то уезжать? Все это время мы прожили без всяких недоразумений и замечаний. Освобождая нас, они отозвались о нас, как о “фанатиках”. Но могу сказать по совести, что за эти 3 года мы такого отзыва не заслужили; жили очень тихо, занимались вышивкой, и ни одного конфликта у нас ни с кем не было. В церковь, конечно, ходили, как и раньше. Но думаем, что это вовсе не достаточное преступление.

Просим Вас, не откажите исхлопотать нам у Моск<овского> НКВД какие-либо удостоверения наших личности и прислать их нам для представления в милицию. Освободившись 23 апреля, мы до сих пор не можем почувствовать себя освобожденными, потому что не имеем на руках никакого вида на жительство <...> Кстати: у сестры выкрали из кармана на улице это, хотя и негодное удостоверение НКВД об освобождении. НКВД отказывается выдать дубликат. Это уже совсем дело плохое, и как тут быть? <...>»³.

¹ Ширинская-Шихматова Мария Андреевна, родилась в 1899 в Москве. Ширинская-Шихматова Екатерина Андреевна, родилась в 1904 в Москве. Дочери князя Ширинского-Шихматова Андрея Александровича. 31 января 1930 – сестры были арестованы и высланы в Алма-Ату. 23 апреля 1932 – арестованы и приговорены к 3 годам ссылки. Осенью их должны были отправить в Голодную Степь, но по ходатайству ПКК оставлены в Алма-Ате (Екатерина с детства страдала пороком сердца, у Марии были туберкулез легких).

² Заявление от 6 июня 1935 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1338. С. 315. Автограф.

ШТРОМ М.А.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Посылаю на Ваше усмотрение заявление, имею смелость обратиться к Вам с большой просьбой — передать его по назначению и, если вы найдете возможным, по ходатайствовать за меня.

Здесь я нахожусь в крайне тяжелом положении, без работы, как и многие, и когда доведенные до отчаяния, мы послали телеграмму на имя т<оварища> Молотова, прося официального разрешения на работу, то в результате специалистам было предложено ехать на строительство, а мы, канцелярские работники, остались в прежнем положении <...>»³.

ШТРОМ М.А. — ЗАЯВЛЕНИЕ

«<...> 12 марта 1935 года постановлением Ленинградского отделения НКВД я выслана в гор<од> Астрахань сроком на 5 лет. Здесь мне было предъявлено обвинение в том, что я дочь бывш<его> дворянина, бывш<его> подполковника.

Мой отец А.Н. Дурново⁴ был дворянином и офицером в чине подполковника. После революции он был в Красной Армии, заболел тифом, был демобилизован и до 1924 года работал в советских учреждениях, оставил службу в 1924 году по болезни и до смерти получал пенсию как инвалид гражданской войны. Умер в 1930 году. Моя мать также работала на советской службе, заведующей детским домом, заразившись там сыпным тифом, умерла в 1922 году.

Я родилась в 1902 году, в 1919 году окончила среднюю школу, с 1919 по 1927 год работала в советских учреждениях. С 1927 года была на иждивении мужа до 1933 года. С 1933 года я, разойдясь с мужем, работала в Ленгорсе счетоводом и после ликвидации, в апреле 1934 года, перешла на Ленинградский Карбюраторно-Арматурный завод, где и работала до момента высылки. На заводе я была статистиком в энергосети, принимала активное участие в общественной работе <...>»⁵.

¹ Штром Мария Александровна.

² Письмо от 2 марта 1936 года.

³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1471. С. 174. Машинопись, подпись — автограф.

⁴ Дурново Александр Нилович (?).

⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1471. С. 175. Машинопись, подпись — автограф.

ЮРГЕНС О.В.¹ — ПЕШКОВОЙ Е.П.²

«<...> Муж мой, Александр Александрович Юргенс, врач по профессии, в данное время врач-консультант I поликлиники г<орода> Воронежа, 40 лет, окончил в 1919 г<оду> Военно-Мед<ицинскую> Академию, т<о> е<сть> имеет 17 лет стажа исключительно при Советской власти. При этом работник он безупречный, что могут подтвердить с мест его работы (<...>).

В 1922 г<оду> он был приглашен, как владеющий немецк<им> языком, врачом в б<ольни>цу Германского Кр<асного> Креста в Л<енингра>де.

16/I-31 г<ода> он предпоследним, после ареста многих работников уже закрывшейся б<ольни>цы Гер<манского> Кр<асного> Кр<ест>, был также арестован органами ГПУ и по ст<атье> 58-б, так ужасно пятнающей человека, осужден на 3 года концлагеря. Сам срок в 3 года говорит за то, что у мужа не было найдено, да и не могло быть найдено, т<ак> к<ак> не было никакого обвиняющего его материала, а только действительно обстановка, его окружавшая, была такова, что муж мог быть использован в качестве несознательного шпиона, что и было ему предъявлено в качестве обвинения следствен<ными> органами.

Я, дочь мелкого почтово-телегр<афного> чиновника, Евдокимова Владимира Павловича, умершего в 1910 г<оду>. В 1905 г<оду> отец мой за участие в забастовке служащих г<орода> Минска был посажен на 10 мес<яцев> в тюрьму (проток<ол> обвинения взят органами ГПУ при обыске в марте 1935 г<ода>).

Мне 39 лет. Образование среднее. Училась затем на б<ывших> Бестужевск<их> курсах, кот<орые> не кончила. Одновременно служила, помогая матери. В 1921 г<оду> вышла замуж за моего мужа А.А. Юргенс.

После ареста мужа в 1931 г<оду>, оставшись без всяких средств и имея на руках двоих детей (тогда 6-и и 2-х лет) и старуху мать (тогда 63 л<ет>), пережила много бесконечно горького и тяжелого, работала, не имея специальности с 9 утра до 2-х ночи (зав<едующей> расчетн<ым> столом в Ин<ститу>те Питания и вечером секретарем учебной ч<ас-ти> Промышл<енного> Экономич<еского> Комбината).

В 1933 г<оду> муж был досрочно выпущен с правом проживания по всему СССР. Вернулся в Л<енингра>д, где все мы родились и без-

¹ Евдокимова-Юргенс Ольга Владимировна.

² Письмо от 23 августа 1936 года.

выездно жили. Кое-как опять наладили жизнь. На работу муж был принят немедленно, но с военного учета сняли, что было крайне болезненно им перенесено.

В 1935 г<оду> в марте мес<яце> муж был вторично арестован, и все мы высланы из Л<енингра>да, получив -15. Уполномоченный, оформлявший высылку, объяснил причину коротко: “бывший человек”. Очевидно дело вот в чем. У отца моего мужа была в Л<енингра>де аптека, в 1918 г<оду> национализированная, и отец мужа тогда же, с разрешения Сов<етской> власти, уехал в Эстонию. Муж мой остался в Л<енингра>де. Кончал Военно-Мед<ицинскую> Академию. Вначале они переписывались, с 1927 г<ода> переписка прекращена совершенно.

Имея право выбора при высылке, мы, не имея нигде в СССР ни родных, ни знакомых, выбрали г<ород> Воронеж. И здесь начались наши бесконечные мытарства. Работу муж, правда, получил сразу.

Мать еще до смерти отца (умер в 1910 г<оду>) поступила на службу и, проработав до старости, вышла на пенсию в 30 руб<лей>. Здесь в Воронеже, в связи с высылкой, пенсия была отнята, что произвело на мать очень дурное впечатление.

Здесь же, в Воронеже, в течение 1½ лет (высланы из Л<енингра>-да 29/III-35 г<ода>) переезжаем с квартиры на квартиру. Постоянной крыши над головой нет, никуда нас большой семьей, в особенности из-за детей, не пускают. Горздрав помощи, в смысле предоставления хоть какой-либо жилплощади, не оказывает (в Л<енингра>де же мы имели 2 комнаты в Жакте, всего 42 метра). Вечные поиски квартиры, спекулятивные на них цены, жизнь в антисанитарных условиях, переезды, полная зависимость от хозяев, их площадная брань, их оскорбления нас, как высланных, все это отнимает много здоровья, не дает спокойно работать и резко отзывается на детях.

Дочка, 11 лет, в настоящее время ученица 9-й школы г<орода> Воронежа, отличница, пионерка, вынуждена также переменить 4-ю школу. Такая утомительная, нервная, бивуачная жизнь семьи, где двое детей (7 и 11 лет) и старый человек (69 лет), крайне тяжела. К тому же дочь уже настолько сознательна, что факт высылки ее тяготит, подрывает авторитет отца, ко<торого> она сильно любит, честнейшего человека, на чем я настаиваю.

И что можем сделать мы, чтобы снять с нас это пятно? Отца ведь муж переменить не может, а во второй раз за прошлую судимость наказывать, казалось бы, не должно. Неужели и впредь нас все будут выталкивать из нормальной жизни, отнимая веру в себя и в людскую справедливость.

А главное — дети, не могут же они, третье поколение, страдать за прошлое, видя нас угнетенными, не им<еющими> постоянного угла и т<ак> д<алее>.

Помогите же нам выбраться на дорогу, где бы на нас не косились, не доверяя нам, где бы нас не клеймили “ленинградской сволочью”.

Простите, что язык мой, возможно, несдержан, но стало непосильным смотреть и на детей, и на мужа, и на мать. И даю Вам честное слово, что за нами нет вины никакой.

Еще раз прошу — ответьте, т<ак> к<ак> с ходатайством обращаюсь в первый раз (муж также никуда ни разу не писал) <...>»¹.

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1488. С. 139–142. Автограф.